

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СОВРЕМЕННОЙ
СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ**

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тверской государственный университет»
Юридический факультет
Кафедра гражданского права

**СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СОВРЕМЕННОЙ
СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ**

СБОРНИК СТАТЕЙ
ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, ПОСВЯЩЁННОЙ
25-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

29 октября 2020 г.

ТВЕРЬ 2020

УДК 347.61/.64
ББК Х404.5-324я43
С69

Под общей редакцией
д-ра юрид. наук, проф., декана юридического факультета,
зав. кафедрой гражданского права
ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет»
О.Ю. Ильиной

С69 Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации. 29 октября 2020 г. / под общ. ред. О.Ю. Ильиной. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – 300 с.

ISBN 978-5-7609-1602-0

Настоящий сборник содержит статьи участников международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации «Социально-правовые аспекты трансформации института современной семьи в контексте реализации государственной семейной политики», организованной кафедрой гражданского права Тверского государственного университета.

Конференция проходила в рамках празднования 150-летия школы П.П. Максимовича в онлайн-формате на платформе Zoom 29 октября 2020 г.

Сборник может представлять интерес для практикующих юристов, преподавателей и обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция», а также представителей иных общественных наук.

Статьи представлены в авторской редакции.

УДК 347.61/.64
ББК Х404.5-324я43

ISBN 978-5-7609-1602-0

© Коллектив авторов, 2020

© Тверской государственный университет, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Алешукина С.А.</i> МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ.....	7
<i>Аюпова З.К., Кусаинов Д.У.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ИНСТИТУТА СЕМЬИ.....	16
<i>Барткова О.Г.</i> О ЗАКРЕПЛЕНИИ В ЧАСТИ ПЕРВОЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ О СУБЪЕКТАХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АСПЕКТЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ.....	26
<i>Беспалов Ю.Ф.</i> ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ.....	33
<i>Богдан В.В.</i> СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ.....	40
<i>Величкова О.И.</i> РАЗДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ПО СПОРАМ О МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА: ВОЗМОЖНО ИЛИ НЕОБХОДИМО (ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ)?.....	47
<i>Громоздина М.В.</i> ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ В ТВЕРДОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ: ПРЕФЕРЕНЦИИ ДОЛЖНИКУ ИЛИ ВЗЫСКАТЕЛЮ?.....	53
<i>Джандарбек Б.А.</i> О ПРОБЛЕМАХ РАЗРЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ.....	59
<i>Дронова Ю.А.</i> ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ В КОНТЕКСТЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	63
<i>Замрий О.Н.</i> СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ РЕБЕНКА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИМ ПРАВОМ: ФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ФАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ.....	70

<i>Захаров Г.Н.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ.....	76
<i>Елисеева А.А.</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ.....	80
<i>Ильина О.Ю.</i> КВАЗИСЕМЬЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ.....	86
<i>Касаткина А.Ю.</i> ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РОДИТЕЛЕЙ, РОДИВШЕГОСЯ РЕБЕНКА И СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ.....	92
<i>Козырева Е.В., Новикова Н.В.</i> О РАСШИРЕНИИ ГРАНИЦ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН.....	97
<i>Короткевич М.П.</i> СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА.....	102
<i>Косова О.Ю.</i> СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ.....	111
<i>Крусс И.А.</i> НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОГО БАНКРОТСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ.....	119
<i>Лагунова Е.А.</i> КОНКУРСНОЕ ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК, СОВЕРШАЕМЫХ СУПРУГОМ ДОЛЖНИКА.....	123
<i>Левушкин А.Н.</i> ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУПРУГОВ ПРИ УЧАСТИИ В БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	130
<i>Максимович Л.Б.</i> ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ.....	138

<i>Матвеев П.А., Мальшева О.С.</i> ГАРМОНИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ ДРУГ К ДРУГУ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.....	144
<i>Мизулина Е.Б.</i> О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВАХ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, НАПРАВЛЕННЫХ НА УКРЕПЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ.....	151
<i>Низамиева О.Н.</i> ЗАКОННЫЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА.....	177
<i>Нинуа Е.К.</i> ОСОБЕННОСТИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ.....	183
<i>Ординарцев И.И.</i> ОГРАНИЧЕНИЕ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ.....	189
<i>Русаковская О.А.</i> РОДИТЕЛИ, СТРАДАЮЩИЕ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ: ОГРАНИЧЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ ИЛИ АДЕКВАТНЫЕ МЕРЫ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ.....	195
<i>Русенчик Т.М.</i> ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	201
<i>Саенко Л.В.</i> О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ КОНВЕНЦИИ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ.....	210
<i>Секераж Т.Н.</i> НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ, ПРИВОДЯЩИЕ К ОШИБКАМ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ.....	219
<i>Серебрякова А.А.</i> ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЯ АЛИМЕНТИРОВАНИЯ.....	226

<i>Скаковская Л.Н.</i> ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РОМАНИСТИКЕ.....	233
<i>Смирнов С.Н.</i> БРАК, СЕМЬЯ И МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОДДАННЫМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ).....	237
<i>Сочнева О.И.</i> РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА РЕБЕНКА НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ ЕГО РАЗВИТИЯ..	244
<i>Тагаева С.Н.</i> СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК НРАВСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ БРАЧНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	251
<i>Тарусина Н.Н.</i> О РАЗВИТИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ НАЧАЛ В СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ.....	257
<i>Телегин Р.Е.</i> ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ.....	268
<i>Толстова И.А.</i> ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДОГОВОРА О ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ.....	274
<i>Трофимец И.А.</i> ВАРИАТИВНОСТЬ МОДЕЛЕЙ БРАКА И СЕМЬИ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ.....	279
<i>Ульянова М.В.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИ ПРАВ РЕБЕНКА.....	287
<i>Якушев П.А.</i> НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ.....	292

МЕЖДУНАРОДНОЕ УСЫНОВЛЕНИЕ: СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

С.А. Алешукина

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье исследуются вопросы усыновления российских детей иностранными гражданами и лицами без гражданства, дается критическая оценка изменениям законодательства, направленным на ограничение иностранного усыновления, приводятся статистические данные судебной практики по вопросам международного усыновления.

Ключевые слова: международное усыновление, международное сотрудничество, иностранные граждане, усыновитель, публичные и частные интересы.

Термин «международное усыновление» носит условный характер и охватывает случаи усыновления детей, являющихся гражданами одного государства, лицами другого государства. В современном мире нет единой политики и единого подхода к вопросу международного усыновления, что обусловлено оценкой данного явления не только с точки зрения права, но и как социально-демографического явления, а также морально-этической и философской категории. Существующие стандарты прав человека в целом и ребенка в частности допускают международное усыновление в случае невозможности устройства ребенка в семью в стране происхождения. Признавая значимость данной проблематики с учетом ее общечеловеческого значения, широкой распространённости «вынужденной миграции детей», разности подходов в правовом регулировании данных вопросов на уровне отдельных государств, международное сообщество разработало и утвердило достаточно обширный перечень документов, прямо или косвенно затрагивающих вопросы международного усыновления. В числе базовых документов по вопросам защиты прав ребенка лидирующее положение занимает Конвенция о правах ребенка 1989 г. [1], ст. 21 которой посвящена вопросам усыновления. В числе специализированных конвенций стоит отметить Гаагскую конвенцию о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г. [2], Европейскую конвенцию об усыновлении детей 2008 г. [3], Декларацию о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях 1986 г. [4]. И хотя Россия не ратифицировала ряд международных договоров, в целях упорядочения процедуры международного усыновления проводится работа по разработке и заключению двусторонних соглашений с государствами, граждане которых чаще всего усыновляют (удочеряют) российских детей. В частности, договоры о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей заключены с Италией (2008 г.) [5], Францией (2011 г.) [6], Испанией (2015 г.) [7]. Перечень государств, с которыми заключаются двусторонние соглашения, напрямую зависит от сложившейся практики

усыновления. В частности, уже на протяжении нескольких лет выявилась тенденция о лидирующих позициях вышеназванных стран по усыновлению российских детей:

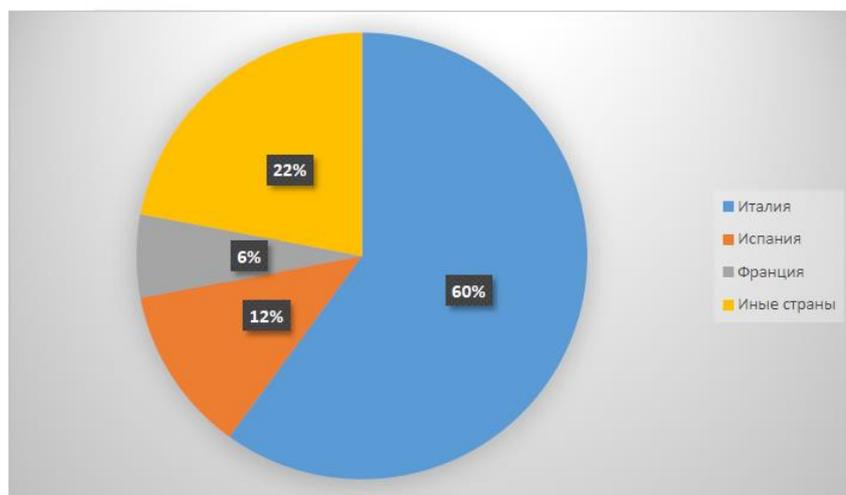

Рис. 1. Страновая принадлежность усыновителей в отношении российских детей за 2018 г.

Большинство стран мира открыты для международного усыновления, вместе с тем есть страны, которые либо вообще запрещают усыновлять «своих детей» иностранным гражданам (Вьетнам, Гана, Гватемала, Камбоджа, Руанда и др.), либо вводят запреты для граждан отдельных государств (Китай, Корея). Семейное законодательство России исторически допускает возможность усыновления российских детей иностранными гражданами, что подтверждается нормами и ранее действовавшего КоБС РСФСР [8] и ныне действующего СК РФ [9]. Вместе с тем последнее десятилетие характеризуется политикой, направленной на сокращение случаев международного усыновления, планомерное проведение которой обеспечивается как на законодательном уровне регулирования, так и практикой применения. На существенное сокращение случаев иностранного усыновления повлиял Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» [10], запретивший передачу детей, являющихся гражданами Российской Федерации, на усыновление (удочерение) гражданам Соединенных Штатов Америки, и Федеральный закон от 02.07.2013 № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [11], запретивший усыновлять российских детей лицам, состоящим в союзе, заключенном между лицами одного пола, признанном браком и зарегистрированном в соответствии с законодательством государства, в котором такой брак разрешен, а также лицам, являющимся гражданами указанного государства и не состоящих в браке.

Самым острым вопросом в контексте международного усыновления является не столько процедурные особенности усыновления, установленные на национальном уровне, нежели обозначаемый государством в своем законодательстве баланс публичных и частных интересов при передаче детей на воспитание в семьи иностранного происхождения. Сколь бы ни была сложна процедура усыновления, лицо, вознамерившееся принять ребенка в семью, безусловно, соблюдает все необходимые формальности как страны будущего пребывания ребенка, так и страны его гражданства. Однако если государство смотрит на международное усыновление не просто как на альтернативный метод устройства детей, оставшихся без попечения родителей, как субсидиарный метод по сравнению с иными формами устройства детей, но и как нежелательный вариант развития событий, то такая ситуация чревата несоблюдением частных интересов конкретного ребенка. В этом смысле «непреодолимой преградой» звучат слова А.А. Шулакова о том, что «усыновленный иностранными гражданами ребенок так же, как и любой человек, выехавший на постоянное место жительства в другое государство, как правило, теряет свою полезность и для общества, и для государства происхождения» [16, с. 61]. Однако усыновление детей, в том числе и международное усыновление, должно происходить исключительно в интересах детей, и в качестве ограничения или запрета усыновления не может и не должна выступать мотивация утраты полезности ребенка для общества и государства происхождения.

В своей статье, посвященной интересам публичного порядка РФ в вопросах международного усыновления, автор указывает, что «обнародованная Президентом России программа «сбережения и умножения людей» в России ведет к значительному сокращению числа усыновлений российских детей иностранцами» и более того, утверждает, что «эта тенденция является позитивной и для российских детей, и для российского общества, и для Российского государства» [16, с. 62]. Позитивность данной тенденции для российских детей как минимум не бесспорна. Далее автор, указывает, что «интерес, связанный с желанием выезда в страну с более высоким уровнем жизни, признается всеми демократическими государствами. Вместе с тем международное усыновление несовершеннолетних, особенно малолетних детей, вывоз их из страны происхождения не для воссоединения с семьей кровных родственников признается в России безнравственным не только на уровне российского общества, но и на уровне руководства страны» [16, с. 62]. В подтверждение заявленных доводов автором приводятся как данные опроса ВЦИОМ [17] в части общественного мнения по вопросу международного усыновления, так и заявления президента страны [18]. Следует признать, что общественное мнение подвержено направленному влиянию и формируется во многом посредством «недобросовестных» СМИ, которые «намерено громко» освещают случаи ненадлежащего обращения с детьми за рубежом и замалчивают аналогичное поведение в российских семьях. С

1993 г. по 2005 г. иностранными гражданами усыновлено около 100 000 российских детей, оставшихся без попечения родителей. При этом, согласно данным Уполномоченного по правам ребенка в Москве Галины Семьи: «С 1991 года из общего количества детей, усыновленных иностранными гражданами, погибли пятеро детей, и ещё 16 стали жертвами несчастных случаев», в России за этот же период погибли 1220 детей, из них 12 человек были убиты своими усыновителями» [19].

Безусловно, тенденция последнего десятилетия свидетельствует не просто о сокращении случаев международного усыновления, но и о пересмотре государственного ориентирования в данном вопросе, что косвенно подтверждается и материалами судебной практики. В частности, если в 2011 г. областными и равными им судами было рассмотрено 3076 дел об усыновлении детей иностранными гражданами [14], то в 2019 г. в данной категории дел было рассмотрено всего 203 заявления с вынесением решения [12]:

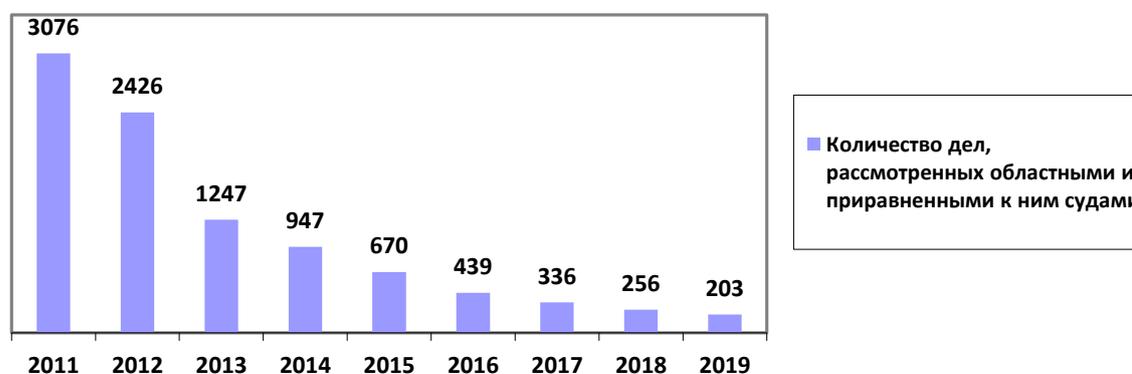

Рис. 2. Статистика дел об иностранном усыновлении за 2011–2019 гг.

Обращаясь к вопросам правового регулирования международного усыновления, стоит отметить наличие разных подходов к избранию правопорядка, подлежащего применению. Большинство стран континентальной Европы применяют право страны усыновителя, что обусловлено объективной необходимостью соблюдения законов той страны, где ребенок будет проживать в дальнейшем. В англо-американских странах применяется закон страны суда. В некоторых государствах в качестве основной коллизионной привязки обозначен личный закон (закон гражданства или место жительства) усыновляемого. В РФ усыновление (удочерение) иностранными гражданами или лицами без гражданства ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, производится в соответствии с законодательством государства, гражданином которого является усыновитель (при усыновлении (удочерении) ребенка лицом без гражданства – в соответствии с законодательством государства, в котором это лицо имеет постоянное место жительства) на момент подачи заявления об усыновлении (удочерении) или об

отмене усыновления. Вместе с тем, в качестве сверхимперативных норм, обход или неприменение которых невозможны, законодатель указал требования ст. 124 – 126, ст. 127 (за исключением подп. 7 п. 1), ст. 128 и 129, ст. 130 (за исключением абзаца пятого), ст. 131 – 133, касающиеся института усыновления. Таким образом, допуская применение к данным отношениям иностранного права, законодатель не освобождает иностранных граждан и лиц без гражданства от необходимости соблюдения национального законодательства. В частности, материальные нормы касаются следующих аспектов [15, с. 882 – 883]:

1) усыновление допускается в отношении несовершеннолетних детей и только в их интересах; 2) усыновление братьев и сестер разными лицами допускается только в случаях, когда усыновление отвечает интересам детей; 3) усыновление детей иностранцами допускается только в случаях, если не представляется возможным передать этих детей на воспитание в семьи граждан РФ, постоянно проживающих на территории РФ, либо на усыновление родственникам детей независимо от гражданства и места жительства этих родственников; 4) усыновитель должен соответствовать требованиям, указанным в ст. 127–128 СК РФ; 5) должно быть получено согласие родителей, опекунов или попечителей усыновляемого и самого усыновляемого, достигшего 10-летнего возраста, а также согласие супруга усыновителя.

Процессуальный порядок иностранного усыновления также регламентируется российским законодательством и предусматривает три этапа:

- досудебный этап, в рамках которого иностранные усыновители изъявляют свое желание усыновить ребенка, проходят все необходимые процедуры, освидетельствования, курсы подготовки, собирают все необходимые документы, подтверждающие их потенциальную возможность выступать усыновителями, обеспечивают соблюдение своего национального законодательства, а также напрямую общаются с органами опеки и попечительства и ребенком, в отношении которого начата процедура усыновления (удочерения);

- судебный этап, в рамках которого суд субъекта РФ при участии усыновителей, прокурора, представителей органов опеки и попечительства принимает решение, которым удовлетворяет просьбу усыновителей (усыновителя) об усыновлении ребенка или отказывает в ее удовлетворении;

- постсудебный этап, в рамках которого дети, являющиеся гражданами Российской Федерации и усыновленные иностранными гражданами или лицами без гражданства, ставятся на учет консульскими учреждениями РФ на территории государства проживания усыновителей.

Следует отметить, что иностранные усыновители допускаются до процедуры усыновления только по истечении 12-месячного срока со дня включения сведений о детях, подлежащих усыновлению, в федеральный банк данных детей, оставшихся без попечения родителей. Безусловно, такая мера

нацелена на приоритетное устройство детей в семьи в стране происхождения. Однако наличие такого барьера может напрямую сказаться не только на психическом состоянии ребенка, но и на потенциальной возможности быть устроенным в семью, поскольку по мере взросления ребенка вероятность его усыновления с каждым годом уменьшается. Представляется, что о невозможности устройства ребенка в российскую семью может свидетельствовать не только длительный срок нахождения сведений о ребенке в федеральном банке данных, но и неоднократность представления сведений о ребенке потенциальным усыновителям. Так, в обзоре практики рассмотрения в 2019 г. областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации, утверждённой Президиумом Верховного Суда РФ 08 июля 2020 г. [12], освещаются дела, рассмотренные:

- Красноярским краевым судом об усыновлении двух несовершеннолетних (брата и сестры) гражданами Италии, установившим, что дети неоднократно предлагались для передачи на воспитание в семьи российских граждан, в частности девочка предлагалась для усыновления 61 семье граждан Российской Федерации, мальчик – 15 семьям граждан Российской Федерации;

- Алтайским краевым судом, установившим, что ребенок предлагался на усыновление 40 семьям граждан Российской Федерации,

- Саратовским областным судом, установившим, что со сведениями о ребенке с целью его усыновления знакомились 47 российских семей.

Аналогичные статистические данные соблюдения нормы о передаче детей на международное усыновление приводились и в иные годы: «по ряду дел дети предлагались для передачи на воспитание в семью значительному числу граждан Российской Федерации. Так, по одному из дел, рассмотренных Алтайским краевым судом, ребенок предлагался на усыновление 156 семьям – граждан Российской Федерации, а по другому делу – 34 семьям. При рассмотрении Саратовским областным судом двух дел о международном усыновлении было установлено, что в одном случае со сведениями о ребенке в целях его усыновления знакомились 54 семьи российских граждан, а в другом случае – 74» [13].

Вследствие чего встает вопрос относительно того, сколько же раз российские семьи должны отказаться от ребенка, чтобы его передали на международное усыновление, и суд признал факт невозможности устройства ребенка в семью в стране происхождения? Более гуманным видится альтернативное закрепление в законодательстве РФ нормы, допускающей иностранное усыновление не только по истечении конкретного срока наличия сведений о ребенке в соответствующей базе данных, но и при неоднократности представления сведений о ребенке потенциальным российским усыновителям и их отказе от ребенка.

Не выдерживает критики и закрепление в национальном законе нормы о запрете усыновления не состоящими в браке иностранными гражданами тех стран, где допускаются однополые браки, поскольку это не соответствует общим нормам о недискриминации и свидетельствует об объективном вменении определенного асоциального поведения иностранным гражданам.

К сожалению, в современном мире международное усыновление превратилось в политический инструмент, когда обострение отношений между странами напрямую сказывается на возможности устройства детей в иностранные семьи. Очень часто «амбиции» государства и его высших должностных лиц идут в разрез с частными интересами граждан в целом и наиболее незащищенных категорий детей, оставшихся без попечения родителей в частности. Безусловно, негативной является ситуация, когда государство, позиционирующее себя как правовое, социальное и гуманное, не в состоянии справиться самостоятельно с устройством детей, оставшихся без попечения родителей, однако еще хуже, когда государство, не признавая свою несостоятельность, заявляет о ничем не обоснованной возможности самостоятельного разрешения данной проблемы. Как следствие, необходимо развивать сотрудничество с иностранными государствами по вопросам международного усыновления, не запрещать данный институт как правовое и социальное явление, а сконцентрировать внимание законодателя на усилении механизма контроля жизни и благополучия детей в семьях иностранных усыновителей, повысить эффективность деятельности органов опеки и попечительства на стадии отбора потенциальных усыновителей, а также исключить травмирующие психическое состояние ребенка бюрократические процедуры при международном усыновлении.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка 1989 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).
2. Гагская конвенцию о защите детей и сотрудничестве в отношении иностранного усыновления 1993 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).
3. Европейская конвенция об усыновлении детей 2008 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).
4. Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях 1986 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).
5. Договор между Российской Федерацией и Итальянской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей 2008 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).
6. Договор между Российской Федерацией и Французской Республикой о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей 2011 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

7. Договор между Российской Федерацией и Королевством Испания о сотрудничестве в области усыновления (удочерения) детей 2015 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

8. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

9. Кодекс о браке и семье РСФСР (ред. от 07.03.1995) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

10. Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

11. Федеральный закон от 02.07.2013 № 167-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

12. Обзор практики рассмотрения в 2019 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 08.07.2020 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

13. Обзор практики рассмотрения в 2016 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 01.06.2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

14. Обзор Верховного суда Российской Федерации практики рассмотрения в 2011 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 23.05.2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2020).

15. Канашевский В.А. Международное частное право: учебник / В.А. Канашевский. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2019. – 1064 с.

16. Шулаков А.А. Интересы публичного порядка Российской Федерации и международное усыновление (удочерение) // Lex russica. 2019. № 11. С. 56 – 69.

17. ВЦИОМ: Россияне поддержали «Закон Димы Яковлева» // URL: <https://www.rbc.ru/society/18/01/2013/5704024c9a7947fcbd444ad5> (дата обращения: 20.10.2020).

18. Заявление Владимира Путина 27 декабря 2012 г. // URL: <https://ria.ru/society/20121227/916465154.html> (дата обращения: 20.10.2020).

19. Эксперты: За 15 лет в России погибли 1220 приемных детей, из них 12 человек были убиты своими усыновителями // URL: https://www.newsru.com/crime/29may2006/deti_2.html (дата обращения: 20.10.2020).

Об авторе:

Алешукина Светлана Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru, ORCID: 0000-0002-8518-7294, SPIN-код: 1998-4330.

INTERNATIONAL ADOPTION: SOCIAL AND LEGAL ASPECT

S.A. Aleshukina

Tver State University

The article examines the issues of adoption of Russian children by foreign citizens and stateless persons, provides a critical assessment of changes in legislation aimed at limiting foreign adoption, provides statistical data from judicial practice on international adoption.

Keywords: international adoption, international cooperation, foreign citizens, adoptive parent, public and private interests.

About authors:

ALESHUKINA Svetlana – PhD, assistant professor of the department of judiciary and law enforcement of the Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

З.К. Аюпова¹, Д.У. Кусаинов²

¹ Казахский национальный аграрный университет, Алматы

² Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы

Авторы отмечают основные направления совершенствования законодательства Республики Казахстан в целях обеспечения исполнения норм международного права. Особое внимание уделено государственным гарантиям реализации права ребенка на семейное воспитание, создание условий, безопасных для его жизни и здоровья.

Ключевые слова: Всеобщая декларация прав человека; Конституция Республики Казахстан; права ребенка в семье.

В Концепции семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 г. отмечается: «Формирование условий становления современной устойчивой семьи и достижения гендерного равенства является неразрывным процессом социальной модернизации общества» [1].

Государственная семейная политика является составной частью социальной политики Казахстана и представляет собой систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного и кадрового обеспечения, направленную на улучшение условий и повышение качества жизни семьи.

Мировая практика показывает, что гендерные вопросы являются приоритетными направлениями государственной политики во многих странах. Международное сообщество регулярно отслеживает рейтинги в области гендерного равенства.

Впервые вопрос о гендерном равенстве в Казахстане был поставлен как задача государственной политики в ходе подготовки к Пекинской конференции 1995 г. Последовательное институциональное развитие национального механизма по улучшению положения женщин идет с 1995 г., когда был создан консультативно-совещательный орган – Совет по проблемам семьи, женщин и демографической политике при Президенте Республики Казахстан, в 1998 г. преобразованный в Национальную комиссию по делам семьи и женщин при Президенте Республики Казахстан.

За годы независимости в Казахстане сложилась целая система институциональных механизмов защиты прав женщин и повышения ее статуса.

Институт семьи в казахстанском обществе формируется не только под воздействием собственных социокультурных, экономических и политических условий, но также и под влиянием ряда внешних факторов, свойственных эпохе информационного общества.

Целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семей, создание необходимых условий, способствующих физическому, интеллектуальному, духовному, нравственному развитию семей и их членов, охрана материнства, отцовства и детства.

Как известно, семья является ячейкой общества, а значит, и основой государства. Поэтому наличие фундаментальной, крепкой семьи выступает фундаментом государства. Президент Республики Казахстан К.К. Токаев регулярно отмечает в своих выступлениях о необходимости укрепления семейных ценностей и устоев. В унисон ему высказался и Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая в Нидерландах перед журналистами, когда он подчеркнул, что дети рождаются в традиционной, полноценной семье, где есть оба родителя. Он также подчеркнул, что новейшее европейское законодательство, в частности, законы Франции и Голландии об однополых браках неприемлемы для суверенных государств СНГ и несут в себе разрушительную и негативную силу.

Ровно 25 лет назад, 29 декабря 1995 г., был принят Семейный кодекс Российской Федерации. Его структура: 8 разделов, 22 главы, 170 статей.

Гораздо позднее, 26 декабря 2011 г., был принят новый, ныне действующий, Семейный кодекс Республики Казахстан. Его структура: 7 разделов, 33 главы, 282 статьи.

В Казахстане ведется постоянная работа по созданию экономических, правовых, психолого-педагогических и организационных условий и гарантий реализации прав, свобод и законных интересов детей.

Закон Республики Казахстан от 8 августа 2002 г. «О правах ребенка в Республике Казахстан» регулирует основные права и обязанности ребенка, защиту прав и охраняемых интересов ребенка. Ребенок имеет право на охрану здоровья, на индивидуальность и ее сохранение, на жизнь, личную свободу, неприкосновенность достоинства и частной жизни, на свободу слова и совести, информацию и участие в общественной жизни, на необходимый уровень жизни, право на имущество, жилище, образование, свободу труда, государственную помощь, на отдых и досуг.

Декларация прав ребенка в шестом принципе гласит, что «ребенок для полного и гармоничного развития его личности нуждается в любви и понимании. Он должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и во всяком случае в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности; малолетний ребенок не должен, кроме тех случаев, когда имеются исключительные обстоятельства, быть разлучаем со своей матерью. На обществе и на органах публичной власти должна лежать обязанность осуществлять особую заботу о детях, не имеющих семьи, и о детях, не имеющих достаточных средств к существованию. Желательно, чтобы многодетным семьям предоставлялись государственные или иные пособия на содержание детей».

В международном праве предусматривается необходимость защиты прав ребенка от следующих посягательств: а) произвольного или незаконного вмешательства в осуществление его права на личную жизнь или посягательства на честь и достоинство; б) всех форм физического или психического насилия, оскорбления или злоупотребления, отсутствия заботы или небрежного обращения, грубого обращения или эксплуатации; в) экономической эксплуатации и выполнения любой работы, которая может представлять опасность для его здоровья или служить препятствием в получении им образования, либо наносить ущерб его здоровью и физическому, умственному, духовному, моральному и социальному развитию; г) незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ; д) всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения; е) бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения или наказания; ж) всех других форм эксплуатации, наносящих ущерб любому аспекту благосостояния ребенка (ст. 16, 19, 32–34, 37 Конвенции о правах ребенка). Таким образом, ребенок должен быть защищен от всех негативных как физических, так и нравственных воздействий [2, с. 133].

Государство полностью или частично несет расходы на содержание граждан, нуждающихся в социальной помощи, в период получения ими образования. Дети из многодетных семей в период получения ими образования пользуются поддержкой государства, которое полностью или частично несет расходы на содержание граждан, нуждающихся в социальной помощи (Закон Республики Казахстан от 7 июня 1999 г. «Об образовании» ст. 5 п. 5).

Ребенок имеет право на совместное проживание со своими родителями и законными представителями. Решение о разлучении принимается только судом в исключительных случаях и лишь в той мере, в какой это необходимо в целях защиты ребенка. Родители и другие законные представители обязаны создавать в пределах своих способностей и финансовых возможностей условия жизни, необходимые для всестороннего развития ребенка, выполнять правила, способствующие рождению полноценных детей и после рождения ребенка выполнять медицинские предписания.

Родители обязаны содержать и воспитывать своих несовершеннолетних детей. При отсутствии соглашения об уплате алиментов, алименты на несовершеннолетних детей взыскиваются судом с их родителей ежемесячно в размере: на одного ребенка – одной четверти, на двух детей – одной трети, на трех и более детей – половины заработка и (или) иного дохода родителей. Размер этих долей может быть уменьшен или увеличен судом с учетом материального или семейного положения сторон и иных заслуживающих внимания обстоятельств. За злостное уклонение более трех месяцев родителя от уплаты средств на содержание несовершеннолетних детей, а равно нетрудоспособных детей, достигших 18-летнего возраста, предусмотрена уголовная ответственность по ст. 136 УК Республики Казахстан.

Уклонение от выполнения обязанности по уходу и воспитанию детей в семье, жестокое обращение с ними, наносящее вред их здоровью, наказывается в соответствии с гл. 2 Уголовного кодекса Республики Казахстан «Преступления против семьи и несовершеннолетних».

Ребенок обязан соблюдать Конституцию Республики Казахстан и законодательство Республики Казахстан, уважать права, свободы, честь и достоинство других лиц, государственные символы Республики, заботиться о своих нетрудоспособных родителях, сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры, сохранять природу и бережно относиться к природным богатствам.

Все дети имеют равные права независимо от происхождения, расовой и национальной принадлежности, социального и имущественного положения, пола, языка, образования, отношения к религии, места жительства, состояния здоровья и иных обстоятельств, касающихся ребенка и его родителей или других законных представителей. Равной и всесторонней защитой пользуются дети, рожденные в браке и вне его (ст. 4 Закона РК о правах ребенка).

Права ребенка не могут быть ограничены, за исключением случаев, установленных законами Республики Казахстан. Нормативные правовые акты, направленные на ограничение прав ребенка, являются недействительными с момента их принятия и не должны применяться (ст. 5 Закона РК о правах ребенка).

Утверждать, что все дети имеют права – это бросить вызов многим извечным верованиям в мире. Тысячу лет назад дети считались не личностями, а собственностью, своего рода рабами или крепостными, которых нужно было заставить работать, как только они становились способны на это физически. Взрослые мало обращали внимания на их специфические потребности.

Ряд вопросов о правах детей сохраняют свою актуальность и в наше время в связи с отсутствием достаточной материально-экономической основы для их решения, издержками просветительской и образовательной работы среди педагогов, работников социальной сферы. Дети остаются незащищенными в силу своих физиологических способностей, неосведомленности о своих правах. Имеются проблемы в отношении доступности качественного образования, высококвалифицированных медицинских услуг и культурных благ для сельских детей. Дети сел южных регионов заняты тяжелым физическим трудом, оказывающим влияние на состояние их здоровья и развитие.

Нет долга более священного, чем долга перед детьми. Нет обязанности более важной, чем обеспечить уважение их прав, защитить их благосостояние, сделать их жизнь свободной от страха и нужды и дать им возможность расти в мире.

На заре XXI в. подавляющее большинство людей в мире, которые живут в нищете, составляют дети и женщины. Они же представляют собой и большинство гражданских лиц, которых убивают или калечат во время военных

конфликтов. Они более всего уязвимы к инфекции ВИЧ/СПИДа. Их права, изложенные в Конвенции о правах ребенка и в Конвенции о ликвидации всех форм нарушений прав в отношении детей, нарушаются ежедневно, и число этих нарушений не поддается подсчету.

Миру сейчас необходимо сконцентрировать свои усилия на тех проблемах, которые можно решить наиболее эффективным образом: обеспечить максимально здоровое начало жизни для детей, качественное базовое образование для каждого ребенка и поддержку, и наставничество для подростков в сложный переходный период к зрелому возрасту.

Права человека и основные свободы дают нам возможность полного развития и использования наших человеческих качеств, интеллекта, талантов и совести и удовлетворять наши духовные и иные запросы. Они основаны на растущей потребности человечества в такой жизни, в которой неотъемлемое достоинство и ценность каждой человеческой личности пользовались бы уважением и защитой.

Отказ в предоставлении человеку прав и свобод является не отдельной и личной трагедией, но создает условия для социальных и политических беспорядков, сеет семена насилия и конфликтов в самом обществе и между обществами и государствами. Как указывается в первом положении Всеобщей декларации прав человека, человеческое достоинство «является основой свободы, справедливости и всеобщего мира».

Мы имеем право на права человека, и они, в свою очередь, дают права нам. Каждый человек обладает правами человека, защищающими его от государства и общества, и они создают определенные рамки для политической организации и определяют уровень политической легитимности. В случаях, когда происходит систематический отказ в правах человека, требования этих прав могут быть революционно-позитивными. Даже в обществах, в которых права в целом уважаются, они оказывают постоянное давление на правительство и тем самым обеспечивают свое соблюдение.

Нелегко рассказать о том, насколько успешным был прогресс прав человека за последний век. Если быть честными, то нужно спросить, а что стало с обещаниями, данными детям и женщинам, а также обязательствами поддерживать мир во всем мире и уважать все права человека.

Как замечается в издании «Human Rights Watch World Report» за 2010 г., во всем мире человеческие права подвергаются «непрерывному нападению». И виноваты в этом не только мелкие диктаторские государства. Крупные державы, – говорится в отчете, – проявляли заметную склонность игнорировать права человека, когда они пересекаются с экономическими или стратегическими интересами. Миллионы людей во всем мире не могут не замечать нарушений прав человека. Каждый день они сталкиваются с дискриминацией, нищетой, голодом, преследованиями, изнасилованиями, жестоким обращением с детьми, рабством и насильственной смертью. Желанные условия жизни, обрисованные в массе договоров по правам человека, удалены от мира, в котором они живут, на тысячи километров. Для большей

части человечества даже основные права, перечисленные в 30 статьях Всеобщей декларации, остаются невыполненными обещаниями.

Некоторые из наиболее ярких событий нашего времени – это большие достижения в социальном развитии, когда идеалы человеческого достоинства, справедливости и равенства становятся реальностью благодаря действиям правительств, организаций и отдельных лиц. Миллионы людей, которые могли бы умереть за последние 50 лет от инфекционных и других, поддающихся профилактике или лечению болезней, остались живы благодаря таким мерам общественного здравоохранения, как иммунизация, улучшение доступа к чистой питьевой воде и санитарии, а также массовые кампании санитарного просвещения [3].

Все программы сотрудничества в области развития, политики и технической помощи должны способствовать осуществлению прав человека, изложенных во Всеобщей декларации прав человека и других международных документах в области прав человека.

Всеобщая декларация прав человека является главным международным документом, провозглашаемым неотъемлемость и неприкосновенность прав всех членов человеческого сообщества.

Декларация была провозглашена в резолюции генеральной Ассамблеи 10 декабря 1948 г. в качестве «задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства», с тем, чтобы содействовать уважению прав человека. В 30-ти статьях Декларации в определенном порядке перечисляются основные права: гражданские, политические, экономические, социальные и культурные, которыми должны быть наделены люди во всем мире.

Сначала Всеобщая декларация была задумана как заявление о целях, к достижению которых должны стремиться правительства и, как таковая, она не являлась бы составной частью обязательного международного права. Однако то обстоятельство, что она была принята столь большим количеством государств, придало ей значительный моральный вес. На ее положения ссылались при обосновании многих акций Организации Объединенных Наций; она явилась толчком к принятию многих международных конвенций или была использована в них. В 1968 г. Международная конференция по правам человека признала, что Декларация «является обязательством для всех членов мирового сообщества». Декларация также оказывает значительное воздействие на конституции государств, национальное законодательство и в некоторых случаях – на судебные решения.

Нормы в отношении прав человека, а также принципы, содержащиеся во Всеобщей декларации прав человека и основанные на ней и на других международных документах в области прав человека, служат ориентирами для всей сферы сотрудничества в области развития и программирования на всех его этапах и во всех секторах [4, с. 20].

На принципы прав человека необходимо опираться при программировании во всех секторах, таких как здравоохранение, образование, управление,

питание, водоснабжение и обеспечение санитарных условий, ВИЧ/СПИД, занятость, трудовые отношения и социально-экономическая безопасность. Этот подход охватывает все аспекты сотрудничества по достижению целей в области развития на пороге тысячелетия и осуществлению Декларации тысячелетия. Следовательно, стандарты и принципы прав человека являются руководством как для общих страновых оценок, так и для Рамочной программы Организации Объединенных Наций по оказанию помощи в целях развития.

Права человека являются всеобщими и неотъемлемыми. Все люди в мире должны иметь возможность пользоваться ими. От них нельзя отказаться добровольно, и их не могут отнять другие люди. Как сказано в ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах».

Права человека неделимы. Все права – гражданского, культурного, экономического, политического или социального характера – являются неотъемлемой частью достоинства любого человека. Следовательно, все они имеют равный статус, как права, и не могут быть выстроены в иерархическом порядке.

Права человека взаимосвязаны и взаимозависимы. Реализация одного из прав часто зависит, частично или полностью, от реализации других. Например, реализация права на охрану здоровья может при определенных обстоятельствах зависеть от реализации права на образование или на получение информации [5, с. 7].

Все люди равны, как человеческие существа, и в силу достоинства, от рождения присущего каждому человеку. Все люди обладают правами человека, без какой бы то ни было дискриминации – по признаку расовой принадлежности цвета кожи, пола, этнической принадлежности, возраста, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, инвалидности, имущественного положения, рождения или иного статуса, определенного договорными органами в области прав человека.

Каждый человек и все люди имеют право активно, свободно и содержательно участвовать в гражданском, экономическом, социальном, культурном и политическом развитии, в ходе которого могут реализовываться их права человека и основные свободы, вносить в него вклад и пользоваться его плодами.

Государства и другие стороны, на которые возложены соответствующие обязанности, несут ответственность за соблюдение прав человека. В этом отношении они должны следовать правовым нормам и стандартам, зафиксированным в документах о правах человека. Если они этого не обеспечивают, ущемленные обладатели прав могут, в соответствии с предусмотренным законом процедурами и правилами, возбудить в компетентном суде или другом третейском органе разбирательство с целью исправления положения.

Программы сотрудничества в области развития вносят вклад в наращивание потенциала несущих обязанности сторон для выполнения ими своих обязательств, а в отношении обладателей прав – возможностей добиваться их соблюдения. При основанном на правах человека подходе эти права определяют отношения между отдельными лицами и группами, имеющими законные требования (обладатели прав), а в отношении государств и негосударственных участников процесса – соответствующие обязательства (носители обязательств). Такой подход определяет обладателей прав и их права и соответствующих носителей обязательств, и их обязанности. Он способствует расширению возможностей обладателей прав добиваться их соблюдения, а носителей обязательств – выполнять свои обязанности [6, с. 368].

Несмотря на все достижения, история XX в. – это история ошибок и упущенных возможностей, недостатка предвидения, отсутствия мужества, безразличия и пассивности. Число нарушений прав ребенка, которые совершаются ежегодно, умопомрачительно. Эти нарушения бывают самыми разными: начиная с таких упущений, как, например, отсутствие обязательной регистрации всех новорожденных или доступа к медико-санитарным службам и к начальному школьному образованию, и кончая преднамеренными злоупотреблениями в ходе вооруженных конфликтов, подневольным трудом и сексуальной эксплуатацией. Зачастую эти нарушения незаметны, потому что скрываются как богатыми, так и бедными семьями. Каждое такое нарушение ведет к последующим, вызывая их рост в геометрической прогрессии.

Пока страны не выполняют свои моральные и юридические обязательства по обеспечению прав детей по причинам, которые не являются неизбежными, ежедневно умирают свыше 20 500 мальчиков и девочек в возрасте до пяти лет и еще большее число детей и молодых людей становятся жертвами болезней, отсутствия заботы, несчастных случаев и нападений, которых не должно было быть.

До тех пор, пока правительства не будут тратить достаточных средств для обеспечения элементарных социальных услуг, а помощь на развитие будет урезаться, ежегодно миллионы детей в развивающихся странах будут лишены доступа к безопасной питьевой воде и санитарии, школам и медико-санитарным службам, которые совершенно необходимы для их выживания и развития [7, с. 54].

Пока не прекратятся все эти грубые нарушения прав детей и женщин и будут сохраняться условия для их существования, развитие человечество будет под угрозой.

Конституция РК провозглашает признание и гарантирует права и свободы человека. Права и свободы человека принадлежат каждому от рождения, признаются абсолютными и неотчуждаемыми, определяют содержание и применение законов и иных нормативных правовых актов. Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и достоинства. Гражданам гарантируется бесплатное

среднее образование в государственных учебных заведениях. Среднее образование обязательно.

Права и свободы ребенка в нарастающей тенденции соблюдаются и эффективно защищаются в Казахстане. Отношение к правам и интересам детей сегодня находится на уровне системной политики. Однако ребенок до сих пор не воспринимается как субъект права, обладатель всего спектра прав и свобод человека. В обществе все еще сильно мнение о том, что ребенок находится в полном распоряжении родителей. Это становится источником насилия в семье, неуважения мнения ребенка при принятии решений, беспризорности, попрошайничества.

Брак и семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание являются естественным правом и обязанностью родителей. Совершеннолетние трудоспособные дети обязаны заботиться о своих нетрудоспособных родителях.

Каждый ребенок имеет неотъемлемое право на охрану здоровья. Государство создает условия матери по охране здоровья для обеспечения рождения здорового ребенка. Право ребенка на охрану здоровья обеспечивается: 1) принятием законодательства Республики Казахстан в области охраны здоровья ребенка; 2) пропагандой и стимулированием здорового образа жизни детей; 3) государственной поддержкой научных исследований в области охраны здоровья детей; 4) контролем за состоянием здоровья ребенка, его родителей и профилактикой детских заболеваний; 5) оказанием квалифицированной медицинской помощи; 6) созданием благоприятной окружающей среды, необходимой для здорового развития ребенка; 7) контролем за производством и продажей продуктов питания для детей надлежащего качества. Государство гарантирует детям бесплатный объем медицинской помощи в соответствии с законодательством РК.

В заключение отметим, что для укрепления института семьи и улучшения благополучия всех членов семьи государственная семейная политика Казахстана способствует улучшению доступа и качества социальных услуг для семей с детьми, монородительским семьям; созданию рабочих мест с равным доступом и оплатой отпуска по уходу за ребенком для обоих родителей (одиноких родителей); искоренению бедности через адекватный уровень оплаты труда, пенсионных выплат и социальных пособий; продвижению принципов совместной ответственности внутри семьи.

Список литературы

1. Концепция семейной и гендерной политики в Республике Казахстан до 2030 года от 16 марта 2017 года. <http://profkom-mmg.kz/kontseptsiya-gendernoj-i-semejnoj-politiki-v-respublike-kazahstan-do-2030-goda//> Дата обращения: 17.10.2020.

2. Антонов А.И. Семья как социальный институт // Основы социологии. – Курс лекций. – Изд. 2-е, часть II. – М.: Знание, 2014. – 304 с.

3. Красноярский И. Психология семейных отношений – URL: <http://igkrasn.narod.ru/page1.htm> (Дата обращения: 17.10.2020).
4. Антонов А.И. Семья как институт среди других социальных институтов // Семья на пороге третьего тысячелетия. – М., 2015.
5. Гаспарян Ю.А. Институты семьи: проблемы обновления, развития. – СПб, 2017.
6. Тулина Н.В. Семья и общество: от конфликта к гармонии. – М., 2016.
7. Цинченко Г.М. Государственная семейная политика. – СПб., 2018.

Об авторах:

АЮПОВА Зауре Каримовна – доктор юридических наук, профессор кафедры «Право», Казахский национальный аграрный университет, Алматы, Казахстан.

КУСАИНОВ Дауренбек Умирбекович – доктор философских наук, профессор кафедры «Политологии и социально-философских дисциплин», Казахский национальный педагогический университет имени Абая, Алматы, Казахстан.

**SOME FEATURES OF THE TRANSFORMATION PROCESSES
IN THE STATE POLICY OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
TO SUPPORT THE INSTITUTE OF THE FAMILY**

Z.K. Ayupova, D.U. Kussainov

Kazakh National Agrarian University, Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty

The authors note the main directions of improving the legislation of the Republic of Kazakhstan in order to ensure the implementation of international law. Particular attention is paid to state guarantees for the realization of the child's right to family education, the creation of conditions that are safe for his life and health.

Key words: *Universal Declaration of Human Rights; Constitution of the Republic of Kazakhstan; the rights of the child in the family.*

About the authors:

AYUPOVA Zaure Karimovna – doctor of law, professor of the department of law, Kazakh national agrarian university, Almaty, Kazakhstan.

KUSAINOV Daurenbek Umirbekovich – doctor of philosophical sciences, professor of the department of political science and socio-philosophical disciplines, Abai Kazakh national pedagogical university, Almaty, Kazakhstan.

О ЗАКРЕПЛЕНИИ В ЧАСТИ ПЕРВОЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПОЛОЖЕНИЙ О СУБЪЕКТАХ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АСПЕКТЕ МЕЖОТРАСЛЕВЫХ СВЯЗЕЙ

О.Г. Барткова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье исследуется взаимодействие положений части первой ГК РФ и СК РФ через выявление общности субъектного состава отношений, регулируемых гражданским и соответственно семейным правом. Обосновывается значение закрепления в нормах ГК РФ специальных требований к физическим лицам, которые одновременно выступают участниками определенных семейно-правовых связей, для осуществления ими не только субъективных гражданских прав (исполнения юридических обязанностей), но и прав и обязанностей, предусмотренных семейным законодательством, а также для охраны и защиты таких прав.

Ключевые слова: физические лица, субъекты, член семьи, дети, родители, супруги, родственники, субъективные гражданские права, семейные права.

Взаимосвязь гражданского права России и семейного права России так же бесспорна и объективно обусловлена, как и взаимосвязь всех отраслей в составе права России.

В свое время профессор, д-р юрид. наук В.С. Нерсисянц рассуждал: «Что значит, например, семейное право? Понятие семейного права? Оно является только конкретизацией общего понятия права, которое есть в нашей юриспруденции. Если мы не будем рассматривать уголовное, гражданское, семейное право как конкретизацию единого общего понятия права, то у нас не будет единой юридической науки, будут лишь ориентированные на совершенно различные правопонимания юридические дисциплины отраслей права» [6, с. 101].

Кроме того, внимательный анализ общественных отношений, составляющих правовое поле для регулирования гражданским и семейным правом, уже давно позволил большинству ученых сделать вывод о близости предметов правового регулирования [см., например, 7, гл. IV]. В современных кодифицированных источниках, а именно в ст. 2 ГК РФ и ст. 2 СК РФ, мы также найдем этому подтверждение. Но говоря о близости предметов регулирования, мы исходим из самостоятельности двух этих отраслей права, хотя существуют и другие мнения в многолетней дискуссии о соотношении этих элементов в составе права России, на которых в этой статье мы не останавливаемся. Аргументированное научное обоснование самостоятельного места семейного права в системе современного права России как отрасли права не отделило и не изолировало его от гражданского права.

Связи двух отраслей права подкреплены не только теоретическими научными изысканиями, но и прямым указанием на это в действующих ГК РФ и СК РФ. Прежде всего следует напомнить о ст. 4 СК РФ «Применение к семейным отношениям гражданского законодательства» и ст. 5 СК РФ «Применение семейного законодательства и гражданского законодательства к семейным отношениям по аналогии», из содержания которых следует, к каким имущественным и личным неимущественным отношениям, в каких границах и в каком порядке допускается применение гражданского законодательства [2]. В самом ГК РФ мы обнаруживаем всего четыре фрагмента, где имеется отсылка к семейному законодательству (СК РФ): в ст. 31 «Опека и попечительство», в ст. 34 «Органы опеки и попечительства», в ст. 256 «Общая собственность супругов», ст. 858 «Ограничение распоряжения счетом» [1]. В части третьей и четвертой ГК РФ такого прямого упоминания нет. Однако в ГК РФ имеется множество фрагментов, из содержания и смысла которых очевидны связи этих отраслей. Об этом – ниже.

Взаимодействие гражданского права и семейного права многоаспектно. Оно проявляется в различных формах, с использованием множества способов, включая приёмы юридической техники.

Совершенствование межотраслевых связей является одной из главных задач развития права, так как оно регулирует общественные отношения также определенной системой правовых норм, т.е. их взаимным расположением, соотношением и связью [3, с. 17].

Одним из основных проявлений межотраслевых связей гражданского и семейного права является использование той и другой отрасли категорий и понятий каждой из них. Полагаем, что, прежде всего, имеет место заимствование из области гражданского права (например, таких понятий как имущество, имущественные отношения, договор). Вместе с тем некоторые из них, используемые изначально в нормах гражданского права, приобретают в семейном праве свои специфические признаки, черты, особенности, позволяющие говорить об их самостоятельном значении в сфере семейно-правового регулирования. Речь может идти о понятии «физическое лицо» – в гражданском праве как основной категории участников, и, соответственно, «член семьи» – в семейном праве. Анализ только части первой ГК РФ позволяет автору утверждать о влиянии семейного права на содержание положений этого кодекса в том аспекте, когда специальные, установленные в гражданском законодательстве требования к субъектному составу правовых отношений, отсылают нас к семейному праву.

Продемонстрируем это, обратившись к категориям: субъекты отношений, регулируемых гражданским законодательством и, соответственно, субъекты отношений, регулируемых семейным законодательством.

О значении семейно-правового статуса лица в отдельных гражданских правоотношениях интересно мнение профессора, д-ра юрид. наук

О.Ю. Ильиной [4, с. 88–94], которое, как полагаем, не противоречит выводам автора настоящей статьи.

Согласно абз. 2 п. 1 ст. 2 ГК РФ участниками регулируемых гражданским законодательством отношений в первую очередь являются граждане и юридические лица. Это типично для такой отрасли как гражданское право, относящейся к частному праву.

Исходя из ст. 2 СК РФ к категории субъектов относятся, в первую очередь, те физические лица, которые рассматриваются в качестве членов семьи: супруги, родители (усыновители) и дети (усыновленные). Вторая категория – другие физические лица – родственники (дедушка, бабушка, внуки, братья и сестры), в отдельных случаях – иные лица, прямо предусмотренные в нормах семейного законодательства. Поскольку семейное законодательство устанавливает порядок вступления в брак, прекращения брака и признания его недействительным, то это также физические лица, имеющие намерение вступить в брак и заключающие его, в последующем, возможно, как лица в отношениях, возникающих в связи с прекращением брака или признанием его недействительными. Ну и, наконец, этим же законодательством определяется порядок выявления детей, оставшихся без попечения родителей, формы и порядок их устройства в семью, а также их временного устройства, в том числе в организацию для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, то это расширяет круг субъектов, которые будут участвовать в этих неимущественных, организационных отношениях.

Все перечисленные в ст. 2 СК РФ категории физических лиц, обладающих при этом особым семейно-правовым статусом, изначально являются субъектами гражданско-правовых отношений, наделенными гражданской правоспособностью и дееспособностью (при отсутствии оснований, предусмотренных в ст. 29 и ст. 30 ГК РФ). Наличие у них личных неимущественных, а также имущественных прав, составляющих содержание их гражданской правоспособности, выступает в качестве предпосылки вступления их в определённые семейно-правовые связи. Так, право на заключение брака может быть реализовано только с учетом положений указанных выше статей ГК РФ. Осуществление малолетним правомочия распоряжения принадлежащим ему на праве собственности имущества путем заключения сделки – с соблюдением п. 1 ст. 21 и ст. 27 ГК РФ. В некоторых правовых ситуациях, при наличии соответствующих юридических фактов, гражданско-правовые отношения предшествуют возникновению семейных отношений или сосуществуют с ними в качестве самостоятельных. Гражданско-правовые отношения тем самым способствуют реализации отдельных семейных прав и обязанностей, а также охране и защите семейных прав. Речь идет, например, о субъективных гражданских правах, объектами которых выступают жизнь, имя, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, неприкосно-

венность частной жизни, неприкосновенность жилища, личная тайна, выбор места жительства (ст. 150 ГК РФ) и др. Обладателем таких объектов является в первую очередь определенное физическое лицо. Сами объекты (нематериальные блага) приобретают особое специфическое содержание, если в последующем они используются ими как членом семьи.

Среди имущественных прав наиболее значимыми являются способность иметь имущество на праве собственности; наследовать и завещать имущество; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах (ст. 18 ГК РФ) и др. Физические лица наделяются ими в момент рождения. В последующем, приобретая статус члена семьи (иного субъекта согласно ст. 2 СК РФ), проявляются особенности содержания и осуществления таких прав, если законодатель предписывает необходимость учета статуса члена семьи. Так, родители, наделенные обязанностями заботиться о своих несовершеннолетних детях, содержать их, должны совершать такие действия в рамках владения, пользования и распоряжения принадлежащим им имуществом, своими доходами, которые, безусловно, отличаются от действий физического лица, не имеющего семьи. Интерес физического лица (собственника), выступающего при этом в правовой роли родителя, должен будет формироваться с учетом интересов его несовершеннолетнего ребенка. Конечно, это утверждение верно, если имеет место ответственное и добросовестное исполнение родителем своих обязанностей.

Анализ текста части первой ГК РФ позволил автору выявить множество правовых норм, в которых используются следующие термины, обозначающие категории и понятия семейного права: семья, члены семьи, родители, дети, супруги, родственники, опекун, попечитель и т.п., которые можно объединить, используя термин «субъекты отношений, регулируемых семейным законодательством». Таких фрагментов всего 275, из них: термин «семья» (семейный, семейная (например, семейная жизнь, семейная тайна)) используются 15 раз; термин «член семьи» – 7; «супруги» – 24; «родители» – 29; «усыновители» – 14; дети (чаще – несовершеннолетние граждане) – 51; «родственник (близкий родственник)» – 2; опекун – 57; попечитель – 148. Большинство таких норм – это те, которые регулируют имущественные отношения, порядок совершения сделок, осуществления права собственности, права пользования (жилым помещением), отношения представительства. Такими примерами служат ст. 26, 27, 28, 37, 172, 175, 185.1, 256, 288, 292, 449.1 ГК РФ.

Значительной сферой применения понятия «член семьи» может рассматриваться ст. 53.2. Аффилированность и все те положения о юридических лицах, а также специальные федеральные законы о них, где такое качество, как «аффилированность» будет иметь значение, в том числе в связи с наличием его у членов семьи.

Касательно неимущественных отношений, то примеры статей в ГК РФ немногочисленны, что, как мы полагаем, можно объяснить правовой природой таких прав, для которых регулятивная функция гражданского права ограничена определёнными рамками. Вопрос об осуществлении такого личного неимущественного права несовершеннолетнего, как право на выбор места жительства, разрешается по правилам ст. 20 ГК РФ. Об имени гражданина, которое в первую очередь индивидуализирует его как физическое лицо, но и одновременно как члена определённой семьи, – в ст. 19 ГК РФ. Однако совершенно очевидно, что нормы этой статьи имеют самую непосредственную связь со ст. 51, 58, 59, 134 и другими статьями СК РФ, Федеральным законом от 15.11.1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Вместе с тем следует подчеркнуть, что все те нематериальные блага, речь о которых идет в п. 1 ст. 150 ГК РФ, ст. 152.1, являются объектами личных неимущественных физических лиц со статусом «член семьи».

Важное значение имеют положения части первой ГК РФ для охраны и защиты прав и законных интересов членов семьи тогда, когда семейным законодательством не предусмотрены специальные нормы, либо таких способов недостаточно для восстановления нарушенного семейного права (законного интереса). Этому служат ст. 12 – 16.1, 151, 152.1, 302 – 304 ГК РФ и др.

Таким образом, в части первой ГК РФ об обязательности применения семейного законодательства указывается двумя способами. Во-первых, это может следовать непосредственно из текста статьи, путем прямой отсылки к семейному законодательству. Во-вторых, на это может указывать толкование нормы в составе гражданского права, когда речь идет об использовании категорий и понятий, разработанных наукой семейного права и закрепленных в положениях семейного законодательства.

Наличие определенного правового статуса физического лица, а именно, установленного семейным законодательством, может являться одним из юридически значимых обстоятельств (юридическим фактом), необходимым среди прочих для возникновения, изменения или прекращения гражданских правоотношений. Такой статус может быть необходим для осуществления определённых субъективных гражданских прав и юридических обязанностей, для охраны и защиты непосредственного обладателя права или иного лица, связанного отношениями семьи.

Следовательно, без знания, доктринального понимания и правильного толкования понятий, относящихся к субъектам отрасли семейного права (в первую очередь понятия «член семьи»), невозможно правильное применение целого ряда правовых норм, содержащихся в ГК РФ. Такой вывод, как полагает автор, совпадает и с мнением профессора, д.ю.н. О.Ю. Ильиной, сформулированного ею применительно к сфере наследственных правоотношений. Так, в своей работе она указывает, что

«при регулировании наследственных отношений нередко возникает необходимость не только применения норм семейного законодательства, но и установления соответствия позиции законодателя при регулировании семейных и наследственных отношений с участием одних и тех же субъектов, а также решения проблемы коррелирования норм законодательства и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ» [5, с. 19].

Представляется, что важно это не только в правоприменительной практике, но и в процессе изучения учебных дисциплин «Гражданское право России» и «Семейное право России».

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2020).

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28.03.2017 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2020).

3. Васильев Ю.С., Евтеев М.Н. Кодификация и систематизация законодательства // Советское государство и право. 1971. № 9.

4. Ильина О.Ю. О значении семейно-правового статуса лица в отдельных гражданских правоотношениях // Сб. мат-лов международной науч.-практ. конф. «Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования». Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 88 – 94.

5. Ильина О.Ю. О применении Семейного кодекса Российской Федерации при регулировании наследственных правоотношений // Вестн. Твер. гос. ун-та. Серия «Право». 2017. № 2. С. 15 – 21.

6. Семейное право: проблемы и перспективы развития (материалы «Круглого стола») // Государство и право. 1999. № 9.

7. Яковлев В.Ф. Избранные труды. Т. 2: Гражданское право: история и современность. Кн. 1. М.: Статут, 2012. 976 с.

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГОУ ВО «Тверской государственной университет» (Россия, Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: bartkova_og@mail.ru; SPIN-код: 1716-9636.

ON THE FIXING IN PART ONE OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION OF PROVISIONS ON FAMILY RELATIONS IN THE ASPECT OF INTER-INDUSTRIAL RELATIONS

O.G. Bartkova

Tver State University

The article examines the interaction of the provisions of the first part of the Civil Code of the Russian Federation and the Investigative Committee of the Russian Federation through identifying the commonality of the subject composition of relations regulated by civil and, accordingly, family law. The article substantiates the importance of securing in the norms of the Civil Code of the Russian Federation special requirements for individuals who simultaneously act as participants in certain family-legal relations, for the exercise of not only civil rights (performance of legal obligations), but also the rights and obligations provided for by family law, as well as for protection and the protection of such rights.

***Key words:** individuals, subjects, family member, children, parents, spouses, relatives, subjective civil rights, family rights.*

About author:

BARTKOVA Olga Georgievna – cand. legal Sci., associate Professor, department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), e-mail: bartkova_og@mail.ru SPIN: 1716-9636.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ПО ВОСПИТАНИЮ ДЕТЕЙ ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

Ю.Ф. Беспалов

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, г. Москва

В статье исследуется вопрос о правах и обязанностях родителей по воспитанию детей в рамках правил, установленных СК РФ. Сделан вывод о том, что воспитание ребенка – явление многоаспектное, включающее в себя, во-первых, родительское воспитание; во-вторых, воспитание, приравненное к родительскому (усыновителями); в-третьих, воспитание родственниками и свойственниками при отсутствии родителей либо в случае отстранения их в установленном порядке от участия в воспитании; в-четвертых, воспитание приемными родителями и иными лицами. Обосновано, что все данные виды воспитания являются разновидностями семейного воспитания. Воспитание родителями рассмотрено, как их право и обязанность и право ребенка на воспитание родителями. Сделано предложение по совершенствованию семейного законодательства.

Ключевые слова: семейное воспитание, родительское воспитание, ребенок, родители, приемные родители, опыт, знание.

Одним из основных прав и одновременно обязанностей российских родителей по отношению к своим детям является «право=обязанность» по воспитанию детей. Специфика данного «права=обязанности» состоит: 1) в единстве права и обязанности родителей; 2) их одновременном действии; 3) объективной связи с правом ребенка на воспитание; 4) их результате – уровне обеспеченности ребенка в семье и уровне его развития, степени его социализации и подготовки к самостоятельной жизни, в целом благополучного воспитания и развития.

Проблемы, связанные с осуществлением и исполнением родителями данного «права=обязанности», не утрачивают своей актуальности, а их решение имеет как теоретический, так и практический интерес. В научной литературе к данной проблеме обращались и обращаются многие ученые, философы, юристы, психологи [6, 7, 9, 10, 12, 13].

Воспитание явление – многоаспектное, оно включает в себя умственное, физическое, психическое воспитание и развитие ребенка, подготовку к самостоятельной жизни, осознание социальной ответственности перед членами семьи и обществом в целом; усвоением уроков жизни, семейных и иных общечеловеческих ценностей.

Воспитание ребенка родителями, а при их отсутствии – родственниками, свойственниками, представляется семейно-правовой категорией. Воспитание ребенка усыновителями, опекунами (попечителями), приемными родителями является семейной и социально-правовой категорией. Воспитание ребенка в организациях для детей, оставшихся без попечения родителей, – социально-правовой категорией.

Отметим, что во всех названных видах воспитания могут участвовать органы опеки и попечительства и иные уполномоченные органы государства и муниципальных образований.

Ученые понимают данное право в целом единообразно – как благо, призванное обеспечить полное и всестороннее развитие ребенка, и обосновывают результат процесса воспитания – воспитание полноценной личности, всесторонне развитого человека, способного самостоятельно обеспечить свое существование, насколько это объективно возможно.

Специалисты в сфере педагогики и культуры Л.С. Алексеева, Т.В. Андреева, С.В. Дармодехин и многие другие ученые основу семейного воспитания усматривают в работе по развитию и повышению педагогической культуры самих родителей, как первых воспитателей, а также взаимосвязи педагогического просвещения и самообразования [4, 5, 8].

В.Г. Белинский подчеркивал, что демократическая педагогика с доверием относится к детям, что в каждом ребенке есть хорошие стороны. Искусство воспитания в том и состоит, чтобы их выявить, развивать, сформировать [14, с. 139–154].

Главнейшим условием семейного воспитания А.С. Макаренко считал наличие полной семьи, крепкого коллектива, где отец и мать живут дружно между собой и с детьми, где царствует любовь и взаимное уважение, где имеет место четкий режим и трудовая деятельность [11, с. 184–199].

В.А. Сухомлинский сделал вывод о том, что прекрасные дети вырастают в тех семьях, где мать и отец по-настоящему любят друг друга и вместе с тем любят и уважают детей и людей в целом [16, с. 44–73].

Действительно, находясь у истоков воспитания, родители закладывают основы понимания ребенком жизни и деятельности (миропонимания), основы доброго, полезного и необходимого поведения.

Надо полагать, что право и обязанность родителей по воспитанию ребенка имеет сложную структуру, содержание и назначение.

Юридическая наука данное право и обязанность рассматривает в качестве правового сопровождения физического, умственного, психического воспитания родителями своих детей, передачи им знаний, умений, опыта и в целом подготовки к самостоятельной жизни как полноценной личности.

Право и обязанность родителей воспитывать своих несовершеннолетних детей неразрывно связано с правом несовершеннолетних детей на воспитание своими родителями в семье и включает не только сугубо воспитание, но и возможность знать своих родителей, возможность проживать с ними совместно, возможность на заботу со стороны родителей, в т.ч. и по воспитанию (ст. 54–57, 63 СК РФ).

Право на воспитание означает всяческую заботу со стороны родителей о своем ребенке, его здоровой, безопасной и благополучной жизни, насколько

это возможно, исходя из их имущественного состояния, личностных качеств, семейного мировоззрения, семейной культуры и в целом мировоззрения и ответственности перед ребенком, обществом и государством.

Воспитание охватывает все аспекты жизнедеятельности ребенка, а особенно его умственное, физическое, психическое развитие, а также интеллектуальное и духовное.

Как правило, мать и отец исходя из природных инстинктов действуют глубоко осознанно, передавая ребенку знания, опыт человеческой жизни, распространяя добро, положительные нравственные установки и исключая умышленное зло, в том числе, в форме насилия.

Урегулировать правом многоаспектность воспитания объективно невозможно. В такой ситуации действуют и нормы нравственности, семейные ценности, традиции, и в целом семейные обычаи, и общечеловеческие установки, сложившиеся в сфере воспитания несовершеннолетних детей родителями.

Родители в России в целом, с учетом участия в воспитании государственных и муниципальных образований, т.е. под особым постоянным или эпизодическим контролем и помощи государства и общества, стараются воспитать своих детей достойно, подготовить к самостоятельной и благополучной жизни в качестве здорового, всесторонне развитого человека.

Вместе с тем далеко не все российские дети находятся в условиях, обеспечивающих их достойную жизнь, известны случаи всяческого насилия над ребенком: физического, психического, умственного, уклонение от воспитания и содержания, влекущие семейно-правовую ответственность родителей.

Согласно данным судебной статистики за 2019 г. рассмотрено 53 727 дел о лишении родительских прав и ограничении в родительских правах¹.

О ненадлежащем воспитании детей свидетельствует и число детей, оставшихся без попечения родителей; число детей, ставших родителями в несовершеннолетнем возрасте.

Так, за 2018 г. число детей, оставшихся без попечения родителей, составило 430 829 ребенка²; число несовершеннолетних матерей составило 11 361 человек³.

Недостатки воспитания детей определяются не только виновным поведением родителей по отношению к своим несовершеннолетним детям, направленным на причинение зла детям, но и невиновным, однако, недолжным отношением к детям. Такое возможно по причине психических расстройств у родителей; физических недостатков, ограничивающих их участие в воспитании детей, «чрезмерной» заботы о ребенке, выражающейся в стремлении всесторонне воспитать ребенка путем излишней загруженности

¹ <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5258>

² https://edu.gov.ru/activity/main_activities/orphans

³ <https://mintrud.gov.ru/docs/1361>

занятиями в различных образовательных организациях без учета состояния здоровья ребенка и в целом его возможностей.

И тут нельзя не согласиться с великими мыслителями, в том числе названными выше, о том, что мужчину и женщину, ставших родителями, необходимо обучать навыкам воспитания детей. По мнению автора данных слов, воспитание родителей начинается с появления их самих на свет, а не с момента создания ими семьи и рождения у них ребенка. Родившийся ребенок, с момента его осознанного поведения должен воспитываться в духе семейной ответственности и заботы каждого члена семьи о других её членах.

Начинается процесс воспитания с заботы о ребенке без какой-либо видимой обязанности. Однако ребенку необходимо, насколько это возможно, объяснять ценность поступков, значение заботы, и какими усилиями добрая забота достигается. Бесспорно, одними объяснениями в такой ситуации ограничиваться нельзя. Поведение родителей должно быть таким, чтобы оно передавало ребенку уроки добра и заботы, в которых в зависимости от возраста ребенка и состояния его здоровья должен участвовать и ребенок. Воспитание, как нами отмечено выше, – взаимное функциональное поведение родителей и ребенка, направленное на создание условий в семье для благополучия каждого и особенно растущего и развивающегося ребенка и престарелых лиц.

Действующее в настоящее время семейное и иное законодательство относительно регламентации отношений между родителями и их несовершеннолетними детьми не всегда, в силу его несовершенства, согласованно взаимодействует между собой. СК РФ в этой части регламентирует лишь некоторые аспекты воспитания, имеет множество пробелов (гл. 11–12). СК РФ не дает понятия воспитания, в том числе семейного, не регламентирует сам процесс воспитания, не определяет результат воспитания и в целом бьет по хвостам, когда устанавливает ответственность за ненадлежащее воспитание. Правовое сопровождение воспитания ограничивается установлением ответственности за вредоносное отношение к ребенку.

Иные законодательные акты о воспитании детей предусматривают регламентацию этих отношений уже применительно к получению ребенком образования (Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [1]; Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [2]), либо обеспечения его здоровья (Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3]) и т.д.

Семейное воспитание означает воспитание детей в семье обоими или единственным родителем и/или другими членами семьи (братьями и сестрами, бабушками и дедушками), а также приемными родителями, усыновителями и другими лицами, с участием государства.

Родительское воспитание – воспитание ребенка биологическими родителями. Несомненно, что при таком воспитании возможно участие и других

лиц. Такое воспитание может быть в семье однопоколенной или многопоколенной. Суть такого воспитания состоит в осуществлении воспитания родителями по кровному родству.

В тех случаях, когда ребенок воспитывается в семье приемных родителей, усыновителей, опекунов и попечителей, воспитание переходит в разряд семейного и социально-правового. Для семейного воспитания характерно воспитание ребенка в семье не обязательно родителями, но и другими лицами, в том числе заменяющими родителей. Родительское воспитание осуществляется также в семье. Основное различие усматривается в том, кто осуществляет воспитание ребенка: родители с участием других лиц или иные лица, с участием других лиц (родственников, свойственников, органов государственной власти, органов местного самоуправления).

Родителей объединяет с ребенком кровное родство, в основе которого лежит родительский или природный инстинкт. Лица, заменяющие родителей, как правило, ориентируются на общие социальные ценности. Вместе с тем и те и другие обязаны исходить из создания ребенку условий для благополучного воспитания и развития, насколько это объективно возможно. Воспитание родителями сугубо семейно-правовая категория, воспитание иными лицами – семейно- и социально-правовая категория.

Необходимо законодательно разграничить семейное воспитание на: 1) родительское воспитание; 2) воспитание, приравненное к родительскому (усыновителями); 3) воспитание родственниками, свойственниками; 5) воспитание приемными родителями, опекунами (попечителями).

Главу 11 СК РФ следовало бы дополнить ст. 61.1 «Семейное воспитание», которую изложить в следующей редакции:

«Воспитание ребенка в РФ осуществляется в семье родителей, насколько это объективно возможно.

Родители ребенка- основные его воспитатели, имеют право на воспитание преимущественно перед другими лицами и обязаны воспитать ребенка достойно, в благополучии, подготовить его к самостоятельной жизни как всесторонне развитого, здорового человека, социально осознающего свою ответственность перед семьей, обществом и государством.

Воспитание в семье включает в себя передачу ребенку знаний, опыта, уроков жизни и деятельности.

Помощь родителям в воспитании оказывают другие родственники, свойственники, органы государственной власти и органы местного самоуправления.

В случае, когда родители оба или единственный умерли, либо по иным причинам лишены права на воспитание ребенка, воспитание ребенка осуществляется в семье другими родственниками, иными лицами, в том числе приемными родителями, усыновителями с участием органов государственной власти и органов местного самоуправления».

Список литературы

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3802.
3. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Российская газета. № 263. 23.11.2011.
4. Алексеева Л.С. Народная мудрость о воспитании прекрасного: [Монография] // Пятигорск: Изд-во Пятигор. гос. лингвист. ун-та, 2002. С. 84–97.
5. Андреева Т.В. Семейная психология: Учеб. пособие. СПб.: Речь, 2004. С. 151 – 168.
6. Беспалов Ю.Ф. Семейные отношения и семейные споры в практике судов РФ: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2020. 224 с.
7. Геворгян М.А. Правовой статус и нематериальные блага ребенка в гражданском и семейном праве России // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 1. С. 56 – 59.
8. Дармодехин С.В. Воспитание детей: проблемы развития стратегии // М.: ФГНУ "Ин-т семьи и воспитания", 2014. С. 139 – 154.
9. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2006. С. 192.
10. Кистерев Д.Д. Ребенок как субъект исключительного права по гражданскому законодательству Российской Федерации. Гос. служба и кадры, 2018. С. 67–71.
11. Макаренко А.С. Книга для родителей. Pubmix.com, 2012. С. 184–199.
12. Нечаева А.М. Семейное право: учебник для вузов / А.М. Нечаева. 8-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 294 с.
13. Права ребенка в РФ и проблемы их осуществления. Монография. // Отв. ред. Беспалов Ю.Ф., Москва, Проспект, 2018, с. 288.
14. Педагогические сочинения / В.Г. Белинский; Со вступ. ст. Г.А. Фальборка и очерком жизни и пед. деятельности Белинского, примеч. и библиогр. указаниями А.Г. Фомина. СПб.: Изд-во газ. «Шк. и жизнь», 1912. XII. С. 139–154.
15. Семейное право: очерки из классики и модерна / Н.Н. Тарусина. Ярославль: ЯрГУ, 2009. 615 с.
16. Сухомлинский В. Родительская педагогика / Алма-Ата: Мектеп, 1983. С. 44–73.

Об авторе:

БЕСПАЛОВ Юрий Федорович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой авторского права, смежных прав и частноправовых дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности, председатель Владимирского областного суда в отставке, SPIN-код автора: 9432-6027, e-mail: nksmgs@mail.ru.

**RIGHTS AND RESPONSIBILITIES OF PARENTS
ON UPBRINGING CHILDREN UNDER THE FAMILY LAW
OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Yu.F. Bepalov

Russian state Academy of Intellectual Property, Moscow

The article examines the issue of the rights and obligations of parents in raising children within the framework of the rules established by the Family Code of the Russian Federation.

It is concluded that the upbringing of a child is a multidimensional phenomenon, including, first, parental upbringing; second, upbringing equated to parental (by adoptive parents); third, upbringing by relatives and in-laws, in the absence of parents or in the case of their removal from participation in upbringing in the prescribed manner; fourthly, upbringing by adoptive parents and other persons.

It has been substantiated that all these types of education are varieties of family education. Upbringing by parents is considered as their right and duty and the child's right to be raised by parents.

A proposal has been made to improve family legislation.

Keywords: *family education, parental education, child, parents, adoptive parents, experience, knowledge.*

About the author:

BESPALOV Yuri Fedorovich – doctor of Law, professor, head of the Department of Copyright, Allied Rights and Private Law Disciplines of the Russian State Academy of Intellectual Property, Chairman of the Vladimir Regional Court, retired, SPIN: 9432-6027, e-mail: nksmgs@mail.ru.

СЕМЕЙНЫЙ БИЗНЕС В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ

В.В. Богдан

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

В статье определяется новое направление научного поиска: особенности ведения семейного бизнеса в социальных сетях. На примере социальной сети Инстаграм автором актуализировано внимание на отсутствии правовой инфраструктуры, способной надлежащим образом защищать не только сам бизнес, но и права членов семьи. Статья является продолжением научных исследований автора о нетипичных формах правоотношений, требующих законодательного оформления.

Ключевые слова: семья, предпринимательство, член семьи, социальная сеть, Инстаграм, бизнес, правовое регулирование.

НИР в рамках государственного задания на 2020 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-20200033)

Ведение предпринимательской деятельности с каждым годом приобретает новые формы и виды, трансформируясь под влиянием экономических вызовов и запросов потребителей. 2020 г. ознаменовался критическим осмыслением процесса ведения предпринимательской деятельности в условиях глобальных проблем, детерминированных пандемией новой короновирусной инфекции (2019-nCoV) (далее – коронавирус), объявленной Всемирной организацией здравоохранения 11 марта 2020 г. Коронавирус оказал беспрецедентное влияние на экономику абсолютного большинства государств, и непосредственно на способы осуществления предпринимательской деятельности. По прогнозам аналитиков Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, даже с учетом реализации антикризисных мер и помощи государства, российскую экономику «все равно ожидает с высокой вероятностью двухлетняя рецессия», соответствующая по продолжительности спаду мировой экономики, при скачке безработицы и бедности [10]. Названы и наиболее подверженные риску сферы: туризм, общественное питание, реализации непродовольственных товаров, сфера развлечений. Наряду с мерами государственной поддержки, показывающих недостаточную эффективность, на первый план выходит процесс перевода бизнеса в онлайн-среду, которая до кризиса не рассматривалась в качестве основной формы его ведения. В выигрыше оказались те компании, которые задолго до кризиса создали электронные площадки реализации товаров, работ, услуг, в том числе на базе социальных сетей. Вместе с тем нетипичные условия «самоизоляции», в которых оказались миллионы российских граждан, актуализировали разработку вопросов ведения бизнеса, в том числе семейного, с использованием цифровых технологий. Дополнительно пандемия «высветила» с одной стороны, нейтральный, а с другой – негативный

социально-правовой аспект: в отдельных семьях стало «открытием», что член их семьи ведет бизнес в социальных сетях и получает дополнительный доход, скрываемый до момента всеобщей самоизоляции. Проблематика использования цифровых технологий при реализации товаров, работ, услуг находится на стадии разработки и, как представляется, является перспективным направлением научного поиска.

Малоизвестное еще в середине 1990-х гг. «семейное предпринимательство» в последнее время приобрело широкий размах, основываясь на общих нормах гражданского, предпринимательского и семейного законодательства. Семейный бизнес – «явление уникальное и не до конца изученное» [3, с. 44], «не имеет заглавного закона» [1, с. 24], равно как в российской доктрине гражданского, предпринимательского и семейного права нет его устоявшегося понятия. Важность разработки научных подходов к разрешению проблем, связанных с осуществлением семейного бизнеса, обуславливается в том числе отсутствием нормативно-правовой базы исследуемой сферы. Сторонниками легализации данного вида предпринимательства посредством принятия специального нормативного правового акта являются А.В. Барков, Л.А. Баркова, Я.С. Гришина, Л.Б. Максимович, И.К. Кузьмина, С.А. Сафронова и др. Критически оценивают такую необходимость И.В. Ершова, О.А. Серова, Е.Я. Токар. Многогранность сферы предопределена ее комплексностью, «завязанной» не только на правовом регулировании, экономической составляющей, но и личных (родственных) отношениях, что, представляется, является определяющим для успешного ведения семейного бизнеса. В частности, отмечается, что «правовые последствия брачно-семейных отношений следует расценивать как непредсказуемый риск для развития бизнеса» [9], который, как представляется, вряд ли может подлежать страхованию. Вместе с тем исследователи в унисон отмечают актуальность и востребованность научной разработки феномена семейного бизнеса и последующего внедрения полученных результатов путем формирования сбалансированной правовой среды его осуществления.

Научные дискуссии последних лет в части определения понимания «что есть такое “семейный бизнес”» позволили выработать основные направления научного поиска, необходимые для формирования целостной концепции развития правового регулирования семейного предпринимательства. Попытки рассмотреть семейное предпринимательство в соотношении с малым предпринимательством пока не увенчались успехом: ученые не едины во мнении, является ли семейное предпринимательство самостоятельным, или же является видом (подвидом) малого предпринимательства [6]. По справедливому замечанию А.А. Мохова, если семейное предпринимательство получит самостоятельный правовой режим в российском законодательстве, то необходимо сформулировать его легальное понятие с определением критериев (организационно-правовая форма, сферы экономической деятельности, имущественная база, размер дохода, особенности участия иных

лиц, не являющихся членами семьи), выделить особенности правового положения его субъектов, закрепить меры государственной поддержки [6].

Трудности выработки доктринального/законодательного определения «семейный бизнес (предпринимательство)» не случайны: в теории семейного права отсутствуют не только единообразие в подходах к понятиям «семья», «член семьи», но и к необходимости их легализации. В свою очередь отраслевое законодательство также не едино в определении последних. Семейное законодательство устанавливает, что члены семьи – это супруги, родители (усыновители) и дети (усыновленные) (ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации). В жилищном законодательстве к членам семьи собственника жилого помещения относят совместно с ним проживающих супруга, детей, родителей, а также признанных им в качестве таковых других родственников, нетрудоспособных иждивенцев и иных граждан (ч. 1 ст. 31 Жилищного кодекса Российской Федерации). Логика законодателя в данном случае весьма странна: если супруг/супруга и дети не проживают совместно с собственником жилого помещения, следовательно, они не являются членами их семьи. Моделируя ситуацию применительно к семейному бизнесу, основанием для прекращения ведения предпринимательской деятельности является прекращение отношений с собственником жилого помещения (по аналогии с понятием «бывший член семьи собственника»). Представляется немислимым, что достижение детьми возраста совершеннолетия и проживание отдельно от родителя-собственника жилого помещения может стать основанием для прекращения деятельности в форме семейного предпринимательства. В иных нормативных и ненормативных правовых актах к членам семьи относят братьев, сестер, бабушек, дедушек. Эти обстоятельства обуславливают закономерность отсутствия легального определения семейного предпринимательства. Дополнительно требует своего разрешения вопрос дифференциации бизнеса на «семейный» и «личный»: обязать членов семьи участвовать только в семейном бизнесе, а равно как состоять в исключительно наемных отношениях, невозможно. *Осуществление предпринимательской деятельности одним членом семьи не дает оснований квалифицировать такую деятельность как семейный бизнес.*

В научной литературе можно выделить два направления к трактовке семейного предпринимательства: понимание семейного бизнеса, основанного на супружеских отношениях [5] и на семейных отношениях [2]. Вместе с тем наполненность дефиниции «семья», вне зависимости от предлагаемых учеными признаков, неразрывно связана с определением того, кто «включается» в семью. Следует согласиться с О.Ю. Ильиной, что семья может объединять лиц, не являющихся родственниками [4, с. 175]. Представляется, что законодательное закрепление понятия «член семьи» (например, Л.А. Баркова определяет семейное предпринимательство как деятельность, осуществляемую членами семьи [2, с. 233]) сможет стать отправной точкой для определения дефиниции «семейное предпринимательство», с учетом

признаков, присущих для данного вида предпринимательской деятельности, главным из которых, думается, является «совместность».

Внедрение цифровых технологий способствовало появлению новых инструментов, используемых в качестве формы ведения предпринимательской деятельности. К числу таковых следует отнести социальные Интернет-сети. Интернет-бизнес – явление на сегодняшний день широко распространенное, а в условиях объявленной пандемии коронавируса стало для многих единственным способом осуществления предпринимательства. Б. Примочкин отмечает, что «интернет перестраивает традиционные бизнес-процессы... уменьшает роль посредников, что повышает прозрачность и эффективность рынка» [8, с. 16]. В зарубежных источниках отмечается, что «социальные сети способствовали появлению различных бизнес-возможностей. Примеры этих возможностей включают узнаваемость бренда, лояльность к бренду и продажи» [11].

Вместе с тем до настоящего времени ведение бизнеса в Интернете находится вне четких правовых форм. На это обстоятельство неоднократно обращали внимание ученые, занимающиеся проблемами регулирования и осуществления предпринимательской деятельности. Интенсивное развитие и массовое использование рассматриваемых сетевых ресурсов усложняют содержание правового статуса лиц – участников бизнеса, осуществляемого в рамках социальной сети. Следует согласиться с мнением, что «существующие правовые регуляторы во многом не учитывают преобразования в особенностях статуса личности, которая стала участником виртуального интернет-общения, организуемого в социальных Интернет-сетях» [7, с. 14–24]. Правовой эффект регулирования социальных сетей не исследовался в науке гражданского права.

Легального определения «социальная сеть» в настоящее время нет. В Государственной Думе Российской Федерации находится проект федерального закона «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», в котором предложено общее определение социальной сети, не отражающее специфику современных социальных сетей, которые из «сетей общения» превратились в «бизнес-сети».

В число наиболее успешных проектов входит продукт социальной сети Facebook Инстаграм, являющийся востребованной площадкой для осуществления предпринимательской деятельности. Инстаграм – это сервис, включающий в себя в том числе связь между пользователями сервиса и интересующими их брендами, товарами и услугами: Инстаграм пропускает более 500 миллионов ежедневных активностей в storis [12].

Функциональность Инстаграм, как способа ведения предпринимательской деятельности, обеспечивается возможностью преобразованием личного аккаунта в бизнес-страницу, дающей дополнительные преимущества в виде анализа охватов, показов, вовлеченности, посещения профиля, стати-

стики подписчиков. Общение с потенциальными потребителями не ограничивается только функцией Direct: бизнес-страница позволяет устанавливать любые доступные средства связи (телефон, электронная почта, мессенджеры), а также активную ссылку на сайт компании при ее наличии.

Границы рынка Инстаграм велики: невозможно классифицировать по каким-либо основаниям сферы, охваченные ресурсом, за исключением общих: продажа товаров, оказание услуг, выполнение работ. Для целей настоящего исследования мы исходим из того, что все страницы Инстаграм делятся на два вида: личный аккаунт и бизнес- (профессиональный) аккаунт. Именно бизнес-аккаунт будет рассматриваться с позиции ведения семейного предпринимательства.

Политика Инстаграм направлена на защиту прав пользователей от недостойного контента и защиту интеллектуальных прав. Вместе с тем ведение бизнеса в Инстаграм обладает рядом специфических черт, которые идут в разрез с действующим российским законодательством. Объем настоящей статьи не позволяет углубиться в каждую из проблем, связанных с ведением семейного бизнеса в Инстаграм, ввиду чего обозначу общий круг вопросов, требующих своего правового разрешения, но которые неразрывно связаны с пониманием семейного бизнеса в социальных сетях:

- «возрастной ценз»: определение возраста, с которого можно заниматься предпринимательской деятельностью в социальных сетях. Согласно Условиям пользования правом на создание страницы обладает физическое лицо, достигшее 13-летнего возраста или возраста, «начиная с которого в вашей стране законодательно разрешено использовать Instagram» [13];

- «открытость»: перевод личной страницы в бизнес-страницу в Инстаграм не влечет обязанности субъекта регистрироваться в качестве самозанятого, индивидуального предпринимателя или юридического лица;

- «определенность»: установление правового статуса лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность исключительно в социальной сети;

- «защищенность»: защита бизнеса, осуществляемого в социальной сети. Системное толкование Условий пользования позволяет сделать вывод, что при сохранении права собственности на контент с безвозмездным предоставлением неисключительной лицензии на него, аккаунт пользователя может быть в любое время заблокирован или удален, если сообщество придет к выводу, что последний создает «риск или неблагоприятные правовые последствия», без предварительного уведомления. Учитывая наличие методов недобросовестной конкуренции, любой пользователь может обратиться с псевдожалобой на бизнес-аккаунт и, если сообщество сочтет необходимым приостановить видимость аккаунта, пользователь лишается возможности управлять своим бизнесом на определенное время;

- «ответственность»: защита прав потребителей товаров/услуг, предлагаемых в социальных сетях.

Предпринимательская деятельность в социальных сетях нуждается в самостоятельном правовом регулировании. Нетипичный характер правоотношений обусловил развитие всего направления вне рамок правового поля. Законодательные инициативы весьма слабы на этом поприще, хотя такая необходимость явно назрела. В рамках научной дискуссии предлагается авторское видение формирования основных направлений развития предпринимательской деятельности, осуществляемой в социальных сетях:

- корреляция предпринимательской деятельности, осуществляемой в социальных сетях, с действующим законодательством;
- установление детерминант, способных оказать влияние на предпринимательскую деятельность, осуществляемую в социальных сетях;
- выделение особенностей, позволяющих определить границы «личного» и «семейного» бизнеса, осуществляемого в социальных сетях.

Список литературы

1. Андреев В.К. Правовое регулирование семейного бизнеса: теоретические вопросы / Семейный бизнес в правовом пространстве: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020.
2. Баркова Л.А. Правовое обеспечение гармонизации интересов семьи как основы правовой модели семейного предпринимательства / в кн. «Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора О.Ю. Ильиной». М., 2019.
3. Ершова И.В. Семейный бизнес явление уникальное и не до конца изученное / Семейный бизнес в правовом пространстве: монография / отв. ред. И.В. Ершова, А.Н. Левушкин. М., 2020.
4. Ильина О.Ю. Актуальные предпосылки возобновления дискуссии о понятии и признаках семьи как правового института / в кн. «Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Научная школа доктора юридических наук, профессора О.Ю. Ильиной». М., 2019.
5. Левушкин А.Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4.
6. Мохов А.А. Семейное и малое предпринимательство в современной России: доктрина и законодательство // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2017. № 2 // СПС «КонсультантПлюс»: поиск по автору.
7. Перчаткина С.А., Черемисинова М.Е., Цирин А.М., Цирина М.А., Цомартова Ф.В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2012. № 5.
8. Примочкин Б. Интернет-экономика: перспективы развития // ЭЖ-Юрист. 2012. № 17.

9. Старикова Т.Г. Стенограмма парламентских слушаний Комитета Государственной Думы по государственному строительству на тему «Имущественные отношения в семье: судебная практика и законодательство» // Семейное и жилищное право. 2018. № 1 // СПС «КонсультантПлюс»: поиск по автору.

10. В России назвали сферы бизнеса с наибольшими убытками из-за коронавируса. Электронный ресурс. Доступ: <https://www.rosbalt.ru/business/2020/04/06/1836720.html> (дата обращения: 12.06. 2020).

11. Almazrouei F.A., Alshurideh M., Al Kurdi B., Salloum S.A. (2021) Social Media Impact on Business: A Systematic Review. In: Hassanien A.E., Slowik A., Snášel V., El-Deeb H., Tolba F.M. (eds) Proceedings of the International Conference on Advanced Intelligent Systems and Informatics 2020. AISI 2020. Advances in Intelligent Systems and Computing, vol 1261. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58669-0_62

12. <https://www.facebook.com/4/posts/10106340834478671>

13. <https://help.instagram.com/581066165581870/>

Об авторе:

БОГДАН Варвара Владимировна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственного университета» (305000, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94), SPIN-код: 8619-9471, e-mail: KurskPravo@yandex.ru

A FAMILY-RUN BUSINESS IN SOCIAL NETWORKS

V.V. Bogdan

Southwest State University, Kursk

The article defines a new direction of scientific research: features of family-run business in social networks. The author focuses on the lack of a legal infrastructure that can properly protect the business itself as well as the rights of family members. The research is based on features of family-run business in Instagram. The article is a continuation of the author's research on atypical forms of civil relations that require legislative regulation.

Keywords: *family, entrepreneurship, family member, social network, business, legal regulation*

About the author:

BOGDAN Varvara Vladimirovna – doctor of law, associate Professor, head of the Department of civil law of Southwest State University (305000 Kursk, 50 Let Oktyabrya Street, 94), SPIN-код: 8619-9471, e-mail: KurskPravo@yandex.ru.

РАЗДЕЛЬНОЕ ПРОЖИВАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ ПО СПОРАМО МЕСТЕ ЖИТЕЛЬСТВА РЕБЕНКА: ВОЗМОЖНО ИЛИ НЕОБХОДИМО (ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ)?

О.И. Величкова

Воронежский государственный университет, г. Воронеж

Автор анализирует теоретические подходы и судебную практику по спорам о месте жительства ребенка, а именно, является ли необходимым для рассмотрения данного вида спора, чтобы родители проживали отдельно. Автор предлагает свой подход к решению данного вопроса, указывая, что рассмотрение данного спора возможно в том числе и тогда, когда один из родителей планирует в будущем переехать с детьми в другое место жительства.

Ключевые слова: место жительства ребенка, права родителей, раздельное проживание родителей.

Споры о месте жительства ребенка относятся к числу распространенных, а «накал страстей» в данных спорах имеет тенденцию к увеличению. Изменение общества, социальных ролей мужчины и женщины, расслоение общества (появление людей с огромными возможностями и людей, которые могут обеспечить потребности ребенка в минимальном размере) привело к переосмыслению ряда правовых категорий в данном виде споров.

Цель настоящей статьи: выявить, насколько фактическое раздельное проживание родителей должно быть необходимым условием для рассмотрения указанного типа спора.

Начнем с анализа законодательной базы.

Пункт 3 ст. 65 СК РФ [15] устанавливает: «место жительства детей *при раздельном проживании родителей* устанавливается соглашением родителей». Конкретизируя данную норму и предмет доказывания, Пленум ВС РФ в п. 5 Постановлении от 27 мая 1998 г. «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» [13] указывает: «При этом суд принимает во внимание возраст ребенка, его привязанность к каждому из родителей, братьям, сестрам и другим членам семьи, нравственные и иные личные качества родителей, отношения, существующие между каждым из родителей и ребенком, возможность создания ребенку условий для воспитания и развития (с учетом рода деятельности и режима работы родителей, их материального и семейного положения, имея в виду, что само по себе преимущество в материально-бытовом положении одного из родителей не является безусловным основанием для удовлетворения требований этого родителя), а также другие обстоятельства, характеризующие обстановку, которая сложилась в месте проживания каждого из родителей». Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011)

[10] при детализации данных положений ничего нового по поставленному вопросу не указал, лишь вскользь повторив выделенные автором настоящей статьи фразы.

В этой связи отчасти не удивительно, что в судебной практике достаточно регулярно стали встречаться акты, в которых суд отказывал в иске об определении места жительства ребенка, как первоначальном, так и встречном, если родители ребенка на момент спора проживали по одному адресу [3]. Аналогичная позиция стала формироваться в умах ученых и практикующих юристов: «споры родителей о месте проживания возможны только в том случае, если родители проживают отдельно друг от друга» [6]. Профессор А.М. Нечаева замечала: «При совместном проживании родителей осуществление родительских прав составляет неотъемлемую часть жизни семьи» [7, с. 225], «главное, чтобы родители жили раздельно. Если, несмотря на спор, они продолжают жить на общей площади, решение спора судом лишено смысла» [7, с. 226]. Аналогично Александра Матвеевна относилась к рассмотрению спора об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно, и указывала, что если родители проживают вместе (в одном доме, квартире), то вопрос об обеспечении права на общение не стоит, поскольку постоянный контакт родителей и детей очевиден [9, с. 173].

В большей степени следует признать правоту коллег и обоснованность судебных актов. Однако жизнь многообразна и конкретные обстоятельства дела могут внести существенные коррективы в оценку применения п. 3 ст. 65 СК РФ.

Так, на наш взгляд, нет никаких препятствий для рассмотрения спора о месте жительства ребенка даже при фактическом совместном проживании его родителей, если истец планирует переехать проживать в другое место жительства и в преддверии переезда решил разрешить этот важный правовой вопрос. Соглашусь, что эта правовая ситуация нетипична и, как следствие, редка. Мы не привыкли цивилизованно, заранее решать семейный спор, не срывая детей с насиженного места, не увозя их, зачастую тайно, от другого родителя. Да и иногда, даже с точки зрения перспективы судебного процесса, проще переехать фактически с ребенком в другое место, обустроить все там, отправить ребенка в новую школу, сад, а потом сослаться на социализацию ребенка уже по новому месту, невзирая на стресс, который ребенок пережил от такой социализации. Но, как автор уже заметил ранее, жизнь очень многообразна и вариативна. Так и произошло в одной воронежской семье, где мама решила уйти от папы и очень хотела, чтобы их двое детей (7 и 11 лет) в дальнейшем проживали с ней. Отец детей не хотел разводиться с женой, считал проблемы в семье надуманными и никак не хотел решать семейные споры по воспитанию детей и разделу имущества добровольно, кроме того, он угрожал матери, что если она уйдет и заберет детей, он, в свою очередь, приведет их обратно и больше мать не пустит в квартиру. И были все основания не сомневаться в его угрозах. Дети посещали

школу, занимались в различных кружках и секциях, мама работала, отец же, наоборот, – «свободный художник» на удалённой работе с высоким доходом и гибким графиком. Ничего не мешало отцу забрать детей из школы, с секции, лишив мать доступа к детям, если она решит переехать в другое место жительства. Можно возразить, что матери на следующий день также ничего не мешает забрать детей из школы, секции и уже где-то в другом месте скрывать детей от отца до какого-то следующего дня, когда уже отец снова заберет детей и заблокирует мать от них. Но понимание матерью, какая буря негатива будет со стороны отца, каким будет осложнение коммуникации между родителями, а, главное, какой стресс будет у детей, остановили ее от решения, которое ей, по сути, предлагает законодатель. Проблема еще осложнялась тем, что супруги жили в квартире по договору аренды, который заключал именно супруг и имел возможность корректировать условия в этом договоре. У супругов было достаточно общего имущества, в том числе и недвижимого, но оно было трудноделимым (часть была в долевой собственности, часть была обременена ипотекой и правами других лиц, и на тот момент самая ликвидная часть была в строящемся состоянии), то есть можно было рассчитывать только на долгий, сложный и малоперспективный процесс по разделу, и, забегая вперед скажу, что это удалось не скоро и только через заключение мирового соглашения по делу о разделе имущества. В итоге в начальной отправной точке у матери был выбор: либо выехать с детьми из квартиры в какое-то временное жилье (пока не будет решен вопрос с разделом, и у матери не появится достаточно имущества и (или) денег, чтобы решить вопрос с собственным жильем) либо, оставаясь проживать с отцом детей и детьми на одной жилой площади, в преддверии переезда инициировать процесс о месте жительства детей. Но во втором случае следовало бы предложить суду будущий адрес фактического проживания детей. Для соблюдения требований законодательства, суду необходимо было проверить условия, в которых планируется проживать детям, для этого должен быть привлечен орган опеки и попечительства по месту нового предполагаемого жительства ребенка, который, как обычно, должен был сделать обследование условий жизни ребенка и дать заключение по делу. И такой возможный адрес у матери был: квартира ее родителей, которые проживали в этом же районе города и готовы были принять дочь с детьми, площадь квартиры позволяла обустроить быт детям. Идти против судебной практики и буквального толкования закона трудно, но не невозможно. В помощь рассуждениям автора статьи в толковании п. 3 ст. 65 СК РФ была позиция А.М. Нечаевой, высказанная ею в 1998 г., а именно, что исключением из общего правила применения данной нормы составляют случаи, «когда существует реальная возможность переезда родителя в другое место, в связи с чем он хочет знать заранее, с кем в дальнейшем будет находиться ребенок постоянно» [8, с. 169]. Но, как мы видим из выше приведенных более поздних цитат Александры Матвеевны, данная позиция не была устойчивой. Тем не менее обстоятельства вышеуказанного конкретного дела позволили

предложить суду именно такую трактовку п. 3 ст. 65 СК РФ. И пускай не сразу, но суды согласились с подобной трактовкой. Так, суд первой инстанции отказал как в иске матери об определении места жительства детьми с нею, так и во встречном аналогичном иске отца, указав, что «необходимым условием для определения места жительства детей является раздельное проживание родителей», и разрешение требований об определении места жительства детей преждевременно и не подлежат удовлетворению [14]. Суды вышестоящих инстанций проявили более гибкую позицию, подтверждающую разумность предложения автора настоящей статьи о трактовке п. 3 ст. 65 СК РФ. Воронежский областной суд, отменяя вышеуказанное решение районного суда, указал, что суд первой инстанции не учел существенные, имеющие значение для дела фактические обстоятельства, а именно то, что истица планирует переехать проживать по адресу регистрации с детьми в квартиру ее родителей, в дальнейшем решить жилищную проблему самостоятельно за счет имеющихся у нее активов и полученного имущества при разделе совместной собственности супругов [1]. Первый кассационный суд общей юрисдикции оставил Апелляционное определение Воронежского областного суда по данному делу в силе, повторив доводы коллег [12].

Подробный анализ данного дела очень показателен, он четко обозначает пороки негибкой трактовки п. 3 ст. 65 СК РФ, фактическое провоцирование данной нормой более глубокого конфликта между родителями ребенка, а главное, дополнительного стресса у детей. В этой связи наше предложение представляется важным и требующим закрепления либо в Семейном кодексе РФ, либо в разъяснениях Верховного Суда РФ. Если бы Верховный Суд РФ закрепил предлагаемую трактовку указанной нормы в Пленуме ВС РФ, то он не вышел бы за пределы своих полномочий, и такое разъяснение было бы «направлено на благополучия лица, участвующего в деле и в целом россиян» [5, с. 20], а также на защиту прав детей.

Теоретически повлиять на современную трактовку применения п. 3 ст. 65 СК РФ может также судебная практика о необходимости (или наоборот, исключения) указания в резолютивной части решения суда об определении места жительства ребенка конкретного адреса, по которому ребенку совместно с родителем следует проживать. Судебная практика по данному вопросу не однозначна. С одной стороны, адрес, где суд определяет в будущем место жительства ребенка, безусловно важен. Это одна из необходимых частей предмета доказывания по делу, именно с учетом характеристик жилых помещений, суд будет определять возможность создания ребенку условий для воспитания и развития. Анализ судебной практики показывает, что в большинстве случаев суд в резолютивной части указывает конкретный адрес. Имеется и другая судебная практика. Так, Верховный Суд РФ, отменяя нижестоящие судебные акты по сложному и неоднозначному делу, в числе прочих доводов указывал, что «принимая решение об определении места жительства К..., суд первой инстанции указал конкретный адрес про-

живания несовершеннолетнего, в то время, как законом предусмотрена возможность определения места жительства ребенка с одним из родителей, а не по месту нахождения жилого помещения, принадлежащего одному из родителей» [11]. Подобной практики много и на уровне судов субъектов РФ, так, Московский городской суд указал, что «доводы апелляционной жалобы ответчика А.М. о том, что суд, определяя место жительства несовершеннолетних детей с матерью, не указал конкретный адрес, не могут являться основанием к отмене решения суда, поскольку в соответствии с положениями ст. 65 СК РФ суд при отсутствии соглашения определяет место жительства детей с одним из родителей, а не по конкретному адресу [2], похожий вывод делался и Ставропольским городским судом [4]. Последний подход подвергается критике в науке семейного права [16, с. 12 – 14; 17].

Если второго типа судебную практику спроецировать на рассмотрение споров между родителями о месте жительства ребенка, может сложиться впечатление, что концепция данных видов споров меняется, что различное место жительства родителей, по общему правилу, уже не является необходимым элементом данной категории дел. Однако мы бы не спешили со столь радикальными выводами. Напоминаем, что сама фабула п. 3 ст. 65 СК РФ допускает данный вид спора в случае раздельного проживания родителей (реального или, как мы предлагаем, доказанного потенциального), и у нас вызывает большие сомнения возможность столь радикального поворота практики в прямом противоречии нормам СК РФ.

Список литературы

1. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 17 октября 2019 г. по делу №33-5603/ Архив Ленинского районного суда города Воронежа.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 18 апреля 2013 года по делу №11-41766// СПС «Консультант плюс».
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 28 апреля 2016 №33-17585// СПС «Консультант плюс».
4. Апелляционного определение Ставропольского краевого суда от 13 сентября 2016 года по делу №33-7643/2016// СПС «Консультант плюс»
5. Беспалов Ю.Ф. Семейные правила судов Российской Федерации как эрзац-способ преодоления пробелов в законодательстве // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 16–23.
6. Виктория Дергунова «Споры родителей о воспитании детей» / <https://fparf.ru/news/fpa/kogda-v-roditelyakh-soglasya-net/>
7. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации/ Отв. ред. И.М. Кузнецова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2000. 568 с.
8. Нечаева А.М. Семейное право. Курс лекций. М.: Юристъ, 1998. 336 с.
9. Нечаева А.М. Дети России / А.М. Нечаева – М.: Издательство ООО «Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования», 2013 – С. 173 (192 с.).

10. Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.07.2011) // Бюл. Верх. Суда РФ. 2012. № 7.

11. Определение Верховного суда РФ о 17 сентября 2013 года по делу №18-КГ13-85// СПС «Консультант плюс».

12. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 4 марта 2020 года по делу № 88-6275/2020/ Архив Ленинского районного суда города Воронежа.

13. О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.05.1998 № 10 (ред. от 26.12.2017) // Бюл. Верх. Суда РФ. 1998. № 7.

14. Решение Ленинского районного суда города Воронежа по делу № 2-1072/2019 от 28 мая 2019 г. // Архив Ленинского районного суда г. Воронежа

15. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

16. Якушев П.А. Резолютивная часть решения суда по спорам о воспитании детей как квинтэссенция выводов о наилучших интересах ребенка // Судья. 2019. №10. С. 12–19.

17. Якушев П.А. Споры о детях: традиционные ценности и судебная практика: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с.

Об авторе:

ВЕЛИЧКОВА Оксана Ивановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет» (394006, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, 1), SPIN-код: 8196-28798, e-mail: velmosk@bk.ru

SEPARATION OF PARENTS IN DISPUTES OVER THE CHILD'S PLACE OF RESIDENCE: POSSIBLE OR NECESSARY (DOCTRINAL ANALYSIS AND PRACTICAL REALITIES)?

O.I. Velichkova

Voronezh State University

The author analyzes theoretical approaches and judicial practice in disputes over the place of residence of the child. The author explores whether it is necessary for the consideration of this type of dispute that the parents live separately. The author proposes his approach to resolving this issue, indicating that the consideration of this dispute is possible, including when one of the parents plans to move with the children to another place of residence in the future.

Keywords: *child's place of residence, parents rights, parents separation.*

About the author:

VELICHKOVA Oksana Ivanovna – cand. jur. sci., associate professor of Civil Law and process of the Voronezh State University (394006, Russia, Voronezh, Universitetskaya Square, 1), SPIN-code: 8196-2878, e-mail: velmosk@bk.ru.

ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ АЛИМЕНТОВ В ТВЕРДОЙ ДЕНЕЖНОЙ СУММЕ: ПРЕФЕРЕНЦИИ ДОЛЖНИКУ ИЛИ ВЗЫСКАТЕЛЮ?

М.В. Громоздина

Новосибирский государственный университет
экономики и управления, г. Новосибирск

В статье анализируются основания взыскания алиментов в твердой денежной сумме с позиции должника и взыскателя с учетом того, в каких случаях стороны выступают инициаторами такого способа взыскания.

Ключевые слова: алименты, твердая сумма, доход, родители, размер алиментов.

Круг вопросов, связанных с взысканием алиментов, причем не только на содержание детей, хорошо известен. Проблемы взыскания алиментов также занимают ключевые позиции как в теории, так и в практике. Вместе с тем отдельные аспекты алиментных правоотношений, например, вопросы взыскания алиментов в твердой денежной сумме и их индексации, на современном этапе остаются недостаточно изученными и потому нуждаются в дополнительном внимании со стороны ученых, законодателя и судебной практики. Предварительно заметим, что наибольшие сложности, связанные с взысканием алиментов и исполнением алиментных обязанностей, все-таки имеются в отношении несовершеннолетних детей. Рассмотрим этот и другие проблемные вопросы в данной статье.

Взыскание алиментов в твердой денежной сумме представляет собой альтернативный способ взыскания алиментов, потому что в российской практике самым распространенным способом является взыскание алиментов в долевом отношении к заработку в порядке ст. 81 СК РФ. Алиментные обязательства родителей по отношению к ребенку не связаны с имущественным и семейным положением ребенка [4, с. 20]. Родители обязаны содержать своих детей, но количество судебных дел позволяет утверждать, что эта обязанность исполняется родителями не всегда добровольно и не всеми – надлежащим образом. Вместе с тем наличие альтернативных способов взыскания и уплаты алиментов позволяет учитывать интересы участников алиментных отношений, включая родителей и детей. Взыскание алиментов возможно не только в долевом отношении к заработку и иному доходу, но и в твердой денежной сумме, которая, как правило, приравнивается к прожиточному минимуму. Очень часто в решении суда указывается конкретная сумма алиментов в размере, кратном прожиточному минимуму, с учетом индексации по уровню прожиточного минимума для конкретного региона. Например, суд может в решении отразить так: взыскать алименты в размере кратном двум величинам прожиточного минимума для детей.

Обращаясь к тексту Семейного кодекса РФ, следует обратить внимание на ст. 83 о взыскании алиментов в твердой денежной сумме. Исходя из смысла п. 1 названной статьи основаниями для взыскания алиментов в твердой денежной сумме являются: нерегулярный, меняющийся заработок (сезонные работы), заработок частично в натуре, заработок в иностранной валюте или, если отсутствует заработок и (или) иной доход, и в других случаях. Вместе с тем перечень этих оснований нельзя назвать безупречным по причине их неоднозначности. Так, «ст. 131 Трудового кодекса Российской Федерации допускает лишь 20 процентов заработной платы, выплачиваемой в неденежной форме. То есть фактически Пленум дал разъяснение нормы СК РФ, противоречащей норме ТК РФ, устанавливающей формы оплаты труда» [3, с. 186]. То есть, исходя из смысла п. 1 ст. 83 СК РФ, заработок может быть получен в натуре полностью, что противоречит ст. 131 ТК РФ.

Также обращает внимание п. 2 ст. 83 СК РФ, указывающий на то, что размер твердой денежной суммы определяется судом исходя из максимально возможного сохранения ребенку прежнего уровня его обеспечения с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимания обстоятельств. Это положение является поводом для дискуссий, связанных с тем, как и кто может определить тот самый прежний уровень, и что есть «другие заслуживающие внимания обстоятельства». Обсуждение предложений об установлении минимального размера алиментов в целом находит поддержку специалистов в области семейного права [5, с. 24]. В связи с тем, что указанные в п. 2 ст. 83 СК РФ критерии являются оценочными и размытыми, суды руководствуются более четкими и понятными критериями, связанными с прожиточным минимумом.

Следует отметить, что процесс взыскания и изменения порядка уплаты алиментов в твердой денежной сумме на содержание несовершеннолетних детей осуществляется, как правило, в судебном порядке. Рассмотрим предусмотренные законодательством и чаще всего используемые этапы, ведущие к взысканию или уплате алиментов в твердой денежной сумме. Важно, что в большинстве случаев вопрос о взыскании алиментов в твердой денежной сумме является вторым этапом взыскания алиментов, так как на первом этапе алименты взыскиваются по судебному приказу в долевом отношении к заработку, и лишь потом один из родителей ставит вопрос об изменении способа взыскания. Кто из родителей и почему больше заинтересован в получении или уплате алиментов в твердой денежной сумме есть тот вопрос, который попробуем раскрыть далее.

1. Заключение мирового соглашения о взыскании алиментов в твердой денежной сумме на стадии исполнения судебного решения. Согласно ст. 50 ФЗ «Об исполнительном производстве»¹ – до окончания исполнительного производства стороны исполнительного производства вправе заключить

¹ Федеральный закон «Об исполнительном производстве» от 2.10.2007 № 229-ФЗ // СПС КонсультантПлюс.

мировое соглашение, соглашение о примирении, утверждаемые в судебном порядке. В этом случае должник и взыскатель (они же – стороны по делу) должны иметь предварительную договоренность об условиях мирового соглашения, так как для реализации положений указанной нормы необходимо обязательное согласие двух сторон. Проект мирового соглашения подается в суд, который его утверждает в судебном заседании. Как правило, суды это делают охотно и быстро. Основное время уходит на согласование условий и подготовку проекта мирового соглашения. Такой способ разрешения спора является оптимальным и компромиссным для сторон, так как они имеют возможность включить условия, удовлетворяющие обе стороны, и не противоречащие закону [1, с. 96].

2. Подача иска в суд об изменении способа взыскания алиментов – в твердой денежной сумме, вместо долевого отношения к заработку. Такой способ взыскания алиментов прямо предусмотрен семейным законодательством. По мнению автора, инициатором изменения способа взыскания либо первоначального способа могут быть как взыскатель, так и лицо, обязанное уплачивать алименты. Иной подход встречается в судебной практике. Так, в определении Мосгорсуда указано: «Согласно п. 58 Постановления Пленума ВС РФ от 26.12.2017 г. № 56 "О применении судами законодательства при рассмотрении дела, связанных со взысканием алиментов", право требования размера алиментов с долевого отношения к заработку на алименты в твердой денежной сумме принадлежит получателю алиментов. Анализируя представленные доказательства по делу, суд первой инстанции пришел к выводу об отказе в удовлетворении исковых требований, поскольку требование истца об изменении размера алиментов на содержание несовершеннолетних детей с долевого отношения на твердую денежную сумму не могли быть заявлены им, поскольку такое право предоставлено получателю алиментов»¹. Такая интерпретация суда представляется спорной, так как из анализа положений закона не следует запрета должнику заявлять самостоятельные требования об изменении способа взыскания с него алиментов.

Каждая сторона в таких случаях имеет свой собственный интерес, как-то:

в первом случае, взыскатель крайне заинтересован в алиментах, а должник имеет минимальный доход или вовсе не работает, и взять с него нечего. Хотя в соответствии с действующим законодательством (ст. 113 Семейного кодекса РФ и ст. 102 Федерального закона «Об исполнительном производстве») задолженность по алиментам определяется исходя из размера средней заработной платы в Российской Федерации на момент взыскания задолженности, что дает возможность судебному приставу-исполнителю рассчитать задолженность по алиментам в достаточном большом размере. Но это, однако, не гарантирует реального взыскания всей суммы задолженности.

¹ Определение Московского городского суда от 10.12.2018 № 4г-15863/18 // СПС «КонсультантПлюс».

С целью обоснования конкретной – твердой денежной суммы алиментов – взыскатели нередко относят (и суды учитывают) к числу алиментов расходы, связанные с получением дополнительного образования ребенком, медицинское сопровождение за пределами ОМС, приобретение дорогостоящей техники, коммунальные платежи и др., что, по мнению автора, является иными расходами, чем алиментное содержание, а именно: эти расходы следует относить к дополнительным расходам, установленным в ст. 86 Семейного кодекса РФ. Так, следует согласиться с позицией О.Н. Замрий о том, что «дополнительные расходы на содержание ребенка как институт семейного права имеют исследовательскую перспективу» [2, с. 25].

Во втором случае, должник желает снизить размер алиментов, которые были взысканы в долевом отношении от совокупного дохода, например, в результате осуществления предпринимательской деятельности, ограничиваясь конкретной денежной суммой. Суды руководствуются п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56¹ о том, что высокий доход у родителя, обязанного уплачивать алименты, сам по себе не относится к установленным ст. 83 СК РФ обстоятельствам, при которых возможно взыскание алиментов в твердой денежной сумме, а не в долевом отношении к заработку. Лица, обязанные уплачивать алименты, с иском о взыскании алиментов в твердой денежной сумме зачастую обращаются по причине высокого дохода, когда $\frac{1}{4}$ от заработка, например, составляет несколько сотен тысяч рублей. В таких случаях должники полагают, что уплата алиментов в таких размерах существенно нарушает их интересы и является «неосновательным обогащением» для взыскателя. Не углубляясь в аргументацию обеих сторон по обозначенной ситуации, отметим лишь то, что суды эти доводы во внимание не принимают. При этом согласно ст. 56 ГПК РФ бремя доказывания обстоятельств, связанных с возможностью взыскания алиментов на несовершеннолетнего ребенка в твердой денежной сумме в связи с нарушением интересов плательщика алиментов, возлагается на лицо, обязанное уплачивать алименты.

Верховным Судом уже дано разъяснение (п. 24 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56), что наличие у родителя постоянной работы и регулярного заработка не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении требования о взыскании с такого лица алиментов на несовершеннолетнего ребенка в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме, если судом будет установлено, что взыскание алиментов в долевом отношении к заработку и (или) иному доходу родителя не позволяет сохранить ребенку прежний уровень

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов" // СПС КонсультантПлюс.

его обеспечения и взыскание алиментов в твердой денежной сумме или одновременно в долях и в твердой денежной сумме будет в наибольшей степени отвечать интересам ребенка и не нарушать права указанного родителя.

Судебная практика свидетельствует о том, что наиболее часто алименты в твердой денежной сумме взыскиваются с лиц, ведущих предпринимательскую деятельность. Суды исходят из того, что доход предпринимателей носит нерегулярный, меняющийся характер, в связи с чем установить точный доход обязанного лица затруднительно. Ситуации, когда доходы не соответствуют фактическим расходам, рассматриваются судами с учетом того, из чего складываются фактические расходы. Например, суммы на оплату ипотеки предоставляются организацией на условиях беспроцентного займа. Однако случаи оплаты автокредита или ипотеки в размере, превышающем доход, скорее будут истолкованы как сокрытие реального дохода.

Преимущества «твердых» алиментов имеются для обеих сторон алиментных правоотношений.

Преимущества для взыскателя можно сформулировать так: твердая сумма алиментов – это возможность взыскать сумму, соответствующую реальным материальным возможностям плательщика, и регулярно для взыскателя, если плательщик алиментов скрывает или не желает афишировать свой реальный доход, а потому выплачивает алименты на основе документов о минимальных заработных платах или «нулевых» деклараций.

Преимущества для должника могут заключаться в следующем: выплата конкретной денежной суммы освобождает должника от обязанности предоставлять информацию о своих доходах, включая полученные дивиденды, например, фиксированная сумма алиментов позволяет должнику более свободно распоряжаться своими денежными средствами, независимо от роста зарплаты и иных доходов. Несмотря на наличие преференций как для должника, так и для взыскателя в отдельных случаях, недостатки и материальные риски также имеются у каждого участника алиментных обязательств. Однако, если делать акцент на то, что речь идет об алиментах на содержание общего ребенка взыскателя и должника, то руководствоваться родителям следует не личными выгодами, а исключительно интересами общего несовершеннолетнего ребенка, в воспитании которого они должны быть заинтересованы и участвовать в равной степени.

Подводя итоги, важно отметить, что ситуации, связанные с взысканием алиментов, в целом осложнены тем, что должник и взыскатель находятся в конфликтных отношениях, что нередко является основной причиной нежелания платить алименты. Законом предусмотрены возможности заключения соглашений об уплате алиментов в любой форме и любом размере, однако, как показывает практика, достижение договоренности является более сложным путем, чем обращение в суд.

Список литературы

1. Беспалов Ю.Ф. Все о взыскании алиментов. Теория и практика. М., 2020. 128 с.
2. Замрий О.Н. Дополнительные расходы на детей в контексте равенства прав и обязанностей родителей: новые возможности для злоупотребления интересом // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 1. С.182–188.
3. Ильина О.Ю. О новых направлениях формирования судебной практики по делам о взыскании алиментов в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 24–29.
4. Касаткина А.Ю. Алиментные обязательства в Российской Федерации. М., 2020. 96 с.
5. Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М., 2018. 207 с.

Об авторе:

ГРОМОЗДИНА Мария Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Новосибирского государственного университета экономики и управления», (630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56), SPIN-код: 8584-3204, e-mail: gromlaws@mail.ru

PECULIARITIES OF RECOVERY OF ALIMONIES IN A LONG CASH: PREFERENCES TO A DEBTOR OR RECOVERER?

M.V. Gromozdina

Novosibirsk State University of Economics and Management

The article analyzes the grounds for collecting alimony in a fixed amount from the position of the debtor and the claimant, taking into account the cases in which the parties initiate such a method of collection.

Keywords: *alimony, fixed amount, income, parents, amount of alimony.*

About the author:

Gromozdina Maria – Phd, associate professor of the department of civil and commercial law, Novosibirsk State University of Economics and Management (630099, Novosibirsk, 56 Kamenskaya St.), SPIN-code: 8584-3204, e-mail: gromlaws@mail.ru.

О ПРОБЛЕМАХ РАЗРЕШЕНИЯ СЕМЕЙНЫХ СПОРОВ

Б.А. Джандарбек

Казахский американский университет, г. Алматы

Автор отмечает необходимость формирования системы специальных судов, специализирующихся на рассмотрении споров, возникающих из семейных правоотношений. Обосновывается необходимость применения особой процедуры расторжения брака и сопутствующих ему споров, в частности, связанных с воспитанием детей.

Ключевые слова: семейные споры; проект «Семейный суд»; расторжение брака; интересы ребенка.

В данной статье речь пойдет о правовых вопросах семьи, о проблемах семьи. Как известно, семья – фундамент любого государства, общества. Меняются законы, меняются порядки, но семейные ценности – это святое, вечное и неизменное. Именно с семьи берет начало все хорошее, поэтому начну с небольшого правового исторического экскурса.

С 12 августа 1994 г. Казахстан является стороной Международной Конвенции ООН о правах ребенка. Одним из руководящих принципов Конвенции является принцип наилучшего обеспечения интересов ребенка. Конвенция признает право каждого ребенка, обвиненного в нарушении закона, на «принятие решения по рассматриваемому вопросу независимым компетентным и беспристрастным органом». В целях реализации Конвенции в 2002 г. принят Закон Республики Казахстан «О защите прав ребенка». Указом Главы государства от 4 февраля 2012 г. созданы суды по делам несовершеннолетних (ювенальные) суды во всех областных центрах и некоторых крупных городах республики.

Наше отечественное законодательство по рассматриваемому вопросу в своем развитии пошло дальше. Речь идет о том, что в Казахстане идет серьезная работа по широкому кругу вопросов обеспечения прав детей, достигнуты серьезные результаты по ювенальной юстиции, предотвращению насилия в отношении женщин и детей, мониторингу прав детей. Развивается система пробации, дивергенции, медиации, психологической поддержки. В настоящее время изучается возможность создания во всех областях организации семейного и социального развития, центров поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Необходимо подчеркнуть то, что семейные споры – одни из самых сложных. Сейчас разводы рассматриваются в судах общей юрисдикции, рассматриваются очень быстро и не решаются вопросы имущественные, вопросы места жительства детей. Потом начинаются проблемы: супруга (супруг) обращается с назначением алиментов, потом они начинают работать над решением вопроса: где и с кем будет жить ребенок. Если уже невозможно сохранить семью, только тогда будут рассматривать вопрос развода, потому что каждому ребенку нужна семья. А если это просто

невозможно, то будут не только расторгать брак, но и рассматривать имущественные права детей, определять место жительства, время посещений с позиции прав ребенка.

Выделение семейных споров из общей массы дел и создание специализированного состава позволит сократить время на их рассмотрение в суде. К правовым аргументам примешиваются эмоции сторон, накопленные обиды. Ведь в суды граждане приходят, когда уже наступил кризис, и они нуждаются в помощи. Между тем крайне важно, чтобы окончательное решение обе стороны приняли и разумом, и сердцем. Многие проблемы нашего общества мы пытаемся решать юридическими, правовыми мерами. На самом деле это не тот путь, который может эффективно решать эти вопросы. Первое слово там за психологами, конфликтологами, за специалистами, которые знают, как нужно вести беседу и как разрешать эти конфликты. Все это происходит в здании суда, на досудебных процессах. И судьи, когда принимают решение, всегда ориентируются на авторитетное экспертное заключение этих специалистов.

Между тем остро встает проблема роста числа разводов. В Казахстане распадается каждый третий брак. По результатам мультикласстерного обследования в Казахстане, только 6,6 процента детей в возрасте до пяти лет получают поддержку со стороны отцов. Недостаточно развиты профилактические меры. Работа с семьей проводится по факту наступления трудной жизненной ситуации. Результаты вышеуказанного исследования таковы: при расторжении брака на первый план выходит не правовые проблемы, а психологические, и с этим судьи сталкиваются в подавляющем большинстве случаев.

С учетом вышеизложенного в сентябре 2018 г. Верховным Судом Республики Казахстан запущен пилотный проект «Семейный суд». Данный экспериментальный проект призван примирять конфликтующие стороны. Как мы понимаем, идея создания семейных судов возникла неслучайно. Чаще всего люди приходят, чтобы развестись и взыскать алименты. И если раньше иски принимали без разбору, то теперь судьи могут потребовать объяснений у заявителей. Большим прогрессом создания этого проекта является то, что в проекте работают отдельные судьи, которые будут заниматься только брачно-семейными делами. Кроме того, чтобы рассматриваемая проблема решалась неформально, процесс проходит с привлечением психологов.

Обращает на себя внимание сложность механизма семейного суда, требующего применения специальных знаний и навыков, поэтому несомненно положительный эффект окажет и тот факт, что семейными спорами станут заниматься узконаправленные специалисты, которые будут обладать опытом в семейном праве. При разрешении дел судьи должны иметь особый опыт разрешения семейных споров, так как работают с семьями и детьми.

Не вызывает сомнения необходимость введения такого порядка, когда, чтобы до того, как пойти в суд, люди поработали в центре семьи, чтобы создали его при местных исполнительных органах. Чтобы там работали семейные психологи, конфликтологи, социальные работники, медиаторы, юристы, была бесплатная консультация и другие специалисты, чтобы они могли все это там получить, и уже когда они все это пройдут и определятся, есть ли у них проблема, возможно ли сохранение семьи, потом уже приходили в суд. И в данном случае цель в том, чтобы не допустить случайных разводов на эмоциях, чтобы люди разобрались и, может, начали жизнь с нового листа или же развелись без обид друг на друга, чтобы потом могли воспитывать детей не как супруги, а как родители.

Предлагается внедрение подобных механизмов и в органах регистрации актов гражданского состояния (РАГС), но с одним условием: чтобы при заключении брака с молодыми беседовали психологи и медиаторы.

Необходима превентивная работа государственных органов, на которых по роду деятельности возложены такие полномочия, активность равнодушных граждан и общественных организаций.

Разумеется, для введения семейных судов потребуется решить ряд организационно-правовых и финансовых вопросов в стране, поскольку разрешение проблемы ориентировано на повышение эффективности механизмов защиты материнства и детства, а также укрепление института семьи в Казахстане:

во-первых, надо разработать проект закона о внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс и Кодекс «О браке (супружестве) и семье»;

во-вторых, для достижения соответствующих целей построить отдельные суды по рассмотрению семейных споров;

в-третьих, к подсудности семейных судов передать все семейные споры, затрагивающие интересы несовершеннолетних детей. К их числу отнести: определение порядка общения близких родственников с ребенком, разрешение на выезд ребенка за пределы Республики, вопросы родительских прав, защиты имущественных прав несовершеннолетних, наследственные споры, затрагивающие интересы несовершеннолетних детей, а также иные споры между родителями и несовершеннолетними детьми.

И в заключение еще одно предложение касается необходимости исключения практики рассмотрения заочного производства дел о расторжении брака и актуализация института отложения разбирательства по делу для целей сохранения семьи.

Список литературы

1. Кодекс Республики Казахстан от 26.12. 2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье»: ЮРИСТ, 2020.
2. Кодекс РК от 31.10 2015 г. № 377-V «Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан»: ЮРИСТ, 2020.

Об авторе:

Джандарбек Бауржан Абылқасымұлы – доктор юридических наук, ассоциированный профессор, Казахский американский университет, г. Алматы, Казахстан.

ON THE PROBLEMS OF FAMILY DISPUTE RESOLUTION

B.A. Dzhandarbek

Kazakh American University, Almaty

The author notes the need to form a system of special courts, specializing in the consideration of disputes arising from family legal relations. The necessity of applying a special procedure for divorce and related disputes, in particular, those related to the upbringing of children, is substantiated.

Key words: *family disputes; the Family Court project; divorce; interests of the child.*

About the author:

Dzhandarbek Baurzhan Abylkasymuly – doctor of law, associate professor, Kazakh American University, Almaty.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ В КОНТЕКСТЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Ю.А. Дронова

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье рассматриваются проблемные вопросы, связанные с содержанием и применением принудительных мер воспитательного воздействия, как мер уголовно-правового характера, с акцентом на межотраслевые корреляции с институтом родительских правоотношений в семейном праве.

Ключевые слова: принудительные меры воспитательного воздействия, предупреждение, передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа, возложение обязанности загладить причиненный вред, ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Принудительные меры воспитательного воздействия (далее – ПМВВ), как специальный институт уголовного права, наиболее явно отражающий особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних, вызывает значительный интерес в специальной литературе. Одним из вопросов, который возникает при его анализе, является двойная правовая природа этих мер: в соответствии со ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) они могут применяться при освобождении несовершеннолетних от уголовной ответственности, а согласно ст. 92 УК РФ несовершеннолетний может быть освобожден от наказания с применением тех же самых принудительных мер воспитательного воздействия. Казалось бы, с учетом темы статьи никаких корреляций с семейным правом в этом аспекте усмотреть невозможно. Однако если предполагать интерес родителей к судьбе ребенка, совершившего преступление, то у них вполне могут возникнуть вопросы относительно принудительных мер воспитательного воздействия в части уголовно-правовых последствий их применения на основании ст. 90 УК РФ, с одной стороны, и ст. 92 УК РФ – с другой. И, наверное, заинтересованные родители вправе понимать, на основании чего будет приниматься решение об освобождении их ребенка от уголовной ответственности или от наказания с применением одной или нескольких из тождественного перечня принудительных мер воспитательного воздействия. Следует признать, что правоприменитель вряд ли будет в состоянии аргументированно и обоснованно дать соответствующие разъяснения. Приходится констатировать, что законодатель, закрепив данный институт в нормах Уголовного кодекса подобным образом, не дал конкретных ориентиров правоприменителю в плане выбора варианта использования ПМВВ как альтернативы уголовной ответственности для несовершеннолетнего либо же как альтернативы

наказанию. В специальной литературе этот вопрос поднимался неоднократно [2, с. 7–11]. В частности, Н.В. Щедрин и Н.А. Никитина приходят к выводу о том, что выход из ситуации неопределенности видится в полном отказе от использования института освобождения от уголовной ответственности с применением ПМВВ [6, с. 1007–1011]. Соответственно, их позиция состоит в применении этих мер лишь как основания освобождения несовершеннолетних от наказания. Данная точка зрения видится вполне логичным разрешением вопроса о дуализме правовой природы принудительных мер воспитательного воздействия в УК РФ.

Проблема актуализируется с учетом анализа современной ситуации в России с преступностью несовершеннолетних, который свидетельствует о том, что она остается весьма неблагоприятной. По официальным данным ГИАЦ МВД РФ, в 2019 г. в стране несовершеннолетними лицами или при их участии было совершено примерно каждое двадцатое преступление (4,3 %) [5]. При этом Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем специальном Постановлении в п. 3 подчеркивает, что уголовная ответственность несовершеннолетних должна быть направлена на то, «чтобы применяемые к несовершеннолетним меры воздействия обеспечивали максимально индивидуальный подход к исследованию обстоятельств совершенного деяния и были соизмеримы как с особенностями их личности, так и с обстоятельствами совершенного деяния, способствовали предупреждению экстремистских противозаконных действий и преступлений среди несовершеннолетних, обеспечивали их ресоциализацию, а также защиту законных интересов потерпевших» [1].

Как уже отмечалось, принудительные меры воспитательного воздействия являются важнейшим институтом, способствующим дифференциации уголовно-правового реагирования в отношении преступлений несовершеннолетних. В соответствии с ч. 2 ст. 90 УК РФ видами принудительных мер воспитательного воздействия являются:

- а) предупреждение;
- б) передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа;
- в) возложение обязанности загладить причиненный вред;
- г) ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего.

Рассмотрим содержание данных мер в контексте родительских правоотношений.

В соответствии с ч. 1 ст. 91 УК РФ предупреждение состоит в разъяснении несовершеннолетнему вреда, причиненного его деянием, и последствий повторного совершения преступлений, предусмотренных настоящим Кодексом. В юридической литературе высказано немало критики относительно эффективности данной принудительной меры воспитательного воздействия. В рамках настоящей статьи углубляться в данный аспект в целом нецелесообразно. Однако отметим, что ряд исследователей

в целях повышения эффективности воздействия предупреждения на сознание несовершеннолетнего предлагает предусмотреть в законе его письменную форму. Так, Е.А. Антонян отмечает, что о целесообразности данной меры можно говорить в том случае, если процедурно возложить обязанность на несовершеннолетнего расписаться о разъяснении ему содержания предупреждения. Это будет иметь и немаловажное психологическое значение в части проявления самостоятельности и ответственности за совершаемые им те или иные действия [3, с. 113]. К высказанной позиции хотелось бы добавить, что усилить воспитательный потенциал предупреждения в данной форме вполне могут сопутствующие разъяснения и беседы и со стороны родителей несовершеннолетнего. Безусловно, это актуально лишь в случае понимания и осознания серьезности ситуации (и последствий ее повторения) с их стороны.

Следующая принудительная мера воспитательного воздействия из предусмотренного в УК РФ перечня – это передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа. В соответствии с ч. 2 ст. 91 она состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением. Вот здесь возникает масса корреляций с родительскими правоотношениями как институтом семейного права.

Как отмечается в п. 34 Постановления Пленума ВС РФ, решая вопрос о передаче несовершеннолетнего под надзор родителей или лиц, их заменяющих, суд должен убедиться в том, что указанные лица имеют положительное влияние на него, правильно оценивают содеянное им, могут обеспечить его надлежащее поведение и повседневный контроль за ним. Для этого необходимо, например, истребовать данные, характеризующие родителей или лиц, их заменяющих, проверить условия их жизни и возможность материального обеспечения несовершеннолетнего. При этом должно быть получено согласие родителей или лиц, их заменяющих, на передачу им несовершеннолетнего под надзор [1].

Следует отметить, что суды в целом учитывают разъяснения Пленума. Так, апелляционным постановлением Мурманского областного суда М1 в интересах осужденного М. отказано в удовлетворении апелляционной жалобы о применении принудительных мер воспитательного воздействия в виде передачи под надзор родителей. Несмотря на то, что несовершеннолетний М., а также его законный представитель М1 дают свое согласие о передаче под надзор М. последнему, суд оставляет постановление суда первой инстанции без изменения. Судом установлены следующие факты: несовершеннолетний М. не может быть передан под контроль своей матери М1, поскольку в отношении нее постановлением от 19 марта 2019 г. было прекращено уголовное дело с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 8 000 рублей, а 05 июня

2019 г. отделом дознания МО МВД России по ЗАТО г. Североморск и г. Островной вновь возбуждено уголовное дело за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 158 УК РФ. При таких обстоятельствах, сделать вывод о том, что М1 сможет положительно повлиять на подростка, обеспечит повседневный контроль за его поведением и должным образом будет заниматься воспитанием сына, не представляется возможным [7].

Несложно заметить, что и сама эта мера, и разъяснения Пленума в общем фактически совпадают по содержанию с обязанностью родителей, предусмотренной в ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации, согласно которой родители несут ответственность за воспитание и развитие своих детей, а также обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей. Вполне закономерно возникает вопрос о том, насколько целесообразно такое специфическое «напоминание» родителям об их обязанностях посредством меры уголовно-правового характера, ну и конечно, насколько это может быть эффективно. По оценкам специалистов, около восьмидесяти процентов несовершеннолетних, совершивших преступления, это дети из неблагополучных семей [3, с. 115]. То есть родители уже очевидно не справились со своими обязанностями по воспитанию ребенка, если он совершил уголовно-наказуемое деяние. Можно было бы исходить из этого, и тогда вообще отрицать целесообразность включения этой меры в перечень принудительных мер воспитательного воздействия в УК РФ. Однако нельзя исключить жизненных ситуаций, когда совершение преступления стало следствием случайного стечения обстоятельств, и родители будут способны скорректировать поведение своего ребенка (а, возможно, и свое поведение в отношении его воспитания) и не допустить повторения подобного в будущем.

Следующая мера воспитательного воздействия – возложение обязанности загладить причиненный вред. В соответствии с ч. 3 ст. 91 УК РФ обязанность загладить причиненный вред возлагается с учетом имущественного положения несовершеннолетнего и наличия у него соответствующих трудовых навыков. Несложно понять, что имущественное положение несовершеннолетнего в большинстве случаев вряд ли будет позволять загладить причиненный преступлением вред за счет его собственных доходов или имущества. Положения ст. 1074 Гражданского кодекса Российской Федерации о субсидиарной ответственности родителей за вред, причиненный несовершеннолетним, здесь неприменимы в силу иной правовой природы и отраслевой принадлежности. Да и в целом хотелось бы отметить, что уголовное законодательство исходит из принципа личной виновной ответственности. Однако согласно ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия. Это положение действующего УК РФ вызывает

вопросы в свете вышеуказанного принципа и активно критикуется в специальной литературе. Тем не менее оно имеет место в законе. В плане рассматриваемой меры по возложению на несовершеннолетнего обязанности загладить причиненный вред, очевидно, можно отметить, что уж если штраф, как уголовное наказание, может взыскиваться с родителей, то и заглаживание причиненного несовершеннолетним вреда допустимо производить за счет родителей с их согласия. Хотя и то и другое вызывает у автора сомнения с позиции уголовно-правовой парадигмы.

Последняя из принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренных в ст. 90 УК РФ – это ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. В соответствии с ч. 3 ст. 91 УК РФ ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего могут предусматривать запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством, ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток, выезда в другие местности без разрешения специализированного государственного органа. Несовершеннолетнему может быть предъявлено также требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа.

Не вызывает сомнений, что эффективность данной меры напрямую связана с тем, насколько родители со своей стороны будут контролировать выполнение несовершеннолетним установленных запретов и ограничений.

В ст. 92 УК РФ появляется еще одна принудительная мера воспитательного воздействия, о которой речь не идет в перечне таковых, установленном в ст. 90. Это помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. По какой причине законодатель, не назвав эту меру в ст. 90, относит ее к числу ПМВВ в ст. 92, вопрос, видимо, больше юридико-технический, не связанный с проблематикой, рассматриваемой в рамках данной статьи. Каких-либо явных корреляций с родительскими правоотношениями (кроме уже отмеченной выше и вполне очевидной проблемы совершения преступлений детьми из неблагополучных семей) применение этой меры не вызывает. Тем не менее исследователи отмечают, что в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа (СУВУЗТ) профилактическая деятельность осуществляется не только с воспитанниками специальной (коррекционной) школы, но и с их близкими, оказывается содействие в восстановлении нарушенных внутрисемейных отношений, что позитивно отразится в будущем на исправлении и реабилитации несовершеннолетних [4, с. 91].

Хотелось бы верить в то, что не только в этом аспекте достижение целей, преследуемых при применении принудительных мер воспитательного воздействия, действительно может способствовать гармонизации семейных отношений. Равно как и в то, что нормальное развитие и оптимизация правового регулирования института родительских правоотношений в семейном праве, в свою очередь, позволят минимизировать случаи применения мер уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних.

Список литературы

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (в ред. от 29.11.2016 г.) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12182757/> (дата обращения – 20.10.2020).

2. Андреев В.Л., Дронова Ю.А. К вопросу об эффективности принудительных мер воспитательного воздействия // сб. межд.научно-практ. конференции «Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования» / отв. ред. О.Ю. Ильина. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 7–11.

3. Антонян Е.А. Принудительные меры воспитательного воздействия: проблемы назначения и применения. // Lex Russica, 2018, № 9 (142). С. 112–118.

4. Корягина С.А. К вопросу об эффективности принудительной меры воспитательного воздействия, предусмотренной в (ч. 2 ст. 92 УК РФ), проблемы ее применения // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 1. С. 91–97.

5. ФКУ «ГИАЦ МВД РФ» Состояние преступности январь – декабрь 2019. // <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения – 20.10.2020).

6. Щедрин Н.В., Никитина Н.А. О правовой природе и перспективах института освобождения с применением принудительных мер воспитательного воздействия // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8. С. 1007–1011.

7. Апелляционное постановление № 22-961/2019 от 30 июля 2019 г. по делу № 22-961/2019 Мурманского областного суда. // URL: sudact.ru (дата обращения – 20.10.2020).

Об авторе:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru

FORCED EDUCATIONAL EFFECTS: CRIMINAL LAW INSTITUTE IN THE CONTEXT OF PARENTAL RELATIONSHIP

Ju.A. Dronova

Tver State University

The article examines problematic issues related to the content and application of compulsory measures of educational influence, as measures of a criminal law nature, with an emphasis on intersectoral correlations with the institution of parental relationships in family law.

***Keywords:** compulsory measures of educational influence, prevention, transfer under the supervision of parents or persons replacing them, or a specialized state body, imposition of the duty to make amends for the harm caused, restriction of leisure and the establishment of special requirements for the behavior of a minor.*

About the author:

DRONOVA Julia – PhD, associate professor of the Department of Criminal Law and Procedure of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, e-mail: dron_u75@mail.ru.

СВОБОДА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ РЕБЁНКА ИЛИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИМ ПРАВОМ: ФОРМАЛЬНЫЕ ПРЕДПИСАНИЯ И ФАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛНЕНИЕ

О.Н. Замрий

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье исследуются вопросы установления порядка общения с ребенком и их соотношение с порядком осуществления всех других родительских прав родителя, проживающего отдельно от ребенка. Кроме того, анализируются судебные решения в контексте достижения цели гармонизации частных и публичных интересов в механизме семейно-правового регулирования, в том числе недопустимости злоупотребления одним из родителей своим интересом.

Ключевые слова: механизмом осуществления семейных прав и обязанностей; интересы детей; злоупотребление интересом; равенство родительских прав.

Современные семейные правоотношения отличаются спецификой субъектного состава, содержания, механизмом осуществления семейных прав и обязанностей. Достаточно часто семья представляет собой союз мужчины и женщины, зачастую не состоящих в браке между собой, но имеющих общего ребенка. Раздельное проживание ребенка с одним из родителей, безусловно, определяет и особенности осуществления родительских прав и обязанностей. При этом, как правило, предметом обсуждения становятся объективные ограничения для родителя, проживающего отдельно.

В соответствии со ст. 66 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) такой родитель имеет право не только общаться с ребенком, но и принимать участие в его воспитании, решении вопросов, связанных с получением образования. С другой стороны, законодатель предусматривает, что тот из родителей, с которым проживает ребенок, не должен чинить препятствия в общении ребенка и проживающего отдельно от него родителя. Отказ в общении возможен, если такое общение причиняет вред физическому и психическому здоровью ребенка, его нравственному развитию.

Примечательно, что законодатель предполагает возможность ограничения только права на общение, однако все другие родительские права по-прежнему могут осуществляться в полном объеме. Полагаем, что такой подход к регулированию соответствующей сферы семейных отношений не в полной мере отвечает интересам ребенка. Ведь если будет установлено, что общение родителя с ребенком причиняет вред последнему, то вполне закономерна постановка вопроса об ограничении родителя в родительских правах.

Практически значимым является вопрос об установлении критериев, позволяющих квалифицировать поведение родителя как не только не соответствующее интересам ребенка, но и причиняющее вред его физическому и психическому здоровью.

В материалах судебной практики, кстати, чаще встречаются споры между родителями, один из которых проживает отдельно от ребенка, по поводу неправомерности поведения родителя, с которым проживает ребенок. Более того, разрешение вопроса судом и установление порядка общения с ребенком (графика личных встреч, режима телефонных разговоров, в том числе по видеосвязи и т.п.) абсолютно не означает, что разрешен конфликт интересов родителей.

В ходе исполнения соответствующих судебных решений, на наш взгляд, проявляется вопрос, нуждающийся в самостоятельном исследовании.

В частности, каким образом установленный по соглашению родителей или по решению суда порядок общения с ребенком соотносится с порядком осуществления всех других родительских прав родителя, проживающего отдельно от ребенка. Полагаем, что особенности осуществления других родительских прав этого родителя также должны быть обозначены и зафиксированы.

Кстати, в п. 4 ст. 66 СК РФ особо отмечено, что родитель, который проживает отдельно от ребенка, имеет право требовать предоставления ему информации о своем ребенке из различных организаций. При этом в предоставлении информации может быть отказано только в том случае, если есть угрозы для жизни и здоровья ребенка со стороны родителя. Если родитель считает отказ неправомерным, он может оспорить его в судебном порядке.

Обращает на себя внимание то, что соответствующая информация может иметь существенное значение для осуществления родительских прав в целом, более того, не исключена и реальная угроза для жизни и здоровья ребенка именно вследствие отсутствия информации. Зачастую именно волеизъявление родителя, с которым проживает ребенок, выступает основанием для отказа в выдаче информации. Родитель, которому было отказано в предоставлении информации о ребенке, может оспорить этот отказ в суде. Как свидетельствуют материалы правоприменительной практики, зачастую именно амбиции одного из родителей создают препятствия другому в осуществлении родительских прав.

Представляется, что позиция законодателя воспринимается правоприменителем как презумпция добросовестности родителя, с которым проживает ребенок, и одновременно недобросовестности родителя, проживающего отдельно от ребенка.

Не секрет, что и тот из родителей, который проживает отдельно от ребенка, имеет определенный «рычаг» для внешне правомерного поведения, но фактически противоречащего иногда интересам другого родителя и проживающего с ним ребенка.

В соответствии со ст. 20 и 21 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию», если несовершеннолетний ребенок выезжает в сопровождении одного из родителей за пределы РФ, то согласие другого родителя презюмируется. Если же он возражает, то о

своем несогласии должен заявить в установленном порядке. При этом вопрос о возможности выезда несовершеннолетнего при заявленном возмражении одного из родителей может быть решен только в судебном порядке.

Заметим, законодатель как минимум в двух случаях предусматривает судебный порядок оспаривания отказа в осуществлении родительских прав. Однако при отказе предоставить родителю информацию о своем ребенке противоположной стороной выступает организация, не являющаяся субъектом семейных правоотношений. При заявлении же несогласия с выездом ребенка за пределы РФ субъектом, чей отказ в выдаче согласия оспаривается, субъектом является один из родителей. На наш взгляд, в приведенных ситуациях имеются разные предпосылки оспаривания отказа в суде: в первом случае – это оспаривание деяния, обусловленного публичным интересом, во втором случае налицо проявление частного интереса одним из родителей, что иногда может быть квалифицировано как злоупотребление правом.

В юридической литературе отмечается, что при заявлении несогласия одним из родителей на выезд ребенка за пределы РФ в сопровождении другого родителя имеет место «нарушение принципа равенства реализации родительских правомочий» [1, с. 93].

Ранее мы уже обращались к данному вопросу, высказав и обосновав мнение о том, что при заявлении несогласия на выезд несовершеннолетнего ребенка за пределы РФ родитель злоупотребляет своим интересом, используя предусмотренное специальным законом право [2, с. 122–124].

В настоящее время данная тема приобрела особую актуальность, поскольку, во-первых, установлены ограничения на выезд за пределы РФ, обусловленные необходимостью обеспечения санитарных правил в условиях распространения новой коронавирусной инфекции COVID–19, и, во-вторых, Конституционный Суд Российской Федерации весьма определенно выразил свою позицию относительно конституционности указанных положений специального закона.

Заметим, что на уровне Конституционного Суда РФ соответствующий вопрос уже обсуждался. Так, в определениях от 27 января 2011 г. № 109-О-О и от 26 марта 2019 г. № 843-О регулирование отношений, когда возражения одного из родителей достаточно, чтобы ребенок не смог выехать за пределы РФ до рассмотрения дела судом, было квалифицировано как гарантия защиты прав граждан, в равной степени прав как родителей, так и их детей. Соответственно, суд лишь проверяет необходимость наложенного ограничения на выезд ребенка из страны с учетом обстоятельств конкретной ситуации исходя при этом из того, что заявление родителя по ограничению права ребенка на передвижение должно быть объективно связано с потребностью в защите других его прав и законных интересов и тем более не может иметь скрытого характера для ребенка и родителя, с которым он проживает.

В постановлении № 29-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской

Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко от 25 июня 2020 г. Конституционный Суд РФ выразил свое мнение по жалобе родителя, который сам изначально сделал заявление о запрете выезда ребенка за пределы РФ.

Дело весьма интересно: решением Первомайского районного суда г. Омска от 28.04.2018 г. место жительства несовершеннолетней М. было определено с ее отцом – И.В. Николаенко, а также был определен порядок общения дочери с К., приходящейся ей матерью и в настоящее время постоянно проживающей в США. До рассмотрения данного дела, опасаясь, что мать вывезет дочь за рубеж для постоянного там проживания, И.В. Николаенко в установленном законом порядке заявил о своем несогласии на выезд М. за пределы РФ.

Через некоторое время, намереваясь выехать с М. в Казахстан для посещения родственников, а также в иные государства для отдыха и оздоровления, отец девочки обратился в суд с иском к территориальным органам ФСБ России и МВД России, а также к К. о разрешении выезда М. за пределы РФ. Районный суд удовлетворил заявленное требование, отметив, что поскольку запрет на выезд ребенка при его установлении не конкретизировался, то и отменяется он по судебному решению также в полном объеме.

Судебная коллегия по гражданским делам Омского областного суда апелляционным определением от 20.06.2019 г. изложила резолютивную часть решения суда первой инстанции в иной редакции: разрешив выезд несовершеннолетней М. в сопровождении отца только в Казахстан в период с 20.06.2019 г. по 31.12.2019 г. Кроме того, коллегия сослалась на то, что истец не представил доказательств необходимости выезда с ребенком в другие иностранные государства, а также на то, что К. не возражала против выезда дочери в Казахстан. Кассационный суд оставил кассационную жалобу отца без удовлетворения, согласившись с доводами суда апелляционной инстанции.

Руководствуясь своими интересами и интересами несовершеннолетней дочери, И.В. Николаенко обратился в Конституционный Суд РФ. Суть заявления: судебное толкование приведенных законоположений означает, что в судебном акте подлежит указанию конкретное государство назначения и определенный период поездки, но это противоречит ст. 6, 19 и 55 Конституции РФ [3].

В постановлении по жалобе И.В. Николаенко Конституционный Суд РФ подчеркивает: «существующая модель правового регулирования – когда временный запрет на выезд несовершеннолетнего за границу устанавливается в административном порядке общим образом, а разрешение на выезд в судебном порядке принимается *ad hoc* (ситуативно) – является хотя и не единственно возможной или предпочтительной, но конституционно допустимой, поскольку позволяет обеспечить реальное, а не иллюзорное участие обоих родителей в жизни своего ребенка».

В то же время Конституционный Суд РФ считает: «Суд не может быть лишен возможности – когда на отмене наложенного в административной процедуре неконкретизированного запрета на выезд настаивает тот из родителей, с которым на законных основаниях постоянно проживает несовершеннолетний и который представил доказательства того, что сохранение в силе этого запрета в полном объеме не отвечает больше интересам самого ребенка, – снять этот запрет не только в отношении отдельной поездки (в конкретное государство и в определенный период), но и более широким образом (вплоть до полной его отмены). В противном случае несоразмерно ограничивается в возможности передвижения и тот из родителей, с которым проживает ребенок, особенно если потребность в выезде возникает у него самого, поскольку в этом случае он ставится перед выбором: реализовать конституционное право (являющееся одновременно и его обязанностью) заботиться о ребенке или же иные принадлежащие ему основополагающие права и свободы».

Итогом рассмотрения жалобы И.В. Николаенко стало признание ч. 1 ст. 21 ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» не соответствующей статьям 19 (ч. 1), 27 (ч. 2), 38 (ч. 2), 46 (ч. 1 и 2), 55 (ч. 3) и 120 (ч. 1) Конституции РФ в той мере, в какой по смыслу, придаваемому данной норме правоприменительной практикой, она, допуская решение судом вопроса о возможности выезда ребенка в сопровождении одного из родителей за пределы РФ лишь в отношении конкретной поездки (в определенное государство и в определенный период) и тем более действуя в системе правового регулирования, исключающего решение этого вопроса во внесудебной процедуре в случае достижения родителями взаимного согласия, в полной мере применяется и к тому из родителей, с которым на законных основаниях проживает несовершеннолетний и который ранее в установленной процедуре заявил о своем несогласии на такой выезд.

Полагаем, что презентованная позиция Конституционного Суда РФ в полной мере соответствует цели гармонизации частных и публичных интересов в механизме семейно-правового регулирования, в том числе недопустимости злоупотребления одним из родителей своим интересом.

Список литературы

1. Долинская В.В., Долинская Л.М. Согласие родителя на выезд несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации // Актуальные проблемы защиты неимущественных прав детей (материальные и процессуальные аспекты): сб. научн.-практич. статей / Под общ. ред. А.Е. Тарасовой, О.Г. Зубаревой. М.: ИНФРА-М. 2016.

2. Замрий О.Н. Злоупотребление интересом в семейных правоотношениях между родителями и детьми: монография. / ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет». – Тверь: издатель А.Н. Кондратьев, 2018.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2020 № 29-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина И.В. Николаенко» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 29.06.2020).

Об авторе:

ЗАМРИЙ Олег Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности Тверского государственного университета (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); e-mail: zamriy.on@tversu.ru.

CHILD'S FREEDOM OF MOVEMENT OR ABUSE OF PARENTAL RIGHT: FORMAL REGULATIONS AND FACTUAL

O.N. Zamriy

Tver State University

The article examines the issues of establishing the order of communication with the child and their relationship with the procedure for exercising all other parental rights of the parent living separately from the child. In addition, the author analyzes court decisions in the context of achieving the goal of harmonizing private and public interests in the mechanism of family legal regulation, including the inadmissibility of abuse by one of the parents of their interest.

Key words: *mechanism for the implementation of family rights and responsibilities; interests of children; abuse of interests; equality of parental rights.*

About author:

ZAMRIY Oleg – cand. jus. associate professor, Department of civil procedure and law enforcement, Tver state University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33); e-mail: zamriy.on@tversu.ru.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДЕТЕЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Г.Н. Захаров

Тверской государственной университет, г. Тверь

Статья посвящена проблеме обеспечения безопасности детей в сети Интернет. Затрагиваются вопросы профилактики рисков и угроз для детей, связанных с использованием современных информационных технологий и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», а также организация широкомасштабной работы с родителями (законными представителями) с целью разъяснения им методов обеспечения защиты детей в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет".

Ключевые слова: безопасность, дети, Интернет.

Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг. [1], направленная на государственную поддержку семьи, материнства и детства принесла положительные результаты, в связи с чем Президент Российской Федерации объявил 2018 – 2027 гг. в Российской Федерации Десятилетием детства [2]. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации Правительством Российской Федерации утвержден план основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства [3], в котором отдельный раздел посвящен безопасному информационному пространству для детей. Основные направления деятельности министерств, ведомств и заинтересованных федеральных органов исполнительной власти направлены на реализацию мероприятий в трех основных направлениях. Во-первых, на профилактику рисков и угроз для детей, связанных с использованием современных информационных технологий и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», во-вторых, на организацию широкомасштабной работы с родителями (законными представителями) с целью разъяснения им методов обеспечения защиты детей в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и, в-третьих, на проведение исследования влияния компьютерных технологий и электронного обучения на здоровье и качество образования обучающихся с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Действительно, озабоченность государства в указанных сферах вполне обоснована, поскольку человечество еще никогда в своей истории не сталкивалось с таким глобальным цифровым явлением, которым является Интернет.

Отдельно хотелось бы остановиться на рисках и угрозах для детей, связанных с использованием современных информационных технологий и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В первую очередь, это киберпреступность в отношении несовершеннолетних, так как преступления в сфере компьютерной информации в отношении детей и подростков стали в настоящее время одной из важнейших проблем в обеспечении государственной безопасности, о чем свидетельствуют следующие

статьи: 132, 133, 134, 135, 110, 150, 240, 241, 272, 273, 274, 274.1 УК РФ, а также набирающей обороты становится транснациональная и организованная преступность в отношении несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных сетях [4, с. 108]. Помимо действующего российского уголовного законодательства структура интернет-угроз в мире имеет другое видовое разнообразие:

1.1. Контент-риски (content-risks) – незаконный (порнография, расизм) и вредный (агрессия, ненависть) контент; вредные советы (суицид);

1.2. Контакт-риски (contact-risks) – кибергруминг (cybergrooming) (вовлечение ребенка в преступления сексуального характера), онлайн-беспокойство (online harassment), кибербуллинг (cyberbullying) (унижение или травля с помощью мобильных телефонов, других электронных устройств), киберсталкинг (cyberstalking) (преследование или домогательство по Интернету).

2. Риски онлайн-маркетинга – потребление детьми нежелательных продуктов и рекламы, платные транзакции в Интернете.

3. Риски интернет-приватности и безопасности – персональные данные детей [5, с. 36].

Вполне очевидно, что разнообразие посягательств на несовершеннолетних не только разнообразна, но и возрастает с катастрофической быстротой. В частности, «нарастает, усиливается организованность, расширяются сферы криминальных интересов, усложняются применяемые преступные схемы и латентизация; наиболее распространенными деяниями выступают организация распространения проституции, порнографии, незаконного оборота наркотиков» [6, с. 36].

Общая проблема российского общества заключается в том, что практически никто не занимается компьютерной грамотностью ни взрослых, ни детей в широком масштабе. При общении со сложными техническими устройствами (компьютер, планшет, смартфон) все действия осуществляются интуитивно, методом «тыка» до тех пор, пока «что-то пошло не так», и в этой точке приходится обращаться к «специалистам», которые получили свои знания и навыки тем же путем, правда, работая настройщиками в коммерческих организациях. Можно с уверенностью сказать, что уровень компьютерной грамотности находится на достаточно низком уровне, что приводит к цифровому разрыву между взрослыми и детьми. Достаточно вспомнить недавний по современным меркам переход от кнопочных телефонов к смартфонам, которому представители старшего поколения упорно сопротивлялись, но сдали свои позиции под воздействием новых удобных возможностей. С каждым годом таких «переходов» становится больше, их сроки сокращаются, и взрослый человек за ними не успевает. Именно поэтому, покупая ребенку дорогую «игрушку», родители, сами того не подозревая, попадают в цифровое неравенство. Так, М.С. Власенко, рассматривая проблемы информационной безопасности в России, говорит о «необхо-

димости повышения степени вовлеченности родителей в обеспечение информационной безопасности детей в сети Интернет. Политика защиты детей в Интернете должна быть основана на распределении обязанностей всех заинтересованных сторон. Поэтому важно определить участников правоотношений по обеспечению информационной безопасности несовершеннолетних и определить их роль. Чтобы действовать эффективно, родители должны быть обеспечены информацией и соответствующими инструментами, необходима разработка технических решений для родительского контроля» [7, с. 102]. На наш взгляд, возможными техническими решениями могут выступить следующие предложения:

1. Создание отдельных интернет-браузеров для несовершеннолетних со встроенными url-адресами, необходимыми для познавательной и образовательной деятельности.

2. Установка специального программного обеспечения, ограничивающего общий доступ в Интернет, при покупке гаджетов для несовершеннолетних.

3. Учитывая потребности отдельных возрастных групп (6, 12, 16 лет), лимитировать скорость интернет-соединений, что сделает невозможным принимать участие в играх, пропагандирующих насилие, выкладывать ролики на YouTube, организовывать сомнительные online встречи.

Список литературы

1. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 годы» // Собрании законодательства Российской Федерации от 4 июня 2012 г. № 23. Ст. 2994.

2. Указ Президента РФ от 29 мая 2017 г. № 240 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства» // Собрании законодательства Российской Федерации от 5 июня 2017 г. № 23. Ст. 3309.

3. Распоряжение Правительства РФ от 6 июля 2018 г. № 1375-р «Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 г., проводимых в рамках Десятилетия детства» // Собрании законодательства Российской Федерации от 16 июля 2018 г. № 29. Ст. 4475.

4. Оганов А.А. Киберпреступность в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: понятия, предложения, определения // Вестник Московского ун-та МВД России. 2020. № 2. С. 108.

5. Кобзева С.В. Защита прав несовершеннолетних от угроз в сети Интернет // Информационное право. 2017. № 2. С. 36.

6. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. – М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. 86 с.

7. Власенко М.С. Обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних в сети Интернет: современное состояние и совершенствование

правового регулирования // Вестник Волжского ун-та им. В.Н. Татищева. 2019. № 3. С. 102.

Об авторе:

ЗАХАРОВ Георгий Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: george7878@mail.ru, ORCID: 0000-0003-3755-3007, SPIN-код: 5165-2974.

SOME ISSUES OF ENSURING THE SAFETY OF CHILDREN ON THE INTERNET

G.N. Zakharov

Tver State University

The article is devoted to the problem of ensuring the safety of children on the Internet. The issues of prevention of risks and threats for children associated with the use of modern information technologies and the information and telecommunication network "Internet" are touched upon, as well as the organization of large-scale work with parents (legal representatives) in order to explain to them methods of ensuring the protection of children in information and telecommunication network "Internet".

Keywords: *safety, children, internet.*

About author:

ZAKHAROV Georgy – PhD, associate professor of Law Theory Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, 33), e-mail: george7878@mail.ru ORCID: 0000-0003-3755-3007, SPIN-cod: 5165-2974.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ОСНОВА ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ

А.А. Елисеева

Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

В статье дается оценка сложившейся системы государственной поддержки современной семьи. Констатируется, что государственная семейная политика в настоящее время имеет явный уклон в социально-экономическую сферу и направлена, в большей степени, не на укрепление института семьи, а на помощь отдельным субъектам семейных правоотношений. Автор приходит к выводу о том, что существующая государственная поддержка семьи трансформирует представление о «традиционной семье», делает данный вид семьи не востребовавшимся в современном обществе. Утверждает о необходимости на законодательном уровне возвращения традиционного понимания семьи, как союза лиц, связанных браком, и лиц от них происходящих, о недопустимости в отсутствии ключевой связки в семье – супругов (мужчины и женщины) позиционирования такого сообщества в качестве семьи. В заключении приводится ряд предложений, направленных на укрепление института семьи в действующем законодательстве.

Ключевые слова: семья, брак, интересы семьи, государственная семейная политика, государственная поддержка семьи, «традиционная семья», «неполная семья», «молодая семья».

В настоящее время в обществе идут процессы, глубоко изменяющие многие социальные институты, одним из которых является семья. Семья представляет собою ценность для каждого гражданина. В связи с чем очень важно, чтобы данный социальный институт не утратил своего предназначения, был стабилен и продолжал выполнять исторически сложившиеся социальные функции. Помочь в этом может и должно государство, взявшее на себя обязательства по поддержке семьи, её защите, сохранению традиционных семейных ценностей (ч. 2 ст. 7, ч. 1 ст. 38, п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72, п. «в» ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации, далее – Конституция). «Забота о семье, в которой гармонически сочетаются общественные и личные интересы граждан, является одной из важнейших задач государства. Решая эту задачу, государство способствует: дальнейшему укреплению семьи, свободной от материальных расчётов и основанной на чувствах взаимной любви, дружбы и уважения всех членов семьи; ... всемерной охране интересов матери и детей и обеспечению счастливого детства каждому ребенку...» [3, с. 64–65].

Государственная поддержка есть форма проявления интереса государства к определенным социальным явлениям. Идеально, когда такая поддержка носит всеобъемлющий характер. Но можем ли мы утверждать

о наличии подобной характеристики в отношении поддержки государством института современной семьи? Представляется, что ответ на этот вопрос не будет положительным по целому ряду причин.

1. Нужно признать, что государственная поддержка семьи, несмотря на имеющийся довольно широкий круг задач в данной области, осуществляется, в основном, только в социально-экономическом аспекте и направлена в большей степени на защиту интересов отдельных членов семьи, а не семьи в целом.

Конечно, мы можем найти обоснования для существования такого положения дел. Важным моментом здесь будет являться факт того, что семья является объектом государственной семейной политики, входящей в свою очередь в социальную политику государства. Отсюда и явный уклон в социальную сферу.

Тем не менее следует учитывать, что цели семейной и социальной государственной политики хотя и находятся в тесной взаимосвязи, но все же имеют разную направленность.

Целью государственной семейной политики является обеспечение государством необходимых условий для реализации семьей ее функций и повышение качества жизни семьи (п. 8 Указа Президента Российской Федерации от 14.05.1996 г. № 712 «Об Основных направлениях государственной семейной политики»). Для достижения поставленной цели видится необходимым принимать меры не только экономического характера, но и правового. Требуется изменить подход законодателя к правовому регулированию семейных отношений, вводить нормы, укрепляющие институт семьи.

«Семья есть постоянное сожительство мужа, жены и детей, т.е. представляет собой союз лиц, связанных браком, и лиц от них происходящих» [4, с. 232]. Таким образом, брак является основой семьи.

Известно, что понятие брака в условиях современной действительности претерпевает определенные метаморфозы. В связи с чем с целью сохранения традиционного понимания данного термина в Конституцию были внесены изменения. Согласно положениям, содержащимся в основном законе, брак определяется как союз мужчины и женщины. В настоящее время отраслевое законодательство не содержит легального определения брака. В целях реализации положений Конституции и уточнения формулировки указанного термина автор полагает целесообразным закрепить в Семейном кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) легальное определение брака как союза мужчины и женщины, с обязательным указанием цели заключения брака (создание семьи) и необходимости его регистрации в органах ЗАГС во избежание двоякого толкования понимания сущности названного правового института. В этом же контексте было бы правильным предусмотреть в СК РФ определение терминам «супруги» и «бывшие супруги».

2. Предусматривая меры социальной поддержки для семьи, закон порою делает юридически безразличным полноту её состава, что не стимулирует граждан иметь «полные семьи». В том числе, и при охране института «молодой семьи», когда тип и форма помощи государства не ставится в зависимость от состава семьи: полная она или неполная. Данная позиция законодателя не совсем понятна и логична, учитывая, что в большинстве нормативных актах, содержащих вопросы правового регулирования содействия со стороны государства «молодой семье», утверждается о необходимости воспитания в молодежной среде позитивного отношения к семье и браку; формирование образа благополучной молодой российской семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для России системы ценностей; снижении числа разводов и уменьшению числа так называемых «неполных семей».

Поддержка в рамках семейной политики должна представляться лишь «полным семьям». Помощь же «одиноким родителям» с детьми возможна в рамках иных форм социальной поддержки.

3. Российское законодательство предусматривает особую поддержку для «единственного (одинокого) родителя». Это, безусловно, замечательно. Но эта забота не должна становиться препятствием в осуществлении права ребенка жить и воспитываться в семье.

В настоящее время гражданину становится выгодно и «модно» иметь статус «одинокого родителя», чтобы иметь специальную помощь от государства и ощущать определенную свободу в реализации своих родительских прав. Указание в свидетельстве о рождении ребенка двух родителей влекут «негативные» последствия, к которым граждане относят: отказ со стороны государства в предоставлении определенного комплекса социальных льгот и пособий, необходимость согласования действий со вторым родителем при осуществлении родительских прав и т.д. Кроме того, передвижение с детьми за пределы Российской Федерации может вызывать серьёзные затруднения, если у ребенка имеется два родителя, и между ними не достигнуто соглашение по вопросам отдыха, образования детей (нежелание второго родителя оформлять согласие на выезд несовершеннолетнего из Российской Федерации, подача им заявления о несогласии на выезд ребенка из Российской Федерации и т.д.).

Названные обстоятельства также служат дополнительным барьером в желании родителей иметь брачные правоотношения.

Кроме того, в случае, когда «одинокий родитель» решает вступить в брак, это не улучшает его материальное положение, а ухудшает. Родитель теряет статус «одинокого», государство перестает его поддерживать на прежнем уровне, а отчим или мачеха не имеют должного законодательного закрепления своих прав и обязанностей в семье (за исключением права на алименты). Конечно, можно здесь вспомнить о возможности

усыновления детей и восполнения таким образом роли второго родителя, но это будет совсем другая история, которая может и не случиться по ряду объективных и субъективных причин.

4. Отсутствие легализации семьи в качестве самостоятельного субъекта права порождает состояние, при котором государство становится невольным пособником умножения ситуаций, когда интересы отдельной личности в семье (например, ребенка) порою оказываются превалирующими над интересами семьи в целом, когда отсутствие эффективных государственных мер по укреплению семьи подменяется заботой о соблюдении интересов детей, ведущей в ряде случаев не к укреплению и сохранению семьи, а к необоснованному вмешательству в семейные дела и даже к разрыву семейных связей.

В целях устранения названного дисбаланса интересов, в законодательстве необходимо четко обозначить, что приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи возможна только в случаях, если это не противоречит интересам самой семьи, поскольку любые личные интересы в семье должны рассматриваться в качестве семейных, на что уже обращалось внимание в литературе [1, с. 12].

Таким образом, государственная семейная политика должна быть направлена не только на охрану прав и интересов отдельных социально незащищенных членов семьи, но и на охрану семьи в целом, как уникальной общности индивидов.

Подводя итог, необходимо сказать, что существующая государственная поддержка семьи трансформирует представление о традиционной семье. В наш меркантильный век, где имущественные отношения довлеют над неимущественными, «традиционная, полная семья» становится «несовременной» и «невыгодной».

Представляется, что необходимо комплексное решение вопросов государственной семейной политики. Поддержка семьи не должна иметь сугубо «адресный» подход, направленный на создание комфортных условий только для отдельных видов семей. «Традиционная, полная семья» должна ощущать заинтересованность со стороны государства в её сохранении и процветании.

Государству надлежит принять меры, которые поднимут авторитет семьи в обществе, будут побуждать граждан состоять в браке, а не избегать его. Необходимо на законодательном уровне вернуть традиционное понимание семьи как союза лиц, связанных браком и лиц от них происходящих. Отсутствие ключевой связки в семье – супругов (мужчины и женщины) – делает невозможным позиционирование такого сообщества в качестве семьи. И поскольку в праве необходима определенность используемой терминологии, то, например, мама с сыном – не должны рассматриваться в качестве семьи, поскольку представляют собою лишь родителя с ребенком.

В свою очередь, в целях укрепления института брака требуется ввести его легальное определение в отраслевом законодательстве, предусмотреть более «жесткую» процедуру расторжения брака (она не должна создавать неопределенности для лиц, прекративших брак). Здесь необходимо напомнить и о давно назревшей потребности изменения правового регулирования имущественных отношений супругов (они не должны «утяжелять» и осложнять отношения между супругами, что имеет место быть в настоящее время, на что уже неоднократно обращал внимание автор [2, с. 33]), и о возможности изменения правил налогообложения граждан, введения семейной (совместной) модели налогообложения, значительно более выгодной, чем налогообложение персонифицированное.

Список литературы

1. Булаевский Б. А. Принципы семейного права и правовое обеспечение семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 3. С. 9–17. DOI: 10.18384/2310-6794-2019-3-9-17.
2. Елисеева А. А. Собственность супругов: в поиске эффективного правового регулирования // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2020. № 1. С. 29–40. DOI: 10.18384/2310-6794-2020-1-29-40.
3. Кутафин О.Е. Государственная защита семьи. В кн.: Юридический энциклопедический словарь. Гл. ред. А. Я. Сухарев. Ред. кол.: М.М. Богуславский, М.И. Козырь, Г.М. Миньковский и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1984. С. 64–65.
4. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 462 с. (Классика российской цивилистики).

Об авторе:

ЕЛИСЕЕВА Анна Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, доцент кафедры нотариата Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (125993, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9), SPIN-код: 3887-6844, e-mail: advokateliseeva@mail.ru.

STATE SUPPORT AS THE BASIS FOR THE TRANSFORMATION OF THE MODERN FAMILY INSTITUTION

A.A. Eliseeva

Kutafin Moscow State Law University

The article assesses the current system of state support for the modern family. It is stated that the state family policy currently has a clear bias in the socio-economic sphere and is aimed, to a greater extent, not at strengthening the institution of the family, but at helping individual subjects of family legal relations. The author comes to the conclusion that the existing state support for the family transforms the idea of the "traditional family", making this type of family unclaimed in modern society. Argues that it is necessary at the legislative level to return the traditional understanding of the family as a Union of persons related to marriage and persons descended from them, and that it is unacceptable to position such a community as a family in the absence of a key link in the family - spouses (men and women). In conclusion, there are a number of proposals aimed at strengthening the institution of the family in the current legislation.

Keywords: family, marriage, family interests, state family policy, state support for the family, "traditional family", "incomplete family", "young family".

About the author:

ELISEEVA Anna A. – PhD in Law, associate professor at the Department of Notary Office and Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya st., 9), SPIN-код: 3887-6844, e-mail: advokateliseeva@mail.ru.

КВАЗИСЕМЬЯ КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

О.Ю. Ильина

Тверской государственной университет, г. Тверь

Автор анализирует супружество и кровное родство, как наиболее распространенные юридические факты, определяющие возникновение семьи. Трансформация указанных социально-правовых связей, по мнению автора, позволяет поставить вопрос о необходимости пересмотра институциональных признаков понятия «семья».

Ключевые слова: семья, брак, кровное родство, суррогатное материнство, интересы ребенка, квазисемья.

Современный нам период характеризуется различными экономическими, политическими и социальными потрясениями, которые, в свою очередь, весьма остро и ярко обозначили необходимость существования семьи. Семьи, как социального института, объединяющего лиц, причем критериями объединения могут выступать как фактические, так и формальные обстоятельства. Безусловно, предполагается совпадение названных обстоятельств: браки заключаются исключительно по любви, запись мужчины и женщины в качестве родителей свидетельствует о наличии кровного родства каждого из них с ребенком и во всем остальном так же. Однако так ли это? Можем ли мы утверждать, что семья как социальный и правовой институт совпадают? Конечно же, нет. Впрочем, и это не новость для представителей науки семейного права. Заметим, что некоторые применяемые законодателем конструкции на протяжении истории формирования отечественного семейного законодательства весьма императивно определяли и продолжают формировать понятие и признаки семьи, основанной, как правило, на заключении брака и кровном родстве. Анализ положений Семейного кодекса Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) свидетельствует именно о такой форме проявления публичного интереса в регулировании кажущихся сугубо частными семейных отношений.

Не отрицая социального предназначения заключаемого брака, а именно достижение цели – создание семьи, необходимо отметить, что законодатель ни в одной из статей, посвященных условиям, препятствиям и порядку заключения брака, никогда не отмечал подобной установки. Однако именно отсутствие обозначенной цели хотя бы у одного из лиц, вступающих в брак, и уж тем более у обоих, выступает основанием для признания брака недействительным (ст. 27 СК РФ).

При этом самым распространенным, а чаще всего и единственным доказательством фиктивности брачного союза является то, что супруги не проживают совместно и не ведут общего хозяйства [6, 8]. В то время как в соответствии со ст. 31 СК РФ каждый из супругов свободен в выборе

мест пребывания и жительства. Полагаем, общность интересов не находится в абсолютной взаимосвязи с совместным местом проживания супругов, хотя, безусловно, совместное проживание и ведение общего быта отнюдь не тождественны разделению проживанию супругов в жилых помещениях, находящихся в собственности каждого из них.

Отметим еще один скрытый «посыл» законодателя. В п. 1 ст. 22 СК РФ указывается: «Расторжение брака в судебном порядке производится, если судом установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи невозможны». Это означает, что своим решением о расторжении брака судья подтверждает и факт прекращения существования семьи? Очевидно, что суд может установить лишь то, что совместная жизнь супругов в дальнейшем невозможна, но при наличии общих несовершеннолетних детей расторжение брака лишь только изменит семейные правоотношения, но не прекратит существование семьи. Согласимся, у законодателя нет оснований использовать понятия семья и брак как синонимы.

Кровное родство, как основание возникновения семейных отношений, тоже предполагается, законодатель допускает возможность оспаривания как отцовства, так и материнства (ст. 52 СК РФ). Однако явный приоритет публичного интереса в создании семьи как социально-правового института прослеживается в классической для семейного законодательства презумпции отцовства (п. 2 ст. 48 СК РФ). Модель семьи, основанная исключительно на признании морально-нравственной безупречности супруги, предполагает кровное родство супруга матери ребенка и последнего, если не доказано иное.

Как притча во языцех упоминаются сейчас на различных дискуссионных площадках вспомогательные репродуктивные технологии, применение которых позволяет некоторым лицам не только состоять в браке между собой, но и воспитывать ребенка, появление которого у них стало возможным только благодаря названным технологиям. Однако заключение договоров о возмездном оказании соответствующей медицинской услуги не всегда коррелирует с нормами семейного законодательства, а правоприменитель зачастую буквально вынужден обеспечивать обоснование своей позиции, филигранно лавируя между нормами морали и права.

Ведь только так можно охарактеризовать позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выраженную в п. 31 постановления от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» относительно отказа суррогатной матери дать согласие на запись супругов-заказчиков или одинокой женщины (особый субъект семейных правоотношений – О.И.) в качестве родителей рожденного ею ребенка: «Вместе с тем судам следует иметь в виду, что в случае, если суррогатная мать от-

казалась дать согласие на запись родителями указанных выше лиц (потенциальных родителей), то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание» [4].

Неоднократно нами уже отмечалось, что действующее законодательство содержит ряд противоречий, создающих почву для злоупотреблений в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий. Однако проблема эта не исчерпывается лишь констатацией фактов настоящего времени, она имеет негативные последствия отдаленного характера.

Во-первых, для ребенка, в записи о рождении которого и, соответственно, в свидетельстве о рождении в графе «мать» стоит прочерк. О каких традиционных семейных ценностях может идти речь? Ни в коем случае не пропагандируя формат семьи, где мамы нет ни физически, ни юридически, предположим, что иногда это объяснимо с позиции интересов мужчины. Допустим, вдовец решил никогда больше не жениться, но очень хочет воспитывать ребенка, в связи с чем и обращается к услугам суррогатной матери. Несмотря на то, что ст. 55 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [3] вспомогательные репродуктивные технологии определяет как методы лечения бесплодия, зачастую эти технологии используются для реализации амбиций и интересов обеспеченных мужчин. Однако ни в коей мере не прогнозируется перспектива охраны интересов ребенка, формирования у него представления о семье как социуме с участием обоих родителей.

Представляется, что одним из вариантов хотя бы частичного решения обозначенной проблемы может стать «вымышленное материнство» по аналогии с указанием вымышленных сведений об отце ребенка (п. 3 ст. 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния» [2]). Возможно, это исключит вероятность травмирования психики ребенка со стороны третьих лиц, получивших доступ к его персональным данным.

Во-вторых, для мужчины, чей биологический материал был законсервирован и использован впоследствии для применения ВРТ. Примечательно в этом плане Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ по делу № 64-КГ19-6 от 2 июля 2019 г. [5]. Возникновение прав и обязанностей по воспитанию и содержанию ребенка в подобных случаях зависит от статуса мужчины: либо он донор половых клеток, либо он партнер по программе ЭКО. В любом случае вариант, когда именно кровное родство станет основанием для возникновения абсолютно неожиданного для донора родительского правоотношения, не исключен.

В-третьих, мужчина и женщина, как состоящие, так и не состоящие в браке, могут быть биологическими родителями ребенка, которого для них по договору выносит и родит суррогатная мать. Опять-таки, толкование п. 3 ст. 55 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» дает основание суду принимать соответствующие решения: «... в

соответствии с п. 4 ст. 51 Семейного Кодекса РФ и п. 5 ст. 16 ФЗ «Об актах гражданского состояния», в связи с тем, что на момент имплантации эмбрионов, они (истцы – О.И.) не состояли в браке. Согласно ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, мужчина и женщина имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации. Таким образом, действующее законодательство исходит из равенства прав женщин и мужчин. Не исключением является, по мнению суда, и право женщин и мужчин, не состоящих в браке, на рождение ребенка, создание семьи» [7].

В то же время применительно к отношениям по усыновлению детей действует императивное правило: «Лица, не состоящие между собой в браке, не могут совместно усыновить одного и того же ребенка» (п. 4 ст. 127 СК РФ).

Таким образом, государство демонстрирует в правовых предписаниях абсолютно противоположные предпочтения: ребенок, родившийся в результате применения ВРТ, может воспитываться родителями, не состоящими в браке между собой, в то время как для усыновления одного и того же ребенка мужчина и женщина должны заключить между собой брак.

Презюмируя создание семьи в каждом из названных случаев, мы можем констатировать потенциальную угрозу интересам ребенка в каждом из них, как, впрочем, и в «обычной» семье расторжение брака родителей может состояться в любой момент.

Действующее законодательство исходит из определения статуса родителей посредством указания на происхождение от них детей, удостоверенное в установленном законом порядке (ст. 47 СК РФ). Учитывая, что ребенок может быть рожден в результате применения ВРТ либо усыновлен, кровное родство совершенно не обязательно имеет место быть, юридическое значение имеет именно запись мужчины и женщины либо одного из них в качестве родителей (единственного родителя) ребенка. Соответственно, при усыновлении прекращаются, как правило, правоотношения с кровными родителями и их родственниками. Заметим, что законодатель, однако, сохраняет за ними данный статус, в частности, родители ребенка включены в круг лиц, обладающих правом требовать отмены усыновления (ст. 142 СК РФ), при этом, по общему правилу, при отмене усыновления ребенок по решению суда передается родителям (п. 2 ст. 143 СК РФ). Таким образом, законодатель одновременно регулирует отношения в «юридической» и кровнородственной семьях усыновленного ребенка, поочередно смещая приоритеты и наделяя институт семьи разными признаками.

Автор настоящей статьи уже неоднократно отмечал, что семейное состояние гражданина в настоящее время иногда является фальшивым: брак не заключается либо расторгается, отцовство не устанавливается, дабы обладатель соответствующего семейно-правового статуса мог получить дополнительные льготы в виде повышенного размера пособия на содержание ребенка либо, наоборот, избежать дополнительных обязанностей,

например, по предоставлению декларации о доходах супруга и несовершеннолетних детей.

Проблема соотношения частных и публичных интересов в семейных правоотношениях в последнее время приобретает новые черты, поскольку расширяется сфера общественных отношений, где так или иначе семейно-правовой статус лица имеет юридическое значение, в связи с чем актуализируется и вопрос о семье, об основаниях ее возникновения, изменения и прекращения.

Вышеизложенное даёт нам основания предположить, что состояние супружества и кровное родство в современной действительности утратили свое институциональное значение для семейных отношений. Современная семья и как социальный, и как правовой институт приобретает новое содержание и формы, в связи с чем поставленный нами вопрос «это семья или квазисемья?» остается пока без ответа...

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1 ст. 16.

2. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. N 143-ФЗ "Об актах гражданского состояния" // Российская газета от 20 ноября 1997 г.

3. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // Российская газета от 23 ноября 2011 г. № 263

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 мая 2017 г. № 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей" // Российская газета от 24 мая 2017 г. № 110

5. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 2 июля 2019 г. N 64-КГ19-6 // СПС «Гарант»

6. Решение № 2-1233/2020 2-1233/2020(2-6344/2019;)~М-5051/2019 2-6344/2019 М-5051/2019 от 3 февраля 2020 г. по делу № 2-1233/2020 [электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/s4OAkti6tHNS/> (дата обращения – 20.10.2020).

7. Решение № 2-2502/2019 2-2502/2019~М-3004/2019 М-3004/2019 от 23 декабря 2019 г. по делу № 2-2502/2019 [электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/dREfe12fSrxP/> (дата обращения – 20.10.2020).

8. Решение № 2-106/2020 от 21 апреля 2020 г. по делу № 2-106/2020 [электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/vuv2K5CPcA8/> (дата обращения – 20.10.2020).

Об авторе:

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета, ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8737-6386, e-mail: kinder_advokat@rambler.ru.

QUASIFAMILY AS A PHENOMENON OF CONTEMPORARY ACTIVITY

O.Yu. Ilyina

Tver State University, Tver

The author analyzes marriage and consanguinity as the most common legal facts that determine the emergence of a family. The transformation of these social and legal ties, according to the author, makes it possible to raise the question of the need to revise the institutional features of the concept of "family".

Key words: family, marriage, consanguinity, surrogate motherhood, interests of the child, quasifamily.

About the author:

ILYINA Olga Yurievna – doctor of Law, professor, dean of the faculty of Law, head of the Department of Civil Law of the Faculty of Law, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tver State University" (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 8737-6386, e-mail: kinder_advokat@rambler.ru.

ПРАВА И ИНТЕРЕСЫ ПОТЕНЦИАЛЬНЫХ РОДИТЕЛЕЙ, РОДИВШЕГОСЯ РЕБЕНКА И СУРРОГАТНОЙ МАТЕРИ ПО СЕМЕЙНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РФ

А.Ю. Касаткина

КА «Юков и партнеры», г. Москва

В статье исследуется вопрос о правовой природе отношений, связанных с применением вспомогательных репродуктивных технологий происхождения детей, правах и интересах потенциальных родителей, суррогатной матери и родившегося ребенка. Автор сделал вывод о том, что данные отношения составляют предмет семейного права, а нормы другой отраслевой принадлежности действуют в такой ситуации в качестве причастных к семейным. Относительно прав и интересов лиц, участвующих в происхождении детей с применением вспомогательных репродуктивных технологий, автор заключил о необходимости гармоничного сочетания интересов потенциальных родителей, родившегося ребенка и женщины, выносившей и родившей ребенка. Сделано предложение по совершенствованию семейного законодательства РФ.

Ключевые слова: права, интерес, правовая природа, вспомогательные репродуктивные технологии, потенциальные родители, ребенок, женщина, родившая ребенка.

Бесплодие, иные социальные и биологические пороки, а также медицинские показания, препятствующие естественному рождению детей, создают условия для поиска иных путей рождения детей. В РФ данные отношения не получили полного и всестороннего исследования и законодательного регулирования, проблема затронула и сферу правоприменения.

Ученые дискутируют по поводу правовой природы вспомогательных репродуктивных технологий, а также о правах и обязанностях потенциальных родителей и суррогатной матери.

Так, В.В. Масляков и Н.Н. Портенко считают, что суррогатное материнство относится к сфере семейного права и требует подробной регламентации в отдельной главе СК РФ [5, с. 45].

Е.Е. Пирогова указывает, что правоотношения между суррогатной матерью и биологическими родителями вынашиваемого ребенка носят, с одной стороны, гражданско-правовой характер (оказание услуг, как бы странно это ни звучало), с другой – это отношения в области охраны здоровья. Никаких семейных правоотношений здесь нет и быть не может [6, с. 25].

Надо полагать, что отношения, связанные с происхождением ребенка с применением вспомогательных репродуктивных технологий, попадают под регулирование норм семейного, гражданского и административного законодательств, то есть являются межотраслевой категорией. Вместе с тем основа данных отношений состоит в установлении происхождения детей, а следовательно, относится к предмету семейно-правового регулирования. Нормы

иной отраслевой принадлежности лишь причастны к данным отношениям и не касаются их существа.

Рассуждая о правах лиц, причастных к вспомогательным репродуктивным технологиям, А.А. Серебрякова считает, что матерью родившегося в результате искусственного оплодотворения ребенка должна признаваться женщина, на лечение бесплодия которой направлены предпринимаемые процедуры [7, с. 54].

М.В. Антокольская отмечает, что приоритет должен быть отдан суррогатной матери, поскольку состояние беременности делает ее ближе к ребенку, чем генетическую мать [4, с. 196].

Названные и другие ученые полагают, что приоритетными должны быть признаны либо права потенциальных родителей, либо суррогатной матери.

Нам представляется, что необходимо исходить из гармонизации интересов каждого из участников данных отношений, в том числе и интересов ребенка.

Согласно п. 4 ст. 51 СК РФ лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери).

В п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей" разъяснено, что если суррогатная мать отказалась дать согласие на запись родителями потенциальных родителей, то данное обстоятельство не может служить безусловным основанием для отказа в удовлетворении иска этих лиц о признании их родителями ребенка и передаче им ребенка на воспитание [2].

Пунктом 3 ст. 52 СК РФ предусмотрено, что согласие в письменной форме на применение метода искусственного оплодотворения или на имплантацию эмбриона лишает прав при оспаривании материнства и отцовства ссылаться на эти обстоятельства.

Пунктом 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей" разъяснено, что: «положения абзаца первого п. 3 ст. 52 СК РФ, не содержат запрета на оспаривание записи об отцовстве по иным основаниям» [2].

Применение вспомогательных репродуктивных технологий предусмотрено ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" [1]. Вспомогательные репродуктивные технологии рассматриваются законодателем как методы лечения бесплодия.

Пунктом 10 названной статьи Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" установлены требования к суррогатной матери: 1) ей может быть женщина

в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет; 2) имеющая не менее одного здорового собственного ребенка; 3) получившая медицинское заключение об удовлетворительном состоянии здоровья; 4) давшая письменное информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство. Если женщина состоит в зарегистрированном браке, она может быть суррогатной матерью только с письменного согласия супруга. Суррогатной матери запрещено одновременно быть донором яйцеклетки.

Порядок использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказания и ограничения к их применению установлены Приказом Минздрава России от 30.08.2012 г. № 107н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению". (Зарегистрировано в Минюсте России 12.02.2013 г. № 27010) [3].

Анализ названных законоположений и судебной практики позволяет заключить, что ни законодатель, ни правоприменитель не определились как с правовой природой отношений, связанных с применением вспомогательных репродуктивных технологий происхождения детей, так и с правовым статусом потенциальных родителей и суррогатной матери. Не представлен в правовом значении и интерес ребенка.

Требования, предусмотренные п. 10 ст. 55 Федерального закона от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" явно несправедливы.

Надо полагать, что предусмотренный нижний и верхний возрастной порог для участия в рождении ребенка в качестве суррогатной матери ограничивает право таких женщин на использование таких технологий без каких-либо разумных и заслуживающих внимания обстоятельств. Женщина более зрелого возраста также может родить здорового ребенка. Решающими условиями должны быть медицинские показания. Статью 10 названного Федерального закона необходимо пересмотреть. Она в настоящей редакции не учитывает здоровые интересы женщины, желающей быть суррогатной матерью.

Требуется урегулировать и права потенциальных родителей и ребенка.

Представляется, что гл. 10 СК РФ необходимо дополнить статьей «Происхождение детей с применением вспомогательных репродуктивных технологий», которую изложить в следующей редакции:

«1. Женщина, детородного возраста, страдающая бесплодием, либо которой по медицинским показаниям не рекомендуется естественное рождение ребенка исходя из угрозы ее жизни или здоровью, либо угрозы жизни или здоровью ребенка, состоящая или не состоящая в браке, вправе использовать действующие в РФ вспомогательные репродуктивные технологии происхождения детей.

2. Отношения потенциальных родителей (или потенциальной матери) с суррогатной матерью регламентируются законодательством РФ и договором между ними об условиях зачатия, вынашивания, рождения и последующего установления правовой связи с ребенком.

3. В случае спора об отцовстве (материнстве) следует исходить из гармоничного сочетания интересов ребенка, интересов потенциальных родителей и женщины, выносившей и родившей ребенка.

4. Одиноким мужчиной, в том числе не состоящим в зарегистрированном браке, не может быть потенциальным родителем.

5. Женщина, состоящая в браке, при установлении невозможности рождения ребенка естественным путем самостоятельно, независимо от мнения супруга, решает вопрос о рождении ребенка с применением вспомогательных репродуктивных технологий».

Список литературы

1. Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"// Российская газета. № 263. 23.11.2011.

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. № 16 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей"// Российская газета. № 110. 24.05.2017.

3. Приказ Минздрава России от 30.08.2012 г. № 107н "О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению"// Российская газета. Спецвыпуск. № 78/1. 11.04.2013.

4. Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. М.: Юристъ, 1996.

5. Масляков В.В., Портенко Н.Н. Законодательное регулирование суррогатного материнства // Медицинское право. 2016. № 5.

6. Пирогова Е.Е. Проблемы правового регулирования при установлении происхождения детей, рожденных суррогатной матерью // Семейное и жилищное право. 2019. № 2.

7. Серебрякова А.А. Проблемы правового регулирования суррогатного материнства // Российская юстиция. 2016. № 12.

Об авторе:

КАСАТКИНА Анастасия Юрьевна – помощник адвоката КА «Юков и партнеры», кандидат юридических наук, e-mail: nksmgs@mail.ru.

RIGHTS AND INTERESTS OF POTENTIAL PARENTS, BORN CHILD AND SURROGATE MOTHER UNDER THE FAMILY LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

A.Yu. Kasatkina

CA "Yukov and Partners", Moscow

The article examines the issue of the legal nature of relations associated with the use of assisted reproductive technologies for the origin of children, the rights and interests of potential parents, a surrogate mother and a born child. The author concluded that these relations are the subject of family law, and the norms of another industry affiliation act in such a situation as involved in family law. Regarding the rights and interests of persons involved in the origin of children with the use of assisted reproductive technologies, the author concluded that there is a need for a harmonious combination of the interests of potential parents, a born child and a woman who carried and gave birth to a child. A proposal was made to improve the family legislation of the Russian Federation.

Key words: *rights, interest, legal nature, assisted reproductive technologies, potential parents, child, woman, who gave birth to a child.*

About the author:

KASATKINA Anastasia Yurievna – assistant attorney at Yukov & Partners, candidate of legal sciences, e-mail: nksmgs@mail.ru.

О РАСШИРЕНИИ ГРАНИЦ ПРИМЕНЕНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА КАК СПОСОБА ЗАЩИТЫ СЕМЕЙНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Е.В. Козырева, Н.В. Новикова

Тверской государственной университет, г. Тверь

Статья посвящена расширению границ применения компенсации морального вреда при нарушении семейных прав граждан. Анализируются различные точки зрения ученых о необходимости применения данного способа защиты в семейном праве и обосновывается позиция авторов по расширению границ применения ст. 151 ГК РФ.

Ключевые слова: расширение границ применения компенсации морального вреда, компенсация морального вреда, способ защиты гражданских прав, семья, семейные ценности, личные неимущественные права.

В настоящее время вопросам компенсации морального вреда уделяется достаточно пристальное внимание со стороны общественности, судебного сообщества, что вполне объяснимо [13]. Жизнь идет вперед, и данный институт как никогда требует совершенствования. Во главе угла стоит вопрос о широком применении данного способа защиты при нарушении семейных прав граждан. Такое использование вполне оправданно и выводится из смысла ст. 8 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ), куда были внесены дополнения о том, что «защита семейных прав наряду с СК РФ осуществляется и иными способами, предусмотренными законом» [1]. И это не праздный вопрос, и он требует взвешенного подхода.

Итак, прошло уже пять лет после внесения дополнений в ст. 8 СК РФ, а практика еще не сложилась, что является тормозом в развитии института компенсации морального вреда по сравнению с аналогичным институтом в зарубежном законодательстве, где и размеры компенсации выше и сфера применения более широкая [8, с. 368; 11, с. 32], и определяется она не неоднократно, как в российском законодательстве (ст. 151 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)) [2].

Представляется, что недопустимо говорить о сужении границ применения компенсации морального вреда, как способа защиты в отношении семейных прав граждан. Сужает использование данного способа защиты лишь указание законодателя применительно к имущественным правам граждан (ст. 1099 ГК РФ). Таким единственным законодательным актом, определяющим использование компенсации морального вреда, является Федеральный закон «О защите прав потребителя» [3].

«Человек, его права, свободы являются высшей ценностью» (ст. 2 Конституции РФ). Масштабные изменения в жизни граждан, связанные с пандемией, как никогда ставят человека, семью и семейные ценности на первый

план [4]. Именно поэтому использование такого способа защиты, как компенсация морального вреда, при нарушении семейных прав граждан должно быть гораздо шире, что позволяет ст. 151 ГК РФ, и сегодня можно смело говорить о расширении границ его применения.

Отметим, что ст. 30 СК РФ является единственной статьей, в которой предусмотрена возможность взыскания компенсации морального вреда в случае признания брака недействительным. Вместе с тем в судебной практике все чаще стали предъявляться иски о компенсации морального вреда, в связи с чинимыми препятствиями в общении с детьми. Все это предопределяет значимость данного вопроса для науки.

По вопросу о возможности компенсации морального вреда при защите семейных прав граждан в науке высказываются две позиции, но все они были сформулированы до внесения дополнения в ст. 8 СК РФ. Так, одни ученые отрицают возможность применения компенсации морального вреда при нарушениях личных неимущественных семейных прав граждан, кроме тех случаев, когда брак признается недействительным [12, с. 82 – 83; 17, С. 105–106] и говорят о необходимости четкого закрепления положений о них в СК РФ [10; 14, с. 20; 15, с. 160]. Другие считают возможным применение данного способа защиты при нарушении данных прав граждан [15; 16].

Оспаривая позицию о невозможности применения компенсации морального вреда, кроме признания брака недействительным, целесообразно обратиться к п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» № 10 от 20 декабря 1994 г., в котором указано, что «отсутствие в законодательном акте прямого указания на возможность компенсации причиненных нравственных или физических страданий по конкретным правоотношениям не всегда означает, что потерпевший не имеет права на возмещение морального вреда» [5].

Отметим, что законодатель, определяя возможность компенсации морального вреда в ст. 151 ГК РФ, не выделяет какие-либо отдельные личные неимущественные права граждан, и не присутствует их перечень, что позволяет использовать данный способ защиты в полном объеме и при нарушении семейных прав граждан.

В судебной практике по вопросу о возможности компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных семейных прав также не сложилось единого понимания. Особого внимания заслуживает позиция Верховного Суда РФ, высказанная им в определении от 8 апреля 2014 г. № 45-кз 13-22, т.е. до внесения дополнения в ст. 8 СК РФ. Этим определением Верховный Суд РФ отменил решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбург от 21 февраля 2013 г. и Апелляционное определение Свердловского областного суда от 17 мая 2013 г. о компенсации Арсеновой Ю.И. морального вреда Цинку В.И. и Цинк Т.В. в связи с чинимыми препятствиями в общении с внуком Л.А. Цинк. При этом Верховный Суд РФ

указал: «Для защиты каждого конкретного права законодательством предусмотрены определенные механизмы, которые не могут заменяться другими, хотя и схожими, по желанию граждан.

Действующим гражданским законодательством нарушение права на общение с ребенком к случаям, при которых подлежит взысканию компенсация морального вреда, в связи с нарушением личных неимущественных прав, не отнесено.

Право на общение с ребенком устанавливается Семейным кодексом РФ, который также не относит его к личным неимущественным правам родителей и других родственников.

Положения действующего гражданского и семейного законодательства не предусматривают возможность взыскания компенсации морального вреда в связи с предполагаемым препятствием родственникам со стороны одного из родителей в общении с ребенком» [6]. Однако данная позиция, определяемая в виде рекомендации для судов, представляется спорной хотя бы потому, что Верховный Суд РФ относит права на общение с ребенком к числу личных неимущественных прав граждан, и она была сформулирована до внесения дополнения в ст. 8 Семейного кодекса РФ. Допустимость применения компенсации морального вреда при нарушении личных неимущественных прав возможна не только при нарушении права на общение с ребенком, но и при лишении родительских прав, когда утрачиваются родственные связи [9], и в других случаях при нарушении семейных прав граждан, что отвечает духу времени и возможностям, которые заложены в ст. 151 ГК РФ.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Закон РФ от 07.02.1992 г. № 2300-1 (ред. от 31.07.2020) «О защите прав потребителей» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Проект Федерального закона № 1040866-7 «О внесении изменений в статью 160 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 20.10.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Верховного Суда РФ от 08.04.2014 № 45-КГ13-22 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Беспалов Ю. Основания и порядок лишения родительских прав // Рос. юстиция. 2000. № 12. С. 26 – 27.

8. Гражданское и торговое право зарубежных государств: в 2-х томах / под ред. Е.А. Васильева, А.С. Комарова. М.: Международные отношения, 2008. Т. 1. 560 с.

9. Гришин А.В. Иск прокурора о лишении родительских прав как способ защиты прав и интересов несовершеннолетних // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 2. С. 84 – 88.

10. Данилян М.А. Имущественная ответственность за неисполнение алиментных обязательств в пользу несовершеннолетних детей // Практика исполнительного производства. 2011. № 6. С. 38 – 41.

11. Егорова М.А., Крылов В.Г., Романов А.К. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немецком и французском праве: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2017. 376 с.

12. Елисеева А.А. О совершенствовании семейного законодательства в области правового регулирования личных неимущественных отношений // Журнал российского права. 2010. № 3. С. 82 – 89.

13. Куликов В. Вредные деньги // РГ. 2020. 23 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/03/23/associaciia-iuristov-rossii-rasschitala-bazovye-kompensacii-moralnogo-vreda.html>.

14. Макеева О.А. Ответственность в алиментных обязательствах - основные особенности и порядок реализации // Семейное и жилищное право. 2010. № 1. С. 17 – 20.

15. Тагаева С.Н. К проблеме компенсации морального вреда в семейном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 1. С. 157 – 164.

16. Чорновол Е.П., Чорновол О.Е. Компенсация морального вреда, причиненного вследствие нарушения личных семейных прав граждан // Семейное и жилищное право. 2015. № 4. С. 18 – 23 // СПС «Консультант-Плюс»;

17. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда. Анализ и комментарий законодательства и судебной практики. 3-е изд., испр. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2004. 320 с. С. 105 – 106.

Об авторах:

КОЗЫРЕВА Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); e-mail: 21october21@gmail.com.

НОВИКОВА Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономической теории ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33); e-mail: novikova73-1@mail.ru.

ABOUT EXPANDING THE BOUNDARIES OF APPLICATION OF MORAL HARM COMPENSATION AS A METHOD OF PROTECTING THE FAMILY RIGHTS OF CITIZENS

E.V. Kozyreva, N.V. Novikova

Tver State University

The article is devoted to expanding the boundaries of the application of compensation for moral damage in violation of the family rights of citizens. Various points of view of scientists on the need to apply this method of protection in family law are analyzed and the authors' position on expanding the scope of application of Art. 151 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: *expanding the scope of application of compensation for moral damage, compensation for moral damage, method of protecting civil rights, family, family values, personal moral rights.*

About authors:

KOZYREVA Elena – PhD, assistant professor of civil law at Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d.33); e-mail: 21october21@gmail.com

NOVIKOVA Natalya – PhD in Economics, associate professor of economic theory at Tver State University (170100, Tver, ul. Zhelyabova, d. 33); e-mail: novikova73-1@mail.ru.

СТАНОВЛЕНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СЕМЕЙНОГО ПРАВА

М.П. Короткевич

Белорусский государственный университет, г. Минск

В статье анализируется развитие науки семейного права и формирование семейного права как отрасли права. Определяются основные направления совершенствования законодательства о браке и семье.

Ключевые слова: семейное право, отрасль права, договор, соглашение, семейные отношения.

Семейное право можно понимать в различных смыслах: как отрасль права, как отрасль законодательств, как учебную дисциплину и как науку. Современное семейное право прошло длительный путь становления и развития. В настоящей работе остановимся на рассмотрении развития семейного права, как отрасли права, и науки семейного права, начиная с принятия отдельных кодифицированных актов, регулирующих семейные отношения.

Специфическое место институтов семейного права в системе цивилистики, их определенную чуждость классическому гражданскому праву, наличие значительного публично-правового компонента, особенно в правоотношениях родителей (иных попечителей) и детей подчеркивал в своих трудах Д.И. Мейер [33, с. 41]. О семейном праве, как совокупности юридических норм, регулирующих отношения между членами семьи, специфике семейных отношений и их отличии от гражданских отношений писал А.И. Загоровский [10, с. 1].

Семейное право, как отрасль законодательства, как отмечено в научной литературе, сформировалась после 1917 г. с принятием кодифицированных актов, регулирующих отношения, возникающие в связи с существованием семьи и опекой: Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве РСФСР 1918 г., который действовал на территории Беларуси, а также Кодекс законов о браке, семье и опеке БССР 1927 г.

Исследования, посвященные формированию семейного права как отрасли права, свидетельствуют о постепенном выделении семейного права из гражданского, окончательно сформированном подходе к самостоятельности семейного права в советский период [21, с. 27].

По мнению П.Л. Полянского, основы предмета и метода семейного права, как отрасли права, были заложены только в 30–40-е гг. XX в., после того, как «брак перестал быть частным делом супругов, а семейные отношения – личным делом ее членов» [24, с. 30]. В частности, Кодекс законов о браке, семье и опеке БССР 1927 г. признавал юридическую силу не только

за браком, зарегистрированным в органах записи актов гражданского состояния, но и за фактическими брачными отношениями. Ввиду «господства идеи быстрого построения социализма, отмирания семьи, государства и соответственно права», базировавшихся на существовавшей идеологии и умалении значения семьи в развитии подрастающего поколения, в тот период возникла проблема роста детской и подростковой преступности ввиду увеличения числа безнадзорных и беспризорных детей [24, с. 5]. Сложившаяся ситуация потребовала пересмотра существующего подхода к регулированию отношений, возникающих в семье. Как отмечает П.Л. Полянский, государство осознало тот факт, что «семья является необходимым общественным институтом, который подлежит всесторонней заботе и охране» и поставило ближайшей целью «формирование нормативной базы по семейному устройству несовершеннолетних» [24, с. 5]. Именно в этот период были опубликованы работы Г.М. Свердлова, которые А.М. Нечаева называет основой в образовании фундамента семейного права как науки [19]. В 1940 г. опубликована работа Г.М. Свердлова, посвященная глубокому анализу права на воспитание и спорам о детях, закрепляющая идею семейного воспитания ребёнка [27]. В 1941 г. опубликована работа Г.М. Свердлова, раскрывающая основы предмета и системы семейного права [26]. В последующие годы изменился и подход к регулированию отношений, возникающих в семье, рассмотрение супружеских отношений через призму родительских прав и обязанностей определило специфику деятельности соответствующих органов по отношению к семье. Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 июля 1944 г. была установлена государственная регистрация брака как основание возникновения родительских прав и обязанностей (матерям, не состоящим в браке с отцом ребёнка, запрещалось обращаться с требованиями об установлении отцовства и взыскании алиментов).

Последующие труды А.И. Пергамент были продолжением научных исследований в сфере семейного права, формированию понятийного аппарата семейного права. В частности, в работе, опубликованной в 1951 г. «Алиментные обязательства по советскому праву», А.И. Пергамент определила понятие алиментных обязательств, обосновав их отличие от других обязательственных отношений, в частности гражданско-правовых, фактический состав алиментного обязательства [23; 19]. В последующей монографической работе «Опека и попечительство», опубликованной в 1966 г. А.И. Пергамент, содержится теоретическое обоснование понятия опеки (попечительства), работа насыщена идеями педагогики, философии, психологии [19]. Автор рассмотрела также и такое важное понятие, как право ребёнка на получение воспитания.

Ряд таких видных учёных, как Д.М. Генкин («Предмет советского гражданского права», 1964 г.), С.Н. Братусь («Предмет и система советского гражданского права», 1964 г.), Г.М. Свердлов («Советское семейное право», 1958 г.), А.И. Пергамент («Советское гражданское право. Том 2», 1951 г.) уже определяли семейное право, как самостоятельную отрасль советского

права [20, с. 17]. Позицию об отраслевой самостоятельности семейного права отстаивал в своих работах также В.А. Рясенцев «Советское семейное право» (1967 г.), что заслуживает особого внимания ввиду достаточно сложного обсуждения при решении вопроса о рекомендации к опубликованию его работ [16].

Следует отметить и фундаментальные работы Н.Г. Юркевича «Семья в современном обществе» (1964 г.), «Советская семья. Функции и условия стабильности» (1970 г.), посвящённые изучению понятия брака и семьи, выявлению условий стабильности семьи, базирующиеся на результатах конкретно-социологических исследований автора, которые актуальны для изучения и в настоящее время [35; 36].

Фундаментальная работа Е.М. Ворожейкина «Семейные правоотношения в СССР» не теряет своей актуальности и в настоящее время. Определяя специфику семейного-правовых правоотношений, автор формулирует основы для отграничения семейного права, как отрасли права, от гражданского [5].

Дальнейшая основа формирования специфики предмета семейного права отражена в работе А.М. Нечаевой 1980 г. «Семья и закон», в которой автор рассмотрела «вопросы, связанные с определением оснований правового регулирования брачно-семейных неимущественных отношений, воспитательным воздействием семейного законодательства на подобного рода отношения и, наконец, с применением законодательства о браке и семье с помощью брачно-семейных запретов и дозволений» [19]. В последующей работе «Правовая охрана детства в СССР», опубликованной в 1987 г., А.М. Нечаева обосновала концепцию «принадлежности охраны детства административному, трудовому и другим отраслям законодательства, а защита прав ребенка в семье – законодательству семейному» [19].

В постсоветский период в отечественной и российской научной литературе вопросам самостоятельности отрасли семейного права не уделялось особого внимания до принятия в 1995 г. Семейного кодекса Российской Федерации, после чего в российской правовой науке была возобновлена дискуссия о самостоятельности семейного права [32, с. 16–17]. Наиболее известным инициатором возобновления дискуссии о самостоятельности семейного права и необходимости доказывания данного факта является М.В. Антокольская, которая в своих работах последовательно отстаивает позицию о зависимом характере семейного права [2, с. 9–14]. Семейное право, как часть гражданского права, рассматривается в третьем томе учебника по гражданскому праву петербургской (ленинградской) школы [7]. По этому вопросу авторы сохранили верность подходу, изложенному О.С. Иоффе [32, с. 16]. Некоторые другие авторы также поддерживают позицию подотраслевого характера семейного права [14]. Возобновлению данной дискуссии в том числе способствовало внедрение договорных начал в регулирование семейных отношений [32, с. 37].

Семейное право, как часть гражданского права, рассматривают также сторонники идеи восстановления системы частного (гражданского) права.

В частности, Н.Д. Егоров отмечает нецелесообразность отделения от гражданского права не только семейного, но также и земельного, трудового, жилищного, земельного, лесного, водного права, поскольку «отношения между членами семьи, между работодателем и работниками, отношения по использованию природных ресурсов, отношения найма жилых помещений носят частный характер и входят в предмет гражданского права, они должны регулироваться методом юридического равенства сторон» [9, с. 64].

Однако большинство российских «семейноведов» поддерживают тезис отраслевой самостоятельности семейного права. В частности, это О.Ю. Косова, А.М. Нечаева, О.Н. Низамиева, Л.М. Пчелинцева, А.М. Рабец, Н.Н. Тарусина, Е.А. Чефранова, С.Ю. Чашкова [28, с. 16], Ю.Ф. Беспалов [3], О.Ю. Ильина [11], А.Н. Левушкин [17], А.Ю. Касаткина [12], В.Д. Рузанова [25] и многие другие.

В отечественной доктрине позиция о самостоятельности семейного права как отрасли права, изложенная В.В. Левым в учебном пособии «Семейное право», опубликованном в 1989 г. под ред. В.Ф. Чигира [31, с. 11], поддерживается большинством белорусских современных «семейноведов» и ведущими учёными страны. В частности, о самостоятельности семейного права как отрасли права отмечают такие авторы, как В.Ф. Чигир [6, с. 37], С.Г. Дробязко [8, с. 12], В.Г. Тихиня, В.Г. Голованов, С.М. Ананич [18, с. 28], В.И. Пенкрат [22, с. 5], Н.В. Сильченко [30, с. 64], М.В. Андрияшко [1, с. 33], М.Г. Бруй [4, с. 4], Ж.В. Третьякова [34, с. 9], и другие авторы.

В Республике Беларусь Кодекс о браке и семье (далее – КоБС) был принят 9 июля 1999 г. и вступил в силу с 1 сентября 1999 г. В первоначальной редакции КоБС предусматривал две договорные конструкции, которые позволяли субъектам семейных отношений урегулировать свои права и обязанности в пределах, допускаемых КоБС: брачный договор (ст. 13) и соглашение о детях, которое могли заключить только родители-супруги при расторжении брака судом (ст. 38). С 1999 г. до 2020 г. в КоБС постепенно увеличивалось количество договорных конструкций и допустимость их использования. Законом Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 164-З право заключать брачный договор предоставлялось также лицам, вступающим в брак, а не только супругам (ст. 13 КоБС). Дополнения, внесённые в КоБС Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 446-З, позволили заключать соглашения о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (далее – соглашение об уплате алиментов) (ст. 91, Глава 11⁻¹). Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З (далее – Закон № 277-З) КоБС дополнен определением брачного договора (ст. 13), изменён подход к заключению соглашения о детях (ст. 76⁻¹), закреплён новый вид соглашений в семейном праве – соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, которое может быть заключено супругами (бывшими супругами) (ст. 24).

С учётом указанного следует констатировать, что современные тенденции развития семейного права неразрывно связаны с усмотрением законодателя. При этом новации законодательства требуют выработки научных подходов к решению возникающих коллизий на практике.

По нашему мнению, семейное право следует рассматривать как самостоятельную отрасль права, предмет и метод правового регулирования которой отличен от предмета и метода гражданского права. Специфика семейных правоотношений предопределена и предполагает лично-доверительные отношения между участниками [13, с. 24]. Допущение и некоторое расширение договорного регулирования семейных отношений безусловно требует научного осмысления понятия метода семейно-правового регулирования. Полагаем, метод семейного права можно охарактеризовать как императивный по своей сути, но содержащий элементы дозволенности. В частности, дозволительное регулирование возможно в случаях и пределах, определяемых законодательством, при сохранении императивности установления прав и обязанностей субъектов семейных правоотношений.

По нашему мнению, отраслевая самостоятельность семейного права требует комплексной проработки и закрепления в кодифицированном акте дефиниции отраслевой правоспособности и дееспособности, попытки по определению которой имеются в научной литературе [15]. Кроме того, в настоящее время прослеживается взаимосвязь семейной дееспособности с гражданской дееспособностью, о чём можно сделать вывод, например, из содержания части восьмой ст.13⁻¹, части второй ст.18, части четвёртой ст. 75 КоБС (и некоторых других), предусматривающих в качестве тех или иных условий требование наличия дееспособности. При этом только в части второй ст.103⁻¹ КоБС уточнено условие о наличии у лица именно гражданской дееспособности. Поэтому в КоБС следует чётко закрепить в указанных и иных случаях, о какой дееспособности идёт речь.

Необходимо обеспечить единообразное и комплексное регулирование семейных соглашений. Для этого необходимо выработать и законодательно закрепить основы договорного регулирования семейных отношений, осуществить систематизацию правил о всех соглашениях (договорах) в семейном праве. Так, например, в настоящее время, как закреплено в КоБС, в брачный договор могут включаться условия, аналогичные тем, которые могут быть включены в соглашение о детях, соглашение об уплате алиментов. Однако в КоБС не для всех соглашений имеются нормы, учитывающие возможность их конкуренции.

Такие соглашения, как договор суррогатного материнства, договор об условиях воспитания и содержания детей, заключаемый при создании приёмной семьи, детского дома семейного типа, также требуют более чёткого регулирования и определения их роли в динамике развития семейных отношений.

В КоБС следует закрепить ограничения для применения гражданско-правового инструментария к соглашениям (договорам), регулирующим семейные отношения. В частности, гражданское законодательство в силу норм ст. 1 Гражданского кодекса Республики Беларусь и ст. 7 КоБС может применяться к семейным отношениям в случае отсутствия регулирования этих отношений законодательством о браке и семье, однако каких-либо специальных ограничений для этого не предусмотрено.

Считаем, что законодательным и правоприменительным органами при любой общественно-политической ситуации в стране относительно регулирования семейных отношений, в том числе при определении пределов вмешательства в жизнь семьи, следует учитывать такую важную теоретическую цель семейного права, как «установление разумного баланса между интересами личности, семьи и общества в целом» [29], а также одну из первых задач законодательства о браке и семье (ст. 1 КоБС) – «укрепление семьи в Республике Беларусь, как естественной и основной ячейки общества на принципах общечеловеческой морали, недопущение ослабления и разрушения семейных связей».

Требуется научное осмысление и совершенствование норм гражданского процессуального права в части обеспечения процессуальным законодательством реализации норм семейного права. В частности, ст. 85 ГПК предоставляет право на обращение в суд с требованиями о лишении родительских прав, о взыскании алиментов, об отмене усыновления, о защите иных интересов несовершеннолетних большему кругу лиц, по сравнению с тем, как определены такие лица в КоБС (например, в ст. 81, ст. 139 КоБС). Дискуссионным остаётся вопрос о возможности обращения несовершеннолетнего, достигшего четырнадцати лет, лично в суд с требованием о лишении его родителей родительских прав (часть третья ст. 59 ГПК, часть первая ст. 66⁻¹, ст. 81 КоБС).

При разработке и совершенствовании норм тех отраслей права, которые могут оказать воздействие на семью в Республике Беларусь (уголовное, административное, право социального обеспечения, трудовое), необходимо также учитывать цель семейного права, обозначенную выше.

С учётом изложенного отметим, становление семейного права как отрасли права происходило в течение длительного периода. Современное состояние семейного права требует дополнительных научных исследований и совершенствования правового регулирования семейных отношений. В современном мире допустимые меры воздействия на семью не должны использоваться во вред семье. Нормы семейного права и иных отраслей, реализация которых должна обеспечиваться государством, должны защищать семью от необоснованных вмешательств в дела семьи, создавать все условия для нормального функционирования семьи, способной выполнять свои функции, воспитывать и готовить новое поколение наших граждан к самостоятельной жизни.

Список литературы

1. Андрияшко, М.В. Семейное право: учеб.-метод. пособие / сост. М.В. Андрияшко. – Барановичи: РИО БарГУ, 2010. – 422 с.
2. Антокольская, М. В. Семейное право: учебник / М.В. Антокольская. – М.: Юристъ, 1997. – 368 с.
3. Беспалов, Ю.Ф. К вопросу о предмете семейного права / Ю.Ф. Беспалов // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 6. – С. 2–5.
4. Бруй, М.Г. Семейное право: учеб. - метод. комплекс / М.Г. Бруй, Е.И. Коваленко. – Минск: изд-во МИУ, 2011. – 270 с.
5. Ворожейкин, Е.М. Семейные правоотношения в СССР / Е.М. Ворожейкин. – М: Юридическая литература, 1972. – 336 с.
6. Гражданское право. В 3 т. Т. 1: учебник / А.В. Каравай [и др.]; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Амалфея, 2008. – 864 с.
7. Гражданское право: учебник: В трех частях / Н.Д. Егоров, И.В. Елисеев, А.А. Иванов [и др.]; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 1998. – Ч. 3. – 592 с.
8. Дробязко, С.Г. Отрасли права и отрасли законодательства в правовой системе Республики Беларусь и их совершенствование / С.Г. Дробязко // Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенов (гл. ред.) [и др.]. – Минск: Право и экономика, 2010. – Вып. 5. – С. 11–22.
9. Егоров, Н.Д. Понятие гражданского права / Н.Д. Егоров // Вестник гражданского права. – 2012. – № 4. – С. 42– 65.
10. Загоровский, А.И. Курс семейного права / А.И. Загоровский. – Одесса, 1909. – 564 с.
11. Ильина, О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации / О.Ю. Ильина. – М.: Городец, 2007. – 192 с.
12. Касаткина, А. Ю. К вопросу о месте семейного права в системе права РФ / А.Ю. Касаткина // Семья и семейные ценности в РФ: социально-правовой аспект: сб. материалов Международной научно-практической конференции, приуроченной к юбилею доктора юридических наук, профессора Ю.Ф. Беспалова. – М.: РГ-Прогресс, 2019. – С. 134–139.
13. Короткевич, М.П. Информация, составляющая врачебную тайну, как часть личной и (или) семейной тайны супруга / М.П. Короткевич // Вестник ТвГУ. Серия: Право. – 2018. – № 3. – С. 24 – 34.
14. Кондратьева, Е.Н. Правовая природа имущественных отношений супругов / Е.Н. Кондратьева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 74. – С. 43–47
15. Косенко, Е.В. Отраслевое определение правоспособности и дееспособности в семейном праве / Е.В. Косенко // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 6. – С. 191–203.
16. Котлярова, З.С. Новая книга по семейному праву / З.С. Котлярова, В.А. Мусин // Правоведение. – 1969. – № 5. – С. 141–144.

17. Левушкин, А.Н., Понятие, правовая природа и система функций семейного права как отрасли права / А.Н. Левушкин, А.А. Левушкина // Российская юстиция. – 2013. – № 1. – С. 18–21.
18. Научно-практический комментарий к Кодексу Республики Беларусь о браке и семье / С. М. Ананич [и др.]; под ред. В. Г. Тихини, В. Г. Голованова, С. М. Ананич. – Минск, ГИУСТ БГУ, 2010. – 680 с.
19. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Юрайт-Издат, – 2007. – 280 с. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.lawmix.ru/commlaw/1944?page=8> (дата обращения: 15.11.2019).
20. Нечаева, А. М. Семейное право Российской Федерации: учебник для среднего профессионального образования / А. М. Нечаева. – 8-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 294 с.
21. Олейник, И.И. Становление теории семейного права в советской юридической науке (историографический аспект) // История государства и права. – 2014. – № 21. – С. 27–32.
22. Пенкрат, В.И. Семейное право Беларуси: учеб. пособие / В.И. Пенкрат; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Академия М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Минск: Акад. МВД, 2012. – 235 с.
23. Пергамент, А.И. Алиментные обязательства по советскому праву / А.И. Пергамент. – М., 1951.
24. Полянский, П.Л. Формирование семейного права как отрасли в России (постановка проблемы) / П.Л. Полянский // Вестник Московского университета. – Серия 11. Право. – 2010. – № 2. – С. 3–33 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-semeynogo-prava-kak-otrasli-v-rossii-postanovka-problemy> (дата обращения: 03.07.2020).
25. Рузанова, В.Д. Гражданское право и семейное право, как самостоятельные и взаимосвязанные отрасли / В.Д. Рузанова // Вестник ВолГУ. Серия 5: Юриспруденция. – 2013. – № 4. – С. 76–84.
26. Свердлов Г.М. О предмете и системе социалистического семейного права / Г.М. Свердлов // Советское государство и право. – 1941. – № 1.
27. Свердлов, Г.М. Право на воспитание и судебные споры о детях / Г.М. Свердлов // Советское государство и право. – 1940. – № 5–6.
28. Семейное право: учебник / Чефранова Е.А. [и др.]; под ред. Е.А. Чефрановой. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 331 с.
29. Семейное право: проблемы и перспективы развития (материалы «круглого стола») / подготовлен Н.М. Нестеровой // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 93–101.
30. Сильченко, Н.В. О критериях отраслей права / Н.В. Сильченко // Право и демократия: Сб. науч. тр. Вып. 13. – Минск: БГУ, 2002. – С. 54–66.
31. Советское семейное право: учеб. пособие / К.М. Борзова [и др.]; под ред. В.Ф. Чигира. – Минск: Университетское, 1989. – 240 с.
32. Тарусина, Н.Н. Семейное право: Очерки из классики и модерна / Н.Н. Тарусина; Яросл. гос. ун-т. – Ярославль: ЯрГУ, 2009. – 616 с.

33. Тарусина, Н.Н. Судебная практика по семейным делам: проблемы усмотрения на грани правотворчества / Н.Н. Тарусина // Lex russica. 2019. № 5. С. 40–48.

34. Третьякова, Ж.В. Семейное право: курс лекций / Ж.В. Третьякова. – Минск: БИП-Институт правоведения, 2016. – Ч. 1. – 103 с.

35. Юркевич, Н.Г. Семья в современном обществе / Н.Г. Юркевич. – Минск: Беларусь, 1964. – 108 с.

36. Юркевич, Н.Г. Советская семья. Функции и условия стабильности / Н.Г. Юркевич. – Минск: Изд-во БГУ, 1970. – 208 с.

Об авторе

КОРОТКЕВИЧ Мария Павловна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права юридического факультета БГУ (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, д. 8, каб. 213), e-mail: MKorotkevich@mail.ru.

FORMATION AND CURRENT PROBLEMS OF FAMILY LAW

M.P. Korotkevich

Belarusian State University

The article analyzes the development of the science of family law and the formation of family law as a branch of law. The main directions of improving the legislation on marriage and family are determined.

Key words: family law, branch of law, contract, agreement, family relations.

About the author:

KOROTKEVICH Maria – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Civil Law, Faculty of Law, Belarusian State University (Leningradskaya street, 8, cab. 213, 220030 Minsk, Republic of Belarus), MKorotkevich@mail.ru.

СЕМЕЙНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

О.Ю. Косова

Иркутский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
г. Иркутск

В статье обозначена связь между государственным управлением, семейной политикой и семейным законодательством. Основные политико-правовые документы закладывают концептуальные положения о взаимодействии семьи и государства, которые объективно востребованы для дальнейшего развития российского законодательства с тем, чтобы оно обеспечивало жизнеспособность общества и соответствовало официально заявленным в них установкам управленческой деятельности в сфере семьи. Дана оценка отдельным положениям проекта Концепции совершенствования семейного законодательства.

Ключевые слова: государственное управление, семейная политика, законодательство, мораль, традиционные ценности.

Основное социальное предназначение института семьи – обеспечивать воспроизводство и продвижение нации в будущее, исключением не является и российское общество, переживающее глубокий системный кризис. В текущий период принятие государством срочных антикризисных мер, направленных на сохранение и поддержку института семьи, в т.ч. путем совершенствования действующего законодательства, для современной России, возможно, гораздо важнее, чем решение многих других социальных проблем. На это очевидно указывают демографические показатели, непосредственно связанные с функционированием семьи и определяющие жизнеспособность общества; это не только «внутренние» показатели ее состояния (коэффициенты рождаемости, брачности, разводимости, детности, смертности), но и иные, характеризующие «внешние» условия существования семей и эффективность функционирования (занятость, доход на члена семьи, норма оплаты труда работника по найму, жилищная обеспеченность, информационное поле, доступность образования и достояний культуры и др.). Все вместе они отчетливо подают сигналы, что ныне живущие поколения россиян рискуют утратить способность воспроизводить себя и свою культуру в последующих поколениях, что при сохранении сложившихся демографических тенденций и геополитической ситуации не исключает самые негативные сценарии «трансформации» не только института семьи, но и России.

От субъектов, осуществляющих управленческую деятельность, требуются адекватные масштабу возникших социальных проблем действия для обеспечения воспроизводства и успешного развития народа, его выживания в сложившихся геополитических и экономических условиях, обретения на

отдаленную перспективу устойчивого положения среди крупных цивилизационных сообществ и национальных суверенных государств. С этой точки зрения удивительно, что поиск «национальной идеи» для России не увенчался ее обнаружением на поверхности действительности, а именно, в необходимости восстановления и укрепления института семьи в качестве общенационального блага, социального идеала и первоочередной долгосрочной цели. На наш взгляд, эта идея не только на уровне ст. 38 органично вписывается в обновленную Конституцию РФ, она могла бы стать идеологической основой «социального государства», так как действует простой закон жизни: вместе с деградацией и разрушением социума умирает и государство; а если в обществе не рождаются и не воспитываются дети, то и будущего у него нет.

Легализуя выбранные субъектами государственного управления пути поддержки института семьи, не лишним будет вспомнить, что в разные периоды развития отечественного права признавалась значимость норм морали для семейной жизни, что в полной мере касается и настоящего времени; так, А.Ю. Касаткина отмечает, что основными регуляторами семейных отношений наряду с правом являются нормы нравственности, и этот факт нужно отразить в Семейном кодексе РФ [2, с. 35, 41]. Законодательство есть проявление политики государства, в нем она обретает правовую форму и потенциал реализации.

Заметим, что само право призвано быть «нравственно-политическим» средством управления, оно является основным инструментом воздействия на общественные отношения и реализации осознанной государственной политики, за ним стоит механизм государственной власти. Легализуя политику, закон должен опираться на нравственный стержень общества, на культурную традицию, понимание жизненных постулатов, иначе он способен исказить действительность, «превращая» ее во вредоносную для социальных взаимосвязей догму.

Тысячелетний опыт организации семейной жизни выкристаллизовал ее характеристики, донес до настоящих времен и укоренил в общественном сознании, науке и праве. Не следовавшие им народы, цивилизации остались в историческом прошлом, поэтому потребность сохранить традиционную модель семьи в законодательстве объяснима. Меняются технологические уклады, внешняя среда, условия жизни людей, но природа человека остается прежней, а семья по-прежнему занимает наиважнейшее место в его жизни. Между тем в ряде государств законодательство встало на путь слома сформированной веками модели и базовых правил семейной жизни. Входящий в научный правовой оборот термин «трансформация семьи» является заимствованным извне и в своей первооснове несет идею разрушения традиционной семьи. Учитывая демографический фактор и процессы, протекающие в западно-ориентированных системах права, особенно аккуратно и взвешенно необходимо подходить к развитию всего российского законодатель-

ства, но, прежде всего, семейного, – оно должно быть стабильным, нацеленным на целостность традиционной семейной формы организации и, согласно Конституции РФ, ее поддержку другими институтами государства. Политическая воля государственной власти последних трех десятилетий социального реформирования нашла отражение в соответствующих конституционных поправках, а также ранее принятых на федеральном и региональном уровнях политико-юридических документах, в которых фиксируются концептуальные положения семейной политики.

В самом общем виде семейная политика может осознаваться как целенаправленная деятельность органов государственной власти (законодательной, исполнительной, судебной) по управлению социальными процессами, протекающими в сфере семьи [5, с. 38–40]. Считается, что она должна быть нацелена «на оптимизацию» общественных отношений «путем осуществления системы согласованных мер», носить «научно-обоснованный», «комплексный» характер [1, с. 11]. Такого рода меры могут быть «правовыми, организационными, финансовыми, информационными, пропагандистскими, научными, кадровыми и иными», а осуществляющее их государство взаимодействует «с институтами гражданского общества» [3, с. 85].

Среди политико-правовых источников федерального уровня, позиционирующих семейную политику России и основы управления в сфере семьи, наиболее известны: Указы Президента РФ «Об Основных направлениях государственной семейной политики» [8] и «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [9]; распоряжение Правительства РФ «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» (Далее – Концепция семейной политики) [7]. Их анализ, на наш взгляд, демонстрирует осознание необходимости комплексности и системности управленческих (а значит, и законодательных) решений. Воздействие на семью предполагается, главным образом, по внешнему контуру путем принятия экономических, культурных, информационных и иных мер. Признано, что «эффективность экономических мер невозможна без создания в обществе атмосферы приоритета семейно-нравственных ценностей, поддержки и всестороннего укрепления престижа семейного образа жизни», а «стратегическим приоритетом» объявлены утверждение «традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни» [7].

Таким образом, есть основания считать, что именно эти установки должны стать главными ориентирами и основой концепции развития семейного законодательства, и наиболее значимые новеллы в любой сфере российского законодательства должны оцениваться с их позиций. В этом плане трудно согласиться с Л.Ю. Михеевой, что «концептуальной основы» для модернизации семейного законодательства еще нет [4]. Полагаем, что из названных документов вырисовываются три базовые идеи: во-первых, максимально возможного невмешательства во внутренние дела семьи, т.е. «автономии семьи», что созвучно п.1 ст. 1 СК РФ. Во-вторых, конституционная

норма о защите и поддержке семьи государством должна реализовываться, главным образом, путем создания благоприятных условий *внешнего* по отношению к ней контура социальных обстоятельств. Семейное законодательство и законодательство о защите семьи, в том числе СК РФ, охватывает гораздо больший круг вопросов, чем регулирование собственно внутрисемейных отношений. В-третьих, максимально возможное сохранение той системы общественных отношений, которые характерны для проверенной веками организации семейной жизни: основа семьи – брак; забота о жизнеобеспечении нетрудоспособных членов семьи, о воспитании несовершеннолетних детей и др. Все важнейшие социально значимые законопроекты в сфере образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения, налогообложения и другие, а не только корректирующие СК РФ, должны проходить демографическую и политико-правовую экспертизу на предмет укрепления и благополучия института семьи, тем более с учетом п. 27 Указа Президента РФ № 712 [8].

Хотя СК РФ не всегда безупречен в своих формулировках, в целом он отвечает заявленным параметрам и исходит из того, что семейные отношения должны строиться «на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов» (п.1 ст. 1 СК РФ). Вполне естественно, что на момент принятия СК РФ «не мог учитывать тех экономических, социальных и политических преобразований, изменений отраслевого законодательства, которые произошли в России за последние 20 лет», но вряд ли справедлива его оценка как акта, основанного «на патерналистском подходе к семье, суть которого составляют покровительство государства, опека и контроль за семьей» [6]. Совершенствуя семейное законодательство, нельзя забывать об обеспечении соответствующей политики, по крайней мере государственных СМИ, относительно сохранения и пропаганды культурных традиций, семейных и иных духовных ценностей, т.к. стабильность семьи зависит, в первую очередь, от личностных качеств ее членов.

Последние десятилетия изменили экономическую основу российского общества и область применения гражданского законодательства. В этой части Л.Ю. Михеева правильно указывает на многообразие новых имущественных благ, которые вошли в гражданский оборот, и необходимость упорядочения возникающих общественных отношений [4]. Однако стоит задуматься, можно и нужно ли цивилистам решать поставленные перед ними вопросы, связанные, например, с банкротством физических лиц-супругов, именно в СК РФ, для этого перед ними открыты гражданское законодательство, в том числе ГК РФ, а также специальное законодательство о банкротстве. Не лучше ли переключить внимание на совершенствование гражданского права, сформулировав нормы специального характера и сделав акцент на проблематике стабильности гражданского оборота с учетом проявлений в регулируемых имущественных правоотношениях общих норм о правовом

режиме имущества членов семьи, закрепленных СК РФ? Не исключаем дискуссионность положительного ответа, но, полагаем, он не менее спорен, чем наличие в тексте ГК РФ положений о законном представительстве имущественных интересов несовершеннолетних, проистекающих из их семейно-правового положения, или, например, норм о признании гражданина ограниченно дееспособным или о брачном договоре. Безусловно, частноправовой характер отношений, регулируемых, с одной стороны, гражданским, а, с другой, семейным правом, сближает две частноправовые отрасли, позволяя действовать правилам ст. 4, 5 СК РФ. Но при этом нельзя игнорировать нашедшую поддержку даже в учебной литературе идею о тождестве предмета гражданского и семейного права, сопряженную с перспективой последующей ликвидации и поглощения Гражданском кодекском немногочисленных чисто семейно-правовых норм. СК РФ – это комплекс разноотраслевых норм, но «усиление» его нормами иных отраслей: гражданского, административного, гражданского процессуального права требует разумного подхода.

Правоприменительная практика обоснованно считается важнейшим фактором совершенствования законов и нередко законоположения являются ее продуктом. Нисколько не умаляя ее значения, роли судебных решений по семейным делам, и, тем более, разъяснений Пленумов ВС РФ, все-таки уместен вопрос: требуют ли все они последующей обязательной трансформации в нормы СК РФ? Думается, нет, причем значимость судебной практики при этом не страдает. Разумного подхода требует также включение в СК РФ положений подзаконных нормативно-правовых актов, например, постановлений Правительства, ведомственных актов, которые имеют чисто процессуальный характер. Вряд ли текстуальное «распухание» ГК РФ, усложняющее понимание и применение его норм не только студентами юридических вузов, но и правоприменителями, должно стать безусловным примером для корректировки СК РФ.

Среди иных, на наш взгляд, далеких от традиционных представлений положений проекта Концепции совершенствования семейного законодательства, например, предложение о введении СК главы, посвященной суррогатному материнству. Жизнь показала, что суррогатное материнство приобретает в России преимущественно коммерческий характер, а суррогатные матери вряд ли внутренне ведомы желанием облагодетельствовать «заказчиков» материнством или отцовством. Они вынашивают и рожают детей преимущественно ради того, чтобы поддержать свои малообеспеченные семьи, т.к. лишены возможности более достойного заработка, вынуждены страдать физически и психологически при медицинских манипуляциях и превращать свое тело и душу в биологический объект вынашивания чужих эмбрионов, получения прибылей хозяевами коммерческих клиник. Нередко заказчицами являются иностранцы и новорожденных вывозят за рубеж. Распространяющийся фетиш денег «требует жертв», а при коммерциализации са-

мых сокровенных и святых для социума отношений ударяет по рождаемости, создавая иллюзию легкости обретения материнства в возрасте, когда фертильность женщин реально угасает ввиду возраста и хронических заболеваний, влияющих на их репродукцию. На пользу ли это и сохранению традиционных семейных ценностей, которые официально поддерживаются государством? Решение проблем сохранения репродуктивного здоровья мужчин и женщин ввиду целого ряда факторов лежит в других областях: воспитания, здравоохранения и др.

По мнению проектантов, отсутствие норм о семейно-правовой ответственности «порождает ошибочное представление о безответственности участников семейно-правовых отношений». Однако вопрос о семейно-правовой ответственности, учитывая нравственно-эмоциональную основу семьи, теоретически не проработан. В этой части примечателен вывод, содержащийся в Экспертном заключении по проекту Концепции [10] о том, что «санкции в семейном праве преимущественно являются мерами защиты субъективных прав, а не мерами ответственности». В такой ситуации, как и в иных подобных ситуациях отсутствия единого научного подхода, вряд ли разумно легализовывать лишь лоббируемые теоретические позиции. В законодательстве присутствует более жесткая, публичная – административная и уголовная ответственность за совершение противоправных общественно опасных действий, умышленно направленных против личности жизни, здоровья, жизнеобеспечения граждан, в том числе, ребенка (ст. 5.35 КоАП РФ, 156, 157 УК РФ и иные составы). Резонен вопрос: насколько эти меры ответственности побуждают нарушителей действительно полюбить ребенка, заботиться о нем, тем более, что широко применяемые на практике штрафные санкции ст. 5.35 КоАП РФ взыскиваются в бюджет, а рублем реально наказываются дети. К тому же идея все большего «усиления правовой ответственности родителей» сопряжена с расширяющейся практикой отобрания детей из родных семей, что, полагаем, не согласуется с идеологией поддержки и защиты семьи, и нормой п. 4 ст. 65 СК РФ.

Проектом [6] предлагается введение в СК РФ термина «профессиональная семья», который вряд ли можно признать удачным. В смысловом прочтении профессиональная семья – это возмездная деятельность с дополнительными прерогативами (стажем, льготами, режимом работы и пр.). Своего рода прототип такой формы устройства детей – *детский дом семейного типа* – существует, и такое название в большей мере приемлемо. К тому же практика профессионального воспитания отобранных из семей детей во многих западных государствах указывает на формирование под ярлыком профессиональной семьи системы перераспределения бюджетных финансовых потоков между профессиональными воспитателями, НКО, органами опеки и лицами, иницилирующими отобрание детей, которая рождает материальную заинтересованность участников в расширении практики разлучения родителей и детей. Реальными причинами отобрания детей могут быть их насильственная ассимиляция, лоббирование интересов педофилов и

ЛГБТ-сообществ. Полагаем, что следует осторожно воспринимать и допускать законодательное продвижение идеологии возмездного воспитания в семье, которая в принципе противоречит традиции безвозмездности семейных отношений. Это в полной мере относится и к существующим формам приемной или патронатной семьи, где нередки случаи принятия чужого ребенка на воспитание исключительно по корыстным соображениям, злоупотреблений со стороны приемных родителей. По меньшей мере в части статуса воспитателей и надзора за их деятельностью вряд ли верно юридически отождествлять «возмездную» и «безвозмездную» опеку (попечительство).

Список литературы

1. Заикина Г.А. О понятии и объекте социальной политики в сфере брачно-семейных отношений // Семья как объект социальной политики. – М., 1986. С. 8–18.

2. Касаткина А.Ю. Социальные регуляторы семейных отношений в Российской Федерации: некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4(60). С. 35–41.

3. Климантова Г.И. Государственная семейная политика современной России. – М.: Дашков и К, 2004. – 192 с.

4. Концепции развития семейного законодательства у нас в стране нет» // Интервью Лидии Михеевой // https://zakon.ru/discussion/2017/3/17/koncepcii_razvitiya_semejnogo_zakonodatelstva_u_nas_v_strane_net_intervyu_lidii_miheevoj (дата обрац. – 19.09. 2020).

5. Косова О.Ю. Семейное право: Учебник. – изд.2-е. Иркутск: Изд-во ИЮИ (ф) Академии Ген. прокуратуры РФ. 2016. – 559 с.

6. Проект «Концепции совершенствования семейного законодательства» и «Предложения по совершенствованию семейного законодательства, подготовленные временной рабочей группой по совершенствованию семейного законодательства Российской Федерации при координационном совете при Президенте Российской Федерации по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2016 – 2017 годы» // <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129293#007811439290162059> (дата обрац. – 19.09. 2020).

7. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года».

8. Указ Президента РФ «Об Основных направлениях государственной семейной политики» № 712 от 14 мая 1996 г. // СПС «КонсультантПлюс».

9. Указ Президента РФ № 1351 от 9 октября 2007 г «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Экспертное заключение по проекту Концепции совершенство-

вания семейного законодательства Российской Федерации. Принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 7.07.2014гN 132-1/2014 //https://www.consultant.ru/-cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=129293#007811439290162059 (дата обрац. – 19.09. 2020).

Об авторе:

КОСОВА Ольга Юрьевна – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)», доцент (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4), SPIN-код: 1212-2373, e-mail: olurko@mail.ru.

FAMILY LEGISLATION AS AN INSTRUMENT OF STATE POLICY

O.U. Kosova

Irkutsk Law Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation)

The article identifies the connection between government, family policy and family law. The main political and legal documents lay down the conceptual provisions on the interaction of the family and the state, which are objectively in demand for the further development of Russian legislation so that it ensures the viability of society and conforms to the principles of management activities in the family sphere officially declared in them. An assessment is given to certain provisions of the draft Concept for improving family legislation.

Keywords: *public administration, family policy, legislation, moral, traditional values.*

About the author:

KOSOVA Olga Yurievna – Doctor of the law, Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk Law Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Assistant professor (66011, Irkutsk, Nekrasova street, 4), SPIN-code: 1212-2373, e-mail: olurko@mail.ru.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМЕЙНОГО БАНКРОТСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

И.А. Крусс

Тверской государственной университет, г. Тверь

В статье исследуются вопросы семейной несостоятельности по законодательству России. Отсутствие надлежащего правового регулирования семейного банкротства порождает проблемы на практике. Однако развитие данного института способствует ускорению процесса рассмотрения дела и существенно снижает расходы на проведение аналогичной процедуры.

Ключевые слова: семейное банкротство, должник-супруг, совместно нажитое имущество семьи, конкурсная масса, преимущества семейного банкротства.

Если должник не имеет возможности удовлетворить свои обязательства перед кредиторами, то у него возникает возможность инициировать банкротство согласно положениям отечественного законодательства. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) от 26 октября 2002 г. № 127 регулирует отношения, связанные с банкротством граждан. «Гражданин вправе подать в арбитражный суд заявление о признании его банкротом в случае предвидения банкротства при наличии обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что он не в состоянии исполнить денежные обязательства и (или) обязанность по уплате обязательных платежей в установленный срок, при этом гражданин отвечает признакам неплатежеспособности и (или) признакам недостаточности имущества» [1]. При этом глава X закона о банкротстве говорит о банкротстве отдельного гражданина, а не нескольких физических лиц в рамках одного дела. Вместе с тем супруги могут иметь общие обязательства перед кредиторами по потребительским или кредитным правоотношениям, и логично было бы законодательно предусмотреть положения о совместном банкротстве супругов.

Несомненно, при банкротстве затрагиваются интересы заинтересованных лиц, к которым можно отнести другого супруга, детей. Взыскание совершается на общее имущество супругов по их общим долгам, а также по обязательствам одного из супругов, при условии, что в судебном порядке будет установлено, что все полученное по обязательствам одного из супругов, было использовано на нужды семьи. В таком деле важно соблюсти интересы всех третьих лиц. Таким образом, важность введения единой процедуры несостоятельности супругов объясняется возникновением кредитных отношений во время брака и использованием полученных средств на удовлетворение семейных потребностей.

Интересен тот факт, что супруги, предвидя ситуацию банкротства, могут предпринять ряд мер, направленных на выручение своего имущества. Такие действия могут выражаться в заключении брачного контракта, оформлении

развода, соглашения о разделе имущества и т.п. Однако подобные меры не могут исключить всех рисков, связанных с обращением взыскания на имущество.

В деле о банкротстве гражданина-должника, по общему правилу, подлежит реализации его личное имущество, а также имущество, принадлежащее ему и супругу (бывшему супругу) на праве общей собственности (пункт 7 ст. 213.26 Закона о банкротстве, пункты 1 и 2 ст. 34, Семейного кодекса РФ).

Задача финансового управляющего определить личное имущество супругов и общее имущество с тем, чтобы сформировать конкурсную массу. Вот здесь и начинаются сложности, особенно когда введены процедуры несостоятельности в отношении обоих супругов.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» разъясняет положения закона о банкротстве применительно к семейным правоотношениям в аспекте распределения совместно нажитого имущества граждан. По общему правилу, в конкурсную массу гражданина включается все его имущество, имеющееся на день принятия арбитражным судом решения о признании гражданина банкротом и введении процедуры реализации имущества, а также имущество, выявленное или приобретенное после принятия указанного решения, в том числе заработная плата и иные доходы должника [2]. Имущество, на которое не может быть обращено взыскание в соответствии с гражданским процессуальным законодательством, в том числе деньги в размере установленной величины прожиточного минимума, приходящейся на самого гражданина-должника и лиц, находящихся на его иждивении, исключается из конкурсной массы.

Принципиально важно, чтобы вопросы относительно распределения совместно нажитого имущества разрешались в одном процессе по банкротству супругов. Здесь не только проблемы материального права, но и процессуальные аспекты должны разрешаться сообща. Так, если дело о банкротстве должника-супруга уже рассматривается арбитражным судом, раздел принадлежащего ему и его супругу общего имущества возможен исключительно в рамках соответствующего банкротного дела. Такая позиция снимает вопрос и о том, в каком из двух дел должно быть реализовано общее имущество супругов, если введены процедуры несостоятельности в отношении двух супругов. Разрешается вопрос и о том, какое правовое положение имеет супруг, который привлекается в дело о банкротстве другого супруга.

Следуя вышеуказанным разъяснениям Верховного Суда в случае, когда процедуры несостоятельности введены в отношении обоих супругов, их общее имущество подлежит реализации в деле о банкротстве того супруга, ко-

торый в публичном реестре указан в качестве собственника либо во владении которого находится имущество, а средства от реализации общего имущества супругов распределяются между их конкурсными массами пропорционально долям в общем имуществе.

Более того, Пленум ясно высказался и том, что в целях процессуальной экономии и для упрощения порядка реализации имущества и удовлетворения требований кредиторов суд может рассмотреть вопрос об объединении двух дел о несостоятельности супругов. Остается только надеется, что и законодатель пойдет дальше и пропишет в законе возможность подачи супругами совместного заявления о банкротстве.

Основательными аспектами законодательного введения понятия семейного банкротства будет ускорение разбирательства по делу, поскольку при раздельном банкротстве происходит рассмотрение обособленных имущественных споров супругов. Безусловным приоритетом совместного банкротства является и снижение расходов на проведение процедуры.

Упрощается и работа финансового управляющего, так как реестр кредиторов будет формироваться как единый документ, где будут указаны все кредиторы по общим обязательствам супругов, а также будут вестись реестры требований кредиторов по личным обязательствам каждого из супругов. «Имущество должников будет продаваться как единое целое без выдела долей, что существенно упрощает порядок его реализации» [3].

Таким образом, процесс совместного банкротства супругов способствует снижению судебных расходов и юридических издержек, ускорению разбирательства по делу и гарантирует быстрое удовлетворение требований кредиторов.

Список литературы

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)"// СПС «Гарант» (Дата обращения 02.11.2020).
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. N 48 "О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан" // <http://www.vsrfl.ru> (Дата обращения: 02.11.2020).
3. Губина М.А., Хвостунцев А.М. Формирование конкурсной массы гражданина-должника: проблемы правоприменения // Вестник Омского университета. Серия «Право» 2017. № 1. С 145–149.

Об авторе:

КРУСС Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверского государственного университета» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Kruss.IA@tversu.ru, ORCID: 0000-0002-0261-9582, SPIN-код: 1394-2400.

SOME PROCEDURAL ASPECTS OF FAMILY BANKRUPTCY IN RUSSIAN LEGISLATION

I.A. Kruss

Tver state University

The article examines the issues of family insolvency under Russian law. The lack of proper legal regulation of family bankruptcy creates problems in practice. However, the development of this institution helps to speed up the process of reviewing the case and significantly reduces the cost of conducting a similar procedure.

Keywords: *family bankruptcy, debtor-spouse, jointly acquired family property, bankruptcy estate, advantages of family bankruptcy.*

About authors:

KRUSS Irina – candidate of law, associate professor of the Department of judicial power and law enforcement OF the Tver state University (33 Zhelyabova str., 170100, Tver), e-mail: Kruss.IA@tversu.ru.

КОНКУРСНОЕ ОСПАРИВАНИЕ СДЕЛОК, СОВЕРШАЕМЫХ СУПРУГОМ ДОЛЖНИКА

Е.А. Лагунова

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск

Анализируются правовые подходы к оспариванию в рамках дела о банкротстве должника сделок его супруга по отчуждению совместно нажитого имущества в ущерб интересам кредиторов. Обозначены особенности оспаривания по специальным и общегражданским основаниям. Автор приходит к выводу, что все случаи вывода супругами имущества в ущерб конкурсной массе представляют собой злоупотребление правом общей совместной собственности и возможность юридического сокрытия этого имущества от кредиторов, при том, что фактически оно остается во владении семьи.

Ключевые слова: банкротство гражданина, супруги, совместная собственность, оспаривание сделок, кредиторы, злоупотребление.

Институт несостоятельности (банкротства) гражданина направлен на урегулирование экономического конфликта между кредиторами с одной стороны и несостоятельным гражданином, попавшим в тяжелое финансовое положение, с другой. В силу того, что субъектом является физическое лицо, «в зону имущественной ответственности включаются также и лица, состоящие с ним в семейных отношениях», в частности супруг должника [7, с. 15]. Такая правовая вовлеченность супруга основана прежде всего на праве общей совместной собственности (ст. 34 Семейного Кодекса Российской Федерации, далее – СК РФ) [2] предполагающим наличие определенного интереса во владении, пользовании и распоряжении совместным имуществом.

В деле о банкротстве гражданина-должника, по общему правилу, подлежит реализации его личное имущество, а также имущество, принадлежащее ему и супругу на праве общей собственности. В конкурсную массу включается часть средств от реализации общего имущества супругов (бывших супругов), соответствующая доле гражданина в таком имуществе, остальная часть этих средств выплачивается супругу (бывшему супругу) (п. 7 ст. 213.26 Федерального закона от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», далее – Закон о банкротстве) [3]. Таким образом, при несостоятельности одного из супругов погашение долговых обязательств осуществляется и за счет общего имущества супругов, что критикуется отдельными исследователями поскольку такая выплата «не может рассматриваться как мера, обеспечивающая интересы супруга (бывшего супруга)» [6, с. 70].

В банкротстве гражданина оспариваются совершенные им сделки по распоряжению имуществом в ущерб кредиторам, влекущие уменьшение конкурсной массы и, как следствие, причинение вреда кредиторам, справед-

ливо рассчитывающим на получение исполнения. В таких случаях приходится говорить о конкурирующих интересах семьи должника и третьих лиц, заинтересованных в пополнении конкурсной массы.

Случается, когда в преддверии процедуры банкротства супруг должника отчуждает по возмездным или безвозмездным сделкам имущество, находящееся в совместной собственности, в пользу третьих лиц (как правило, родственников), с целью недопущения обращения на него взыскания. В силу прямого указания п. 4 ст. 213.32 Закона о банкротстве такие сделки могут быть признаны недействительными по иску финансового управляющего, конкурсного кредитора или уполномоченного органа (п. 1 ст. 213.32 Закона о банкротстве).

В качестве оснований оспаривания таких сделок применяются как общие положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) (ст. 10, 168, 170, 174 ГК РФ) [1], так и специальные основания недействительности подозрительных сделок или сделок с предпочтением, установленные ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве (п. 13) [8].

Следует отметить, что Закон о банкротстве содержит ограничение в части основания оспаривания сделки, совершенной гражданином или его супругом, в зависимости от даты совершения оспариваемой сделки. Так, если должник – физическое лицо – не является индивидуальным предпринимателем, то совершенные им до 01.10.2015 сделки (или его супругом) с целью причинения имущественного вреда кредиторам могут быть оспорены только по общегражданским основаниям (ст. 10 ГК РФ), а к сделкам, совершенным после 01.10.2015, могут применяться и специальные основания оспаривания [4]. Вместе с тем законом не исключена возможность оспаривания сделок гражданина с целью причинения вреда кредиторам, совершенных после 01.10.2015, по общегражданским основаниям.

Нередко основания недействительности, указываемые в заявлении об оспаривании сделки, предопределены сроком исковой давности, поскольку п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и ст. 10 ГК РФ соотносятся между собой как общая и специальная, но к сделкам, совершенным со злоупотреблением правом применяется общий срок исковой давности в три года, в то время как к оспоримым сделкам (ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве) применяется годичный срок. Сложившееся направление судебной практики по вопросу квалификации оспариваемых сделок в условиях конкуренции составов правонарушения (общегражданских и специальных, закрепленных в главе III.1 Закона о банкротстве) сводится к недопустимости квалификации как по специальным основаниям, так и по общим основаниям совокупности одних и тех же обстоятельств (признаков). Квалификация сделки, причиняющей вред, по общим основаниям возможна только в том случае, если обстоятельства ее совершения выходят за рамки признаков подозрительной сделки. Иной подход открывает возможность для обхода сокращенного срока исковой давности, установленного для оспоримых сделок [10].

Фактические обстоятельства, необходимые для признания сделки недействительной различаются в зависимости от того, по какому основанию оспаривается сделка. Судебной практикой выработаны определенные правовые подходы при рассмотрении требований об оспаривании сделок, совершенных супругом должника в ущерб интересам кредиторов.

Для признания сделки недействительной по основанию, указанному в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, необходимо установить следующие объективные факторы: сделка должна быть заключена в течение года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления и неравноценное встречное исполнение обязательств.

По п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве необходимо доказать, что сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов; в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов; другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

Цель причинения вреда имущественным правам кредиторов предполагается, если на момент совершения сделки должник отвечал признаку неплатежеспособности или недостаточности имущества, и имеется хотя бы одно из других обстоятельств, предусмотренных абзацами вторым – пятым п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве [9].

Предполагается, что другая сторона сделки знала о совершении сделки с целью причинить вред имущественным правам кредиторов, если она признана заинтересованным лицом (ст. 19 Закона о банкротстве) либо если она знала или должна была знать об ущемлении интересов кредиторов должника либо о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника. Заинтересованным лицом по отношению к должнику признается, в частности, его супруг. Таким образом, в отношении супруга действует презумпция его осведомленности – предполагается, что супруг знал о совершении сделки с целью причинить вред имущественным правам кредиторов.

Так, удовлетворяя заявление финансового управляющего о признании недействительной сделки, супруги должника по продаже транспортного средства суды исходили из того, что сделка совершена в пределах года до принятия заявления о признании должника банкротом, спорный автомобиль приобретен в браке, брачный договор, предусматривающий единоличную собственность супруги на него признан недействительным, на момент отчуждения спорного автомобиля должник отвечал признакам неплатежеспособности, не исполнял надлежащим образом свои обязательства перед кредиторами, а заявитель являлась заинтересованным лицом (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве). Кроме того, ввиду отсутствия в материалах дела доказательств оплаты покупателем спорного имущества суды руководствовались нормами п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, указывая на неравноценность встречного предоставления [11].

Анализ судебной практики показывает, что зачастую сделки, совершенные супругом должника в целях причинения вреда кредиторам, оспариваются по нескольким основаниям – специальным и общегражданским, если установлено, что сделки имеют дополнительные пороки (ст. 10, 168, 170 ГК РФ).

Так, в другом деле суд помимо оснований недействительности по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве самостоятельно применил статью 10 ГК РФ, указав, что автомобиль был продан по цене, которая у добросовестного приобретателя имущества не могла не вызвать сомнений в том, что имущество отчуждается в рамках обычных правоотношений, а не в ущерб третьим лицам; доказательства наличия у отчужденного автомобиля каких-либо технических неисправностей не представлено, а экономический интерес в совершении оспариваемой сделки суду не обоснован [12]. В рамках другого дела суды применили п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и ст. 170 ГК РФ, констатируя, что ответчики для вида формально перерегистрировали право собственности на спорную квартиру на мать супруги должника, при этом должник продолжает жить в спорной квартире и несет бремя ее содержания (статья 170 ГК РФ) [13]. Формальное исполнение сделки при наличии иных обстоятельств, свидетельствующих о том, что фактически имущество осталось во владении семьи, и собственники несут бремя его содержания, свидетельствует о ее мнимости [14,15].

Для оспаривания сделки по основаниям ст. 10, 168 ГК РФ не обязательно доказывать наличие у должника на момент ее совершения признака неплатежеспособности. Достаточно установить факт недобросовестного поведения контрагентов, намерение причинить вред кредиторам.

Так, конкурсный кредитор обратился в суд с заявлением о признании недействительными сделок, направленных на отчуждение супругой должника совместно нажитого имущества, а именно: жилого дома и земельного участка, ссылаясь на п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и ст. 10, 168 ГК РФ. Суды установили, что сделка совершена до 01.10.2015, имущество является совместной собственностью (при продаже супруга не указала, что состоит в зарегистрированном браке), по условиям договора покупатель оплачивает имущество стоимостью 3 200 000 долларов США в течение трех лет после регистрации права собственности, на момент сделки у должника имелись неисполненные обязательства перед кредиторами, покупатель является аффилированным с продавцом лицом, пришли к выводу о совершении сделки со злоупотреблением правом. Суды также приняли во внимание отсутствие объяснений разумной экономической целесообразности действий, направленных на отчуждение недвижимого имущества [16].

Таким образом, приведенная практика, свидетельствует о том, что при правовой коллизии квалификации ничтожных и оспоримых сделок предпочтение следует отдавать специальным банкротным основаниям оспаривания сделок. Положения ст. 10, 168 ГК РФ используются для сокрытия пробелов правового регулирования, т.е. случаев, когда фактические обстоятельства не

подпадают под специальные составы недействительности, но имеются явные признаки наличия в поведении сторон злоупотребления правом.

Заключение подобных сделок есть реализация супругами правомочия распоряжения имуществом, предоставленного в рамках субъективного права общей совместной собственности. Доктринальное понимание злоупотребления субъективным правом отличается многообразием научных подходов. Вместе с тем следует обозначить по крайней мере несколько признаков, характерных для злоупотребления: во-первых, наличие у лица определенного субъективного права, осуществление которого непременно нарушает права и интересы других лиц, во-вторых, осуществление права в противоречии с целями, ради которых оно предоставлено, сопровождающее видимость легального осуществления права. Как правило, обладатель субъективного права не преследует реального интереса в реализации предоставленных правом возможностей [5, с. 355–358].

Стало быть, практически каждый случай заключения сделок по выводу имущества в ущерб интересам кредиторов представляет собой злоупотребление правом.

Статистика свидетельствует о том, что институт банкротства граждан набирает популярность более широких слоёв населения, с каждым годом растет число тех, кого признают банкротами. Причины банкротства граждан могут быть самыми различными, как вызванные внешними факторами – экономические кризисы, личные проблемы, проблемы семьи, так и внутренними – отсутствие финансовой грамотности, неразумное кредитование и трата средств. Вместе с тем указанная процедура имеет очевидное преимущество в виде возможного списания долговых обязательств.

Приведенная практика свидетельствует о том, что в рамках дел о банкротстве возникает множество ситуаций, когда суду необходимо оценить действия сторон на наличие в них признаков злоупотребления правом.

Вышеописанные ситуации вывода имущества в ущерб интересам кредиторам в полной мере соответствуют указанным признакам злоупотребления правом. Право общей совместной собственности используется супругами как инструмент противодействия включению имущества в конкурсную массу, а наличие родственных связей как дополнительная возможность сокрытия этого имущества от кредиторов, когда оно фактически остается во владении семьи после отчуждения в пользу близких родственников, но юридически уже этой семье не принадлежит. Вместе с тем подобное поведение супругов по сокрытию ликвидного имущества от кредиторов вполне объяснимо их рациональным желанием всеми силами сохранить нажитое имущество, однако такие мотивы правовой оценки не получают.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.

2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 06.02.2020) // Российская газета, № 17. 27.01.1996.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета, № 209-210. 02.11.2002.
4. Федеральный закон от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета, № 144. 03.07.2015.
5. Лагунова Е.А. О признаках злоупотребления правом в гражданских правоотношениях // Актуальные проблемы правотворчества и правоприменительной деятельности в Российской Федерации: материалы межвуз. Науч. Студ. Конф., посвящ. 100-летию Иркут. Гос. Ун-та. Иркутск. Изд-во ИГУ, 2018. 539 с.
6. Савельева Н.М. Совместное банкротство супругов // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право, 2018. № 4. С. 65–79.
7. Семенова Е.А. Конкурсное оспаривание сделок должника-гражданина, совершаемых в соответствии с семейным законодательством // Семейное и жилищное право. 2015. №3. С. 14–18
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Российская газета, № 1. 09.01.2019.
9. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ, № 3, март, 2011.
10. Определение Верховного Суда РФ от 18.09.2019 № 309-ЭС19-10475 (1,2,3,4,5,6) по делу № А47-3532/2017 // СПС «Консультант Плюс».
11. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 19.03.2019 № Ф06-32613/2018 по делу № А65-31703/2017 // СПС Консультант Плюс.
12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.12.2019 № Ф05-6523/2018 по делу № А40-163832/2017 // СПС Консультант Плюс.
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24.09.2019 № Ф05-22205/2018 по делу № А40-220309/2016 // СПС Консультант Плюс.
14. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.12.2019 № Ф07-16261/2019 по делу № А56-61896/2016 // СПС «Консультант Плюс».

15. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 28.12.2018 № Ф05-22205/2018 по делу № А40-220309/2016 // СПС «Консультант Плюс».

16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.11.2019 № Ф05-14237/2016 по делу № А40-184972/2015 // СПС «Консультант Плюс».

Об авторе:

ЛАГУНОВА Елена Александровна – аспирант кафедры гражданского права и процесса, Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) 664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, SPIN-код: 3179-2045, e-mail: lena_piter@mail.ru.

CHALLENGING TRANSACTIONS OF THE DEBTOR'S SPOUSEE

E.A. Lagunova

Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice

The article deals with the challenges to transactions made by the debtor's spouse in a bankruptcy case. These practices illustrate that the insolvency process can be used to hide assets from existing creditors. These situations constitute abuse of rights.

Keywords: *family law, bankruptcy, entrepreneurship, abuse of rights.*

About the author:

LAGUNOVA Elena – Postgraduate Student, Irkutsk Institute (Branch) All-Russian State University of Justice (664011, Irkutsk, Nekrasova street, 4), e-mail: lena_piter@mail.ru.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУПРУГОВ ПРИ УЧАСТИИ В БИЗНЕС-ПРОЦЕССАХ И ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А.Н. Левушкин

Московский Финансово-промышленный Университет «Синергия»,
г. Москва;

Московский государственный областной университет, г. Москва;
Российский государственный университет правосудия, г. Москва

Ежегодно в России возникает большое количество новых участников бизнес-отношений – хозяйственных обществ, причем, как обществ с ограниченной ответственностью, так и акционерных, в которых в качестве участников выступают родственники, члены одной семьи, зачастую супруги. Увеличение числа семейных предприятий неизбежно поднимает проблему правового обеспечения семейного бизнеса в России, а также проблему разрешения супружеских конфликтов вокруг общих бизнес активов супругов. Супружеские конфликты таят в себе серьезную опасность для семейного бизнеса, так как они могут приостановить всю деятельность бизнеса или завести его в корпоративный тупик в особенности, если участник общества находится в браке, который расторгается, и супруги не могут договориться. В статье проанализированы права и обязанности супругов при участии в бизнес-процессах и осуществлении предпринимательской деятельности в современный период.

Ключевые слова: супруги, семья, права и обязанности, семейный бизнес, правовой режим имущества, семейные связи, предпринимательская деятельность, семейное предпринимательство.

Современная действительность характеризуется изменением социальной потребности в новых формах организации семейной жизни и условий регулирования семейных отношений. Развитие семейных отношений, инновации в определенных сферах семейной жизни обусловлены исключительно частными интересами физических лиц [1, с. 14].

В нашей стране все активнее как в цивилистической доктрине, так и в правоприменительном процессе дискутируется вопрос о необходимости нормативного правового регулирования семейного предпринимательства, его смешанной правовой природе. Вместе с тем на сегодняшний день в российском законодательстве не существует точного определения такого правового явления, как семейное предпринимательство и бизнес супругов [6, с. 3].

«Значительным изменениям подвергаются содержание и объем сферы семейно-правового регулирования имущественных отношений супругов и других членов семьи. Реализуется тенденция расширения предмета семейно-правового регулирования» [7, с. 32]. Права и обязанности супругов при участии в бизнес-процессах связаны, в первую очередь, с вопросом определения и осуществления права общей совместной собственности супругов в российском законодательстве, который всегда был поводом для

жаркой дискуссии среди научного сообщества. Проблемы выявлялись в ходе рассмотрения конкретных дел в судах как теоретиками права, так и практикующими юристами и, в свою очередь, подвергались корректировке судебной практикой. В научной сфере сформировалась точка зрения, согласно которой – при наличии в семье супруга или обоих супругов – предпринимателей рациональнее заключать брачные контракты, изменяющие режим собственности супругов. Связано это с попыткой нивелировать проблемы, возникающие в гражданском обороте, из-за норм семейного законодательства о совместной собственности супругов и требований по одобрению ряда сделок вторым супругом.

Закрепленное в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) правомочие собственника владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом (триада прав собственника) претерпела некоторые особенности в семейном законодательстве (ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации – далее СК РФ). По смыслу семейного законодательства оба супруга на равных правах владеют, пользуются и распоряжаются своим совместным имуществом вне зависимости от того, на чье имя оно зарегистрировано или в чьем фактическом владении оно находится. Презюмируется, что во время брака супруги распоряжаются своим совместным имуществом по обоюдному согласию, при этом согласие второго супруга считается полученным, пока иное не установлено – презумпция согласия. Заранее получать согласие второго супруга необходимо при заключении сделок в нотариальной форме или сделок, подлежащих государственной регистрации [11, с. 12].

Как не раз отмечалось в научной литературе, отечественное семейное законодательство предоставляет членам семьи правомочие на заключение любых сделок семейно-правового характера [5, с. 17]. Особенности российского законодательства и сложившиеся обычаи ведения бизнеса в России показывают, что предприниматели при совершении разнообразных сделок руководствуются нормами гражданского, административного, налогового законодательства, но почти всегда игнорируют нормы семейного законодательства [10, с. 63]. Такое обстоятельство накладывает определенные риски признания сделки недействительной, так как передаваемое имущество может принадлежать к общему имуществу супругов, а согласие второго супруга может отсутствовать. В этой связи О.Ю. Ильина обоснованно определяет взаимообусловленность публичного и частного интересов в механизме правового регулирования [3, с. 15], что отчетливо реализуется при исполнении обязанностей супругов, участвующих в бизнес-процессах.

При этом очевидно, что наращивание активов семьи и семейного бизнеса неизбежно приводит к увеличению числа сделок по распоряжению таким имуществом (активом и пассивом), а в совокупности все эти активы и пассивы принято именовать неюридическим термином – «бизнес» или «семейный бизнес». В качестве конститутивных признаков семейного предприни-

материнства необходимо назвать: 1) семейно-правовые связи, складывающиеся между членами семьи – участниками семейного предприятия; 2) личное трудовое участие в деятельности семейного предприятия [4, с. 210].

В ситуации, когда суду необходимо дать оценку добросовестности супругов при отсутствии посягательства на публичные интересы, то у суда имеется возможность более широкого усмотрения в этом вопросе. В одном деле суд отметил, что семейное законодательство содержит презумпцию согласия второго супруга на распоряжение совместным имуществом супругов, однако корреспондирует этой презумпции, закрепленная в ст. 7 СК РФ обязанность супруга осуществлять принадлежащие ему права согласно интересам второго супруга [12, 14]. Другими словами, в ст. 7 СК РФ, по аналогии со ст. 10 ГК РФ, содержится требование о недопустимости злоупотребления правом в брачно-семейных правоотношениях. В таком контексте кажется вполне закономерным и обоснованным вывод, что в семейных правоотношениях недопустимость злоупотреблением правом, а также добросовестность субъектов семейных правоотношений понимаются так же, как и в гражданских правоотношениях.

С точки зрения семейного права не имеет значения, в какой форме супруг осуществляет свою предпринимательскую деятельность: использует свои умения и навыки, использует свое или совместное имущество супругов, в форме самозанятого населения или индивидуального предпринимателя и т.д. Важным аспектом является факт извлечения прибыли от такой деятельности, которая попадает под правовой режим общего имущества супругов.

В некоторых случаях имущественные отношения супругов и других членов семьи могут влиять не только на семейный бизнес и материальное положение самой семьи, но и на предпринимательские отношения, выходящие за рамки семьи. Соответственно, это обуславливает необходимость должного законодательного регулирования имущественных и неимущественных предпринимательских взаимоотношений членов семьи [9, с. 7].

В доктрине и при правоприменительной деятельности справедливо отмечается, что особенно большое количество вопросов и практических проблем возникает при разделе имущества супругов, когда им принадлежат предприятия, бизнес-активы, ценные бумаги, доли в капитале. Существует немало сложностей при отчуждении долей, принадлежащих супругам в обществе с ограниченной ответственностью [8, с. 27]. По общим правилам распоряжение супружеским имуществом, обладающим статусом «общее», немислимо без предварительного получения согласия другого супруга. Следовательно, при отчуждении долей и акций хозяйственного общества предполагается, что супруги изъявляют согласованную волю на совершение сделки.

В одном деле, которое было рассмотрено Верховным Судом РФ, оспаривался отказ органов Росреестра зарегистрировать право аренды, основанное на договоре аренды, по тому основанию, что собственником арендуемого помещения является один супруг, а договор аренды был заключен другим су-

пругов. Верховный Суд РФ указал, что факт приобретения недвижимого имущества на имя одного супруга (заключение договора на имя одного супруга и регистрации на его имя права собственности), без заключения дополнительного соглашения между супругами о применении договорного режима имущества супругов, не означает, что имущество поступило в его личную собственность. Основываясь на правовом содержании ст. 33–35 СК РФ, второй супруг имеет такие же права на объект недвижимости, как и супруг, на чье имя зарегистрировано право собственности. Следовательно, пока иное не установлено, оба супруга имеют право в равной степени распоряжаться общим имуществом супругов, независимо от того, на чье имя оно зарегистрировано [13]. «Судебные решения по разнообразным спорам, возникающим из семейных правоотношений, могут повлечь различные последствия – не только возникновение, но и изменение и прекращение соответствующих правоотношений» [2, с. 14]. Полагаем, что в этом примере Верховный Суд РФ вполне оправданно поставил частноправовые нормы выше норм о ЕГРН.

В правоприменительном процессе остаются недостаточно урегулированными вопросы распоряжения и обращения взыскания на общее имущество супругов. Актуализация норм по указанным вопросам с учетом современных реалий семейных отношений позволила бы обеспечивать защиту не только прав супругов, но и членов их семьи, не ухудшать либо не осложнять их экономическое положение, в особенности в случаях, когда один супруг не имеет в виду уважительных причин возможности самостоятельного осуществления трудовой деятельности и получения доходов [11, с. 12].

Как отмечено в Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации, отсутствие в семейном законодательстве России определения термина «общее (совместное) имущество супругов» является проблемным вопросом, порождающим дискуссии в научных кругах и правовую неопределенность в правоприменительной практике. По этой причине в состав общего имущества супругов ошибочно включаются доходы и имущество супругов, которые были направлены на развитие семейного предприятия во время нахождения супругов в браке. В этой связи обращает на себя внимание проект Федерального закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [15], который в настоящее время находится на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Следует отметить, что предлагаемые законодательные инициативы направлены на защиту прав и законных интересов супруга (бывшего супруга) в случае их нарушения в результате неосмотрительных или противоправных действий другого супруга в процессе осуществления предпринимательской деятельности в семье. В проекте предлагается прямо закрепить норму о недопустимости дробления неделимых вещей (абз. третий п. 3 ст. 38 СК РФ), определив признаки неделимого имущества, раздел которого невозможен или повлечет несоразмерное уменьшение его стоимости. Тот супруг, который осуществлял единоличные корпоративные

или иные права, входившие в состав общего имущества, имеет приоритетное право на передачу ему доли, если другой супруг не докажет наличие своего существенного интереса в ее использовании.

Между тем необходимо особо подчеркнуть, что в настоящее время исходя из многочисленных судебных решений можно сделать вывод, что при определении раздела долей, акций, паев суд, как правило, обращает свое внимание на следующие обстоятельства: какую роль осуществлял супруг в управлении компанией, имеется ли у супруга опыт в управлении подобными организациями, есть ли у супруга необходимые профессиональные навыки и знания, допускает ли устав компании возможность раздела доли компании между супругами, какова вероятность конфликта между супругами в случае раздела компании между ними.

На наш взгляд, сама по себе идея законодателя является удачной, поскольку, как справедливо указано в пояснительной записке к законопроекту, практика применения положений СК РФ о разделе общего имущества супругов выявила также сложности с разделом того имущества, которое в значительной степени состоит из прав участия в различных корпоративных организациях или из иных так называемых бизнес-активов. В подавляющем большинстве случаев раздел таких объектов в натуре (даже в случае, если он в принципе возможен) резко уменьшает общую стоимость делимого объекта, что свойственно также разделению надвое всякой неделимой вещи. Как справедливо указывается в литературе, необходимо обратить внимание на все более проявляющуюся тенденцию установления межотраслевых связей между семейными, корпоративными и предпринимательскими отношениями [8, с. 28]. Поэтому здесь целесообразно указанную норму соотносить с нормами корпоративного права, поскольку порядок перехода долей в хозяйственном обществе может быть закреплён, например, в уставе или соглашении о передаче доли между собственниками.

Расширение возможностей осуществления бизнеса за счет появления новых направлений вложения частного капитала, а также стимулирования и поддержки предпринимательской активности населения, постепенно приводят к увеличению предпринимательских возможностей и активизации деятельности субъектов предпринимательства и гражданского оборота по созданию и участию в деятельности юридических лиц. Однако события последних месяцев по противодействию угрозе распространения в России новой коронавирусной инфекции (COVID-19) оказывают свое негативное воздействие. Необходимость профилактических мер в связи с пандемией коронавируса в марте–июне 2020 г. заставила принимать беспрецедентные меры для недопущения масштабного распространения инфекции. Принимаемые и реализуемые правительством Российской Федерации и органами исполнительной власти на местах меры по профилактике и недопущению неконтролируемой вспышки заболевания предсказуемо сказались на экономике и

предпринимательской деятельности, а также на эффективном развитии самозанятых граждан. А с учетом того, что профилактическим мерам в наибольшей степени подверглись такие сферы, как сфера здравоохранения, услуг, сфера общественного питания, сфера досуга и развлечений, именно в этих направлениях развития предпринимательства, как представляется, и будут наблюдаться в последующем серьезные проблемы, связанные с уменьшением дохода, невыплатой обязательных платежей, налогов, сборов, арендных платежей, невыплатой заработной платы сотрудникам и др. Не исключается вариант, что бизнес «уйдет в тень».

«Доходные» потери могут быть настолько существенными, что могут привести к прекращению существования отдельных бизнес-проектов, а это означает, что будет не только прекращена деятельность предпринимателя, и он не будет иметь доходов от осуществляемой им ранее деятельности, но также это повлечет за собой увольнение сотрудников, которые были заняты в бизнесе, что в свою очередь вызовет рост уровня безработицы, которая негативно влияет на экономическую обстановку в стране.

Под угрозой закрытия из-за экономических последствий коронавируса оказались 3 млн предпринимателей в нашей стране, риску потерять работу подвержены более 8,6 млн человек, сообщила Торгово-промышленная палата РФ (ТПП). Как показал опрос ТПП в регионах, каждое третье предприятие малого бизнеса отмечает, что при снижении спроса сможет продержаться еще один квартал. Половина владельцев бизнеса понимают, что вновь открыть свой бизнес в ближайшее время уже не смогут. Многие могут обанкротиться просто из-за формальных причин, а по законодательству РФ, как мы знаем, после банкротства нельзя начать новое дело в течение трех лет [8, с. 29].

Выводы:

1. В заключение хотелось бы отметить развитие положительных тенденций, направленных на защиту имущественных прав супругов, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Более того, совершенствование института общей совместной собственности супругов в семейном, корпоративном, банковском законодательстве наиболее ценно в сложившейся в настоящее время ситуации с пандемией коронавируса, что в свою очередь, как представляется, в какой-то степени отразится на имущественных отношениях супругов. Реформирование законодательства в сфере имущественных отношений супругов позволит преодолеть имеющиеся пробелы и противоречия, связанные с разделом доходов от предпринимательской деятельности, приобретенных в браке.

2. Считаю необходимым решение вопроса о возможном возмещении убытков супругу, причиненных действиями лиц, уполномоченных выступать от имени юридического лица (ст. 53.1 ГК РФ), в том числе другого супруга.

3. Полагаем, что необходимо установление обязательной государственной регистрации возникновения права общей совместной собственности супругов на недвижимое имущество, когда такое право возникает в силу закона.

Список литературы

1. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.
2. Ильина О.Ю. Судебное решение как основание возникновения семейных прав и обязанностей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 8. С. 13–17.
3. Ильина О.Ю. Расширение предмета семейного и наследственного права как рикошет пенсионной реформы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 1 (57). С. 14–20.
4. Левушкин А.Н. Семейное предпринимательство и семейный бизнес: понятие, правовая природа и перспективы развития // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 3 (43). С. 206–217.
5. Левушкин А.Н. Односторонние волеизъявления супругов в имущественных семейных правоотношениях: теория и практика применения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 12. С. 17–22.
6. Левушкин А.Н. Юридическая природа бизнеса супругов в цивилистической парадигме // Гражданское право. 2020. № 2. С. 3–7.
7. Левушкин А.Н. Реформа семейного законодательства: совершенствование структуры Семейного кодекса Российской Федерации и правового регулирования отдельных брачно-семейных отношений // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 31–34.
8. Левушкин А.Н. Семейное супружеское предпринимательство и продажа бизнеса супругов по законодательству Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 4. С. 25–30.
9. Левушкин А.Н. Гражданско-правовое регулирование и развитие семейного предпринимательства как вида социального предпринимательства в Российской Федерации // Гражданское право. 2019. № 2. С. 6–10.
10. Максимович Л. Б. Семейное право и корпоративные войны. Слияния и поглощения. 2006. № 3 (37). С. 62–65.
11. Побережный С.Г. Обращение взыскания на имущество должника, находящееся в общей совместной собственности супругов: теория и практика применения. Семейное и жилищное право. 2017. № 5. С. 11–15.
12. Определение Верховного Суда РФ от 30.08.2016 № 5-КГ16-119 // СПС «Гарант».
13. Определение Верховного Суда РФ от 28.11.2017 г. по делу № А55-14320/2016 // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление Президиума Московского областного суда № 472 от 12 октября 2016 г. // Бюллетень судебной практики за четвертый квартал 2016 года: утв. президиумом Мособлсуда 09.03.2017.
15. Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 11.09.2020).

Об авторе:

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правовых дисциплин Университета «Синергия» (105318, г. Москва, ул. Измайловский Вал, д. 2); заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного областного университета (105005, г. Москва, улица Радио, д. 10А); профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия (117418, г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69). SPIN-код: 8202-0009, e-mail: lewuskin@mail.ru.

RIGHTS AND OBLIGATIONS OF SPOUSES WHEN PARTICIPATING IN BUSINESS PROCESSES AND CARRYING OUT BUSINESS ACTIVITIES

A.N. Levushkin

Moscow financial and industrial University «Synergy», Moscow;
Moscow state regional University, Moscow;
Russian state University of justice, Moscow.

Every year in Russia, a large number of new participants in business relations arise-business companies, both limited liability companies and joint – stock companies, in which relatives, members of the same family, and often spouses act as participants. The increase in the number of family businesses inevitably raises the problem of legal support for family business in Russia, as well as the problem of resolving marital conflicts around the common business assets of the spouses. Marital conflicts are fraught with serious danger for a family business, as they can suspend all business activities or lead it into a corporate impasse, especially if a member of the society is in a marriage that is being dissolved and the spouses cannot agree.

The article analyzes the rights and obligations of spouses when participating in business processes and carrying out business activities in the modern period.

Keywords: *spouses, family, rights and obligations, family business, legal regime of property, family ties, business activity, family business.*

About the author:

Levushkin Anatoliy – the doctor of jurisprudence, Professor, Professor of the Department of legal disciplines at Synergy University (2 Izmailovsky Val str., Moscow, 105318); Head of the Department of civil law of the Moscow state regional University (10A Radio street, Moscow, 105005); Professor of the Department of civil law of the Russian state University of justice (69 Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418). SPIN-code: 8202-0009, e-mail: lewuskin@mail.ru

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ В СЕМЕЙНОМ ПРАВЕ

Л.Б. Максимович

Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ)
Министерства экономического развития РФ, г. Москва

Рассматриваются особенности применения исковой давности к требованиям, вытекающим из семейных отношений. Проводится анализ положений Семейного кодекса РФ, касающихся исковой давности, делаются предложения, направленные на совершенствование семейного законодательства в этой области.

Ключевые слова: исковая давность, семейное законодательство, защита права, правовая норма, сделки, супруги.

Четвертьвековой юбилей Семейного кодекса РФ (далее – СК РФ) – повод для «инвентаризации» и оценки главной нормативной базы семейного законодательства с точки зрения эффективности правовых механизмов, предложенных законодателем. При этом нельзя обойти вниманием недостатки отдельных правовых норм, к примеру, норм, посвященных исковой давности.

В цивилистической науке исковая давность рассматривается в объективном и субъективном смыслах [1, с. 120]. В объективном смысле она представляет собой гражданско-правовой институт или систему законодательных норм, регулирующих отношения, возникающие в процессе защиты гражданских прав, а в субъективном смысле – право лица обратиться в суд за защитой нарушенного права в установленный законом срок [2].

Согласно общему правилу, содержащемуся в п. 1 ст.9 СК РФ, на требования, вытекающие из семейных отношений, исковая давность не распространяется, за исключением случаев, если срок для защиты нарушенного права установлен самим Кодексом.

Ясность, которая, на первый взгляд, следует из приведенной нормы, обманчива: на самом деле, в вопросе о допустимости применения исковой давности к требованиям из семейных отношений, остается много неясного.

Прежде всего следует обратить внимание на то, что указанная норма как минимум неточна в части утверждения, что возможность применения исковой давности к требованиям, вытекающим из семейных отношений, ограничивается случаями, установленными Кодексом.

Известно, что регулирование имущественных семейных отношений также возможно посредством брачного договора, подчиняющегося общим положениям Гражданского кодекса РФ о договоре – его изменении, расторжении, признании недействительным (п. 2 ст. 43 СК РФ, п. 1 ст.

44 СК РФ). Иными словами, брачный договор является гражданско-правовым инструментом семейно-правового регулирования имущественных отношений между супругами [4, с. 8].

По этой причине на требования о признании брачного договора недействительным распространяются положения Гражданского кодекса РФ об исковой давности, что подтверждается судебной практикой. Так, в Определении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2020 № 88-14717/2020 по делу № 2-2658/2019 указано, что по своей правовой природе брачный договор является разновидностью двусторонней сделки, имеющей свою специфику, обусловленную основными началами (принципами) семейного законодательства. Поскольку для требования супруга в п. 2 ст. 44 СК РФ о признании брачного договора недействительным срок исковой давности не установлен, то к такому требованию супруга исходя из положений ст. 4 СК РФ *в целях стабильности и правовой определенности гражданского оборота* (курсив мой – Л.М.) применяется срок исковой давности, предусмотренный ст. 181 ГК РФ, по требованиям о признании сделки недействительной [6].

Таким образом, исковая давность применяется в отношении оспаривания брачного договора в отсутствие прямого указания в ст. 9 СК РФ исходя из общих положений Гражданского кодекса.

Дискуссионным в литературе является вопрос о допустимости применения исковой давности к требованию о взыскании неустойки за несвоевременную уплату алиментов (ст. 115 СК РФ). По мнению Д.С. Ксенофонтовой, исковая давность в данном случае неприменима, поскольку требование о взыскании неустойки является дополнительным по отношению к требованию об уплате алиментов, на которое сроки исковой давности не распространяются [3].

Однако судебная практика свидетельствует об обратном, основываясь на разъяснении, сделанном в п. 65 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 г. № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов», согласно которому, исходя из положений ст. 4 СК РФ и ст. 208 ГК РФ суд может по заявлению стороны в споре применить исковую давность и отказать в удовлетворении иска (полностью или в части) о взыскании неустойки по мотивам пропуска срока исковой давности [7].

Так, в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019)» отмечено, что задолженность по алиментам является долгом, не связанным с личностью, а потому обязанность по его уплате переходит к наследнику должника, которую последний, при условии принятия им наследства, обязан погасить в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества. Таким образом, исходя из положений ст. 4 СК РФ и ст. 196 и 199 ГК РФ, суд может по заявлению стороны в споре применить исковую давность и отказать в удовлетворе-

нии иска (полностью или в части) о взыскании неустойки по мотиву пропуска срока исковой давности, исчисляемого отдельно по каждому просроченному месячному платежу, поскольку обязанность по уплате алиментов носит ежемесячный характер. Поскольку срок давности по иску о взыскании неустойки по алиментам исчисляется отдельно по каждому просроченному месячному платежу, то для правильного разрешения спора суду следовало установить, по каким из месячных платежей срок исковой давности не пропущен (Определение № 18-КГ18-267) [5].

Таким образом, в тех случаях, когда семейные отношения регулируются не только семейным, но и гражданским законодательством, исковая давность распространяется на вытекающие из этих отношений требования на основании общих положений Гражданского кодекса РФ, то есть в отсутствие специальных указаний Семейного кодекса РФ.

В связи с этим в п. 1 ст. 9 СК РФ следует внести соответствующее дополнение о применении исковой давности к оспариванию брачного договора, требованию о взыскании неустойки по алиментам.

Что касается применения исковой давности в случаях, установленных непосредственно Семейным кодексом, то таких случаев три: п. 3 ст. 15 СК РФ, п. 3 ст. 35 СК РФ, п. 7 ст. 38 СК РФ.

В первом случае исковая давность распространяется на требование о защите личного неимущественного права, относящегося к сфере брачных отношений. Согласие лица на заключение брака является одним из необходимых условий его заключения (п. 1 ст. 12 СК). Следует отметить, что речь идет об информированном согласии, то есть согласии, которое дано после оценки всех «за» и «против» исходя из имеющейся информации. Это относится и к согласию на вступление в брак с ВИЧ-инфицированным лицом или лицом, у которого имеется венерическая болезнь, если указанные заболевания выявлены в результате проведенного до брака медицинского обследования, возможность прохождения которого установлена ст. 15 СК РФ.

При сокрытии супругом от второго супруга информации об имевшемся на момент заключения брака заболевании, второй супруг вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным (п. 3 ст. 15 СК РФ).

Таким образом, содержание указанной нормы исчерпывается установлением негативных правовых последствий в виде возможности признать брак недействительным, в то время, как указание о применении исковой давности по непонятной причине содержится не в этой норме, а в заключительных положениях Кодекса – в ст. 169 СК РФ. Согласно п. 4 указанной статьи к признанию брака недействительным в соответствии со ст. 15 СК РФ, применяются сроки исковой давности, установленные ст. 181 ГК РФ для признания оспоримой сделки недействительной.

Необоснованный разрыв правовой ткани и разрозненность норм, регулирующих одно и то же отношение, увеличивает риск судебной ошибки при разрешении спора о признании недействительным брака, при заключении которого супруг скрыл наличие болезни. Кроме того, отсутствие указания на применение исковой давности в тексте ст. 15 СК РФ вводит в заблуждение истцов по данной категории дел, которые могут не знать о применении исковой давности. Полагаю, необходимым перенос в ст. 15 СК РФ нормы, содержащейся в п. 4 ст. 169 СК РФ, с прямым указанием на то, что срок исковой давности в отношении данного требования составляет один год.

Два других случая применения исковой давности, установленные непосредственно Семейным кодексом РФ, касаются требований о защите имущественных прав.

Согласно п. 3 ст. 35 СК РФ супруг, чье нотариальное согласие на совершение сделки, для совершения которой получение такого согласия установлено законом, не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки.

Между тем, нотариально удостоверенное согласие супруга на сделку с общим имуществом требуется только в отношении сделок с недвижимым имуществом и сделок, требующих нотариального удостоверения.

В отношении остальных сделок с общим имуществом в силу п. 2 ст. 35 СК РФ действует презумпция согласия супруга на сделку. Вместе с тем указанная норма предоставляет супругу, право которого нарушено отчуждением имущества, обратиться в суд с иском о признании сделки недействительной.

Поскольку в указанной норме ничего не сказано об исковой давности, возникает вопрос о возможности ее применения. Совершенно очевидно, что это упущение законодателя, и что в этом случае исковая давность подлежит применению в силу ст. 181 ГК РФ. В связи с этим необходимо дополнить п. 2 ст. 35 СК РФ указанием на то, что супруг вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки.

Последний случай применения исковой давности, установленный непосредственно Семейным кодексом РФ, относится к разделу общего имущества супругов. Согласно п. 7 ст. 38 СК РФ к требованиям бывших супругов о разделе общего имущества применяется трехлетний срок исковой давности. При этом, однако, в норме отсутствует указание на то, с какого момента этот срок отсчитывается, что приводит к судебным ошибкам.

Несмотря на разъяснения, сделанные в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» [8], о том, что

течение трехлетнего срока исковой давности для требований о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов, брак которых расторгнут (п. 7 ст. 38 СК РФ), следует исчислять не со времени прекращения брака (дня государственной регистрации расторжения брака в книге регистрации актов гражданского состояния при расторжении брака в органах записи актов гражданского состояния, а при расторжении брака в суде – дня вступления в законную силу решения), а со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права (п. 1 ст. 200 ГК РФ), суды по сей день испытывают затруднение при применении этой нормы ввиду ее неполноты.

Обратившись к п. 2 ст. 9 СК РФ, можно сделать вывод о том, что отсчет исковой давности по требованиям о разделе имущества между бывшими супругами осуществляется исходя из общего положения ст. 200 ГК РФ, то есть со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права. Однако в интересах защиты прав граждан правильнее было бы внести прямое указание об этом в текст п. 7 ст. 38 СК РФ.

Список литературы

1. Бессарабова С.Ю. Исторический аспект института исковой давности в российском праве. Вестник ТвГУ. 2020. Серия: Право (3). С. 119–120.

2. Кириллова М, Крашенинников П. Сроки в гражданском праве. Исковая давность. М.: Статут, 2006//Цитируется по: Бессарабова С.Ю. Исторический аспект института исковой давности в российском праве. Вестник ТвГУ. 2020. Серия: Право (3). С.120//СПС КонсультантПлюс.

3. Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М.: Статут, 2018. 207 с.//СПС КонсультантПлюс.

4. Максимович Л.Б. Брачный договор в российском праве. – М.: «Ось-89». 2003. – 144 с.

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019)//СПС КонсультантПлюс.

6. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 07.07.2020 № 88-14717/2020 по делу № 2-2658/2019//СПС КонсультантПлюс.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 г. № 56 "О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с взысканием алиментов" // СПС КонсультантПлюс.

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // СПС КонсультантПлюс.

Об авторе:

МАКСИМОВИЧ Любовь Борисовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права международно-правового факультета ФГБОУ ВПО «Всероссийская академия внешней торговли (ВАВТ) Министерства экономического развития РФ» (119285, г. Москва, Воробьевское шоссе, 6А), e-mail: lubamaks@mail.ru.

THE STATUTE OF LIMITATIONS IN FAMILY LAW

L.B. Maksimovich

All-Russian Academy of foreign trade (VAVT)
of the Ministry of economic development of the Russian Federation

The article considers the specifics of applying the Statute of limitations to claims arising from family relations. The article analyzes the provisions of the family code of the Russian Federation concerning the limitation period, and makes proposals aimed at improving family legislation in this area.

Keywords: Statute of limitations, family law, protection of rights, legal norm, transactions, spouses.

About the author:

MAKSIMOVICH Liubov – candidate of legal Sciences, associate Professor, Professor of the Department of civil and business law of the international law faculty of THE all-Russian Academy of foreign trade (VAVT) of the Ministry of economic development of the Russian Federation(119285, Moscow, Vorobyovskoe shosse, 6A), e-mail: lubamaks@mail.ru.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ЛИЧНЫХ И ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ РОДИТЕЛЕЙ И ДЕТЕЙ ПО ОТНОШЕНИЮ ДРУГ К ДРУГУ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

П.А. Матвеев, О.С. Малышева

Филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет», г. Клин Московской области

В статье проанализированы основные подходы к проблемам права и обязанностей родителей и детей. Предложен ряд принципиальных изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и ряд профильных федеральных законов.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, родители, права детей, здоровье ребенка, алименты на детей.

Проблемы, связанные с правами и обязанностями родителей и детей по отношению друг к другу, по большей части сопряжены с осуществлением родителями прав и обязанностей. Правовое регулирование отношений родителей и детей в указанной сфере, к сожалению, не лишено недостатков.

Некоторые недостатки правового регулирования отношений родителей и детей в части прав и обязанностей родителей сопряжены с алиментными обязательствами, на что неоднократно обращали внимание как ученые-исследователи [1, 2, 3], так и автор настоящей статьи [4, 5, 6].

Исходя из соответствующих положений действующего семейного законодательства можно заключить, что, как отмечает Л.В. Морозов, «...алименты являются материальными средствами, которые обязаны предоставить по закону одни лица на содержание других лиц» [7, с. 82]. Несколько более детально определяет алименты А.А. Побережная, понимающая под ними «...содержание, которое в определенных законом или договором случаях предоставляется одним членом семьи другому, если последний не имеет собственных средств для существования» [8, с. 20]. Так или иначе, следует заключить, что алиментные обязательства родителей по содержанию детей отличаются двойственной правовой природой, являясь одновременно имущественными и неимущественными, а также возникновением вне зависимости от каких-либо факторов, включая возраст, трудоспособность и т.д. [9]

Действующее семейное законодательство регламентирует ответственность за неисполнение алиментных обязательств, однако серьезным упущением законодателя в данном случае является следующий момент. Как отмечает М.А. Данилян, неисполнение родителем обязанностей по содержанию несовершеннолетнего ребенка обуславливает нарушение не только имущественных, но и неимущественных прав, поскольку способно

повлечь за собой чувство обиды, унижения и т.д., вызванные недостаточной материальной обеспеченностью [10, с. 11–12]. С позицией данного автора согласен целый ряд ученых [11–15]. Вполне очевидно, что в подобной ситуации неисполнение алиментных обязательств способно причинить моральный вред и самому ребенку, в связи с чем представляется целесообразным дополнить ч. 2. ст. 115 СК РФ абз. 3 следующего содержания: «Если получателю алиментов, его родителю или другому лицу, на попечении которого находится ребенок, причинен моральный вред в связи с несвоевременной уплатой алиментов, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда».

Однако далеко не всегда правовое регулирование отношений родителей и детей в части прав и обязанностей родителей по отношению к детям сопряжено с недостатками, связанными с неисполнением родителями тех или иных обязанностей. Действующее семейное законодательство содержит немало пробелов, препятствующих исполнению родителями обязанностей, несмотря на их желание осуществлять родительские права и обязанности. В числе наиболее актуальных подобных проблем можно назвать следующие.

Во-первых, обязанности родителей заботиться о здоровье своих детей препятствуют некоторые нормы Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». В частности, в соответствии со ст. 20 и 54 указанного нормативного правового акта несовершеннолетний пациент, если он достиг 15 лет, самостоятельно дает информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство, а также вправе самостоятельно отказаться от медицинского вмешательства. Данная норма идет вразрез с обязанностью родителей заботиться о здоровье детей вплоть до достижения ими совершеннолетнего возраста, что следует из положений действующего семейного законодательства [16, с. 112]. Решением указанной проблемы могло бы стать установление планки возраста в 18 лет с тем, чтобы не препятствовать осуществлению указанной родительской обязанности.

Во-вторых, осуществление родительских прав, как и происхождение детей, сопряжено с рядом практических проблем. В частности, речь идет о проблемах осуществления родительских прав лицами, находящимися в местах лишения свободы. Как отмечают Р.В. Ращупкина и С.В. Солоухина, порядок реализации родительских прав этими лицами обладает определенными особенностями, связанными с тем, что родители находятся в местах изоляции от общества, вынуждены подчиняться режиму отбывания наказания, а также нести ограничения, предусмотренные наказанием за совершенное преступление [17, с. 75]. В связи с этим, по мнению авторов, эффективное осуществление родительских прав лицами, отбывающими наказание в виде лишения свободы, зависит от разработки действенного механизма их осуществления, поскольку лишение свободы,

являясь наказанием, связанным с изоляцией человека от общества, накладывает определенный отпечаток на семейно-правовой статус осужденного [17, с. 78]. Решением указанной проблемы могло бы стать использование некоторых технических инноваций, связанных с системами видеосвязи.

В-третьих, как отмечают В.М. Ашуха и Е.Л. Невзгодина, проблемы связаны также и со сменой пола одним из родителей, поскольку существует «...невозможность, ввиду отсутствия формы единого документа, подтверждающего смену пола, произвести юридическое оформление произошедшего биологического изменения во внесудебном порядке влияние смены пола на брачно-семейные отношения лица, подвергшегося указанной метаморфозе» [18, с. 139]. Исходя из этого в настоящее время для того из родителей, кто сменил пол, законодательство предусматривает полную утрату всех прав и обязанностей по отношению к своим детям. Решение указанной проблемы возможно посредством внедрения в действующее законодательство о регистрации актов гражданского состояния положений относительно документов, подтверждающих произошедшее в таком случае правопреемство, т.е. свидетельства о перемене пола. Данный документ позволит проследить процесс изменения родителем своего гражданского состояния, а значит и подтвердить произошедшее правопреемство, в том числе в части родительских прав и обязанностей.

Помимо этого, несмотря на то, что российский законодатель достаточно подробно регулирует вопросы, связанные с усыновлением ребенка, анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет выявить ряд проблем, которые затрудняют обеспечение права ребенка, оставшегося без попечения родителей, жить и воспитываться в семье.

Во-первых, сложности доступа к усыновлению, связанные с некоторыми законодательными барьерами, к числу которых, например, можно отнести положение, закрепленное в п. 7 ч. 1 ст. 127 СК РФ, в соответствии с которым усыновителями не могут являться лица, не имеющие на момент усыновления дохода, обеспечивающего усыновляемому ребенку прожиточный минимум, установленный в конкретном субъекте. В то же время сельские жители вполне способны обеспечивать ребенка за счет ведения личного подсобного хозяйства. В подобном ключе ограничивает законодатель право на усыновление для одиноких граждан, а также граждан, находящихся в отношениях сожительства [19, 20]. Стоит заметить, что недоступность усыновления чаще всего связана с ненадлежащим уровнем социально-экономических условий (недостаточный уровень дохода, жилищные проблемы и т.д.). Решение данной проблемы и, соответственно, обеспечение максимальной доступности усыновления для граждан возможно путем создания эффективной системы государственной поддержки детей и семей с детьми.

Во-вторых, недостаточная степень ответственности усыновителей, которая в первую очередь проявляется в возможности отмены усыновления,

предусмотренной ст. 140 СК РФ и предполагающей, в том числе, отмену усыновления по требованию усыновителей. В настоящее время 84 % детей возвращаются в учреждения по инициативе усыновителей, опекунов или попечителей, что позволяет сделать вывод о явном противоречии возможности отмены усыновления праву ребенка, оставшегося без попечения родителей, жить и воспитываться в семье. Решение данной проблемы, на наш взгляд, кроется в закреплении на законодательном уровне полной тождественности правового статуса родителей и усыновителей ребенка. Речь идет прежде всего о закреплении обязанности усыновителей в случае отмены усыновления выплачивать средства на содержание ребенка, поскольку лишение родительских прав, в соответствии с ч. 2 ст. 71 СК РФ, не освобождает родителей от обязанности содержать своего ребенка.

В-третьих, недостаточность стимулирования усыновления в большинстве отраслей российского законодательства, в то время как в рамках действующего налогового законодательства, например, могли бы быть созданы условия, которые стимулировали бы работодателей к созданию программ оказания помощи усыновителям, реализация которых влекла бы за собой освобождение от уплаты некоторых налогов. Указанные проблемы также могут рассматриваться в качестве проблем правового регулирования отношений родителей и детей, поскольку опекунов или усыновителей в целом можно считать таковыми.

Таким образом, правовое регулирование прав и обязанностей родителей по отношению к детям хотя и является достаточно детальным, все же сопряжено с рядом проблем, в связи с чем представляется целесообразным внести следующие изменения в действующее законодательство:

1. исходя из того, что неисполнение алиментных обязательств способно причинить моральный вред как второму родителю, так и самому ребенку, следует дополнить ч. 2. ст. 115 СК РФ абз. 3 следующего содержания: «Если получателю алиментов, его родителю или другому лицу, на попечении которого находится ребенок, причинен моральный вред в связи с несвоевременной уплатой алиментов, суд может возложить на нарушителя обязанность денежной компенсации указанного вреда»;

2. исходя из того, что несовершеннолетний пациент, достигший пятнадцатилетнего возраста, сам вправе распоряжаться собственным здоровьем, что идет вразрез с обязанностью родителей по заботе о здоровье ребенка, следует установить в данном случае планку возраста на уровне совершеннолетия с тем, чтобы не препятствовать осуществлению указанной родительской обязанности;

3. исходя из того, что лишение свободы, являясь наказанием, связанным с изоляцией человека от общества, накладывает определенный отпечаток на семейно-правовой статус осужденного, в том числе препятствуя осуществлению родительских прав и обязанностей, следует внедрить в деятельность уголовно-исполнительных органов использование некоторых технических инноваций, связанных с системами видеосвязи;

4. исходя из того, что в настоящее время для родителя перемена пола влечет полную утрату всех прав и обязанностей по отношению к своим детям, следует внедрить в действующее законодательство о регистрации актов гражданского состояния положений относительно документов, подтверждающих произошедшее в таком случае правопреемство, т.е. свидетельства о перемене пола, способное проследить изменения родителем гражданского состояния.

Список литературы

1. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Архипов М.И., Баранова Т.Л., Малышева О.С. и др. Социально-экономическая политика и современное государство. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. – 278 с.
2. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Бобинкин С.А. и др. Современное государство и общество: социально-экономические и правовые аспекты: монография / под ред. Н.В. Филиновой, Е.А. Фирсовой. – Тверь.: РИУ ТвГУ, Филиал РГСУ в г. Клин. Тверь, 2019. – 241 с.
3. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Викторов В.Ю. и др. Многообразие аспектов социальной политики. – Клин: Филиал РГСУ в г. Клин, Тверь: Тверской гос. университет, 2017. – 184 с.
4. Толстова И.А., Матвеев П.А. Материально-правовые и процессуально-правовые проблемы принудительного взыскания алиментов с родителей на содержание несовершеннолетних детей // Семейное и жилищное право. – 2019. – № 1. – С. 25–27.
5. Матвеев П.А. Правовые проблемы взыскания алиментов на содержание детей в судебном порядке // Актуальные проблемы гражданского права и процесса. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Ответственные редакторы: Н. А. Резина, Е. Ф. Рашидов. 2019. С. 136–140.
6. Матвеев П.А. Алиментные отношения родителей и детей: новации 2018 г. // Новеллы права и политики 2018: материалы международной научно-практической конференции, 2019. – С. 124–128.
7. Морозов Л.В. К вопросу об алиментных обязательствах родителей в отношении своих несовершеннолетних детей // Общество: политика, экономика, право. – 2016. – № 8. – С. 82–84.
8. Побережная А.А. Проблемы правового регулирования отношений по взысканию и уплате алиментов // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2017. – № 3. – С. 20–22.
9. Сергеева В.А. Понятие и формы соглашения об уплате алиментов на несовершеннолетних детей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 32. – С. 359–367.
10. Данилян М.А. Алиментные обязательства родителей на содержание несовершеннолетних детей и ответственность за их нарушение: дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Данилян. – М., 2014. – 222 с.

11. Матвеев П.А. Правовая охрана воспитательной функции семьи в России. Понятийно-категориальный аппарат // Закон и право. 2009. – № 8. – С. 67–70.

12. Матвеев П.А. Правовая природа юридической ответственности в семейном праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6–3 (12). – С. 121–125.

13. Керимов А.Д., Куксин И.Н. Сильное государство как определяющий фактор общественного прогресса: монография. – М.: Норма, 2018. – 96 с.

14. Антонова Н.А., Барткова О.Г., Очагова В.С. и др. Проблемы современного российского процессуального и материального права (в поиске эффективных норм). – Тверь: Тверской гос. университет, 2017. – 180 с.

15. Куксин И.Н., Азнагулова Г.М. Правовое государство, право и общечеловеческие ценности // Правовое государство: теория и практика. – 2014. – № 3 (37). – С. 10–12.

16. Калецкий Е.Г. Правовые аспекты исполнения родителями обязанности по охране здоровья их несовершеннолетних детей в Российской Федерации / Е.Г. Калецкий // Медицинское право: теория и практика. – 2015. – № 2 (2). – С. 110–114.

17. Ращупкина Л.В., Солоухина С.В. Проблемные вопросы осуществления родительских прав лицами, находящимися в местах лишения свободы // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2016. – № 2(8). – С. 75–78.

18. Ашуха В.М., Невзгодина Е.Л. Правовые проблемы сохранения и реализации родительских прав и обязанностей после смены пола // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2016. – № 4 (49). – С. 139–144.

19. Данилова И.С. Тенденции совершенствования российского законодательства, направленные на реализацию прав детей // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Право. – 2014. – № 2. – С. 71–75.

20. Беспалов Ю.Ф. Алиментные обязательства, наследование и банкротство лиц, связанных родством и свойством, по законодательству Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Право. – 2019. – № 4 (60). – С. 15–19.

Об авторах:

МАТВЕЕВ Павел Александрович – старший преподаватель Филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Клин Московской области (141606, Московская обл., г. Клин, Волоколамское шоссе, д. 20/1), SPIN-код: 7215-8943, e-mail: matveev.ur@mail.ru.

МАЛЫШЕВА Ольга Сергеевна – старший преподаватель Филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный социальный университет» в г. Клин Московской области (141606, Московская обл., г. Клин, Волоколамское шоссе, д. 20/1), SPIN-код: 3502-7499, e-mail: MalyshevaOS@rgsu.net.

**PROBLEMS RELATED TO PERSONAL (NON-PROPERTY)
AND PROPERTY RIGHTS AND OBLIGATIONS OF PARENTS
AND CHILDREN IN RELATION TO EACH OTHER**

P.A. Matveev, O.S. Malysheva

Russian state social University, Branch in Klin

The article analyzes the main approaches to the problems of the rights and obligations of parents and children. A number of fundamental changes to the family code of the Russian Federation and a number of relevant Federal laws are proposed.

Keywords: *minor children, parents, children's rights, child health, child support.*

About authors:

MATVEEV Pavel Aleksandrovich – senior lecturer of the Russian state social University, Branch in Klin , Moscow region (141606, Moscow region, Klin, Volokolamsk highway, d. 20/1), SPIN-code: 7215-8943, e-mail: matveev.ur@mail.ru.

MALYSHEVA Olga Sergeevna – senior lecturer of the Russian state social University, Branch in Klin, Moscow region (141606, Moscow region, Klin, Volokolamsk highway, d. 20/1), SPIN-code: 3502-7499, e-mail: MalyshevaOS@rgsu.net.

О ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВАХ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СЕМЕЙНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, НАПРАВЛЕННЫХ НА УКРЕПЛЕНИЕ ИНСТИТУТА СЕМЬИ

Е.Б. Мизулина

Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации,
г. Москва

В статье содержится краткое описание основных концептуальных положений проектов федеральных законов, направленных на укрепление института семьи, разработанных в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, внесенных в Государственную Думу в июле – октябре 2020 г., истории их подготовки и тех проблем, с которыми столкнулись разработчики.

***Ключевые слова:** укрепление института семьи, отобрание ребенка, пределы допустимого вмешательства органов публичной власти во внутренние дела семьи.*

Общие пояснения

На рассмотрении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации находятся 5 проектов федеральных законов (далее – законопроекты сенаторов), направленных на укрепление института семьи, внесенных сенаторами Мизулиной Е.Б., Афанасьевой Е.В., Башкиным А.Д., Галушиной Р.Ф., Кавджарадзе М.Г., Нарусовой Л.Б., Павловой М.Н.

Основной законопроект – «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» (№ 989008-7).

В пакет также входят взаимосвязанные с ним законопроекты: «О внесении изменений в отдельные законодательные акты в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» (№ 989011-7), «О внесении изменений в статью 31 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» (№ 989013-7), «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» (№ 1040849-7), «О внесении изменений в статью 160 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» (№ 1040866-7).

Законопроекты сенаторов направлены на укрепление института семьи, конституционная ценность которого, как подчеркивал Конституционный Суд Российской Федерации, обусловленная особой ролью семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей, требует со стороны

государства уважения и защиты семейных отношений [1].

Признание конституционной ценности института семьи, с одной стороны, отражает заинтересованность государства и общества в укреплении семьи и выполнении ею своих социальных функций, с другой – допускает участие публичных органов власти (публично-правовой элемент) в отношениях, регулируемых семейным законодательством. Такое участие обосновывается целями защиты более слабой стороны (в частности, несовершеннолетних участников семейных отношений) и предполагает вмешательство органов публичной власти в дела семьи, являющейся сферой частных интересов (частноправовой элемент).

Вмешательство органов публичной власти во внутренние дела семьи, даже если оно урегулировано законом, имманентно содержит в себе угрозу ее разрушения. Поэтому вопрос о соотношении частноправовых и публично-правовых начал в семейном праве является одним из ключевых при осуществлении семейно-правового регулирования.

Оптимальная модель семейно-правового регулирования должна строиться на разумном соотношении, или, как точно подмечает О.Ю. Ильина, «гармонизации частноправовых и публично-правовых начал». «Как известно, «баланс» означает равновесие, в то время как понятие «гармонизация» предполагает приведение в состояние соответствия, слаженности. Именно согласованность, соразмерность, а не равновесие в сочетании частных и публичных интересов является особенностью семейного права [5]. Защита законных интересов слабых участников семейных отношений не должна строиться на разрушении семьи.

Как справедливо отмечала А.М. Нечаева, «для того чтобы определить, насколько функция защиты семьи отражена в семейном праве, насколько широки возможности семейно-правового регулирования в деле реализации принципов государственной охраны, поддержки и защиты семьи, необходимо установить пределы допустимого вмешательства государства в семейные отношения» [6, с. 145].

Сложности семейно-правового регулирования обусловлены и тем, что семья не является субъектом права. Поэтому реализация принципа укрепления семьи через нормы прямого действия затруднена. Однако было бы ошибочно рассматривать семью как некоторое «абстрактное понятие».

Согласно ст. 38 Конституции Российской Федерации «семья» как целое находится под защитой государства.

Укрепление семьи относится к основным началам (принципам) семейного законодательства (п. 1 ст. 1 Семейного кодекса). Принцип укрепления семьи означает, что правовое регулирование семейных отношений должно, с одной стороны, способствовать созданию и сохранению семьи, развитию семейных отношений, основанных на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, с другой – ограждать семью от угрозы ее разрушения вопреки воле членов семьи.

В законодательстве признается существование семьи как единого целого через:

- признание правового статуса «члена семьи»;
- предоставление семье мер поддержки. Например, оказание государственной социальной помощи малоимущей семье зависит от суммарного уровня доходов всех ее членов семьи (ст. 15 Федерального закона от 05.04.2003 № 44-ФЗ "О порядке учета доходов и расчета среднедушевого дохода семьи и дохода одиноко проживающего гражданина для признания их малоимущими и оказания им государственной социальной помощи");
- запреты совершения действий, причиняющих вред институту семьи. Например, запрет на распространение среди детей, информации, отрицающей семейные ценности и формирующей неуважение к родителям и (или) другим членам семьи (п. 4 ч. 2 ст. 5 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»).

Терминология семейного законодательства связана со словом «семья» и прямо или косвенно указывает на ее реальное существование: семейные отношения, семейные права, родительские права, родственные отношения, члены семьи, родители, дети, дедушки, бабушки, усыновление (удочерение) и др.

Отличие семейного права от гражданского в том и состоит, что семья для него имеет непреходящую правовую ценность. Семья незримо присутствует во всех сферах семейно-правового регулирования. По мнению А.М. Рабец, «особо значимым представляется выделение семьи в качестве отдельного носителя интереса в семейных правоотношениях. Являясь подсистемой общества, семья имеет свои собственные интересы, не сводимые к арифметической сумме интересов индивидов в неё входящих, а иногда – противостоящие данным частным интересам» [9].

Задачу защиты интересов семьи, недопустимости ее распада, помимо воли членов семьи, может и должно реализовывать именно семейное законодательство. Семейно-правовое регулирование должно исключать такие способы регулирования, в том числе защиты семейных прав, которые приводят к разрушению семьи помимо воли членов самой семьи.

Законопроекты сенаторов направлены на укрепление института семьи путем совершенствования правового регулирования пределов и механизма осуществления государственной функции защиты семьи, в том числе пределов допустимого вмешательства государства в семейные отношения.

Существует немало юридических способов обеспечения принципа укрепления семьи в процессе правового регулирования общественных отношений, которые были использованы при подготовке законопроектов сенаторов, в том числе:

- 1) закрепление системы принципов семейного права, обеспечивающих гармонизацию интересов отдельных членов семьи и интересов семьи в целом (сохранение ее целостности). Законопроектами предлагается включить принцип уважения к семейным и нравственным ценностям народов России

в перечень основных начал семейного законодательства (п. 1 ст. 1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Перечень принципов регулирования семейных отношений предлагается дополнить принципами самостоятельности семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни, уважения к авторитету родителей, презумпции добросовестности родителей в осуществлении родительских прав. Устанавливается, что действия родителей считаются добросовестными (соответствующими правам и законным интересам детей), если иное не установлено вступившим в законную силу решением суда (п. 3 ст. 1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Перечень прав ребенка дополняется правом ребенка жить и воспитываться в родной семье (в семье родителей ребенка и (или) их родственников) (п. 1 ст. 54 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Определение термина «родная семья» содержится в подп. 13 ст. 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

2) ограничение действия норм, которые, в том числе вследствие их неопределенности, создают условия для произвольного вмешательства во внутренние дела семьи. Так, Семейный кодекс устанавливает запрет для родителей «представлять интересы своих детей, если органом опеки и попечительства будет установлено, что между интересами родителей и детей имеются противоречия. В случае разногласий между родителями и детьми орган опеки и попечительства обязан назначить представителя для защиты прав и законных интересов детей» (п. 2 ст. 64 Семейного кодекса). Однако существует неопределенность, чем «противоречия» отличаются от «разногласий». О каких противоречиях (разногласиях) идет речь, каков порядок установления этих противоречий (разногласий)?

Такая же неопределенность содержания нормы в п. 2 ст. 54 Семейного кодекса. Закон ограничивает право ребенка жить и воспитываться в семье, право знать своих родителей, право на заботу, право на совместное проживание с ними, «если это противоречит его интересам». Такая формулировка во взаимосвязи с нормой п. 2 ст. 56 и п. 2 ст. 64 Семейного кодекса оправдывает любое вмешательство в семью, если орган опеки и попечительства решит, что между детьми и родителями есть какие-то противоречия. Семейный кодекс устанавливает неопределенные основания для признания ребенка оставшимся без попечения родителей (п. 1 ст. 121 Семейного кодекса), лишения родителей родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса) и ограничения родительских прав (ст. 73 Семейного кодекса).

Семейно-правовое регулирование, опирающееся на неопределенные нормы и термины, вряд ли способствует укреплению семьи, защите прав и детей, и родителей, так как допускает произвольное их толкование, отдает решение важнейших для семьи вопросов на усмотрение правоприменителя, провоцирует вмешательство органов публичной власти в семейные отношения;

3) утверждение на уровне федерального закона (а не подзаконных актов) порядка участия органов публичной власти в отношениях, регулируемых

семейным законодательством. Законопроект № 989008-7 содержит 14 положений, делегирующих нормативные полномочия федеральным органам исполнительной власти. Однако при этом указывается не только вид нормативного правового акта, но и круг тех вопросов, которые должны быть им решены. Как правило, это положения, касающиеся утверждения формы акта (например, акта о признании ребенка оставшимся без попечения родителей (п. 1 ст. 121.5 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7), перечня сведений (например, Перечня сведений о лицах, совместно проживающих с лицом, назначаемым опекуном (попечителем) ребенка (п. 1 ст. 146.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

4) использование терминологии, отвечающей не только юридическим требованиям определенности, ясности и недвусмысленности, но и нормам морали и нравственности. Недопустимо использование терминологии, формирующей пренебрежительное отношение к семье, родителям или иным членам семьи. Так, в Семейном кодексе применительно к лицам, на попечении которых находятся дети, используются разные термины: «родители или иные лица, на попечении которых находятся дети» (ст. 77 (п. 1), ст. 79 (п. 1); «родители, усыновители, опекуны, попечители» (п. 2 ст. 155.1, п. 2 ст. 155.2 Семейного кодекса), «родители (лица, их заменяющие)» (статьи 28 (п. 1), 55 (п. 2), 56 (п. 1 и 2), 60 (п. 2), 65 (п. 4), 70 (п. 1), 148 (п. 2). Термин «родители (лица, их заменяющие)» неудачен, умаляет значение родительства, отцовства, материнства, поскольку формирует представление о родителях как о лицах, которых можно заменить. Для отношений детей и родителей, основанных на любви, доверии и заботе, важно осознание их незаменимости друг для друга. Законопроектом предлагается использовать термин «лица, на попечении которых находятся дети – родители, усыновители, опекуны (попечители)» (подп. 7 ст. 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7).

Законопроекты сенаторов учитывают новые конституционные положения, содержащиеся в Законе Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти" (далее – Закон Российской Федерации о поправке к Конституции), такие, как:

1) возложение на государство обязанностей создания условий для достойного воспитания детей в семье (п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции);

2) необходимость защиты института брака как союза мужчины и женщины (п. «ж» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции);

3) возложение на Правительство Российской Федерации обязанностей обеспечивать проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области «поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения

традиционных семейных ценностей" (п. "в" ч. 1 ст. 114 Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции);

4) обеспечения приоритета семейного воспитания детей, в том числе детей, оставшихся без попечения родителей (ч. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции);

5) создание условий для взаимного доверия государства и общества (ст. 75.1 Конституции Российской Федерации в редакции Закона Российской Федерации о поправке к Конституции).

Об истории подготовки законопроектов сенаторов

Работа непосредственно над данным пакетом законопроектов велась в Совете Федерации в течение трех лет. Однако, справедливости ради, следует сказать, что эта работа началась значительно раньше.

Работа по подготовке системных поправок в Семейный кодекс Российской Федерации (далее – Семейный кодекс) началась в 2008 г., когда при Комитете Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей была создана экспертная группа по разработке общественного проекта Концепции государственной семейной политики до 2025 г., в состав которой вошли 56 ученых и специалистов из различных областей знаний, в том числе ученые в области семейного права: А.М. Нечаева, А.М. Рабец, О.Ю. Ильина, О.И. Величкова, О.А. Дюжева, Л.Б. Максимович, Е.А. Позднякова, О.А. Хазова и др.¹

¹ Подготовленный проект Концепции государственной семейной политики в 2012 г. после обсуждения на одном из первых заседаний созданного в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 10 сентября 2012 г. № 1274 Координационного совета по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 – 2017 гг. был направлен в Правительство Российской Федерации. Многие из его положений были реализованы в Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. 25 августа 2014 г., утвержденной распоряжением № 1618-р Правительства Российской Федерации. В ней, в частности, к числу приоритетных направлений государственной семейной политики было отнесено утверждение традиционных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи. К традиционным семейным ценностям, провозглашаемым Концепцией, были отнесены ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению. Впервые в числе принципов, на которых основывается государственная семейная политика, были включены принципы презумпции добросовестности родителей в осуществлении родительских прав и повышения авторитета родительства в семье и обществе.

В рамках указанного проекта была поставлена и обоснована задача необходимости системной переработки семейного законодательства.

Работа над самой концепцией совершенствования Семейного кодекса продолжилась, но уже в рамках Временной рабочей группы по совершенствованию семейного законодательства, созданной в 2012 г. при Координационном совете по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012–2017 гг. Подготовленный ею проект Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации (далее – Концепция) стал предметом обсуждения 7 июля 2014 г. на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (далее – Совет по кодификации). Эта Концепция в целом по предложению Яковлева В.Ф., являвшегося председателем Совета по кодификации, была тогда одобрена Советом по кодификации с предложением продолжить работу над высказанными замечаниями и повторно обсудить доработанную концепцию.

Именно тогда стало очевидно, что одна из главных проблем, препятствующих развитию семейного права и семейного законодательства, – отрицание рядом ведущих представителей науки гражданского права самостоятельности семейного права как отрасли права. Об этом прямо было сказано в подготовленном Исследовательским центром частного права проекте экспертного заключения: «Исторически сложившееся «раздельное» существование семейного и гражданского законодательства требует осмысленной доктринальной оценки на данном этапе экономического развития, когда общность супружеского имущества охватывает не только жилое помещение семьи, но и доли в капиталах хозяйственных обществ, ценные бумаги, имущественные права (требования), а также (что весьма немаловажно) общие обязательства супругов, в том числе возникающие из кредитных договоров. Нельзя не видеть того, что такие имущественные отношения супругов имеют огромное значение для третьих лиц, а значит, качество их правового регулирования имеет непосредственное влияние на стабильность гражданского оборота. Данное обстоятельство должно заставить по меньшей мере задуматься над привычной многой концепцией автономного характера семейно-правового регулирования» [8].

В.Ф. Яковлев, в то время председатель Совета по кодификации, высказал тогда иную точку зрения: «Я не думаю, что нам надо в рамках этой концепции пытаться разрешить вопрос о месте семейного права в правовой системе... это самостоятельная отрасль права или это часть гражданского права?.. Это не имеет практического значения, на мой взгляд. Право развивается путем дифференциации, семейное право явно от гражданского права отпочковалось, особенно с учетом достижений семейного права, его развития в последние, скажем, 100 лет. И поэтому не надо нам здесь исходить из того, что пусть гражданское право над ним висит и довлеет над ним...». В основе семейных отношений «лежат не имущественные отношения, имуще-

ственные отношения здесь производные, они обслуживают основные отношения. Основные отношения – это семья, это дети, это их воспитание и так далее. Вот это действительно отношения, которые являются предметом семейного права. Поэтому не надо здесь очень увлекаться тем, что семейное право – это продукт в конечном счете исторического развития гражданского права» [10].

Однако, как показали дальнейшие события, вопрос о месте семейного права в системе российского права имеет практическое значение.

Правительство Российской Федерации не взяло на себя решение задачи совершенствования семейного законодательства. При этом, что интересно, в утвержденной Правительством Российской Федерации 25 августа 2014 г. «Концепции Государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» предусматривается в качестве одного из основных механизмов реализации государственной семейной политики ее нормативно-правовое обеспечение, включая совершенствование семейного законодательства Российской Федерации. В постановлении Правительства Российской Федерации № 85 от 6 февраля 2016 г. «О Координационном совете при Правительстве Российской Федерации по реализации Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» в число задач Координационного Совета задача совершенствования семейного законодательства уже не входит.

Дальнейшая работа над Концепцией была продолжена в 2016 г., когда в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации была создана Временная комиссия по совершенствованию положений Семейного кодекса Российской Федерации (далее – Временная комиссия) [2].

Временной комиссии было поручено провести мониторинг состояния законодательства Российской Федерации, регулирующего семейные отношения и подготовить предложения по совершенствованию Семейного кодекса и иных взаимосвязанных с ним нормативных правовых актов Российской Федерации, включая предложения по совершенствованию деятельности органов опеки и попечительства.

Начало работы Временной комиссии совпало по времени с тем периодом, когда в России активизировалось движение родительских и иных появившихся в 2014–2016 годах общественных организаций, выступающих против внедрения в России западной идеологии и механизмов «ювенальной юстиции» [4, с. 13–14].

23 декабря 2016 г. проблема расширения практики изъятий детей из семей и ювенальной юстиции была озвучена в ходе пресс-конференции Президента Российской Федерации В.В. Путина, по итогам которой 1 января 2017 г. было дано поручение Министерству труда и социальной защиты Российской Федерации, Общественной палате Российской Федерации, Уполномоченному по правам ребенка при Президенте Российской Федерации провести в срок до 1 марта анализ практики изъятия несовершеннолетних из семей с точки зрения избыточно применяемых мер или неправомерного

вмешательства в семью. 12 января 2017 г. первый заместитель министра труда и социальной защиты Российской Федерации А.В. Вовченко направил руководителям высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации письмо (№ 12-1/10/П-92) с просьбой проанализировать на примере конкретных случаев правоприменительную практику в субъектах Российской Федерации, ограничив анализ практики изъятий только случаями отобрания детей в соответствии со ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации, в целях последующей подготовки ответственными исполнителями единого доклада. К совместной работе над докладом было приглашено также Минобрнауки России (профильное министерство, осуществляющее функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере воспитания, опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних).

Временная комиссия приняла решение самостоятельно провести системный анализ семейного законодательства и практики его применения применительно к отношениям, связанным с отобраниями детей.

Было проанализировано более 200 нормативных правовых актов, в том числе около 40 федеральных законов, более 70 нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, более 100 региональных и муниципальных нормативных правовых актов, касающихся оснований отобрания (изъятия) детей (существующие истолкования термина «непосредственная угроза жизни или здоровью ребенка»), порядка отобрания (изъятия), форм и порядка устройства отобранных (изъятых) детей, мер воздействия в отношении родителей (или иных лиц, на попечении которых находились отобранные (изъятые) дети), включая ограничение родительских прав и лишение родительских прав. Одновременно были собраны и проанализированы статистические данные и иная информация, полученная из официальных источников. По итогам проведенного исследования был подготовлен и обнародован доклад [4].

О критериях оценки качества семейно-правового регулирования отобрания ребенка в действующем Семейном кодексе. Результаты анализа законодательства и правоприменительной практики

Анализ комплекса (совокупности) норм, определяющих содержание института отобрания ребенка, проводился с целью не только оценки качества правового регулирования, но и технологичности механизма его реализации, то есть способности этого комплекса обеспечивать наступление определенного (желаемого) результата, который нельзя получить, используя другие правовые технологии (или комплексы).

Известно, что право является одним из главных регуляторов (инструментов), способных обеспечить организованное взаимодействие людей [3, с. 98]. В этом смысле закон, будучи институциональной формой права (как свод

правил), в то же время (с точки зрения механизма его реализации¹) является технологией (в данном случае – социально-правовой) взаимодействия людей. Закон технологичен по своему содержанию. Опираясь на определенную совокупность принципов, норм, способов, стадий, закон способен воспроизводить модели (процессы) взаимодействия людей в той или иной сфере отношений, регулируемых правом, и обеспечивать определенный результат. Подчеркивая “инструментальную ценность” права (как инструмента, средства, обеспечивающего функционирование иных социальных институтов), С.С. Алексеев, рассматривает его в то же время и “как явление, противостоящее произволу и беззаконию” [3, с. 99–101]. В этом смысле суть закона, как социально-правовой технологии, состоит в ограничении произвола участников взаимодействия, который был бы неизбежен в его отсутствие.

Впервые на технологичность социальных процессов и сходство социальных технологий с промышленными обратил внимание К. Поппер [7, с. 112]. Сравнивая социальные технологии с промышленными, К. Поппер пришел к выводу, что общественные, социальные процессы технологичны по своему содержанию, способны воспроизводиться, обеспечивая определенный результат. В этом социальные технологии схожи с промышленными. Технология не имеет цели, она обеспечивает результат, наступающий независимо от того, какие цели преследует участник (участники) того или иного производственного цикла. Применительно к промышленной технологии это утверждение правомерно. Однако при этом любая промышленная технология, замечает К. Поппер, прежде чем будет запущена в массовое производство, проходит многократную проверку в лабораториях, на полигонах, стендах, экспериментальных площадках («Немногие фабриканты будут готовы перейти к производству нового двигателя на основе одной лишь схемы, даже если ее представил величайший эксперт, без того, чтобы предварительно создать модель и затем по возможности усовершенствовать ее с помощью мелких переделок»). Социальная технология не может быть проверена в лабораториях. Ибо это технология взаимодействия людей. Здесь следует учитывать факторы непредсказуемости, иррационализма, субъективизма, связанные с поведением человека. Поэтому назначение социальной технологии в отличие от промышленной, согласно теории К. Поппера, состоит не столько в том, чтобы обеспечить наступление определенных желаемых последствий социальных процессов, а в том, чтобы выявить и предупредить непреднамеренные нежелательные их последствия [7, с. 206].

¹ Ю.А. Тихомиров определяет реализацию законов «как процесс их непрерывного действия, выражающийся в применении правовых норм к юридическим фактам, к событиям, явлениям, относящимся к сфере жизнедеятельности, урегулированной законами. Воплощение целей закона в реальность и означает последовательную реализацию законов и достижение с их помощью желаемых результатов в политической, экономической и иных сферах [11].

Закон, как социально-правовая технология в определенной сфере общественных отношений, в данном случае – в сфере семейных отношений, должен основываться на знании не только о желаемом конечном результате процесса взаимодействия, регулируемого с его помощью, но и о возможных непреднамеренных нежелательных последствиях такого взаимодействия и о способах, исключающих их наступление.

Проведенный анализ законодательства, регулирующего отобрание ребенка, и практики его применения позволил установить, что в действующем механизме отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью заложен ряд правовых и технологических ошибок:

1) содержание основания отобрания – «непосредственная угроза жизни ребенка или его здоровью» законом не определено. Не дает четкого ответа на этот вопрос и Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 14 ноября 2017 г. № 44, согласно п. 28 которого «под непосредственной угрозой жизни или здоровью ребенка следует понимать угрозу, с очевидностью свидетельствующую о реальной возможности наступления негативных последствий в виде смерти, причинения вреда физическому или психическому здоровью ребенка вследствие поведения (действий или бездействия) родителей (одного из них) либо иных лиц, на попечении которых ребенок находится». Такое определение с очевидностью требует получение экспертного заключения о наличии или отсутствии непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка в каждом случае отобрания, причем до его начала. В противном случае правоприменитель будет толковать наличие или отсутствие непосредственной угрозы жизни или здоровью ребенка так, как считает нужным, как ему удобно, что и происходит в правоприменительной практике;

2) отобрание ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью сопряжено с презумпцией виновности родителей. Такой вывод следует из ст. 77 Семейного кодекса, п. 2 которой содержит императивную норму, обязывающую органы опеки и попечительства в течение 7 дней после вынесения акта об отобрании ребенка обратиться в суд с иском о лишении родителей родительских прав или об ограничении их в родительских правах. Стало быть, законодатель исходит из того, что в момент отобрания ребенка органы опеки и попечительства должны быть уверены в виновности родителей;

3) порядок принятия акта об отобрании ребенка законом не определен. Неслучайно в ряде субъектов Российской Федерации действуют нормативные правовые акты, в том числе муниципального уровня, регламентирующие порядок отобрания детей иначе, нежели предусматривает ст. 77 Семейного кодекса (Нижегородская, Вологодская, Липецкая области), восполняющие правовые пробелы федерального законодательства. Практика подтверждает, что акт об отобрании ребенка, как правило, оформляется «задним числом», после изъятия ребенка у родителей, так как орган опеки и попечительства физически не в состоянии и немедленно отобрать ребенка у

родителей, и устроить его в другое место временного пребывания, и получить акт об отобрании ребенка.

Между тем акт об отобрании ребенка должен выполнять роль своеобразного фильтра, защищающего семью от необоснованного вмешательства, так как ответственность за отобрание ребенка у родителей и его устройство берет на себя не только орган опеки и попечительства, но и лицо, его подписавшее;

4) порядок изъятия ребенка у родителей, перемещения ребенка в другое временное место жительства и порядок его устройства, порядок обжалования принимаемых решений и их отмены, порядок возврата ребенка родителям Семейным кодексом не урегулированы. Следует учитывать, что отобрание ребенка является ограничением прав и ребенка, и его родителей, поэтому регулирование отобрания ребенка может осуществляться только федеральным законом;

5) последствия отобрания ребенка для самого ребенка, для родителей и для семьи в целом в Семейном кодексе не учитываются. Между тем изъятый (отобранный) у родителей ребенок подвергается принудительному перемещению, устройству (равному удержанию) вне привычного для него места жительства и фактически, с момента изъятия (отобрания) приобретает статус оставшегося без попечения родителей (п. 1 ст. 121 Семейного кодекса, ч. 1 ст. 12 Федерального закона «Об опеке и попечительстве»). Как следует из правовой позиции Европейского суда по правам человека, изложенной в п. 95 Постановления от 8 апреля 2004 г. по делу «Хазе (Haase) против Германии», сам по себе тот факт, что ребенок может быть помещен в более благоприятную для его воспитания среду, не оправдывает принудительные меры по отобранию его у биологических родителей; требуется наличие иных обстоятельств, свидетельствующих о необходимости такого вмешательства в право родителей на семейную жизнь вместе с их ребенком, закрепленное ст. 8 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Родители фактически с момента изъятия ребенка лишаются родительских прав (ст. 77 Семейного кодекса). При этом императивное положение ст. 77 Семейного кодекса, обязывающее органы опеки и попечительства в течение 7 дней после вынесения акта об отобрании ребенка, направлять в суды иски о лишении родителей родительских прав или ограничении их в родительских правах, не всегда соблюдается. Так, согласно данным федерального статистического наблюдения Минпросвещения России (до 2018 г. – Минобрнауки России) (форма № 103-рик) за 2017 – 2019 гг. органы опеки и попечительства возвратили родителям отобранных у них детей после проведения с ними социально-реабилитационных мероприятий в 2017 г. – 362 ребенка (18% к числу отобранных), в 2018 г. – 342 (16% к числу отобранных), в 2019 г. – 295 (15% к числу отобранных). Иски о лишении родителей родительских прав или об ограничении родителей в родительских правах в случаях возвращения детей родителям в суды не направлялись или были

отозваны. Как долго после отобрания проводились социально-реабилитационные мероприятия и что входило в их содержание, статистика умалчивает. Нормы о проведении социально-реабилитационных мероприятий, как и об основаниях возвращения отобранного ребенка в семью, в Семейном кодексе отсутствуют.

Семья как союз родителей и детей разрушается.

Сторонники действующего механизма отобрания ребенка утверждают, что отобрание ребенка есть мера его защиты, хотя прямо ст. 77 Семейного кодекса такого положения не содержит. По их мнению, непосредственную угрозу жизни или здоровью ребенка нельзя устранить никаким иным способом, кроме отобрания ребенка у родителей (или иных лиц, на попечении которых он находится).

Однако отношения, связанные с отобранием ребенка, возникающие между родителями (иными лицами, на попечении которых находится ребенок) и органами опеки и попечительства, не входят в перечень отношений, регулируемым Семейным кодексом (ст. 2). Их легализация возможна только через их отнесение путем истолкования к способам защиты семейных прав (п. 2 ст. 8 Семейного кодекса).

В общей теории права выделяются меры защиты, но как разновидность санкций (правовосстановительные санкции (устранение вреда, возникшего в результате неправомерного поведения, восстановление нарушенных прав, обеспечение исполнения обязанности). Санкции же по своей первичной природе есть ни что иное как государственное принуждение, применяемое к лицу в качестве реакции на его противоправное поведение [3, с. 269–271]. Поэтому к уровню правового регулирования мер государственного принуждения должны предъявляться, как справедливо замечает С.С. Алексеев, более высокие требования, обусловленные тем, что “само по себе государственное принуждение – острое и жесткое средство социального воздействия”. Оно должно быть в том числе подчинено общим принципам данной правовой системы (в данном случае – семейного законодательства), нормативно регламентировано по содержанию, пределам и условиям применения, действовать через механизм прав и обязанностей, оснащено развитыми процессуальными формами. “Чем выше уровень правового содержания государственного принуждения, тем оно в большей мере способно выполнять функции позитивного фактора социального развития и в меньшей – инструмента произвола и своеволия отдельных индивидов и групп господствующего класса” [3, с. 266–267].

И хотя ст. 77 Семейного кодекса не использует термин «принудительное отобрание». Вместо него используется «безобидный» термин – «немедленное» отобрание ребенка у родителей. Однако принудительность (равно недобровольность) заключена уже в значении самого слова «отобрание».

Даже если и признать, что отобрание ребенка является мерой его защиты, то следует при этом признать и то, что правовое регулирование ото-

брания ребенка в Семейном кодексе не соответствует требованиям, предъявляемым к регулированию мер государственного принуждения.

Кроме того, анализ случаев, которые в действующей правоприменительной практике принято относить к представляющим непосредственную угрозу жизни или здоровью ребенка, позволил сделать вывод о том, что их, как правило, объединяет отсутствие присмотра родителей (или иных лиц, на попечении которых вовсе не требуется его отбирать, срывать с привычного места жительства, в которых находится ребенок). Само по себе отсутствие присмотра родителей вне зависимости от иных обстоятельств некорректно признавать такой «угрозой». Для обеспечения присмотра взрослых за ребенком, в первую очередь тех, кому ребенок доверяет (например, родственников, фактических воспитателей), признавать оставшимся без попечения родителей и т.д. В таких ситуациях «отобрание ребенка» не является единственной и тем более универсальной мерой защиты его прав.

Проведенный анализ законодательства и практики отобраний детей позволил сделать выводы о том, что:

1) действующий механизм отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью представляет наибольшую угрозу институту семьи, так как не учитывает конституционную ценность семьи и основанную на ней необходимость сохранения ее целостности;

2) отобрание ребенка фактически является мерой принудительного характера, применяемой по отношению к семье в целом, и к ребенку, и к родителям (или иным лицам, на попечении которых находится ребенок), основывается на негласном (не прописанном в законе) принципе презумпции виновности родителей;

3) отобрание ребенка – лишь часть единого комплекса норм, обеспечивающих органам публичной власти легального вмешательства во внутренние дела семьи по собственному усмотрению. Этот механизм тесно связан и в определенном смысле предопределяет идеологию как механизма лишения (ограничения) родительских прав, так и механизма выявления детей, оставшихся без попечения родителей. Основания отобрания ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью (ст. 77 Семейного кодекса) схожи с основаниями (случаями) признания детей, оставшимися без попечения родителей (п. 1 ст. 121 Семейного кодекса), и с основаниями лишения родителей родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса). Последствиями отобрания являются приобретение ребенком статуса, оставшегося без попечения родителей, а для родителя – лишение или ограничение родительских прав на основании судебного решения, принятого по иску органа опеки и попечительства. Правомерно говорить о некотором едином комплексе норм, обеспечивающем как сам механизм отобрания ребенка, так и его последствия.

О новой концепции отобрания ребенка как одной из мер его защиты

Законопроекты сенаторов вносят определенность относительно правовой природы механизма отобрания ребенка. Отобрание ребенка определяется как принудительная мера, а именно – «принудительное разлучение ребенка с лицами, на попечении которых он находится» (п. 1 ст. 77 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7).

Отобрание ребенка допускается только при виновном поведении родителей на основании вступившего в законную силу решения суда о лишении родительских прав либо об их ограничении. Такое решение исполняется судебным приставом-исполнителем с участием органа опеки и лица, которому передается ребенок.

Термин «непосредственная угроза жизни и здоровью ребенка» исключается из терминологии семейного законодательства.

Вместо действующего механизма отобрания ребенка законопроектами сенаторов предлагается дифференцированная система мер его защиты, не представляющая угрозы институту семьи, а, напротив, способствующая его укреплению. В систему меры защиты входят:

1) меры, не требующие вмешательства органов публичной власти (меры самозащиты). Эти меры семья вправе использовать самостоятельно в случаях, когда родители по уважительным причинам временно не могут осуществлять свои родительские права (п. 2 ст. 64, ст. 66.1 и 66.2 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). К ним отнесены: право родителей привлекать для воспитания своих детей родственников, включая бабушек и дедушек, без специального документального оформления их полномочий (п. 3 ст. 63 Семейного кодекса в редакции законопроекта); установление опеки (попечительства) над детьми по заявлению их родителей (не лишенных родительских прав и не ограниченных в родительских правах) на период, когда родители по уважительным причинам не смогут осуществлять свои родительские права в течение определенного периода времени. Такая форма опеки (попечительства) впервые была введена Федеральным законом «Об опеке и попечительстве» (ст. 13). Однако назначение опекуна (попечителя) по заявлению родителей ребенка зависит прежде всего от усмотрения органов опеки и попечительства. К тому же перечень уважительных причин в законе не определен. Законопроект сенаторов устраняет эти недостатки. К уважительным причинам предлагается отнести, в том числе: не достижение родителями возраста шестнадцати лет; служебную командировку родителей на определенный срок или постоянную работу родителей, осуществляемую в пути или имеющую разъездной характер; длительную болезнь родителей, связанную с необходимостью пребывания в медицинском стационаре; нахождение родителей под стражей; отбывание родителями наказания в виде лишения свободы. Отказ в назначении опекуном (попечителем) лица, определенного родителями, допускается только при наличии предусмотренных законом оснований. Отказ может быть оспорен в суде. Если в заявлении родителей отсутствует указание на конкретное лицо, то его определяет орган

опеки и попечительства. Назначение такого лица опекуном (попечителем) ребенка допускается только с согласия родителей (ст. 66.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7); временное устройство ребенка, имеющего родителей, в организацию социального обслуживания, и только при ее отсутствии в месте фактического нахождения ребенка – в организацию для детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 66.2 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

2) временные меры защиты, осуществляемые при поддержке и (или) участии публичных органов власти, в случаях, не терпящих отлагательства, когда родители ребенка (оба или единственный родитель) временно не могут осуществлять родительские права, в том числе выразить согласие или несогласие с их применением (гл. 12.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7) (далее – временные меры защиты). Временные меры защиты применяются в случаях, которые в рамках действующего механизма отобрания принято рассматривать как представляющие «непосредственную угрозу его жизни или здоровью», в законопроекте предлагается гуманная по отношению к ребенку система временных мер его защиты, цель которых немедленно устранить угрозу и обеспечить безопасность ребенка (гл. 12.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Например, при задержании родителя; при экстренной госпитализации родителя, который находится в бессознательном состоянии; родители пропали без вести и находятся в розыске и т.д. Перечень случаев, в которых будут применяться временные меры защиты ребенка является исчерпывающим. Этот перечень может быть расширен только федеральным законом (п. 1 ст. 79.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7).

К временным мерам защиты относятся: передача ребенка на период отсутствия родителей родственникам, иным близким ребенку лицам (перечень которых содержится в п. 3 ст. 79.2 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7); при отсутствии такой возможности обеспечивается временное устройство ребенка в организацию социального обслуживания или в медицинскую организацию (в случае не достижения ребенком возраста четырех лет) (ст. 79.3 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7).

Реализуют временные меры защиты ребенка те уполномоченные лица, которые осуществляют в отношении его родителей (или иных лиц, на попечении которых он находится) соответствующие действия, связанные с их профессиональной деятельностью (медицинские работники, полиция, службы спасения и др.) либо по их просьбе органы полиции, службы спасения (аварийно-спасательные службы) или органы опеки и попечительства (п. 4 ст. 79.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Мнение ребенка, достигшего возраста 10 лет, является обязательным. Впервые предусматривается возможность совместного временного устройства в организацию социального обслуживания ребенка с лицом, обеспечиваю-

щим его временную защиту, при наличии обстоятельств, способных ухудшить условия жизнедеятельности ребенка и лица, временно осуществляющего его защиту, по письменному заявлению такого лица (п. 5 ст. 79.3 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

3) меры семейно-правовой ответственности, связанные с виновным поведением родителей ребенка (иных лиц, на попечении которых он находится) (гл. 12, ст. 140 и 148.2 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7).

Отобрание ребенка в законопроекте сенаторов является следствием привлечения родителя к семейно-правовой ответственности.

О структуре законопроекта

Внутренняя взаимосвязь норм об отобрании ребенка с нормами о выявлении и устройстве детей, оставшихся без попечения родителей, и нормами о лишении и ограничении родительских прав предопределили и структуру законопроекта (поправки в статьи 69 – 79 и раздел VI Семейного кодекса).

Необходимость комплексного совершенствования механизма отобрания ребенка, включая последствия отобрания, позволила определить предмет правового регулирования законопроекта и обусловила его структуру.

Фактическое обретение отобранным ребенком статуса «оставшегося без попечения родителей» потребовало пересмотра взаимосвязанных положений раздела VI.

Лишение родителей, у которых отобран ребенок, родительских прав или ограничение их в родительских правах потребовало пересмотра взаимосвязанных положений главы 12.

Законопроектом предусмотрены следующие изменения структуры Семейного кодекса:

1) дополнение раздела IV «Права и обязанности родителей и детей» главой 12.1 «Защита ребенка при временной невозможности осуществления родителями родительских прав». Положения данной главы вытекают из родительно-детских отношений. Поэтому глава включена в раздел IV. В то же время эти положения не могут быть включены ни в главу 11 «Права несовершеннолетних детей», ни в главу 12 «Права и обязанности родителей», так как направлены на регулирование отношений по защите прав и законных интересов детей в случаях, не терпящих отлагательства, когда родители временно не могут осуществлять родительские права;

2) изменение наименования раздела VI, так как действующая редакция наименования «Формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей» не соответствует содержанию тех отношений, которые регулируются положениями данного раздела. Действующая редакция раздела VI содержит положения, регулирующие отношения, связанные с выявлением и устройством детей, оставшихся без попечения родителей, формы такого устройства (усыновление, опека (попечительство), в том числе приемная се-

мья, устройство в организации для детей, оставшихся без попечения родителей), а также отношения, связанные с опекой (попечительством) над детьми, имеющими родителей, и их устройством в организации для детей, оставшихся без попечения родителей.

Законопроектом вносятся изменения применительно к сфере отношений, регулируемых разделом VI. Из сферы его действия исключаются отношения, связанные с опекой (попечительством) над детьми, имеющими родителей и их устройством в организации для детей, оставшихся без попечения родителей. Эти положения объединены в ст. 66.1 «Опека (попечительство) над детьми по заявлению их родителей» и ст. 66.2 «Временное устройство ребенка в организацию по заявлению родителей» и включены в главу 12 «Права и обязанности родителей», так как регулируемые ими отношения, входят в предмет регулирования отношений, предусмотренных главой 12 «Права и обязанности родителей» раздела IV «Права и обязанности родителей и детей».

Таким образом, в разделе VI остаются только нормы, регулирующие однородные отношения, связанные с защитой детей, оставшихся без попечения родителей. Новое наименование раздела VI «Признание детей, оставшихся без попечения родителей и их устройство» полностью отражает содержание регулируемых им отношений. Этим же обусловлены и изменения наименования главы 20, новое наименование «Опека (попечительство) над детьми, оставшимися без попечения родителей» вместо действующей редакции «Опека (попечительство) над детьми».

3) Изменение структуры раздела VI обусловлено необходимостью обеспечения единства и целостности в правовом регулировании опеки (попечительства) над детьми, оставшимися без попечения родителей, является результатом проведенной в ходе работы над законопроектом систематизации законодательства, регулирующего отношения по опеке (попечительству) над детьми. Нормы, регулирующие основания и порядок признания детей оставшимися без попечения родителей, объединяются в главу 18 «Основания и порядок признания ребенка оставшимся без попечения родителей». Нормы, регулирующие формы, сроки устройства детей, оставшихся без попечения родителей, порядок их устройства в семью, особенности устройства на попечение родственников, объединяются в главу 18.1 «Порядок устройства детей, оставшихся без попечения родителей».

4) Изменение наименования главы 21 «Приемная семья» (действующая редакция) обусловлено внесенными в нее изменениями. Глава объединила нормы, регулирующие отношения, связанные с возмездной опекой (попечительством). Приемная семья является одной из форм возмездной опеки. Новое наименование главы 21 «Осуществление опеки (попечительства) по договору».

Институт семейно-правовой ответственности

В действующем Семейном кодексе не только отсутствуют нормы о принципах семейно-правовой ответственности, но не используется и сам термин «семейно-правовая ответственность». При этом Семейный кодекс допускает и ограничение в родительских правах, и лишение родительских прав. Поскольку общих норм об ответственности в Семейном кодексе нет, к семейным отношениям в соответствии со статьей 4 Семейного кодекса применяются нормы об ответственности гражданского законодательства, которое исходит из гражданско-правового принципа презумпции виновности лица, к которому предъявляются соответствующие требования: лицо считается виновным, пока не докажет свою невиновность (ст. 401 Гражданского кодекса Российской Федерации). Поэтому по действующему Семейному кодексу родители, в случае предъявления к ним исков о лишении родительских прав или об их ограничении, сами обязаны доказывать свою невиновность. С этим можно было бы согласиться, если бы правом инициировать такие иски обладали только члены семьи (например, другой родитель, близкие родственники ребенка). Однако ст. 70 и 73 Семейного кодекса наделяют таким правом и органы опеки и попечительства, и прокурора, и комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, другие органы и организации, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей.

Правовое регулирование семейно-правовой ответственности, предложенное законопроектами сенаторов, исходит из того, что отношения родителей и детей произрастают из их естественных прав, связанных с рождением ребенка, из принципа неотчуждаемости таких прав. Родителей и детей связывают генетическое родство, кровные узы, основанные на них эмоциональные привязанности.

Лишение родительских прав полностью разрывает отношения родителя и ребенка, во всяком случае до достижения им совершеннолетия. Такой разрыв может заставить ребенка страдать не менее, чем его родителя. По истечении 6 месяцев со дня вынесения судебного решения допускается усыновление ребенка (п. 6 ст. 71 Семейного кодекса). Родителю, лишенному родительских прав, может быть отказано в восстановлении в родительских правах даже в том случае, если имела место ошибка, и судебное решение о лишении его родительских прав отменено (п. 4 ст. 72 Семейного кодекса).

Очевидно, что в интересах ребенка лишение родительских прав, если оно не связано с преступлением, совершенным в отношении ребенка, должно применяться только тогда, когда исчерпаны все возможности сохранения родительско-детских отношений.

Основания лишения родительских прав, предусмотренные статьей 69 Семейного кодекса, отличаются неопределенностью, что создает возможности для их расширительного толкования. Неслучайно чаще всего лишение родительских прав имеет место по такому основанию, как «уклонение от исполнения обязанностей родителей, в том числе при злом уклонении

от уплаты алиментов». Так, в 2019 г. 22 113 родителей (или 77% от общего числа родителей, лишенных родительских прав) были лишены родительских прав по данному основанию. Для сравнения в том же году лишение родительских прав в связи с жестоким обращением с ребенком было применено в отношении 210 родителей (0,7% от общего числа родителей, лишенных родительских прав) (Сведения о выявлении и устройстве детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, форма 103-рик, 2019 г., раздел 5, строки 07–13) (далее – форма 103-рик).

Ограничение родительских прав сохраняет для родителя возможность изменить свое поведение, добиться отмены ограничения своих прав и вернуть ребенка. Однако, ограничение родительских прав применяется в 4 раза реже, чем лишение родительских прав (форма 103-рик, 2019 год, раздел 5, строки 14–17). Последующее предъявление или не предъявление в суд иска о лишении родительских прав родителя, ограниченного в родительских правах, зависит от органа опеки и попечительства (п. 2 ст. 73 Семейного кодекса).

Неопределенность как оснований лишения родительских прав, так и ограничения родительских прав позволяет органам опеки и попечительства принимать решение о предмете иска по своему усмотрению. Направление органом опеки и попечительства иска в суд почти автоматически обеспечивает его удовлетворение.

В 2019 г. 30 588 детей остались без попечения родителей, так как их родители, оба или единственный родитель, были лишены родительских прав либо ограничены в родительских правах. 2/3 из них – дети родителей, лишенных родительских прав (форма 103-рик, раздел 5, строки 01–13). А это означает, что в 2019 г. более 30 тысяч детей были переданы на попечение органов опеки и попечительства.

Законопроект сенаторов устанавливает:

1) лишение родительских прав является крайней мерой семейно-правовой ответственности;

2) сокращается установленный ст. 69 Семейного кодекса круг оснований лишения родительских прав. Ими могут быть вступление в законную силу обвинительного приговора суда, постановления (определения) суда или постановления следователя (дознателя) о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям в отношении родителя, совершившего умышленное преступление против жизни или здоровья либо против половой неприкосновенности и половой свободы своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи, либо против половой неприкосновенности и половой свободы указанных лиц; истечение установленного судом срока ограничения родительских прав родителя вследствие его виновного поведения, если до истечения указанного срока суд не примет решение об отмене ограничения родительских прав и возвращении ребенка родителю либо о продлении срока ограничения родительских прав (ст. 69 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

3) сокращается круг лиц, правомочных обращаться в суд с иском о лишении родительских прав. Согласно п. 1 ст. 70 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7 с такими исками могут обращаться только один из родителей, органы опеки и попечительства или прокурор, тогда как согласно п. 1 ст. 70 действующей редакции Семейного кодекса с заявлениями о лишении родительских прав могут обращаться также опекуны (попечители), комиссии по делам несовершеннолетних, организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и другие органы или организации, на которые возложены обязанности по охране прав несовершеннолетних детей;

4) суды наделяются полномочиями при рассмотрении дела о лишении родительских прав решать вопрос о разрешении общения родителя с ребенком, если такое общение не противоречит законным интересам ребенка. Установлен порядок такого общения (ст. 70, 71.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

5) ограничение родительских прав рассматривается как более мягкий вид семейно-правовой ответственности, который, как правило, должен предшествовать лишению родительских прав. Ограничение родительских прав допускается только при виновном поведении родителя. Ограничение родительских прав всегда сопряжено с отображением ребенка;

6) уточнен и расширен перечень оснований ограничения родительских прав (п. 3 ст. 73 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

7) разрешается применение ограничения родительских прав на определенный срок с возможностью его продления (п. 4 ст. 73 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

8) уточняется, какие родительские права ограничиваются во всяком случае (п. 1 ст. 74, а по каким суд принимает специальное решение);

9) положения о порядке ограничения родительских прав выделены в отдельную статью – 73.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7. Уточняется перечень обязательных вопросов, которые обязан разрешить суд при принятии решения об ограничении родительских прав, в том числе о запрете контактов ребенка с родителем, если такие контакты не соответствуют законным интересам ребенка; о возложении на родителя, ограниченного в родительских правах, дополнительных обязанностей. При принятии решения об ограничении родительских прав родителей, страдающих хроническим алкоголизмом или наркоманией, суд может обязать таких родителей пройти лечение от алкоголизма или наркомании соответственно (п. 5 ст. 73.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

10) расширяются полномочия органов опеки и попечительства в части защиты прав добросовестных родителей, изменивших свое поведение, в том числе предоставление органам опеки и попечительства полномочий обращаться в суд с заявлением о восстановлении в родительских правах родителя, лишённого родительских прав (ст. 72 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

Систематизация семейного законодательства и обеспечение единства и внутренней согласованности его нормы в части правового регулирования отношений, связанных с признанием ребенка оставшимся без попечения родителей и его устройством

При подготовке законопроектов были осуществлены необходимые для этих целей систематизация семейного законодательства, восполнение выявленных пробелов действующего семейного законодательства, устранение его противоречивости, обеспечение единства и внутренней целостности Семейного кодекса. Законопроекты устраняют правовые пробелы и противоречия в регулировании опеки (попечительства) над детьми, в том числе образовавшиеся в связи принятием в 2008 г. Федерального закона «Об опеке и попечительстве», в частности:

1) обеспечивается единство и целостность в правовом регулировании опеки (попечительства) над детьми, оставшимися без попечения родителей (ст. 145, 145.1, 146, 146.1, 148, 148.1, 148.2, 151.1, 152, 153, 153.1, 155.1, 155.2 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

2) устанавливается исчерпывающий перечень оснований признания ребенка оставшимся без попечения родителей (п. 1 ст. 121.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

3) определяется порядок установления факта отсутствия у ребенка родительского попечения и признания ребенка оставшимся без попечения родителей. Предусматривается, что ребенок приобретает статус оставшегося без попечения родителей на основании акта органа опеки и попечительства о признании ребенка оставшимся без попечения родителей (ст. 121.4 и 121.5 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

4) применительно к существующему в п. 5 действующей редакции ст. 145 Семейного кодекса исключению из правила о запрете раздельного устройства братьев и сестер, оставшихся без попечения родителей, вносятся уточнения. Отступление от этого принципа допускается на основании решения суда об усыновлении либо решения органа опеки и попечительства о назначении опекуна (попечителя), если будет установлено, что дети не могут жить и воспитываться вместе по состоянию здоровья, и устройство ребенка отдельно от братьев и сестер отвечает его интересам. При этом учитываются заслуживающие внимания обстоятельства, в том числе: осведомлены ли дети о своем родстве; проживают совместно или нет; находятся в организации для детей, оставшихся без попечения родителей, или проживают в семье (семьях). Детям предоставляется право знать о месте жительства своих братьев и сестер и общаться с ними (п. 4 ст. 145 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

5) устраняется неопределенность в вопросе об объеме полномочий органов опеки и попечительства по защите прав и законных интересов детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 121 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7);

б) устанавливается, что отмена усыновления возможна в течение трех лет со дня вступления в законную силу решения суда об усыновлении ребенка. По истечении указанного срока усыновители приобретают родительские права (ст. 140 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7).

О терминологии Семейного кодекса

В целях обеспечения единообразного применения норм права, точности и определенности основных терминов Семейный кодекс дополняется статьей 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7, определяющей значения, в которых должны использоваться эти термины в Семейном кодексе.

Термин – составная часть конструкции закона. Его определение в законе необходимо при использовании слов, имеющих множественные значения. Термин всегда однозначен, это слово, используемое в единственном значении. Неопределенность терминов порождает злоупотребления правом (или полномочиями соответственно).

В перечень терминов включены слова (понятия):

1) обусловленные концепцией законопроекта. Например, «родная семья – семья родителей ребенка и (или) их родственников» (подп. 13 ст. 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта). Значение слова обусловлено концепцией законопроекта, взаимосвязано с правом ребенка жить и воспитываться в родной семье; «законные представители ребенка» – лица, на попечении которых находятся дети (родители, усыновители, опекуны (попечители), и иные лица, которые в случаях, предусмотренных Семейным кодексом, имеют право представлять права и законные интересы ребенка в его взаимоотношениях с любыми физическими и юридическими лицами и действовать от его имени и в его интересах» (подп. 5 ст. 2.1). Термин используется без изменения его общепринятого значения. С учетом положений части первой ст. 52 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. Он необходим, чтобы приравнять к лицам, являющимся законными представителями детей, лиц, временно осуществляющих защиту ребенка в случаях, предусмотренных Семейным кодексом (п. 2 ст. 79.2 и п. 3 ст. 79.3 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Необходимость использования данного термина в таком значении обусловлена введением в Семейный кодекс нового института «временные меры защиты»;

2) устраняющие правовой пробел. Например, «фактические воспитатели – не являющиеся лицами, на попечении которых находится ребенок, совершеннолетние лица, добровольно участвующие в воспитании и (или) содержании ребенка» (подп. 15 ст. 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Определение значения термина в Семейном кодексе отсутствует. Кроме того, необходимость определения содержания термина обусловлена концепцией законопроекта в части применения временных мер защиты ребенка;

3) используемые в законодательстве, в том числе в Семейном кодексе, в разных значениях, в связи с чем требуется уточнение, в каком значении эти слова используются в Семейном кодексе. Например, «близкие родственники» – родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети; дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры» (подп. 1 ст. 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Необходимость определения значения данного термина обусловлена тем, что в настоящее время в законодательстве нет единого определения относительно круга лиц, относящихся к «близким родственникам». В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (подп. 4 ст. 5) этот круг определен применительно к задачам уголовного процесса в целях обеспечения предусмотренного ст. 51 Конституции Российской Федерации права не свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников. В действующем Гражданском кодексе Российской Федерации определение хотя и отсутствует, но может быть выведено логическим путем. В Семейном кодексе это определение содержится в ст. 14 применительно к обстоятельствам, препятствующим вступлению в брак. В связи с чем существует неясность относительно того, может ли это определение распространяться и на другие случаи использования в Семейном кодексе данного термина, например, на положения статьи 67. Перенос определения данного термина из ст. 14 в ст. 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7 устраняет такую неопределенность и позволяет обеспечить его единообразное применение к семейным отношениям;

4) обеспечивающие единство терминологии и утверждающие ценности родительства. Например, «лица, на попечении которых находятся дети – родители, усыновители, опекуны (попечители)» (подп. 7 ст. 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта № 989008-7). Необходимость введения данного термина обусловлена тем, что в Семейном кодексе применительно к лицам, на попечении которых находятся дети, используются разные термины: «родители или иные лица, на попечении которых находятся дети» (ст. 77 (п. 1), ст. 79 (п. 1)); «родители, усыновители, опекуны, попечители» (п. 2 ст. 155.1, п. 2 ст. 155.2 Семейного кодекса), «родители (лица, их заменяющие)» (28 (п. 1), 55 (п. 2), 56 (п. 1 и 2), 60 (п. 2), 65 (п. 4), 70 (п. 1), 148 (п. 2)). Термин «родители (лица, их заменяющие)» неудачен, умаляет значение родительства, отцовства, материнства, поскольку формирует представление о родителях как о лицах, которых можно заменить. Для отношений детей и родителей, основанных на любви, доверии и заботе важно осознание их незаменимости друг для друга;

5) позволяющие обеспечить краткость изложения нормы. Например, «дети, оставшиеся без попечения родителей – дети, признанные по основаниям и в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом, оставшимися без попечения обоих родителей или единственного родителя, в том числе дети-сироты, оба родителя или единственный родитель которых умерли» (подп. 4).

Об институте брака

Изменения института брака, содержащиеся в законопроектах сенаторов обусловлены поправкой в Конституцию Российской Федерации, содержащейся в подпункте «г» пункта 7 статьи 1 Закона Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ “О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти”, согласно которой “брак – союз мужчины и женщины». Подпункт 2 статьи 2.1 Семейного кодекса в редакции законопроекта конкретизирует данное конституционное положение, определяя брак как «добровольный союз мужчины и женщины, направленный на создание семьи, государственная регистрация заключения которого производится органами записи актов гражданского состояния в соответствии с настоящим Кодексом и Федеральным законом от 15 ноября 1997 года № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Статья 14 Семейного кодекса дополняется положением о запрете брака между лицами одного пола.

Список литературы

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2015 г. № 4-П "По делу о проверке конституционности положений части четвертой статьи 25.10 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию", подпункта 13 пункта 1 статьи 7 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации" и пункта 2 статьи 11 Федерального закона "О предупреждении распространения в Российской Федерации заболевания, вызываемого вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ-инфекции)" в связи с жалобами ряда граждан".
2. Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 30 марта 2016 г. № 138-СФ “О создании Временной комиссии Совета Федерации по подготовке предложений по совершенствованию Семейного кодекса Российской Федерации”.
3. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в двух томах. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981.
4. Детство без родителей. Законодательство и практика изъятий детей из российских семей // Итоговый альтернативный доклад / отв. ред. и автор текста д.ю.н., профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Мизулина Е.Б. М., 2017. 212 с.
5. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации: автореферат дис. ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Ин-т государства и права РАН. - Москва, 2006. - 42 с.
6. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007.
7. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги / пер. с англ. / под ред. В.Н. Садовского. в 2-х томах. Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и

другие оракулы. М.: Изд-во Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992.

8. Проект Экспертного заключения Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства по проекту Концепции совершенствования семейного законодательства Российской Федерации и Предложений по совершенствованию семейного законодательства. Проект подготовлен в Исследовательском центре частного права / Михеева Л.Ю. // Из личного архива Мизулиной Е.Б.

9. Рабец А.М. Соотношение частных и публичных интересов в сфере государственной поддержки семьи в Российской Федерации// <https://nauka-rastudent.ru/27/3320/30.03.2016>.

10. Расшифровка звукозаписи заседания Совета по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 июля 2014 года // Из личного архива Мизулиной Е.Б.

11. Тихомиров Ю.А. Административное право и процесс: полный курс. М., 2001. 652 с.

Об авторе:

МИЗУЛИНА Елена Борисовна – заслуженный юрист Российской Федерации, сенатор, заместитель председателя Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству, доктор юридических наук, профессор.

ON LEGISLATIVE INITIATIVES ON IMPROVEMENT OF THE FAMILY CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION, AIMED FOR STRENGTHENING THE INSTITUTE OF THE FAMILY

E.B. Mizulina

Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow

The article contains a brief description of the main conceptual provisions of the draft federal laws aimed at strengthening the institution of the family, developed by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, submitted to the State Duma in July - October 2020, the history of their preparation and the problems faced by the developers.

Key words: *strengthening the institution of the family, taking away a child, limits of permissible interference of public authorities in the internal affairs of the family.*

About the author:

MIZULINA Elena Borisovna – honored lawyer of the Russian Federation, senator, deputy chairman of the Federation Council Committee on constitutional legislation and state building, doctor of Law, professor.

ЗАКОННЫЙ РЕЖИМ ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ: К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА

О.Н. Низамиева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань

Работа посвящена анализу законопроекта № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ (в части имущественных отношений супругов)». Выявлены как положительные аспекты предлагаемых изменений, так и возможные трудности в согласовании с действующими и проверенными временем нормами.

Ключевые слова: законный режим имущества супругов, общее имущество супругов, общие долги супругов, раздел общего имущества супругов.

Необходимость совершенствования механизма правового регулирования имущественных отношений супругов не вызывает сомнений. На многочисленных научно-практических форумах, а также в публикациях специалистов обращается внимание на существующие в данной сфере проблемы и потребность в их разрешении [1, с. 7–12; 4, с. 187–195; 5, с. 60–61; 7, с. 24–25; 9, с. 39–49; 10, с. 57–69 и др.].

В связи с отмеченным представляет интерес внесенный в Государственную Думу РФ 14 ноября 2019 г. и рассмотренный в первом чтении 15 июля 2020 г. законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ (в части имущественных отношений супругов)» (далее законопроект) [2].

Прежде всего обращает на себя внимание предлагаемая законопроектом концепция общего имущества супругов как цельного имущественного комплекса, включающего в себя вещи, имущественные права и общие долги супругов.

В рамках данной концепции предусматривается определенная корректировка используемой терминологии. Так, следует признать обоснованной замену в наименовании и содержании ст. 34 Семейного кодекса РФ категории «совместная собственность супругов» на категорию «общее имущество супругов», поскольку общими для супругов могут быть не только объекты права собственности, но и ограниченные вещные права, корпоративные права, обязательственные и иные имущественные права [11, с. 43–41; 12, с. 15]. Более удачным, по сравнению с действующей редакцией, и соответствующим устоявшимся в цивилистике воззрениям видится и обозначение отдельных субъективных прав, входящих в состав общего имущества супругов.

Наиболее значимым концептуальным нововведением является одномоментный раздел всего нажитого в период брака общего имущества супругов, включая общие супружеские долги, будь то посредством заключения

соответствующего соглашения или судебного разбирательства. По справедливому мнению авторов законопроекта, сложившийся в практике подход о возможности многократного рассмотрения судом споров о разделе имущества одних и тех же супругов способствует злоупотреблению многими лицами своим правом на подачу искового заявления, допускает возможность использования судом разных пропорций при определении долей супругов в праве на разные объекты, не разрешает вопрос о судьбе имущества, не упомянутого в судебных актах, обладает рядом иных недостатков.

Действительно, вынести справедливое решение, оценить состояние общего имущества супругов, произвести его реальный раздел можно лишь тогда, когда имеется представление обо всех входящих в состав этого имущества так называемых активах и пассивах. Как верно подмечено Л.Б. Максимович, «квартира или земельный участок сами по себе в отдельности, как правило, не делятся в натуре. На практике спор в отношении каждого в отдельности объекта недвижимости сводится, по существу, к определению долей в праве собственности на него и в установлении порядка пользования им. Но если у супругов имеется несколько объектов недвижимости, появляется возможность в одном процессе произвести их раздел, а при необходимости в счет компенсации передать одному из них другое имущество» [6, с. 199 – 200]. Потому отраженная в законопроекте идея о том, что судебный акт о разделе общего имущества супругов должен устанавливать размер доли супругов во всем их общем имуществе и перечень объектов из состава общего имущества супругов, которые передаются одному из супругов в счет установленной судом его доли в общем имуществе, заслуживает поддержки. К тому же для реализации этой идеи и обеспечения интересов обоих супругов разработчиками предлагаются и соответствующие инструменты: 1) установление критериев, опираясь на которые суд может решить вопрос о передаче одному из супругов объекта, раздел в натуре которого невозможен или повлечет несоразмерное уменьшение его стоимости; 2) взыскание в пользу другого супруга денежной компенсации с установлением порядка и сроков выплаты (в том числе на условиях отсрочки или рассрочки), а также возможное установление залога имущества и запрета на его отчуждение до момента выплаты компенсации.

Подобного рода концепция единства супружеского имущества и однократного разрешения вопроса о его разделе реализована в некоторых зарубежных правовых порядках.

Однако введение данной новеллы, возможно, не всегда будет приводить к должному эффекту.

Во-первых, далеко не всегда в силу объективных и субъективных причин возможно определить состав всего общего имущества, принадлежащего супругам на момент рассмотрения спора. В частности, существует проблема выявления имущества, находящегося за рубежом. Кроме того, речь может идти об имуществе, материально-правовые предпосылки приобретения ко-

того возникли во время брака (например, заключен предварительный договор по приобретению имущества), но возникновение права собственности на объект или реализация иного имущественного права была осуществлена уже после расторжения брака. Казалось бы, на этот случай законопроект предусматривает правило п. 6¹ ст. 38: *«Права на отдельные объекты из состава общего имущества супругов, не распределенные между супругами по их соглашению о разделе общего имущества или на основании судебного акта, принадлежат им в указанных в таком соглашении или судебном акте долях с момента заключения соглашения или с момента вступления в законную силу судебного акта соответственно...»* Вместе с тем, полагаем, режим долевой собственности (с соответствующими пропорциями) на имущество, которое не было предметом судебного разбирательства, будет распространяться только, если между сторонами отсутствует спор об отнесении такового к совместно нажитому в период брака. Если же один из супругов утверждает, что имущество не является совместно нажитым, то возникает спор о праве собственности. То есть основной спор между супругами (бывшими супругами) будет находиться в плоскости признания или непризнания объекта общим имуществом. А потому судебного разбирательства в данном случае не избежать.

Во-вторых, имеются некоторые опасения превращения в недействующие положения п. 2 ст. 39 СК РФ. А именно в той части, которая касается возможности суда отступить от принципа равенства долей супругов в праве на общее имущество с учетом интересов несовершеннолетних детей. Как известно, наличие общего несовершеннолетнего ребенка не является безусловным основанием для отступления от начала равенства долей при разделе имущества бывших супругов. Для применения данной нормы необходимо обосновать интересы несовершеннолетнего, которые всегда сопряжены с конкретным объектом (чаще всего жилым помещением), обеспечивающего те или иные потребности ребенка. Потому на сегодняшний момент обоснованные интересы ребенка влияют на неравное определение долей родителей в праве не на все имущество, а лишь на отдельные объекты. Безусловно, интересы ребенка могут быть обеспечены посредством передачи объекта тому супругу, с кем будет проживать ребенок в счет его доли в праве на общее имущество, но это уже не в рамках ст. 39 СК РФ.

В-третьих, требует большей продуманности коррекция п. 2 ст. 45 СК РФ, устанавливающая презумпцию возникновения общих долгов у супругов. В соответствии с законопроектом к общим обязательствам супругов также отнесены и те, которые создал один из них *«в период брака в результате заключения договора или вследствие неосновательного обогащения, если судом не установлено, что такое обязательство одного из супругов возникло в период раздельного проживания супругов при прекращении семейных отношений (п. 4 ст. 38) или все, полученное по обязательствам одним из супругов, было использовано не на нужды семьи»*. Таким образом супругу, не

участвовавшему в обязательстве, и, возможно, не знавшему о его существовании, а потому и не имеющему соответствующих доказательств, предлагается опровергнуть факт использования, полученного по обязательству не на нужды семьи. Ранее нами уже анализировались неравные возможности супруга – титульного должника – и другого супруга по доказыванию того, на какие цели были израсходованы заемные (кредитные) средства [5, с. 92–93]. Подобная асимметрия может привести к разного рода злоупотреблениям со стороны супруга-должника и нарушению прав и интересов другого [3].

Весьма актуальным представляется совершенствование механизма защиты имущественных интересов супруга (бывшего супруга) при совершении другим супругом (бывшим супругом) сделок по распоряжению общим имуществом. В этой связи дополнение п. 2 ст. 39 СК РФ положением о праве суда отступать от начала равенства долей супругов в их общем имуществе исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, в случаях, если другой супруг расходовал общее имущество супругов в ущерб интересам семьи, *«в том числе совершал без необходимого в силу пункта 3 статьи 35 настоящего Кодекса согласия второго супруга на невыгодных условиях такие сделки по отчуждению общего имущества супругов, к которым судом не были применены последствия их недействительности по требованию второго супруга»*, достойна внимания. Однако предлагаемая новая редакция вызывает вопросы. Почему подлежат защите только те имущественные интересы супруга, которые были нарушены другим супругом исключительно при заключении: 1) сделок по распоряжению имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, 2) сделок, для которых законом установлена обязательная нотариальная форма, 3) или сделок, подлежащих обязательной государственной регистрации? Мы не отрицаем того, что, несмотря на существующий публичный контроль за совершением указанных сделок и на возможность их оспаривания лишь по факту отсутствия нотариально удостоверенного согласия не участвовавшего в них супруга, права последнего не всегда могут быть обеспечены надлежащим образом. Потому предлагаемое дополнение весьма целесообразно.

Однако гораздо сложнее обеспечить защиту имущественных интересов супруга при совершении другим супругом любых иных сделок, не подпадающих под вышеперечисленные категории. Как известно, на такие сделки распространяется презумпция испрошенного согласия не участвующего в них супруга. Потому указанные сделки могут быть оспорены только при доказанной недобросовестности контрагента, который знал или заведомо должен был знать о несогласии другого супруга на совершение сделки (п. 2 ст. 35 СК РФ). В подавляющем же большинстве случаев для третьего лица существование супруга у стороны – отчуждателя – неочевидно. Следовательно, когда механизмы применения последствий недействительности сделки не помогли защитить интересы супруга, не вызвавшего свою волю

на совершение сделки (по разным причинам: не удалось доказать недобросовестность третьего лица, истцом была пропущена исковая давность и т.д.), как раз и возникает потребность в уменьшении доли в праве на общее имущество супруга – отчуждателя. Именно об этих сделках и идет речь в пояснительной записке к законопроекту.

Кроме того, в силу сложившейся правоприменительной практики судов п. 3 ст. 35 СК РФ не распространяется на отношения бывших супругов. А потому бывший супруг – титульный собственник (правообладатель) – может свободно распорядиться любым общим имуществом. Защита интересов другого участника общей собственности возможна лишь в рамках п. 3 ст. 253 ГК РФ, допускающего оспаривание сделки лишь при доказанности того, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать об отсутствии у участника, совершившего сделку, необходимых полномочий. Потому видится более актуальным расширение способов защиты имущественных интересов супругов и бывших супругов применительно к случаям совершения другим супругом сделок в порядке п. 2 ст. 35 СК РФ, а также бывшим супругом по правилам п. 3 ст. 253 ГК РФ.

Впрочем, предлагаемый механизм уже используется в правоприменительной деятельности. Согласно п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» «в случае, когда при рассмотрении требования о разделе совместной собственности супругов будет установлено, что один из них произвел отчуждение общего имущества или израсходовал его по своему усмотрению вопреки воле другого супруга и не в интересах семьи, либо скрыл имущество, то при разделе учитывается это имущество или его стоимость».

Список литературы

1. Величкова О.И. Куда следует отнести доходы, получаемые одним из супругов в период брака за счет сдачи в аренду своего личного имущества: к общей собственности или личной? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 3. С. 7 – 12.

2. Законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ (в части имущественных отношений супругов)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7> (дата обращения: 20.09.2020).

3. Изосимов С. Общие долги супругов. Законопроект № 835938-7 предлагает супругу, желающему опровергнуть общность долга, доказать отрицательный факт // URL: https://zakon.ru/blog/2019/11/26/obschie_dolgi_suprugov_zakonoproekt_835938-7_predlagaet_suprugu_zhelayuschemu_oprovergnut_obschnos (дата обращения: 20.09.2020).

4. Максимович Л.Б. Законный режим имущества супругов: актуальные проблемы правового регулирования // Семейное право и концепция развития семейного законодательства: международные стандарты и российская модель: сборник статей / под общ. ред. А.Е. Тарасовой. М.: ИНФРА-М, 2017. С. 187 – 195.

5. Максимович Л.Б. Имущественные права разведенных супругов // Семейное и жилищное право. 2018. № 1. С. 60 – 61.

6. Максимович Л.Б. Проблемы подсудности дел, возникающих из семейных правоотношений // Труды Института государства и права РАН. 2017. Том 12. № 6. С. 186 – 201.

7. Низамиева О.Н. Индивидуально-правовые акты Верховного Суда Российской Федерации по семейным спорам имущественного характера // Lex russica (Русский закон). 2019. № 12. С. 19 – 27.

8. Низамиева О.Н. Презумпция общности имущества супругов и их ответственность по обязательствам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3 (110). С. 90 – 95.

9. Рузанова В.Д. Практические проблемы, возникающие при разделе общего имущества супругов // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. № 2. С. 39–49.

10. Чашкова С.Ю. Правовой режим общей собственности бывших супругов // Социально – юридическая тетрадь. 2017. № 7. С. 57–69.

11. Чефранова Е.А. Обязательственные права и обязанности в составе общего имущества супругов // Юридический мир. 2007. № 4. С. 34–41.

12. Чефранова Е.А. Ограниченные вещные права в составе общего имущества супругов // Семейное и жилищное право. 2007. № 2. С. 4–15.

Об авторе:

НИЗАМИЕВА Ольга Николаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» (420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18), SPIN-код: 4700-2610, e-mail: olganizamieva@mail.ru.

THE STATUTORY REGIME OF SPOUSES' PROPERTY: THE QUESTION OF DEVELOPMENT PERSPECTIVE OF THE LEGAL INSTITUTE

O.N. Nizamieva

Kazan (Volga region) Federal University

The work is devoted to the analysis of the draft of law № 835938-7 «On introduction of amendments in some statutes of the Russian Federation (concerning the spouses' property relations)». There were identified the positive aspects of the proposed amendments as well as the possible difficulties in their reconciliation with the rules in force which are effective as proved by the time.

Keywords: *the legal regime of property of spouses, common property of spouses, common debts of spouses, division of common property of spouses.*

About the author:

NIZAMIEVA Olga – the candidate of jurisprudence, Associate Professor, Department of Civil Law of the Kazan (Volga region) Federal University (420008, Kazan, st. Kremlin, 18), SPIN-code: 4700-2610, e-mail: olganizamieva@mail.ru.

ОСОБЕННОСТИ СОВМЕСТНОГО ЗАВЕЩАНИЯ СУПРУГОВ

Е.К. Ниноа

Государственный университет Акакия Церетели, г. Кутаиси

В статье рассматривается введение в российское наследственное право института совместного завещания супругов. Исследование данного вопроса проводится на основании сравнительно-правового метода, где анализируются проблемные аспекты законодательного закрепления института совместного завещания супругов разных государств. Вместе с тем в работе отмечаются те положительные моменты, которые обусловлены заключением совместного завещания супругов.

Ключевые слова: Наследственное право, завещание, супруги, совместное завещание супругов, имущество, нотариус.

Наследственное право является подотраслью гражданского права, значение которой неизменно велико, так как оно содержит совокупность норм, регулирующих порядок и пределы перехода прав и обязанностей умершего лица-наследодателя к его наследникам. В условиях частной собственности Конституцией РФ (ст. 35) закреплено свобода приобретения гражданами права собственности на имущество. Наследственное право предоставляет возможность реализовать правомочие распоряжения гражданами накопленного при жизни имуществом.

Как и любое гражданско-правовое отношение, наследственное правоотношение состоит из субъекта и объекта. Центральное место в наследственном правоотношении занимает объект, понятие наследства. Объяснение которого состоит в том, что – если нет наследства, то и наследовать нечего [1, с. 614]. В состав наследства входят принадлежащие наследодателю наследственное имущество (актив – все наследственное имущество и пассив – обязанности наследодателя к моменту смерти, которое необходимо выполнить наследникам в пределах оставленного имущества) – это имущественные и некоторые личные неимущественные права и обязанности, которые не прекращаются с его смертью, а в порядке правопреемства переходят к наследникам.

Необходимо отметить, что в наследственное имущество наследодателя входит не все имущество, которое имеется на случай смерти, а в соответствии со ст. 34 Семейного кодекса РФ имущество, нажитое супругами в период брака, которое является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлено иное. Поэтому из наследственной массы будет вычтена половина пережившего супруга, а индивидуальное имущество, принадлежащее каждому из супругов до вступления в брак, а также имущество, полученное одним из супругов во время брака путем дарения или наследования, является его собственностью. Поэтому переживший супруг не имеет права на $\frac{1}{2}$ супружеской доли приватизированной другим супругом квартиры в собственность. Переданная бесплатно одному из

супругов в личную собственность квартира в процессе приватизации не является общим совместным имуществом и регуляции ст. 34 СК РФ, ст. 256 ГК РФ в этом случае не применяются [2, с. 81–85]. С другой стороны, если на момент смерти переживший супруг проживал в квартире, то он имеет право на бесплатную приватизацию в судебном порядке, если по уважительной причине отказался от включения в число собственников, и приобрести свою долю в квартире.

Принятие наследства по ГК РФ возможно по двум основаниям: 1) – по закону и 2) – по завещанию. Исходя из целей исследования данной работы попытаемся детально рассмотреть новейший для российского гражданского законодательства институт совместного завещания супругов.

Согласно п. 4 ст. 1118 ГК РФ определены общие положения о завещании. В соответствии с данной статьей завещание является односторонней сделкой, в которой содержится распоряжение только одного физического лица, обладающим в момент его совершения дееспособностью в полном объеме. Как известно, с 1 июня 2019 г. в данную статью внесены дополнения, согласно которым предусмотрено составление совместного завещания лицами, состоящими между собой в момент его совершения в браке.

Статья 1118 п. 4 ГК РФ устанавливает, что в совместном завещании супруги по взаимному усмотрению могут решить судьбу имущества накопленного при жизни в случае последствия смерти каждого из них, в том числе наступившей одновременно: завещать общее имущество супругов, а равно имущество каждого из них любым лицам; любым образом определить доли наследников в соответствующей наследственной массе; определить имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если определение имущества, входящего в наследственную массу каждого из супругов, не нарушает прав третьих лиц; лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения; включить в совместное завещание супругов иные завещательные распоряжения, возможность совершения которых предусмотрена настоящим Кодексом.

Институт совместного завещания в том или ином виде в настоящее время закреплен в наследственном праве многих государств (Грузия, Германия, Англия, США, Украина). Исходя из интереса исследования рассмотрим особенности совместного завещания некоторых государств. Необходимо отметить, что ГК Грузии является моделью ГГУ, и регулирование данных отношений не имеет различия. Следовательно, сущность совместного завещания супругов (*Gemeinschaftliches Testament, das gemeinschaftliche Ehegattentestament*) по немецкому и грузинскому праву заключается в том, что волеизъявления супругов по поводу судьбы имущества каждого из них согласованы и могут быть взаимообусловлены [3, с. 44–45]. Согласованность состоит в том, что совместное завещание представляет собой единый акт, выражающий волю каждого из супругов о взаимном наследовании. Взаимообусловленность выражается в том, что определённые распоряжения

одного супруга исполняются в связи с распоряжением другого супруга. Ярким примером взаимообусловленности завещания является берлинское завещание (Berliner Testamen), закреплённое § 2269 Германского гражданского уложения (далее ГГУ), в котором супруги назначают друг друга первоначальными наследниками, а также некоторое третье лицо единственным наследником (как правило, совместных детей). В случае отказа одного из супругов от своего обусловленного волеизъявления, соответствующее волеизъявление второго супруга тоже утрачивает силу. Однако сохраняют силу независимые распоряжения супругов (например, назначение душеприказчика). После открытия наследства в отношении одного из супругов другой супруг вправе либо реализовать права, предоставленные в силу волеизъявления умершего супруга, но тогда сделанное им волеизъявление приобретает силу обязательства, либо не осуществлять указанные права, сохранив за собой свободу распоряжения имуществом на случай смерти. Так, например, в берлинском завещании переживший супруг, став наследником, связан обязательством передать имущество по наследству совместным детям. Прекращается совместное завещание либо прекращением брака по иным основаниям, чем смерть, либо обращением одного из супругов с иском о расторжении брака. Совместное завещание может быть написано собственноручно, от руки, а также в форме нотариально удостоверенного публичного завещания [4, с. 54 – 55] Отсюда германское наследственное право рассматривает совместное завещание супругов как согласованную, как правило, взаимообусловленную, многостороннюю сделку.

Согласно английскому праву совместное завещание может изменить в течение жизни любой из супругов либо полностью отменить содержание завещания, однако после смерти одного из супругов переживший супруг не вправе изменять или отменять завещание, в том числе и в тех случаях, когда подобные изменения не приносят ему никакой выгоды. В английском праве действует определенное правило, согласно которому каждый из супругов указывает другого в качестве наследника с одновременным подназначением других наследников, которыми, как правило, выступают общие дети. Итак, законодательство выше перечисленных стран допускает право совместного распоряжения супругами имуществом и право передачи совместного имущества пережившему супругу, однако одновременно защищает распоряжение имуществом скончавшегося супруга от возможности внесения изменений или отмены пережившим супругам совместного завещания.

Условия совместного завещания супругов действуют в части, не противоречащей правилам ГК РФ об обязательной доле в наследстве, в том числе об обязательной доле в наследстве, право на которую появилось после составления совместного завещания супругов, а также о запрете наследования недостойными наследниками (ст. 1117 ГК РФ). После смерти пережившего супруга право наследования имеют лица, определенные супругами в совместном завещании.

Необходимо отметить, что совместное завещание не имеет преимущества над правилами об обязательной доле в наследстве, а также о запрете наследования недостойными наследниками [5].

Законодатель наделяет каждого из супругов правом в любое время совершить последующее завещание, а также отменить совместное завещание супругов. В таком случае при удостоверении последующего завещания одного из супругов, распоряжения одного из супругов об отмене совместного завещания при жизни обоих супругов, а также принятия закрытого последующего завещания одного из супругов нотариус обязан направить другому супругу в порядке, предусмотренном законодательством о нотариате и нотариальной деятельности, уведомление о факте совершения таких последующих завещаний или об отмене совместного завещания супругов (п. 4 ст. 1118 ГК РФ). Совместное завещание супругов не может быть отменено или изменено после смерти одного из супругов. Аналогичные нормы содержатся в ст. 1347 ГК Грузии, ст. 1164 ГК Туркменистана и др. Также согласно ГГУ при жизни одного супруга другой не может отменить своё прежнее взаимосвязанное распоряжение в одностороннем порядке новым распоряжением на случай смерти. Отмена распоряжений супругов в результате развода производится при жизни супругов путём подачи заявления об отказе от договора, это заявление должно быть нотариально удостоверено [6, с. 36].

Вплоть до XIV в. завещание в России выражалось в устной форме. Затем оно проходило этапы преобразования, и с 1923 г. основной формой стало нотариально удостоверенное письменное завещание, которое действует по сей день. Для действительности совместного завещания, как особого института, в котором выражается воля двух лиц – супругов в соответствии с п. 1 и 2 ст. 1125 ГК РФ даны специальные указания. В частности, совместное завещание, которое удостоверяется нотариусом должно быть передано нотариусу обоими супругами или записано с их слов нотариусом в присутствии обоих супругов. В процессе составления совместного завещания могут быть использованы технические средства. Если совместное завещание написано одним из супругов, то до его подписания оно должно быть полностью прочитано другим супругом в присутствии нотариуса. Если завещатель не в состоянии лично прочитать завещание, его текст оглашается для него нотариусом, о чем на завещании делается соответствующая надпись с указанием причин, по которым завещатель не смог лично прочитать завещание. При удостоверении совместного завещания супругов нотариус обязан осуществлять видеофиксацию процедуры совершения совместного завещания супругов, если супруги не заявили возражение против этого (п. 5.1 ст. 1125 ГК РФ).

Известно, что как в Гражданском кодексе России, так и в юридической литературе сформулированы однозначные понятия о принадлежности завещания к односторонним сделкам, но вопрос о принадлежности совместного завещания, согласно п. 5 ст. 1118 ГК РФ, к односторонним сделкам не является целесообразным. Односторонний характер завещания обусловлен тем,

что ее составителем является один наследодатель – физическое лицо, обладающее полной дееспособностью и выражающее свободно волю в момент составления завещания. Но в отличие от иных односторонних сделок, оно отличается тем, что завещание не порождает никаких прав и обязанностей для ее составителя, а целью завещания является достижение правовых последствий. Отсюда следует отметить, что совместное завещание исходя из числа участников – двух лиц – супругов, выражающих волю о наследовании совместного имущества, является многосторонней сделкой.

В соответствии со ст. 34 Семейного кодекса РФ определяется режим совместной собственности супругов, судьбу которой на случай смерти по соглашению решают супруги совместным завещанием. Исходя из этого, считаю, что совместное завещание супругов будет одним из документов, который поможет супругам избежать семейные споры по поводу распоряжения совместной собственностью, нажитого во время брака.

Совместное завещание супругов утрачивает силу при расторжении брака и признании брака недействительным.

Причем это может случиться как до смерти одного из супругов, так и после. В соответствии с п. 2 ст. 1131 ГК РФ при жизни супругов их совместное завещание может быть оспорено по иску любого из супругов. После смерти одного из супругов совместное завещание может быть оспорено по иску лица, права или законные интересы которого нарушены этим завещанием. Оспорить совместное завещание заинтересованные лица могут также и после смерти пережившего супруга.

Таким образом, исследования показали, что введение института совместного завещания супругов, безусловно, имеет свои положительные результаты, к которым можно отнести расширение диспозитивности наследственно-правовых отношений, выражающиеся в том, что супруги имеют возможность совместно распределять наследникам имущество, нажитое в период брака, во избежание споров между наследниками в будущем. Введение в наследственное право РФ новейшего института совместного завещания отвечает потребностям общества и способствует как дальнейшему развитию, так и расширению действия принципа свободы завещания, которое закреплено в ст. 1119 ГК РФ. Действительно, институт совместного завещания в настоящее время не теряет своей актуальности, и надеемся, что завещание станет одним из правовых документов, решающих вопрос о принятии наследства на случай смерти наследодателей.

Список литературы

1. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. Т. 3. М., 2006.
2. Гришаев С.П. Наследственное право. – М.: Правовая культура, 2005.
3. Барков Р.А., Блинков О.Е. Формальная действительность завещания как акта реализации активной завещательной правосубъектности (сравнительно-правовой аспект). Наследственное право. М. Юрист, 2013. № 3.

4. Гонгало Ю.Б., Михалев К.А., Петров Е.Ю., Путинцева Е.П. Основы наследственного права России, Франции, Германии. М., 2015.

5. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации,» от 19.07.2018 г. № 217-ФЗ // Рос. газ. 2018. 25 июля.

6. Наследование по завещанию в России и Германии: сравнительно-правовой анализ / Е.В. Вершинина, Е.В. Кабатова, А.А. Шишкина // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 6.

Об авторе:

НИНУА Екатерина Кинтушаевна – доктор права, ассоциированный профессор Государственного университета Акакия Церетели, г. Кутаиси.

FEATURES OF THE JOINT WILL OF THE SPOUSES

E.K. Ninua

State University of Akaki Tsereteli

The article deals with the introduction into the Russian inheritance law of the institution of joint will of spouses. The study of this issue is carried out on the basis of the comparative legal method, which analyzes the problematic aspects of the legislative consolidation of the institution of joint will of spouses of different states. At the same time, the work notes those positive moments that are due to the conclusion of a joint will of the spouses.

Key words: *Inheritance law, will, spouses, joint will of spouses, property, Notary.*

About the author:

NINUA Ekaterina Kintushaevna – doctor of Law, associate professor, State University of Akaki Tsereteli.

ОГРАНИЧЕНИЕ В РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВАХ: ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

И.И. Ординарцев

Прокуратура г. Москвы

Автор анализирует положения законопроекта, направленного на укрепление института семьи, в части совершенствования института ограничения родительских прав. Признавая целесообразность изменения перечня оснований и порядка ограничения в родительских правах, автор подчеркивает необходимость соблюдения единого подхода в применении к родителям мер семейно-правовой ответственности.

Ключевые слова: ограничение в родительских правах; укрепление института семьи; семейно-правовая ответственность.

Несколько последних лет Семейный кодекс Российской Федерации [1] (далее – СК РФ) находится буквально «под обстрелом» при обсуждении практически любой из тем, вызывающих общественный резонанс. Суррогатное материнство и предположения о продаже детей, фактическое сожителство и однополые браки, конфликты между учителями и учениками и проблема воспитания подрастающего поколения и т.п. В определенной степени следует признать социальную значимость обсуждаемых вопросов с точки зрения проблематики содержания семейных правоотношений. Семья, как социальный институт, подвержена общим тенденциям изменения социального строя, в связи с чем, очевидно, нуждаются в определенных изменениях принципы и формы правового регулирования данной сферы общественных отношений. Семья – это естественная среда комфорта, именно в семье ребенок и другие члены семьи чувствуют свою защищенность, что, однако, предполагает соблюдение прав и интересов других лиц, исключает злоупотребление семейными правами.

Достаточно активно научное сообщество и общественность обсуждают несколько законопроектов, направленных на укрепление института семьи посредством внесения изменений и дополнений как в СК РФ, так и в другие законодательные акты [5]. Отметим, что институт ограничения в родительских правах, по мнению авторов основного законопроекта, также нуждается в совершенствовании [6].

Согласимся, положения ст. 73–76 СК РФ далеко не безупречны, о чем автор настоящей статьи неоднократно отмечал [7, 8].

Прежде всего, основания для ограничения родителей (одного из них) в родительских правах. В настоящее время основанием может стать как виновное, так и невиновное поведение родителей, поскольку в п. 2 ст. 73 СК РФ названы и обстоятельства, которые не зависят от родителей (психическое расстройство или иное хроническое заболевание, стечение тяжелых обстоятельств и другое). Безусловно, использование оценочных

категорий позволяет правоприменителю, с одной стороны, учитывать обстоятельства конкретной ситуации исходя из интересов ребенка, но, с другой стороны, не стоит исключать и некомпетентную оценку «стечения тяжелых обстоятельств», что, наоборот, может повлечь нарушение прав и интересов как ребенка, так и его родителей.

Обозначая еще одно основание для ограничения в родительских правах, законодатель опять-таки оставляет правоприменителю возможность свободы толкования: если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для ребенка, но не установлены достаточные основания для лишения родителей (одного из них) родительских прав.

Кстати, Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняя предусмотренные СК РФ основания для ограничения родительских прав, подчеркивает: «11. Решая вопрос об ограничении родительских прав, суду следует исходить из характера и степени опасности, а также возможных последствий для жизни или здоровья ребенка в случае оставления его с родителями (одним из них), а также учитывать иные обстоятельства (в частности, при виновном поведении родителей (одного из них), создающем опасность для ребенка, – осознают ли родители виновность своего поведения и имеют ли стойкое намерение изменить его в лучшую сторону, какие конкретные меры намереваются предпринять либо предприняли в целях исправления своего поведения» [4].

Авторы указанного ранее законопроекта предлагают ограничивать родителей в родительских правах только при виновном их поведении и по предусмотренным основаниям, если при этом отсутствуют основания для лишения родительских прав. Таким образом, принципиально обозначается только виновное поведение родителей (одного из них). Предложенный в законопроекте перечень оснований для ограничения родителей (одного из них) в родительских правах имеет характер закрытого. Однако применение предусмотренных оснований, на наш взгляд, может сопровождаться рядом вопросов.

В частности, авторы законопроекта в качестве одного из оснований ограничения в родительских правах указывают «уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе при неоднократной неуплате без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств на содержание несовершеннолетних детей». Заметим, что применение мер административной [3] и уголовной [2] ответственности за неуплату алиментов на содержание несовершеннолетних детей предполагает установление состава соответствующего правонарушения. Значит ли это, что при ограничении родительских прав суд будет руководствоваться теми же критериями, характеризующими уклонение родителей от выполнения обязанностей, неоднократность деяния?

Необходимо подчеркнуть, что авторы анализируемого законопроекта предлагают кардинально изменить существующую систему семейно-правовой ответственности родителей.

В частности, лишение родительских прав предлагается рассматривать в качестве крайней меры семейно-правовой ответственности родителей, которая применяется в тех случаях, когда «защитить права и законные интересы детей иным путем невозможно». При этом устанавливаются два основания для лишения родительских прав: а) обвинительный приговор суда и иные акты, свидетельствующие о совершении родителем преступления против жизни или здоровья либо против половой неприкосновенности и половой свободы своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи, либо против половой неприкосновенности и половой свободы указанных лиц; б) истечение срока ограничения родительских прав, если до истечения указанного срока ограничение не было отменено судом.

Стоит согласиться с таким предложением, поскольку лишение родительских прав должно быть именно крайней мерой семейно-правовой ответственности родителей, в то время как ограничение в родительских правах, с одной стороны, выступает способом защиты прав и интересов ребенка на определенный период и, с другой стороны, своеобразной профилактической мерой для родителей.

Предлагаемый в законопроекте перечень оснований для ограничения в родительских правах практически полностью воспроизводит перечень оснований для лишения родительских прав, предусмотренный в ст. 69 СК РФ, за некоторым исключением и уточнением. Кроме отмеченного нами уклонения от выполнения обязанностей родителей, предлагается ограничивать в родительских правах, если родители злоупотребляют своими правами, что выражается в вовлечении детей в совершение преступлений, правонарушений или иных антиобщественных действий.

На наш взгляд, спектр возможных форм и способов злоупотребления родительскими правами гораздо шире. Самые яркие примеры злоупотребления родительскими правами, причем каждым из родителей, могут быть продемонстрированы при проживании ребенка отдельно с одним из них. Фактическое преимущество в осуществлении родительских прав родителем, с которым проживает ребенок, создает предпосылки для злоупотребления им своими родительскими правами. Анализ материалов правоприменительной практики по данной категории споров дает основания утверждать, что в подобной ситуации могут быть основания для ограничения соответствующего родителя в родительских правах. В связи с этим полагаем, что нецелесообразно раскрывать непосредственно в норме закона, тем более исчерпывающим образом, что включает в себя злоупотребление родительскими правами. В п.16 отмечен-

ного ранее постановления Пленум ВС РФ разъясняет: «Под злоупотреблением родительскими правами следует понимать использование этих прав в ущерб интересам детей, например, создание препятствий к получению ими общего образования, вовлечение в занятие азартными играми...». Соглашаясь с предлагаемой новой концепцией семейно-правовой ответственности родителей, полагаем, что не стоит изменять устоявшееся понимание возможных форм и способов злоупотребления родительскими правами, устанавливая в СК РФ исчерпывающим образом формы злоупотребления.

Вполне обоснованным видится предложение авторов об установлении срока ограничения в родительских правах – до шести месяцев, что в действующей редакции ст. 73 СК РФ имеет сложный алгоритм реализации.

Решение суда об ограничении родителей (одного из них) в родительских правах может повлечь и дополнительные последствия. В частности, суд может обязать родителя, страдающего хроническим алкоголизмом или наркоманией, пройти соответствующее лечение. Тем самым авторы законопроекта допускают возможность установления принудительного лечения, как говорится: «ничего нового, все хорошо забытое старое». Согласимся, реанимирование такого подхода к организации системы оказания медицинской помощи гражданам будет свидетельствовать о смещении баланса частных и публичных интересов в сфере осуществления семейных прав граждан.

Кроме того, предполагается, что суд может установить запрет не только на общение родителя, ограниченного в родительских правах, с ребенком, но и на получение родителем из различных организаций информации о ребенке, если такое общение и (или) получение информации не соответствует законным интересам ребенка. Авторы законопроекта предлагают п. 1 ст. 74 СК РФ изложить в следующей редакции: «Родитель со дня вступления в законную силу решения суда об ограничении его родительских прав утрачивает право на совместное проживание с ребенком, право на личное воспитание ребенка, если суд примет решение о запрете его общения с ребенком, а также право на льготы и государственные пособия, установленные для граждан, имеющих детей». Таким образом, родитель, ограниченный в родительских правах, может быть одновременно ограничен и в праве пользования жилым помещением, в котором, допустим, проживает другой родитель и ребенок.

Безусловно, рассматривая ограничение в родительских правах как превентивную по своей сути меру семейно-правовой ответственности, следует исходить из возможности общения ребенка с родителем, ограниченным в родительских правах, дабы не нарушить вообще отношения между родителем и ребенком. Порядок общения ребенка с родителем, ограниченным в родительских правах (в том числе его периодичность, продолжительность, форма общения), по замыслу авторов законопроекта, определяется лицом, на попечении которого находится ребенок,

или администрацией организации, в которой находится ребенок. При этом в п. 3 ст. 75 СК РФ предлагается предусмотреть: «Споры по вопросам общения с ребенком родителя, ограниченного в родительских правах, разрешаются органами опеки и попечительства или судом». Представляется, что законодатель должен следовать общим принципам регулирования семейных отношений, в том числе и разрешения споров между родителями. Поскольку в данной ситуации один из родителей проживает отдельно от ребенка, следует применять правило п. 2 ст. 66 СК РФ: спор должен разрешать суд с участием органа опеки и попечительства.

Безусловно, некоторые из содержащихся в анализируемом законопроекте предложения о применении ограничения в родительских правах нуждаются в доработке и коррективах, однако презентованную концепцию семейно-правовой ответственности родителей следует воспринимать как позитивно обоснованную с позиции укрепления института семьи.

Список литературы

1. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 января 1996 г. № 1. Ст. 16.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, ст. 157 // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, ст. 5.35.1 // Собрание законодательства Российской Федерации от 7 января 2002 г. № 1 (часть I) ст. 1.

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 года № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» // СПС «Консультант-Плюс».

5. Проект закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» // sozd.duma.gov.ru/bill/989011-7.

6. Проект закона «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях укрепления института семьи» // sozd.duma.gov.ru/bill/989011-7.

7. Ординарцев И.И. Ограничение родительских прав как институт семейного права Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

8. Ординарцев И.И. Классификация оснований ограничения родительских прав в Семейном кодексе Российской Федерации // Проблема гармо-

низации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. школа докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Ильиной: монография. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2015. С. 303–315 и др.

Об авторе:

ОРДИНАРЦЕВ Игорь Игоревич – кандидат юридических наук, прокурор прокуратуры города Москвы.

RESTRICTION IN PARENTAL RIGHTS: PROSPECTS FOR A LEGISLATIVE INITIATIVE

I.I. Ordinartsev

The author analyzes the provisions of the draft law aimed at strengthening the institution of the family, in terms of improving the institution of restricting parental rights. Recognizing the advisability of changing the list of grounds and the procedure for limiting parental rights, the author emphasizes the need to observe a unified approach in applying measures of family legal responsibility to parents.

Key words: restriction in parental rights; strengthening the institution of the family; family legal responsibility.

About the author:

ORDINARTSEV Igor Igorevich – candidate of legal sciences, prosecutor of the Moscow city prosecutor's office.

РОДИТЕЛИ, СТРАДАЮЩИЕ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ: ОГРАНИЧЕНИЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ ИЛИ АДЕКВАТНЫЕ МЕРЫ ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ

О.А. Русаковская

Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и наркологии им. В.П. Сербского Минздрава России,
Московский государственный психолого-педагогический университет,
г. Москва

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках
научного проекта № 18-013-00921 А*

Описаны результаты исследования родителей, страдающих хроническими психическими расстройствами, находящихся под диспансерным наблюдением. Показано, что большинство из них достаточно справляется с воспитанием детей. Своевременное и адекватное оказание психиатрической и социальной помощи родителям, страдающим психическими расстройствами, рассматривается как наиболее адекватная мера профилактики опасных для жизни и здоровья ребенка или вредных для его психического здоровья последствий.

Ключевые слова: *родитель, психическое расстройство, ограничение родительских прав, психиатрическая помощь, недобровольная госпитализация.*

Психические расстройства включают множество проявляющихся различным образом и по-разному протекающих заболеваний, для которых, по определению ВОЗ, характерно «сочетание аномальных мыслей, представлений, эмоций, поведенческих реакций и отношений с окружающими». Согласно ст. 5 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» от 02.07.1992 г. № 3185-1 лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами. Ограничение прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами Российской Федерации. Одним из таких ограничений в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами, является ограничение родительских прав, основанием для которого может являться опасность оставления ребёнка с родителем по обстоятельствам, от родителей (одного из них) не зависящим, к которым причислены и психические расстройства (ст. 73 СК ЗФ). При этом, как разъясняется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44, решая вопрос об ограничении родительских прав, суду следует исходить из характера и степени опасности, а также возможных последствий для жизни или здоровья ребенка в случае оставления его с родителями (одним из них). К сожалению, регулярно проводимый

анализ судебной практики по спорам о воспитании не учитывает, по какому из двух оснований было применено ограничение родительских прав: по обстоятельствам, от родителей не зависящим (и в каких из этих случаев вследствие психического расстройства), или вследствие их виновного поведения и отсутствия оснований для лишения родительских прав. Как нам представляется, лица, страдающие психическими расстройствами, составляют менее четверти от всех ограниченных в родительских правах граждан [6]. С другой стороны, согласно Конституции РФ, забота о детях и их воспитании – равное право и обязанность родителей, что выносит данный вопрос из сферы частных в сферу публичных интересов и предполагает наличие должного в деятельности родителя, направленной на воспитание ребенка [3, 1].

Есть ли основания для более широкого применения в отношении родителей, страдающих психическими расстройствами, такой меры, как ограничение родительских прав в целях защиты жизни и здоровья детей?

Для ответа на данный вопрос нами было проведено обследование лиц, находящихся под диспансерным наблюдением в связи с наличием хронического и затяжного психического расстройства с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями и имеющих детей от 0 до 18 лет. Исследование проводилось в рамках более масштабного проекта, получившего финансовую поддержку РФФИ, на базе одного из психоневрологических диспансеров г. Москвы. Среди пациентов, находящихся под диспансерным наблюдением в 2018 г., были выявлены все, имеющие детей от 0 до 18 лет. Таковых оказалось 72 человека. Средний возраст родителей составил 39 ± 6 лет. Матери составляли 77,8%, отцы – 22,2%, что, по-видимому, связано с тем, что мужчины, заболевшие психическим расстройством, реже создают семью и имеют детей. 59,7% родителей имели одного ребенка, 29,2% – двух детей, 11,1% – трех и более детей. Одного из таких многодетных родителей опишем более подробно. Мужчина в детстве отставал в развитии, не справлялся с общеобразовательной программой. После окончания «вспомогательной» школы получил специальность сварщика. В 20 лет заболел шизофренией, в течение двух лет перенес три кататоно-онейроидных приступа, во время которых галлюцинировал, чувствовал себя «помощником Бога», считал, что «управляет Вселенной». В последующем при обострениях заболевания слышал в голове «голоса» комментирующего характера. Несмотря на заболевание, в 24 года женился, в браке имеет 6 детей, старшему из которых в настоящее время 25 лет. После рождения 4-го ребенка переехал с женой и детьми из Москвы за город, там организовал фермерское хозяйство, которым занимается вместе со старшими сыновьями. Отношения с детьми хорошие. В последние 10 лет в психиатрические больницы не госпитализировался. Наличие «голосов» при регулярных осмотрах психиатром отрицает, поведением не обнаруживает. Поддерживающую терапию принимает. Психическое состояние определяется ремиссией.

В связи с тем, что среди лиц молодого возраста, находящихся под диспансерным наблюдением, преобладают пациенты, страдающие шизофренией, не удивительно, что и среди лиц, имеющих детей, данная нозология составила 81,9%. Большинство пациентов наблюдались у психиатра в течение длительного времени, 60% имели инвалидность второй группы в связи с наличием психического расстройства.

За последние три года более 45% пациентов не нуждались в лечении в стационаре, их состояние характеризовалось устойчивой лекарственной ремиссией достаточно хорошего качества; 26% однократно находились на стационарном лечении, 29% пациентов были госпитализированы дважды и большее количество раз.

82% родителей проживали вместе со своими детьми и участвовали в их воспитании. 6 родителей (8,3%) были ограничены в родительских правах. Несмотря на то, что диспансерное наблюдение устанавливается в случаях хронических и затяжных психических расстройств с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, большинство пациентов, оценивались участковыми врачами как «достаточно хорошие родители», оставление с которыми опасности для детей не представляет. По мнению участковых врачей-психиатров, 37,5% родителей полностью справлялись с родительскими обязанностями, 38,9% справлялись достаточно при поддержке других членов семьи, 23,6%, с родительскими обязанностями не справлялись. В последнюю группу входили все родители, ограниченные в родительских правах; родители, проживающие отдельно от ребенка и не участвующие в его воспитании; 3 матери, проживающие совместно с ребенком и другими родственниками, и практически устранившиеся от воспитания.

В качестве примера «хорошего родительства» приведем описание следующего случая. Пациентка имеет двоих дочерей 10-ти и 4-летнего возраста. Наследственность отягощена: мать пациентки страдает параноидной шизофренией, отец – алкоголизмом. Родилась в асфиксии, отставала в речевом развитии, по характеру формировалась возбудимой, конфликтной. В связи с задержкой развития с 3 лет наблюдалась психиатром. С 5 лет появились нелепости в поведении: сжигала деньги, мучила животных, были вспышки злобы, агрессии. С 6 лет отмечались страхи. В поведении была манерна, обидчива, импульсивна; в школе училась слабо; с 12 лет стала уходить из дома, бродяжничала. В 14 лет впервые была госпитализирована в психиатрическую больницу, где ее состояние определялось эмоциональной измененностью, нарушениями мышления по эндогенному типу, психопатоподобным поведением. Был установлен диагноз «Шизофрения псевдопсихопатическая». В 16 лет привлекалась к уголовной ответственности за кражу, была признана невменяемой. 2 года находилась на принудительном лечении, в дальнейшем переведена на амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра. На фоне проводимого лечения в течение нескольких лет выровнялось настроение, стала упорядочена в поведении, была достигнута стойкая ремиссия за-

болевания. В 22 года забеременела, родила дочь, вышла замуж за отца ребенка. В последующем от желанной, планированной супругами беременности родила второго ребенка. Отношения в семье ровные. Пациентка занимается домашним хозяйством, воспитанием дочерей, привязана к ним. Психическое состояние определяется нерезко выраженными признаками эмоционального обеднения и снижения энергетического потенциала, склонностью к астено-невротическим проявлениям, некоторой ригидностью. О прошлом говорит следующее: «Все дела молодости и глупость... не надо было этого делать, столько времени потрачено впустую». Случай показателен в плане того, что достижение ремиссии и вполне благополучное родительство возможно даже при изначально неблагоприятном его прогнозе.

В качестве примера неспособности выполнять родительские обязанности приведем описание следующего клинического случая. Женщина, 1982 г.р., в раннем развитии не отставала, окончила школу, получила высшее образование. По специальности не работала, проживала с сожителем, родила четырех детей, с воспитанием которых не справлялась. Когда старшему ребенку было 13 лет, а младшему 5, была лишена родительских прав. После этого впервые обратилась к психиатру. При осмотре эмоционально была изменена, мимика была галлюцинаторной, контакт носил формальный характер, в переживаниях была недоступна, заявляла, что будет «бороться за права детей». В добровольном порядке женщина была госпитализирована для обследования и лечения в психиатрическую больницу, где ей был установлен диагноз «Шизотипическое расстройство». После выписки диспансер не посещала, поддерживающую лекарственную терапию не принимала. Через год родила пятого ребенка, уход за которым не осуществляла. Мать пациентки обратилась в ПНД с заявлением о ее освидетельствовании врачом-психиатром. При осмотре больной на дому ее психическое состояние определялось наличием продуктивной симптоматики, выраженными изменениями в эмоционально-волевой сфере. Ей был поставлен диагноз «Шизофрения параноидная», установлено диспансерное наблюдение, определена вторая группа инвалидности. В последующем в отношении младшего ребенка пациентка была ограничена в родительских правах. Данный случай является достаточно показательным в двух аспектах. Во-первых, родитель, не исполняющий родительских обязанностей вследствие независимых от него причин, не может быть лишен родительских прав в связи с отсутствием в его действиях или бездействии виновного поведения. Наша же пациентка, несмотря на наличие у нее психического расстройства, была лишена родительских прав, поскольку на тот момент диагноз ей установлен еще не был. Во-вторых, законодательное регулирование порядка оказания психиатрической помощи, а именно ее добровольный характер, не позволяет использовать в полной мере амбулаторную психиатрическую помощь как инструмент профилактики, во всяком случае, в отношении пациентов, не подлежащих диспансерному наблюдению.

Таким образом, как показало проведенное исследование, даже среди родителей, находящихся под диспансерным наблюдением, основаниями для

которого являются тяжелые психические расстройства, большинство воспитывает своих детей, справляется с родительскими обязанностями.

Динамика психического расстройства у каждого пациента зависит от множества факторов, в связи с чем неблагоприятный отдаленный прогноз в плане способности пациента в последующем быть достаточно хорошим родителем часто не подтверждается. Современные методы лекарственной терапии достаточно эффективны и во многих случаях позволяют добиться хорошей ремиссии.

Воспитание детей для многих родителей, страдающих психическим расстройством, равно как и для психически здоровых родителей, часто является ведущей и смыслоопределяющей деятельностью.

В период обострения психического заболевания родители по своему психическому состоянию могут представлять опасность для себя и окружающих, в том числе для своих детей. Адекватной мерой, направленной на защиту интересов ребенка, в таких случаях является лечение в условиях психиатрического стационара, в том числе в недобровольном порядке в соответствии со ст. 29, 32 – 36 «Закона о психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании». При этом наличие у гражданина малолетних детей, на наш взгляд, должно было бы рассматриваться врачами-психиатрами и судом как фактор, расширяющий основания для недобровольной госпитализации.

Таким образом, своевременное и адекватное оказание психиатрической помощи родителям, страдающим психическими расстройствами, представляется в большинстве случаев наиболее адекватной мерой профилактики опасных для жизни и здоровья ребенка или вредных для его психического здоровья последствий.

При рассмотрении судом исковых заявлений об ограничении родительских прав родителей, страдающих психическими расстройствами, возможно назначение судебно-психиатрической или комплексной психолого-психиатрической экспертизы, предметом которой является оценка клинико-психопатологических и психологических факторов, определяющих опасность оставления ребенка с родителем [4, 5, 6]. Назначение судебных экспертиз в подобных случаях может способствовать вынесению более обоснованных судебных решений [2].

Список литературы

1. Замрий О.Н. Злоупотребление интересом в семейных правоотношениях между родителями и детьми: монография. Тверь, 2018. 182 с.
2. Ильина О.Ю., Русаковская О.А. Об использовании специальных знаний при рассмотрении судебных споров о воспитании детей родителями, проживающими раздельно // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. № 4 (60). С. 127–136.
3. Ильина О.Ю. Проблема гармонизации частных и публичных интересов в семейном праве Российской Федерации. Науч. школа докт. юрид. наук, проф. О.Ю. Ильиной: монография. М., 2015. 431 с.

4. Оценка способности лиц с психическими расстройствами к осуществлению родительских прав: Методические рекомендации / Н. К. Харитоновна, Ф. С. Сафуанов, Е. В. Королева и др. // *Психическое здоровье*. 2014. № 6. С. 3–12.

5. Русаковская О.А. Судебно-психиатрическая оценка способности выполнять родительские обязанности у лиц с психическими расстройствами // *Девиантология родительства: Сб. научн. тр. Институт изучения детства, семьи и воспитания РАО / Под ред. Е.В. Кукановой*. М., 2016. С. 141–150

6. Русаковская О.А. Проблемы судебно-психиатрической экспертизы по искам об ограничении родительских прав лиц с психическими расстройствами. Научный обзор // *Российский психиатрический журнал*. 2018. № 6. С. 27–34.

Об авторе:

РУСАКОВСКАЯ О.А. – старший научный сотрудник, ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского» Минздрава России, доцент кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва.

PARENTS, SUFFERING FROM MENTAL DISORDERS: RESTRICTION OF PARENTAL RIGHTS OR RELEVANT PSYCHIATRIC CARE AND SOCIAL SUPPORT

FSBI National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbian "Ministry of Health of Russia, FSBEI HE "Moscow State Psychological and Pedagogical University", Moscow

The article presents the results of investigation of parents under long-term psychiatric observation. Most of them were assessed as good-enough parents. Relevant psychiatric treatment and social support are accounted to be mostly relevant preventive measure for child protection.

Key words: *Parent, mental disorder, restriction of parental rights, psychiatric care, civil commitment.*

About the author:

RUSAKOVSKAYA O.A. – Senior Researcher, FSBI National Medical Research Center for Psychiatry and Narcology named after V.P. Serbian of the Ministry of health of Russia, Associate Professor of the Department of Clinical and Forensic Psychology of the Faculty of Legal Psychology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Moscow State Psychological and Pedagogical University", Moscow.

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Т.М. Русенчик

Белорусский государственный университет, г. Минск

В статье рассматриваются особенности договорного регулирования семейных отношений, возникающих при расторжении брака супругами, а также отношений родителей, связанных с воспитанием и содержанием их несовершеннолетних детей. Анализируется действующее законодательство Республики Беларусь по вопросам заключения брачного договора, соглашения о разделе имущества, соглашения о детях, соглашения об уплате алиментов.

Ключевые слова: договорное регулирование, семейные отношения, супруги, родители, дети, брачный договор, соглашение о разделе имущества, соглашение о детях, соглашение об уплате алиментов.

Современное семейное право характеризуется расширением сферы договорного регулирования отношений в семье. Явившись результатом изменений в социально-экономической сфере, договорное регулирование семейных отношений заняло свое место в реальной действительности [3, с. 100].

В настоящее время договорное регулирование семейных отношений супругов, а также родителей и детей в Республике Беларусь представлено следующими видами соглашений (без учета соглашений, заключаемых в сфере устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей):

- Брачный договор (ст. 13 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З (далее – КоБС));
- соглашение о разделе имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов (далее – Соглашение о разделе имущества) (ч. 3 ст. 24 КоБС).
- Соглашение о детях (ст. 76-1 КоБС);
- соглашение о содержании своих несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (далее – Соглашение об уплате алиментов (ст. 103-1 КоБС)).

Семейные правоотношения отличаются от гражданских тем, что имеют особые основания возникновения, особый субъектный состав, особое содержание и ряд других особых признаков, что в случае заключения перечисленных соглашений не позволяет в полной мере применять гражданско-правовой режим регулирования [1, с. 30]. Это указывает на то, что, во-первых, все выше названные соглашения имеют семейно-правовую природу, во-вторых, предоставление возможности заключения указанных соглашений свидетельствует о расширении диспозитивного начала в регулировании именно семейных правоотношений.

Следует отметить, что супруги (родители), заключив вышеперечисленные соглашения, вправе урегулировать все или отдельные (наиболее значимые для них) вопросы. При этом указанные субъекты обладают правом свободы выбора. Во-первых, урегулировать все вопросы путем заключения одного из соглашений (например, брачного договора). Во-вторых, разрешить вопросы, последовательно заключая несколько соглашений в различном сочетании (например, брачный договор и соглашение о детях либо брачный договор и соглашение об уплате алиментов). Однако следует учитывать, что при заключении нескольких соглашений вопросы, регулируемые в них, не должны дублироваться (ч. 3 ст. 24, ч. 1 ст. 76-1 КоБС). В-третьих, урегулировать лишь часть вопросов, заключив одно из соглашений (например, соглашение о разделе имущества), а решение других вопросов предоставить суду в соответствии с законодательством.

Когда в семье согласие и взаимопонимание, серьезных разногласий по вопросам исполнения прав и обязанностей, как правило, не возникает. Возможность заключения того или иного соглашения становится актуальной при возникновении спорных ситуаций между супругами, как правило, в связи с предстоящим расторжением брака, либо между родителями по вопросам осуществления прав и исполнения обязанностей в отношении их несовершеннолетних детей, либо в иных случаях. В этом смысле любое из перечисленных соглашений представляет собой добровольный способ урегулирования взаимных прав и обязанностей супругов в отношении друг друга либо родителей в отношении своих детей. Что также выступает дополнительной гарантией обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей. Заключение любого соглашения при разрешении споров и взаимных претензий между супругами (родителями) является инструментом мирного урегулирования возникших конфликтов, что в числе прочих положительных аспектов влечет снижение нагрузки на судебные органы.

При расторжении брака помимо собственно вопроса о возможности его расторжения у супругов одновременно может возникнуть потребность в разрешении и других вопросов: с кем из родителей (бывших супругов) будут проживать несовершеннолетние дети; порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя; размер алиментов, взыскиваемых на содержание детей; размер содержания, подлежащего взысканию с одного супруга в пользу другого (при наличии права на содержание); о разделе имущества, находящегося в общей совместной собственности супругов (если такой раздел не затрагивает права третьих лиц).

Все перечисленные вопросы являются весьма важными для супругов, расторгающих брак. Закон наделяет их правом разрешить эти вопросы самостоятельно по взаимной договоренности, но с соблюдением предусмотренных законом требований об учете интересов детей (ч. 2 ст. 76-1, ч. 1 ст. 103-4, ст. 103-5 КоБС) и каждого из супругов (абз. 3 п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 22 июня 2000 г. № 5 «О

практике применения судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» (далее – ППВС № 5)).

Первыми в действующем КоБС были закреплены институты Брачного договора и Соглашения о детях. Возможность их заключения появилась с момента вступления КоБС в действие с 1 сентября 1999 года.

Отношения между супругами в целом и имущественные отношения в частности «исторически подвергаются правовой регламентации» [1, с. 28]. Брачный договор заключается лицами, вступающими в брак, или супругами в целях повышения культуры брачных и семейных отношений и ответственности одного супруга перед другим, определения прав и обязанностей супругов в браке и (или) после его расторжения. Законом Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 277-З «Об изменении законов» (далее – Закон № 277-З), который вступил в силу 1 июля 2020 г., в КоБС было закреплено легальное определение Брачного договора. В соответствии с ч. 2 ст. 13 КоБС Брачным договором признается соглашение лиц, вступающих в брак, либо супругов об определении их личных неимущественных и (или) имущественных прав и обязанностей как в период брака, так и после его расторжения. В соответствии с ч. 1 ст. 13-1 КоБС Брачный договор заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению.

При заключении Брачного договора стороны могут урегулировать следующие вопросы (ст. 13 КоБС):

- права и обязанности супругов по взаимному содержанию, в том числе после расторжения брака;
- порядок раздела имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов;
- совместно нажитое имущество, которое будет передано каждому из супругов после расторжения брака;
- условия относительно изменения режима общей совместной собственности супругов путем установления долевой собственности или собственности каждого из супругов на все имущество или на отдельные виды такого имущества;
- условия относительно невозможности признания имущества каждого из супругов их общей совместной собственностью, если в период брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга будут произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция и т.п.);
- виды споров между супругами (бывшими супругами), вытекающих из брачных и семейных отношений, которые могут быть переданы ими на рассмотрение третейского суда или для урегулирования с участием медиатора (медиаторов);
- иные вопросы взаимоотношений между супругами (порядок несения каждым из них семейных расходов и т.п.),
- иные вопросы взаимоотношений между родителями и детьми.

При этом Брачный договор не может ограничивать правоспособность или дееспособность супругов, их право на обращение в суд за защитой своих прав. Он также не должен содержать условий, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства (абз. 3 п. 11 ППВС № 5). В этом контексте дискуссионным остается вопрос о возможности включения в предмет Брачного договора личных неимущественных прав и обязанностей родителей и детей. Во-первых, возникает «конфликт» субъектного состава, поскольку правовые основания возникновения правоотношений супругов и правоотношений родителей и детей различны. Во-вторых, все личные неимущественные права и обязанности, регулируемые законодательством о браке и семье, по своей природе являются элементами правоспособности, которые не могут быть ограничены. В этой связи заслуживает внимания позиция российского законодателя. В частности, в п. 3 ст. 42 Семейного кодекса Российской Федерации справедливо определено, что брачный договор не может регулировать личные неимущественные отношения между супругами, права и обязанности супругов в отношении детей.

Материальная норма, закрепившая возможность заключения Соглашения о разделе имущества, появилась в КоБС с 1 июня 2020 г., когда вступили в силу изменения и дополнения, введенные Законом № 277-З. При этом дефиницию указанного соглашения КоБС не закрепляет. Следует отметить, что исходя из судебной практики (п. 12 ППВС № 5) возможность заключения подобного соглашения существовала и ранее и могла быть реализована в порядке гражданского процессуального законодательства (ст. 460 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь от 11 января 1999 г. № 283-З (далее – ГПК)) для заключения мировых соглашений. В настоящее время законодатель расширил права супругов на заключение данного соглашения. Во-первых, сохранено право на заключение Соглашения о разделе имущества в ходе судебного разбирательства. В этом случае оно заключается в простой письменной форме и предоставляется на утверждение суду (абз. 2 п. 12 ППВС № 5). Во-вторых, в соответствии с ч. 3 ст. 24 КоБС Соглашение о разделе имущества может быть заключено как супругами в период брака, так и бывшими супругами после его расторжения. В таком случае соглашение о разделе имущества заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. Его заключение позволяет произвести раздел имущества, являющегося общей совместной собственностью супругов. Факт нахождения имущества в общей совместной собственности супругов проверяется нотариусом (пункт 60-2 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий, утвержденной постановлением Министерства юстиции Республики Беларусь от 23 октября 2006 г. № 63 (далее – Инструкция о порядке совершения нотариальных действий)). Однако заключить Соглашение о разделе имущества супруги (бывшие супруги) могут при условии, если иное в отношении этого имущества не предусмотрено Брачным договором (ч. 3 ст. 24 КоБС, п. 60-1 Инструкции

о порядке совершения нотариальных действий). Таким образом, под Соглашением о разделе имущества следует понимать соглашение супругов (бывших супругов) о разделе имущества, являющегося их общей совместной собственностью, как в период брака, так и после его расторжения, если иное в отношении этого имущества не предусмотрено Брачным договором.

Соглашение о детях заключается в целях обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних детей. При его заключении стороны могут определить (ч. 2 ст. 76-1 КоБС):

- с кем из них будут проживать дети;
- порядок общения с детьми и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя;
- размер алиментов на детей;
- порядок выезда из Республики Беларусь детей;
- иные вопросы воспитания и содержания детей после расторжения брака.

При этом законодатель не требует, чтобы соглашение регулировало все вопросы [9]. Стороны могут ограничиться регламентацией лишь отдельных положений (например, проживание и порядок выезда). Содержание Соглашения о детях не должно нарушать нормы законодательства. Оно не может ограничивать правоспособность одного из родителей или ребенка [4]. В частности, оно не должно содержать положения, исключающие возможность общения ребенка с другим родителем или близкими родственниками ребенка.

Принципиальным моментом является тот факт, что, начиная с 1 июля 2020 года, возможность заключения Соглашения о детях не привязана к заключению брака между родителями ребенка. Однако если родители ребенка, при этом состоят в брачных отношениях, т.е. они являются супругами, и разногласия по поводу ребенка (детей) возникли между ними именно в связи с расторжением брака, то в соответствии с ч. 4 ст. 76-1 КоБС Соглашение о детях также может быть заключено супругами (родителями ребенка) при расторжении брака в порядке, установленном ГПК для заключения мировых соглашений. В данном случае законодатель также пошел по пути расширения возможности заключения данного соглашения. С одной стороны, если Соглашение о детях заключается родителями вне зависимости от заключения или расторжения брака, то оно заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению. С другой стороны, если Соглашение о детях заключается супругами при расторжении брака, оно заключается в простой письменной форме и предоставляется на рассмотрение суда (абз. 2 п. 12 ППВС № 5).

Суд утверждает Соглашение о детях, если его условия не противоречат закону и не нарушают интересы ребенка, а также права и охраняемые законом интересы других лиц [5]. Следовательно, обязанность проверить, соот-

ветствует ли заключаемое соглашение интересам несовершеннолетних детей, а также выявить мнение ребенка, достигшего десятилетнего возраста, возлагается на суд, у которого для этого есть правовые средства, предусмотренные законодательством. В частности, при разрешении споров, связанных с воспитанием детей, к участию в деле должен быть привлечен орган опеки и попечительства (ст. 86 КоБС). А заключение органа опеки и попечительства может быть учтено судом при вынесении соответствующего решения.

В случае заключения родителями Соглашения о детях в административном порядке (у нотариуса) правовой механизм обеспечения соблюдения интересов детей формально отсутствует, поскольку законодательство не закрепляет правовых средств, с помощью которых нотариус имел бы возможность проверять заключаемое соглашение на предмет соответствия не только формальным требованиям законодательства, но и реальным интересам ребенка. Полагаем, что существующий пробел требует устранения в целях обеспечения права и обязанности нотариуса проверять при удостоверении Соглашения о детях, соответствует ли оно интересам ребенка. С учетом изложенного считаем целесообразным дополнить ч. 1 п. 60-5 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий положением о необходимости истребования заключения органа опеки и попечительства о соответствии удостоверяемого соглашения интересам несовершеннолетнего ребенка и о выявлении мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет.

Родительское правоотношение среди иных видов семейных правоотношений отличается своей длительностью и постоянством. Предполагается, что данное правоотношение с тем или иным содержанием существует в течение всей жизни соответствующих субъектов [2, с. 25].

При этом, согласно действующему законодательству (ч. 1 ст. 76-1 КоБС), при заключении Соглашения о детях родители вправе урегулировать вопросы содержания только в интересах несовершеннолетних детей и только до достижения ими совершеннолетия. Данное положение, на наш взгляд, ограничивает права родителей в отношении интересов своих детей и требует уточнения. Полагаем, целесообразным расширить права родителей при регулировании вопросов содержания детей и распространить сроки действия соглашения о детях не только на период до совершеннолетия детей, но и расширить его действие в отношении совершеннолетних детей, если они по определенным причинам нуждаются в материальном обеспечении и поддержке со стороны родителей.

Следует отметить, что с учетом действующего законодательства родители могут заключить Соглашение о детях только в случае, если эти вопросы не разрешены вступившим в законную силу судебным постановлением или не урегулированы Брачным договором или Соглашением об уплате алиментов (ч. 1 ст. 76-1 КоБС). О чем делается соответствующая удостоверительная отметка в тексте Соглашения о детях (ч. 2 п. 60-5 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий).

Таким образом, полагаем, что под Соглашением о детях следует понимать соглашение, которое заключается родителями несовершеннолетнего ребенка и определяет их личные неимущественные и (или) имущественные права и обязанности, если вопросы, являющиеся предметом указанного соглашения не разрешены вступившим в законную силу судебным постановлением или не урегулированы Брачным договором или Соглашением об уплате алиментов.

Соглашение о детях и Соглашение о разделе имущества, заключаемые супругами при расторжении брака, утверждаются судом в порядке, установленном для заключения мировых соглашений (ст. 285 ГПК).

Институт Соглашения об уплате алиментов был введен в КоБС Законом Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 446-З «О внесении дополнений и изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам взыскания алиментов на детей». Его заключение позволяет урегулировать вопросы о размере, способах и порядке уплаты алиментов (ст. 103-1 КоБС). Соглашение об уплате алиментов заключается между родителем, обязанным уплачивать алименты, и лицом, получающим алименты (ст. 103-1 КоБС). Соглашение об уплате алиментов заключается в письменной форме и подлежит нотариальному удостоверению (ст. 103-2 КоБС).

В тексте Соглашения об уплате алиментов указывается о том, что стороны удостоверяют, что на момент заключения Соглашения не имеется заключенных в установленном законодательством порядке Брачного договора, Соглашения о детях, а также вступившего в законную силу судебного постановления, в которых разрешены вопросы уплаты алиментов на несовершеннолетних и (или) нуждающихся в помощи нетрудоспособных совершеннолетних детей (ч. 3 п. 63 Инструкции о порядке совершения нотариальных действий).

Условия предоставления содержания несовершеннолетнему ребенку и (или) нуждающемуся в помощи нетрудоспособному совершеннолетнему ребенку не должны нарушать их права и законные интересы (ч. 1 ст. 103-4 КоБС). Размер алиментов на несовершеннолетних детей, определенный сторонами в Соглашении об уплате алиментов, не может быть ниже размера алиментов, которые они могли бы получить при взыскании алиментов в судебном порядке (ст. 105-5 КоБС). При этом Соглашение об уплате алиментов на детей в размере большем, чем установлено законом, или продление срока уплаты, например до окончания высшего учебного заведения, признается правомерным (абз. 4 п. 12 ППВС № 5).

В соответствии с правилами Инструкции о порядке совершения нотариальных действий при заключении Брачного договора (п. 55), Соглашения о разделе имущества (п. 60-1), Соглашения об уплате алиментов (п. 61) стороны могут обратиться к любому нотариусу Республики Беларусь. Однако в отношении Соглашения о детях подобное правило не закреплено (глава 10-2 Инструкции о порядке совершения нотариальных

действий), что на наш взгляд, является технической недоработкой законодателя и требует устранения.

Если при подаче искового заявления о расторжении брака либо в ходе рассмотрения дела в суде были заявлены все или отдельные требования, вытекающие из взаимных прав и обязанностей супругов, перечисленные в ст. 39-41 КоБС, суду теперь фактически надлежит выяснить, заключались ли между супругами Брачный договор, Соглашение о разделе имущества, Соглашение о детях либо Соглашение об уплате алиментов, и в случае их наличия при разрешении этих вопросов руководствоваться их условиями. Однако в настоящее время, п. 11 ППВС № 5 упоминает только Брачный договор, что также является технической недоработкой законодателя и требует устранения.

В соответствии с ч. 1 ст. 460 ГПК с 1 июля 2020 г. Брачный договор, Соглашение о детях, Соглашение о разделе имущества, а также Соглашение об уплате алиментов являются основанием для выдачи исполнительного листа. Согласно ранее действовавшему законодательству они являлись исполнительными документами, и подлежали исполнению в порядке, определяемом нормами ГПК.

В случае нарушения указанных соглашений исполнительный документ, выданный на их основании, подлежит исполнению в порядке, установленном законодательством об исполнительном производстве.

Таким образом, следует констатировать, что расширение сферы договорного регулирования семейных отношений в Республике Беларусь в целом требует дальнейшего совершенствования законодательства, в частности уточнения понятийного аппарата, унификации правового регулирования, уточнения отдельных положений.

Список литературы

1. Замрий О.Н. Дисбаланс интересов супругов (бывших супругов) в имущественных отношениях как предпосылка реформирования семейного и гражданского законодательства // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. – № 4 (60). – С. 28–34.

2. Замрий О.Н. Отказ от осуществления родительских прав как форма злоупотребления интересом // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2018. – № 4. – С. 25–33.

3. Низамиева О.Н. К вопросу о перспективах развития договорного регулирования семейных отношений // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, кн.4. – С.100–106.

4. Свит Ю.П. Соглашение о детях как способ определения судьбы детей при расторжении брака // Законы России. 2008. – № 5; [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://center-bereg.ru/d1071.html/> (дата обращения: 09.10.2020).

5. Таранова Т.С. О соотношении соглашения о детях и мирового соглашения // Актуальные проблемы защиты прав несовершеннолетних на современном этапе: материалы Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 4 марта 2020 г. / ред. кол.: Т. С. Таранова (отв. ред.) [и др.]. – РИВШ, 2020. – 148 с. – С. 107–110.

Об авторе:

РУСЕНЧИК Татьяна Марьяновна – старший преподаватель кафедры гражданского права юридического факультета Белорусского государственного университета (220030, г. Минск, ул. Ленинградская, 8), SPIN-код: 4022-6648, e-mail: tarus-m@yandex.ru.

CONTRACTUAL REGULATION OF FAMILY RELATIONS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

T.M. Rusenchyk

Belarusian State University, Minsk

The article discusses the features of the contractual regulation of family relations arising from the dissolution of marriage by spouses, as well as the relationship of parents associated with the upbringing and maintenance of their minor children. The current legislation of the Republic of Belarus on the conclusion of a marriage contract, an agreement on the division of property, an agreement on children, an agreement on the payment of alimony is analyzed.

Keywords: *contractual regulation, family relations, spouses, parents, children, prenuptial agreement, property division agreement, parenting agreement, alimony agreement.*

About the author:

RUSENCHYK Tatiana M. – the Senior Lecturer, Department of Civil Law, Law Faculty, Belarusian State University (8, Leningradskaya St., 220030, Minsk, Belarus), SPIN-code: 4022-6648, e-mail: tarus-m@yandex.ru.

О ПРИМЕНЕНИИ НОРМ КОНВЕНЦИИ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ИЗ СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ОСЛОЖНЕННЫХ ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

Л.В. Саенко

Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
г. Саратов

В статье исследуются вопросы прямого применения норм Конвенции о международной правовой помощи при рассмотрении судами дел из семейных отношений, осложненных иностранным элементом.

Автор приводит примеры таких категорий дел и выявляет основные проблемы в данной сфере. Делает вывод о необходимости дальнейшего научного осмысления и проработки механизма реализации норм международного права, которые регулируют процесс оказания взаимной правовой помощи и формулирует предложения по разработке модельного законодательства.

Ключевые слова: семейное законодательство, семейные отношения, международная правовая помощь.

Прежде чем перейти к рассмотрению вопроса о применении норм Конвенции о международной правовой помощи 1993 г. при рассмотрении дел, проистекающих из семейных отношений, нельзя обойти вниманием общие проблемы оказания международной правовой помощи.

Реализация полномочий в сфере оказания международной правовой помощи представляет собой одно из наиболее приоритетных направлений деятельности Министерства юстиции Российской Федерации.

На страницах журнала «Вестник Тверского государственного университета» мы уже поднимали аналогичные проблемы, и, действительно, от степени организации работы в обозначенной сфере напрямую зависит как правовая защищенность граждан, в том числе обеспечение надлежащей реализации их имущественных и личных неимущественных прав, гарантированных Конституцией [7, с. 268–273], так и имидж Российской Федерации в международных отношениях.

Полномочия в сфере оказания международной правовой помощи характеризуются сложной нормативно-правовой регламентацией, высокими стандартами, предъявляемыми зарубежными партнерами к форме документов подобного рода, а также динамично изменяющейся практикой международного сотрудничества.

В настоящее время деятельность МЮ в сфере оказания международной правовой помощи осуществляется в тесном взаимодействии с учреждениями Пенсионного фонда Российской Федерации; нотариусами, занимающи-

мися частной практикой, мировыми и федеральными судьями, Министерством внутренних дел Российской Федерации, а также другими государственными органами и организациями.

В целях определения масштабов деятельности на рассматриваемом направлении, необходимо обратиться к статистической информации за предшествующие несколько лет.

В таблице представлены сведения Управления МЮ по Саратовской обл. в сфере оказания международной правовой помощи.

Таблица 1

Количество направленных материалов в сфере оказания МПП в 2015 г.	Процентное соотношение показателей в сравнении с 2015 годом			
	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Запросы ГУ-ОПФР – 13	594 (увеличение на 4469,2%)	622 (увеличение на 4684,6%)	686 (увеличение на 5177%)	756 (увеличение на 5715,4%)
Заявления граждан – 27	74 (увеличение на 174%)	314 (увеличение на 1063%)	430 (увеличение на 1493%)	281 (увеличение на 941%)

Как следует из представленных показателей, количество поступающих в Управление материалов в сфере оказания международной правовой помощи периодически возрастает.

Обозначенное свидетельствует о востребованности международного сотрудничества по вопросам оказания правовой помощи.

Вместе с тем, несмотря на достаточно высокую степень нормативного регулирования рассматриваемых вопросов, как на внутригосударственном, так и на международном уровне, существуют и проблемные моменты. Среди основных проблем в рассматриваемой сфере можно обозначить:

Пробелы международно-правового регулирования. Так, с рядом иностранных государств у Российской Федерации отсутствуют международные договоры по вопросам оказания правовой помощи. Одно из наиболее значимых правовых последствий проблем подобного рода – это невозможность признания и принудительного исполнения решений судов, например, о взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей. Решить обозначенную проблему возможно лишь посредством дальнейшего углубления международного сотрудничества в рассматриваемой сфере, дальнейшей интеграции Российской Федерации в международные отношения.

Многоступенчатая процедура международного взаимодействия по рассматриваемым вопросам. Так, преимущественное большинство международных договоров Российской Федерации о правовой помощи предусмат-

ривает направление соответствующих запросов, поручений, ходатайств через центральные органы юстиции, что создает многоступенчатую систему обработки документов в сфере оказания международной правовой помощи. Сроки рассмотрения указанных материалов существенно возрастают.

Значительное количество материалов по оказанию международной правовой помощи, возвращаемых для надлежащего оформления. Среди наиболее распространенных нарушений можно выделить: указание некорректного наименования запрашиваемого государства; отсутствие ссылки на правовое основание оказания международной правовой помощи; недостаток сведений, необходимых для надлежащего исполнения запроса, поручения; неполный комплект документов при направлении поручений о вручении судебных документов, о производстве отдельных процессуальных сведений, ходатайств о признании и разрешении принудительного исполнения судебных решений; разночтения в запросах, поручениях, ходатайствах и приложенных к ним материалов.

Отметим, что международное сотрудничество в целом и оказание международной правовой помощи, в частности, ежегодно увеличивают свое влияние, возрастает документооборот по соответствующим вопросам, равно как и количество лиц, заинтересованных в получении соответствующей помощи.

В качестве особого направления исследуемой тематики можно считать рассмотрение дел, проистекающих из семейных отношений, и осложненных иностранным элементом, а также применение норм Конвенции о международной правовой помощи 1993 г. при рассмотрении и разрешении таких категорий дел.

Основополагающим принципом международного права является принцип взаимного сотрудничества государств. Нормативное содержание этого принципа излагается в «Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами», им насыщено все содержание Устава Организации Объединенных Наций [8]. Оказание правовой помощи является, пожалуй, самой важной формой международного сотрудничества в сфере права.

В современном мире международная правовая помощь характеризуется существенным расширением круга ее субъектов. Как и любой другой субъект международных правовых отношений, Российская Федерация является носителем прав и обязанностей в области международной правовой помощи, в том числе по гражданским и семейным делам. Участие государств во взаимном процессе оказания международной правовой помощи можно считать одной из важнейших форм сотрудничества в международном масштабе, основная цель которого – обеспечение законных прав граждан. Несмотря на тот факт, что значительная часть договоров заключена еще в СССР, все они действуют по настоящее время, не составляет исключения и сфера семейных отношений.

Так, в Уставе СНГ, подписанном в 1993 г., среди целей Содружества были названы «взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правовых отношений». Более развернутую характеристику эти положения нашли в ст. 20 Устава СНГ, где декларируется, что «государства – члены осуществляют сотрудничество в области права, в частности путем заключения многосторонних и двусторонних договоров об оказании правовой помощи, и способствуют сближению национального законодательства».

Применительно к семейно-правовым отношениям между гражданами СНГ особую роль призваны играть многосторонняя Минская конвенция [9] 1993 г. и Протокол к ней 1997 г. В ч. 3 Конвенции «Семейные дела» содержатся «правила о праве, подлежащем применению к заключению брака, правоотношениям супругов, расторжению брака, признанию брака недействительным, установлению и оспариванию отцовства, правоотношениям родителей и детей, усыновлению, а также опеке и попечительству». Эти детальные правила довольно широко применяются в странах СНГ на практике. Особое внимание в Конвенции уделено определению компетенции судебных учреждений государств-участников, рассматривающих споры в области брачно-семейных отношений.

Следует отметить, что нормы Конвенции действительно имеют немаловажное значение не только для процесса оказания международной правовой помощи, но и для принятия судебных решений по существу.

К данному выводу автор пришел, подвергнув анализу более двух десятков дел, рассмотренных Московским городским судом (во второй инстанции, апелляции) в период с 2014 по 2019 гг. Представим наиболее яркие примеры.

Так, например, судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда заслушала в открытом судебном заседании дело по частной жалобе Г.А.В. на определение Савеловского районного суда г. Москвы, которым было постановлено производство по гражданскому делу № 2-8550/13 о расторжении брака и определении места жительства ребенка с отцом прекратить, а в удовлетворении ходатайства истца об определении места проживания ребенка отказать. Об отмене данного решения, как незаконного, в своей частной жалобе просит Г.А.В., ссылаясь на то, что судом неправильно применены нормы материального и процессуального права.

Проверив материалы дела, обсудив доводы частной жалобы, судебная коллегия приходит к выводу о том, что не имеется оснований для отмены обжалуемого определения, постановленного в соответствии с фактическими обстоятельствами дела и требованиями действующего законодательства. Коллегия при этом разъяснила, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила гражданского судопроизводства, чем те, которые предусмотрены законом, применяются правила международного договора. В соответствии с ч. 1 ст. 22 Минской конвенции, в случае возбуждения производства по делу между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям в судах двух Договаривающихся

Сторон суд, возбудивший дело позднее, прекращает производство. Прекращая производство по делу, суд правильно исходил из того, что поскольку гражданское судопроизводство в Савеловском районном суде г. Москвы по спору между сторонами о расторжении брака и определении места жительства ребенка было возбуждено 31 октября 2013 г., тогда как в суде г. Еревана такое судопроизводство было возбуждено 4 октября 2013 г., настоящее гражданское дело в силу вышеуказанных положений Конвенции должно быть прекращено.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 120 «Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (заключена в г. Кишиневе 07 октября 2002 г.) (далее – Кишиневская конвенция) прекращает свое действие Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. и Протокол к ней от 28 марта 1997 г. Данной нормой предусмотрено, что указанные в п. 3 настоящей статьи Конвенция и Протокол к ней продолжают применяться в отношениях между государством – участником настоящей Конвенции и государством, являющимся их участником, для которого настоящая Конвенция не вступила в силу.

К правоотношениям с участием граждан государств, являющихся членами Содружества Независимых Государств, применяются положения Минской конвенции. При этом подписанная 7 октября 2002 г. в г. Кишиневе государствами – участниками СНГ Кишиневская конвенция в настоящее время для России применению не подлежит, поскольку она вступает в силу для подписавшего ее государства после ратификации им данной Конвенции (ст. 120 Конвенции), однако Российская Федерация эту Конвенцию не ратифицировала, в связи с чем в силу положений пп. 3, 4 ст. 120 Кишиневской конвенции в отношениях между Российской Федерацией и другими участниками этой Конвенции продолжает применяться Минская конвенция от 22 января 1993 г.

Таким образом, суд первой инстанции правомерно применил положения ч. 1 ст. 22 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной в том числе Россией и Арменией в Минске в 1993 г. Суд правильно установил, что в суде г. Еревана судопроизводство было возбуждено ранее, чем в Савеловском районном суде г. Москвы, и в соответствии с указанными положениями Конвенции, производство по делу подлежит прекращению.

Исходя из материалов дела, ребенок на территории Российской Федерации зарегистрирован не был, в настоящее время проживает в Армении, в г. Ереване. Довод жалобы о том, что истец давал согласие только на временный выезд ребенка в Армению (отец настаивает на постоянном проживании несовершеннолетнего на территории Российской Федерации), выводы суда первой инстанции не опровергает. Фактически доводы жалобы сводятся к обоснованию позиции истца по спору между сторонами об определении места жительства ребенка. Данный спор рассматривался в суде г. Еревана. Как

пояснил истец в заседании судебной коллегии, его представитель принимает участие при рассмотрении спора в суде г. Еревана. Таким образом, права истца не нарушены.

На основании изложенного, по определению судебной коллегии определение районного суда оставлено без изменения, частная жалоба Г.А.В. – без удовлетворения [1].

Следующий пример наглядно демонстрирует подходы российских судов к рассмотрению дел, проистекающих из семейных отношений, при учете решений иностранных судов. В частности, судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда заслушала в открытом судебном заседании дело по апелляционной жалобе М.В.А. на заочное решение Нагатинского районного суда г. Москвы, которым было постановлено брак между М. Вугаром Аладдином оглы и У.О.Н. расторгнуть, определить место жительства сына с матерью и взыскивать с М.В.А. оглы алименты, а также дополнительные расходы на его содержание. В апелляционной жалобе ответчика указывается на то, что суд при определении размера алиментов не учел, что у него имеются другие несовершеннолетние дети, на содержание которых он уплачивает денежные средства. Алименты с него взысканы по решению Бинагадинского районного суда г. Баку. Коллегия констатирует, что эти доводы заслуживают внимания. Данные обстоятельства не были проверены и учтены судом при вынесении решения. Поскольку ответчик выплачивает алименты на других детей, коллегия находит, что размер алиментов надлежит изменить [2].

Приведем и еще один пример разрешения семейно-правового спора, стороной которого является гражданин одного из государств ближнего зарубежья. Так, судебная коллегия по гражданским делам Московского городского суда рассмотрела в открытом судебном заседании дело по апелляционной жалобе П.В.И. на решение Бутырского районного суда города Москвы, которым было постановлено иск П.В.И. к П. Мукадас Назировне о расторжении брака удовлетворить, брак между ними расторгнуть. В удовлетворении же искового требования об оспаривании отцовства отказать. Отказывая в иске об оспаривании отцовства, районный суд исходил из недоказанности истцом факта того, что он не является биологическим отцом родившейся у ответчицы дочери. Статья 52 СК РФ допускает оспаривание отцовства по требованию лица, записанного в качестве отца ребенка. Согласно ст. 49 СК РФ доказательством происхождения ребенка от конкретного лица являются любые данные, свидетельствующие с бесспорностью об этом. В подтверждение своих доводов о том, что он не является отцом П.М.В., истец заявил ходатайство о назначении судебной молекулярно-генетической экспертизы. Это ходатайство было удовлетворено, экспертиза назначена, однако экспертиза не была проведена в связи с неявкой на исследование ответчика и малолетнего ребенка. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ [6], при укло-

нении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд, в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Как усматривается из отзыва П.М.Н. на исковое заявление, она не отказывается от проведения экспертизы, но в настоящее время проживает с дочерью в Республике Таджикистан и не имеет возможности нести расходы на проезд в Российскую Федерацию и обратно. С учетом изложенного и поскольку признание факта, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым при уклонении стороны от участия в экспертизе в силу ч. 3 ст. 79 ГПК РФ является правом, а не обязанностью суда, происхождение П.М.В. от П.В.И. в суде не опровергнуто, судебная коллегия соглашается с выводом суда об отсутствии правовых оснований для удовлетворения иска П.В.И. в этой части [3].

Необходимо также отметить, что нормы Конвенции о правовой помощи применимы судами всех уровней, вплоть до Верховного, что можно проиллюстрировать следующим примером. Так, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации рассмотрела в судебном заседании частную жалобу С. на определение Свердловского областного суда, которым оставлено без движения ходатайство С. о разрешении принудительного исполнения на территории Российской Федерации решения суда муниципии Бендер Республики Молдова об установлении места жительства несовершеннолетнего ребенка С.А. В своем определении об отмене решения Свердловского областного суда коллегия сослалась на ст. 51 Минской конвенции, определяющей, в частности, виды решений, вынесенных на территории других договаривающихся сторон, которые каждая из сторон на условиях, предусмотренных Конвенцией, признает и исполняет [4].

По результатам обобщения практики применения судами Саратовской области норм международного права, наиболее часто последние применялись при разрешении гражданских дел следующих категорий: по спорам из брачно-семейных правоотношений, по делам, в которых затрагивались права несовершеннолетних при определении их места жительства, при ограничении родительских прав, лишении родительских прав, об оспаривании решений опекунского совета, по спорам о воспитании детей, взыскании алиментов, а также по искам о взыскании ежемесячных выплат в связи с утратой кормильца.

По указанным делам суды Саратовской области применяли нормы международного права в 102 случаях. Примененные нормы содержались в Конвенции о правах ребенка (ст. 3, 8, 9, 12, 18, 27), а также Минской конвенции [5].

Однако следует констатировать, что, к сожалению, далеко не всегда законное решение суда, обоснованное нормами международного договора бу-

дет исполнено в полном объеме. Поэтому, на наш взгляд, требуется дальнейшее научное осмысление и проработка механизма реализации норм международного права, которые регулируют процесс оказания взаимной правовой помощи между зарубежными странами вообще и между государствами – участниками СНГ, в частности.

В свое время, в 1993 г., государства – участники СНГ, заключая Минскую конвенцию, обязались предоставить всем лицам, проживающим на их территориях, *«равную правовую защиту в отношении своих личных и имущественных прав»*. Необходимо подчеркнуть, что предоставление указанного «национального режима» в целом соответствует требованиям международного права и способствует всемерной защите прав и законных интересов. Но для дальнейшего позитивного развития межгосударственных отношений на постсоветском пространстве, защиты прав и законных интересов семьи, детей, возможности оказания правовой помощи на более качественном уровне все же необходимо разрабатывать модельное законодательство, в частности Семейный кодекс СНГ.

Стремление к регулированию семейных отношений в межгосударственных рамках СНГ только международными конвенциями, иными международными документами – не выход из сложившейся ситуации. У модельного законодательства, конечно, есть свои минусы, но все же после проведения анализа правоприменительной практики мы склоняемся к выводу о том, что плюсов значительно больше.

Список литературы

1. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу № 33–4919 от 4 марта 2014 г. // Архив Мосгорсуда, 2014.
2. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу № 11-16165/13 от 10 июня 2013 г. // Архив Мосгорсуда, 2013.
3. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда по гражданскому делу № 33-13238/15 от 20 апреля 2015 г. // Архив Мосгорсуда, 2015.
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 октября 2009 г. по делу № 45-ГО9-26 // СПС «Консультант-Плюс». Раздел «Судебная практика», 2020.
5. О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: справка по результатам обобщения практики применения судами Саратовской области норм международного права и постановлений Европейского суда по правам человека в соответствии с положениями Постановления Пленума Верховного Суда РФ // Саратовский областной суд: сайт. URL : <http://oblsud.sar.sudrf.ru/>.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // Российская газета. 1996. № 212.

7. Саенко Л. В. Взаимосвязь общих норм Конституции России и специальных норм Семейного кодекса Российской Федерации в сфере охраны семьи и семейных прав граждан // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 2. С. 268–273.

8. Устав Организации Объединенных Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.): ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 20 августа 1945 г. // Действующее международное право: сборник Т. 1; Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1975. Т. 2. С. 237.

9. Устав Содружества Независимых Государств: ратифицирован Российской Федерацией Постановлением ВС РФ от 15 апреля 1993 г. № 4799-1 // Бюллетень международных договоров. 1994. № 1; Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 17, ст. 608.

Об авторе:

САЕНКО Людмила Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Поволжского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)» в г. Саратове (410003, г. Саратов, ул. Радищева, 55), SPIN-код: 5477-9549, e-mail: saenko7@yandex.ru.

APPLICATION OF THE CONVENTION ON INTERNATIONAL LEGAL ASSISTANCE IN HANDLING FAMILY CASES WITH A FOREIGN ELEMENT

L.V. Saenko

Volga region Institute (branch) ALL-Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia) in Saratov

The article examines the issues of direct application of the Convention on international legal assistance when courts consider cases of family relations complicated by a foreign element. The author gives examples of such categories of cases and identifies the main problems in this area. Concludes that further scientific understanding and elaboration of the mechanism for implementing the norms of international law that regulate the process of mutual legal assistance is necessary, and formulates proposals for the development of model legislation.

Keywords: *family law, family relations, international legal assistance.*

About the author:

SAENKO Lyudmila – candidate of legal Sciences, associate Professor, head of the Department of civil law and procedure of the Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice (RPA of the Ministry of justice of Russia) in Saratov (410003, Saratov, ul. Radishcheva, 55), SPIN-code: 5477-9549, e-mail: saenko7@yandex.ru.

НЕГАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ, ПРИВОДЯЩИЕ К ОШИБКАМ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

Т.Н. Секераж

Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве судебной экспертизы Российской Федерации, г. Москва

Рассматриваются особенности психолого-педагогических экспертиз, назначаемых в гражданском судопроизводстве по делам, связанным с воспитанием детей.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, психолого-педагогическая экспертиза, судебно-психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, семейное законодательство, требования к экспертизе.

В последние годы существенно возросла практика назначения и производства психолого-педагогических экспертиз по гражданским делам, связанным со спорами о месте жительства детей и участия в их воспитании отдельно проживающего родителя.

Назначение судебной экспертизы при рассмотрении семейных споров, связанных с воспитанием детей, стало довольно актуальным. К таким спорам относятся гражданские дела, рассматриваемые в соответствии с Семейным кодексом Российской Федерации (далее СК РФ): об определении места жительства несовершеннолетних детей после развода родителей (ст. 24 СК РФ), об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей (ст. 65 СК РФ), о порядке осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (ст. 66 СК РФ), об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК РФ), а также другие категории дел, касающиеся защиты прав детей – одного из приоритетных направлений деятельности государства.

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) в Обзоре судебной практики № 4 (2015) разъяснил, что экспертиза назначается «для диагностики внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, для выявления психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, для психологического анализа ситуации в целом (семейного конфликта), для определения наличия или отсутствия психологического влияния на ребенка со стороны одного из родителей [4]. Приводятся в Обзоре и виды экспертиз, в частности, говорится, что в указанных выше этих целях судами могут быть назначены «судебно-психологические, судебно-психиатрические, а также комплексные судебные экспертизы (психолого-психиатрические, психолого-педагогические, психолого-валеологические, социально-психологические)». Наибольший интерес из этого ряда представляют для нас так называемые психолого-педагогические экспертизы, что связано с их необоснованным внедрением в судебную экспертную

практику. Большое количество запросов на проведение таких экспертиз или их методическую оценку поступает в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России и другие судебно-экспертные учреждения (СЭУ) Минюста России как от граждан (участников гражданского процесса), так и от судов. Одни запросы связаны с потребностью разобраться в возможностях судебной экспертизы и выбрать вид экспертизы, способный наилучшим образом помочь в разрешении семейного спора; другие – с потребностью оценить качество заключения эксперта при наличии сомнений в соблюдении экспертом методологии судебной экспертизы и пределов своей научной компетенции.

Анализ большого числа заключений по результатам психолого-педагогической экспертизы, с учетом теории судебной экспертизы, теории и методологии судебной психологической и судебной психиатрической экспертизы, показал, что психолого-педагогическая экспертиза не может обеспечить суд объективными данными, полученными на строго научной основе, которые бы позволили принять правосудное решение по делу. Это связано с рядом обстоятельств.

Основное из этих важных обстоятельств связано с подготовкой эксперта. Ключевым является вопрос, обладает ли эксперт, проводящий психолого-педагогическую экспертизу, необходимыми компетенциями. Кто является субъектом экспертной деятельности при производстве психолого-педагогической экспертизы, это специалист, обладающий какими знаниями? Если педагог-психолог, то известно, что такая квалификация имеет отношение к сфере образования [5–7]. Согласно стандарту специальности «Педагогика и психология» областью профессиональной деятельности педагогов-психологов является сфера образования [8]. Специалист, получивший квалификацию педагога-психолога, подготовлен к выполнению основных видов профессиональной деятельности педагога-психолога, решению типовых профессиональных задач в образовательных учреждениях. Экспертная и научно-исследовательская деятельности не входят в виды профессиональной деятельности педагога-психолога. Например, в системе федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России лица, имеющие образование педагога-психолога, не допускаются к освоению дополнительной образовательной программы профессиональной переподготовки по экспертной специальности 20.1 «Исследование психологии человека».

Именно в сфере образования, для деятельности которой готовятся педагоги-психологи, возникла и существует, имеет нормативную регуляцию психолого-педагогическая экспертиза. Она проводится с целью анализа условий образовательной среды, степени влияния этих условий на психическое и психологическое здоровье субъектов образовательных отношений. В задачи психолого-педагогической экспертизы в сфере образования входят: оценка уровня психического и психологического развития обучающихся; оценка психолого-педагогических условий, созданных в образовательной организации, в том числе определение степени психологической безопасности, возможностей для достижения образовательных результатов и степени

соблюдения прав обучающихся; оценка эффективности образовательных условий, выявление потенциальных ресурсов образовательной среды; оценка социальных рисков образовательной среды; разработка рекомендаций по устранению негативных условий образовательной среды; разработка рекомендаций, направленных на повышение эффективности образовательного процесса и другие. Круг этих задач находится в компетенции психолого-педагогической комиссии [10].

Таким образом, специалист «педагог-психолог» не обладает компетенциями, необходимыми для производства судебной экспертизы по делам, связанным со спорами о воспитании детей, поскольку в круг задач такой экспертизы входят, как уже было сказано, диагностика внутрисемейных отношений и взаимоотношений ребенка с каждым из родителей, выявление психологических особенностей каждого из родителей и ребенка, психологический анализ семейной ситуации в целом, установление, имеется ли негативное психологическое влияние на ребенка со стороны одного из родителей. В круг задач, имеющих юридическое значение, важных для принятия решения по делу, не входит установление особенностей образовательной среды ребенка.

Если субъектами психолого-педагогической экспертизы являются два человека, обладающие разными специальностями (психолог и педагог), то такая экспертиза должна быть комплексной. Как следует из приведенной выше формулировки из Обзора судебной практики, психолого-педагогическая экспертиза рассматривается ВС РФ именно как комплексная. В таком случае должны быть поставлены вопросы как к психологу, так и к педагогу, а также общие вопросы, предполагающие интеграцию знаний. Согласно ст. 82 ГПУ РФ комплексная экспертиза назначается, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения исследований с использованием различных областей знания и поручается нескольким экспертам, которые по результатам проведенных исследований формулируют общий вывод. Поскольку круг значимых задач не предполагает участия в их решении педагога (тот не обладает компетенциями, позволяющими ему такие задачи решать), то целесообразность комплексной экспертизы с участием психолога и педагога исключается. Необходимость устанавливать наличие у родителей педагогических компетенций отсутствует, как не имеющая существенного отношения к рассматриваемому спору. Важными являются родительское отношение и отсутствие негативного влияния на психическое и психологическое здоровье ребенка и его развитие. Педагогических направлений существует великое множество, на каких педагогических позициях стоит родитель, не имеет значения, если это не оказывает деструктивного влияния на ребенка, а установление такого влияния – в компетенции судебного психолога и судебного психиатра [3, 9].

Немаловажно то обстоятельство, что производство психолого-педагогических экспертиз осуществляется только частнопрактикующими экспер-

тами. Ни в одном государственном судебно-экспертном учреждении (а судебные психологические экспертизы (СПЭ) и комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы (КСППЭ) по семейным спорам проводятся только в судебно-экспертных учреждениях и подразделениях Минюста России и Минздрава России) производство психолого-педагогических экспертиз не осуществляется.

Это объясняется отсутствием у психолого-педагогической экспертизы теоретических и методологических основ, как рода (вида) судебной экспертизы, а государственные СЭУ действуют только в рамках Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (далее ФЗ о ГСЭД), в ст. 8 которого говорится о строгой научной основе проводимых экспертом исследований [11].

В государственных СЭУ экспертизы производятся в соответствии с утвержденными и рекомендованными к применению в экспертной практике методическими рекомендациями, включают полное и всестороннее изучение материалов дела и медицинской документации (в том числе истории развития ребенка с рождения до настоящего времени), очное обследование каждого родителя и ребенка, исследование их совместной деятельности в диадах ребенок-родитель. Исследования регулируются стандартами, что не соблюдается частнопрактикующими экспертами.

Анализ экспертной практики показал, что существенное распространение психолого-педагогических экспертиз в гражданском судопроизводстве произошло по причине необоснованного переноса данного вида экспертизы из образовательной среды. В результате внедрения психолого-педагогической экспертизы в сферу судебной экспертизы возникло значительное число существенных проблем. Это и решение вопросов, выходящих за пределы специальных знаний и компетенции педагога и педагога-психолога (ими необоснованно решаются даже вопросы, относящихся к компетенции суда – о том, проживание с кем из родителей будет соответствовать наилучшим интересам ребенка, о графике общения с отдельно проживающим родителем, об ограничении родителя в правах и др., даются безосновательные голословные рекомендации, нарушающие права и родителей, и детей); и нарушение научной методологии судебной экспертизы, этических принципов деятельности судебного эксперта и др. [1].

В связи с обозначенной проблемой в ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России совместно с ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России разработано Информационное письмо «О необоснованности назначения и производства психолого-педагогических экспертиз в гражданском судопроизводстве по семейным спорам, связанным с воспитанием детей». В информационном письме рассматривается нецелесообразность назначения таких экспертиз и научная необоснованность проводимых исследований в соответствии с принципами профессиональной судебно-экспертной деятельности. Письмо утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России (Протокол № 1 от 18.03.2020), Ученым советом ФГБУ «НМИЦ ПН

им. В.П. Сербского» Минздрава России (Протокол № 3 от 29.06.2020), размещено на официальном сайте РФЦСЭ (<http://www.sudexpert.ru/possib/>) и на официальном сайте ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России (<https://serbsky.ru/wp-content/uploads/2020/08/Информационное-письмо1.pdf>).

Таким образом, психолого-педагогическая экспертиза относится к экспертной деятельности исключительно в системе образования, независимо от того, носит ли она комиссионный (комплексный) характер и выполняется специалистами разных областей знаний (педагогом и психологом), либо единоличной – одним специалистом (педагогом-психологом). Такая экспертиза не может быть судебной, как не имеющая теоретических и методологических основ в качестве судебной экспертизы, отсутствием юридически значимых задач и необходимой подготовки у специалиста (компетенций, позволяющих ему решать указанные задачи).

По делам, связанным с защитой прав детей, в том числе по семейным спорам о воспитании детей целям и задачам правосудия соответствуют судебно-психологическая экспертиза и комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

Для исключения введения в гражданский процесс ненадлежащего субъекта судебно-экспертной деятельности экспертиза должна поручаться только компетентным экспертам, а проверка компетентности не должна носить формальный характер. Эксперт должен иметь высшее психологическое (не психолого-педагогическое и не педагогическое) образование, а также дополнительное профессиональное образование по тому виду экспертизы, который проводится, поскольку специальные знания эксперта не ограничиваются знаниями, полученными им в процессе получения высшего образования, а включают знания в области теории и методологии судебной психологической экспертизы, знания об имеющих юридическое значение закономерностях и особенностях протекания и структуры психической деятельности человека, которые приобретаются исключительно в результате специальной профессиональной психологической подготовки и должны быть внедрены в практику судебной экспертизы; помимо знаний – умения и навыки применения экспертных методик на практике [2]. Такие же требования, на наш взгляд, должны применяться к специалистам, дающим консультацию суду в порядке ст. 188 ГПК РФ, в том числе помогающим оценить заключение эксперта с методологической точки зрения.

Список литературы

1. Васько Е.В., Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Почему психолого-педагогическая экспертиза по спорам, связанным с воспитанием детей, не отвечает потребностям правосудия. Теория и практика судебной экспертизы. 2020. № 15(1). С. 6–19. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-6-19>.

2. ГОСТ Р 57344-2016 Судебно-психологическая экспертиза. Термины и определения // Каталог национальных стандартов [Электронный ресурс] // URL: <https://www.gost.ru/portal/gost/home/standarts/catalognational> .

3. Ильина О.Ю., Русаковская О.А. Об использовании специальных знаний при рассмотрении судебных споров о воспитании детей родителями, проживающими раздельно // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 127–136.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2015)" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) (ред. от 26.04.2017) Система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_192264/.

5. Приказ Минобрнауки России от 06.10.2009 №373 «Об утверждении и внедрении в действие федерального государственного стандарта начального общего образования» (ред. от 31.12.2015) Система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96801/.

6. Приказ Минобрнауки России от 17.05.2012 №413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования» (ред. от 29.06.2017) Система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131131/.

7. Приказ Минобрнауки России от 17.12.2010 №1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования» (ред. от 31.12.2015) Система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110255/.

8. Приказ Минтруда России от 24.07.2015 №514н «Об утверждении профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)» Система КонсультантПлюс [Электронный ресурс] // URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_185098/.

9. Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К., Русаковская О.А., Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М. «Генезис». 2012. 192 с.

10. Умняшова И.Б., Сафуанов Ф.С. Модель психолого-педагогической экспертизы в системе образования/ Психологическая наука и образование. 2017. Т.22. №4. С.75–84.

11. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» Система ГАРАНТ [Электронный ресурс] // URL <http://base.garant.ru/12123142/#ixzz5ZCs443hO>.

Об авторе:

СЕКЕРАЖ Татьяна Николаевна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией судебной психологической экспертизы Федерального бюджетного учреждения «Российский федеральный центр судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации» (109028, г. Москва, Хохловский пер., д. 13, стр. 2) e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru.

**NEGATIVE TRENDS IN FORENSIC PRACTICE THAT LEAD
TO ERRORS IN RESOLVING DISPUTES RELATED
TO THE UPBRINGING OF CHILDREN**

T.N. Sekerazh

Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice,
Moscow

The article deals with the features of psychological and pedagogical examinations assigned in civil proceedings in cases related to the upbringing of children.

Keywords: *civil proceedings, psychological and pedagogical examination, forensic psychological examination, forensic psychological and psychiatric examination, expert's specialty requirements.*

About the autor:

SEKERAZH Tat'yana Nikolaevna – candidate of Law, Associate Professor, Head of the Laboratory of Forensic Psychology, the Russian Federal Centre of Forensic Science of the Russian Ministry of Justice; e-mail: t.sekerazh@sudexpert.ru.

ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ КАК СУБЪЕКТЫ ПРАВООТНОШЕНИЯ АЛИМЕНТИРОВАНИЯ

А.А. Серебрякова

Псковский государственный университет, г. Псков

Рассматриваются отдельные вопросы правового положения субъектов правоотношения алиментирования, относящихся к категории «другие родственники». Автор высказывает предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: правоотношение алиментирования, алименты, другие родственники, члены семьи.

Группа субъектов правоотношения алиментирования, обозначенная в СК РФ как «другие члены семьи», заслуживает отдельного внимания. Российское семейное законодательство возлагает обязанности по взаимному материальному содержанию на родителей и детей, по взаимной материальной поддержке на супругов и бывших супругов. Это алиментобязанные лица первой очереди. Но есть еще группа субъектов, которые также являются алиментобязанными, но относятся к так называемым алиментобязанным лицам второй очереди. В законодательстве других государств алиментные обязательства на такие субъекты не всегда возлагаются. Например, законодательство об алиментировании Республики Беларусь ограничивается кругом субъектов алиментирования «первой очереди», однако в научной литературе высказываются предложения о расширении круга субъектов правоотношения алиментирования и включении в него деда, бабуки, внуков [7, с. 403]. И наоборот, украинское семейное законодательство значительно расширяет субъектный состав правоотношения алиментирования за счет других членов семьи. Обязанность по уплате алиментов может быть возложена на нетрудоспособных членов семьи и родственников, а также из категории бабушки-дедушки и внуки также на прабабушек, прадедушек и правнуков [10, с. 138]. По российскому законодательству на «других родственников» могут быть возложены соответствующие обязанности по содержанию лиц, которые по возрасту или в силу состояния здоровья не могут сами себя обеспечить, и соответствующая обязанность по содержанию не может быть возложена на их близких родственников, алиментобязанных лиц первой очереди.

К такой категории относятся, бабушки и дедушки, а также внуки, как субъекты правоотношения алиментирования. Внуки имеют право на получение алиментов от своих бабушек и дедушек в судебном порядке и наоборот. Бабушки, дедушки и внуки – это кровные родственники, поэтому их обязанность по алиментированию не зависит от факта воспита-

ния и оказания материальной помощи в прошлом. Условиями алиментирования являются наличие необходимых средств, то есть материальной возможности без ущерба собственной материальной обеспеченности, невозможность получения алиментирования от алиментобязанных лиц первой очереди, нуждаемость несовершеннолетних, нетрудоспособность и нуждаемость совершеннолетних. Не стоит забывать о том, что как дедушка и бабушка бывают как со стороны отца, так и со стороны матери, так и внуков может быть несколько. Соответственно при рассмотрении вопроса об уплате алиментов степень участия каждой из сторон будет определена судом, но привлечены к участию в деле должны быть все субъекты внутри очереди, поскольку в интересах дела необходимо выяснение их материального, семейного положения и возможной степени участия в алиментировании. Например, законодательство Германии устанавливает очередность родственников и членов семьи в части предоставления содержания. В частности, родственники по нисходящей линии обязаны предоставить содержание прежде родственников по восходящей линии [1, 3, с. 28]. С учетом того, что все новое – это хорошо забытое старое, вспомним, что и в России, в Своде Законов Российской Империи содержались правила, согласно которым близость родства определялась линиями (прямыми и боковыми, восходящими и нисходящими) и степенями [9, с. 42]. Возможно, и в современном российском семейном законодательстве при правовом регулировании правоотношения алиментирования более тщательный учет степени близости родства мог бы способствовать большей определенности отношений алиментирования, исключить конкуренцию «очередности».

В Кодексе законов о браке, семье и опеке РСФСР, введенном в действие с 01 января 1927 г. (далее также – КЗоБСО) впервые были урегулированы правоотношения алиментирования с участием отчима, мачехи, пасынка, падчерицы и фактических воспитателей. Действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 08 июля 1944 г., которым было запрещено установление отцовства и взыскание алиментов на основании кровного родства, оставило свой след в виде взыскания алиментов, как правило, с отца ребенка, не состоявшего в зарегистрированном браке с его матерью, как с фактического воспитателя. Заинтересованные лица заявляли соответствующие требования, а суды применяли соответствующие статьи закона. То есть это был своего рода компромисс. В настоящее время, по нашему мнению, в сохранении такого компромисса нет необходимости, в особенности на фоне статистических данных, которые свидетельствуют об отсутствии в судебной практике подобных споров (возможно, имеется необходимость в проведении более масштабного статистического исследования по всем регионам РФ для подтверждения данной гипотезы) и возможного исключения ст. 96 из СК РФ. Основания: 1) отсутствие необходимости поиска выхода из ситуации «кровный отец

без легального подтверждения – он же фактический воспитатель», поскольку правила об установлении отцовства закреплены в СК РФ, а Указ ПВС СССР от 08 июля 1944 г. отменен; 2) неприменяемость на практике ст. 96 СК РФ. Причем не применяется ни первый пункт, которым предоставляется возможность, ни второй пункт, который позволяет освободить воспитанников от обязанности алиментирования (поскольку не применяется первый, и освободить от того, к чему не обязывали – некого). Однако хотелось бы заметить, что в научных юридических кругах обсуждаются вопросы о субъектном составе правоотношений по фактическому воспитанию, в целом о доктринальном подходе к феномену фактического воспитания [5, с. 182; 6, с. 18; 12, с. 18 и др.]. Но ровно так же, как в вышеприведенном примере о «членах семьи» – «они члены семьи, потому что они так называются, и с них могут быть взысканы алименты», в ситуации с фактическими воспитателями за примером обращаются к ст. 96 СК РФ, в которой говорится об алиментных обязанностях фактических воспитанников по отношению к фактическим воспитателям в подтверждение существования отношений между фактическими воспитателями и воспитанниками как правовых. То есть доктринально и законодательно правовое положение фактических воспитателей и воспитанников не проработано. В действительности в настоящее время эти отношения как правовые не существуют, то есть вообще они существуют, но юридически – нет.

Среди иных возможных субъектов правоотношения алиментирования выделяют также братьев и сестер. Их обязанности по алиментированию можно оценить, как субсидиарные или дополнительные, возникающие лишь в случае невозможности получения алиментов от родителей, детей и супругов. Другим обязательным условием является наличие у братьев и сестер необходимых средств, что означает, что возложение обязанности платить алименты не должно сказаться отрицательно на материальном положении алиментобязанных лиц. Конкретных признаков достаточности «необходимых средств» закон не устанавливает. В каждом конкретном случае решение принимает суд. Но закрепление отмеченного условия в законе предполагает, что отсутствие необходимых средств может стать основанием к отказу в удовлетворении требования о взыскании алиментов. Закон также обуславливает алиментную обязанность братьев и сестер наличием у них трудоспособности. Это означает, что нетрудоспособные, например братья и сестры пенсионного возраста, имеющие хорошую пенсию и достаточные средства к существованию, не могут быть субъектами правоотношения алиментирования в силу прямого указания на это в законе. Право на алименты есть у родных братьев и сестер, как полнородных, так и неполнородных. Братья и сестры следующих степеней родства – двоюродные, например или сводные, не имеют права требовать алименты. Таким образом, у братьев и сестер алиментная обязанность обусловлена кровным родством. Что касается

нетрудоспособности братьев и сестер. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» содержится комментарий – поясняется отождествление нетрудоспособности с группой инвалидности. Между тем подход законодателя в вопросах признания лица нетрудоспособным концептуально изменился. И более верным, как представляется, пониманием нетрудоспособности было бы установление степени ограничения способности к трудовой деятельности. Такие мнения высказываются и в юридической литературе. Так, Ф.В. Габдрахманов в результате анализа законодательства о социальной защите инвалидов, приходит к следующим выводам: «инвалиды первой группы считаются нетрудоспособными; инвалиды второй группы – считаются нетрудоспособными при наличии третьей степени ограничения к трудовой деятельности и инвалиды третьей группы способны к выполнению трудовой деятельности в обычных условиях труда» [2, с. 28].

Таким образом, братья и сестры – не единственные «другие члены семьи», которые могут быть алиментнообязанными. Уместно ли употребление обобщения «другие члены семьи», как это зафиксировано в наименовании гл. 15 СК РФ? По нашему мнению, наименование гл. 15 входит в некоторое противоречие с положениями, содержащимися в ст. 2 СК РФ. В ст. 2 СК РФ идет речь о близких родственниках – супругах, родителях, детях, других родственниках и иных лицах. В содержании гл. 15 представлены такие субъекты, как братья, сестры, дедушки, бабушки и внуки, которые могли бы быть отнесены к категории «других родственников», а также отчим, мачеха, пасынок, падчерица и фактические воспитатели – иные лица. Довольно условно объединение их в категорию «другие члены семьи», в то время как в статьях гл. 15 СК РФ речь идет в том числе о «ретроспективных» отношениях, например, отчим и мачеха имеют право требовать, если они надлежаще исполняли в свое время свои обязанности. Конституционный Суд РФ неоднократно обращал внимание на значимость с точки зрения правовых последствий признания лица «членом семьи». Само понятие семьи, как известно, легально в российском семейном законодательстве так и не получило закрепления, хотя на это многократно было обращено внимание исследователей [13, с. 14; 8, с. 17]. Поэтому оно трактуется весьма широко, является межотраслевым, и отсюда мы имеем и сложности с пониманием производного от понятия «семьи» понятия «член семьи». Хотя, если толковать буквально текст ст. 2 СК РФ, то можно заметить, как законодатель здесь «узко» и конкретно понимает перечень членов семьи. К другим лицам соответственно относятся другие родственники и иные лица. Таким образом, мы можем прийти к выводу, что «другие родственники» и «иные лица» являются субъектами семейного права, но автоматически от этого не становятся членами семьи. Соответственно указание на них, как на «других членов семьи», в гл. 15 СК РФ является некорректным.

Полагаем, наименование гл. 15 следует изменить на «Алиментные обязательства других родственников и иных лиц». В юридической литературе правовую модель, реализованную в наименовании гл. 15 СК РФ, объясняют тем, что основанием для признания отдельных лиц членами семьи может являться наличие у них алиментных обязательств [4, с. 70]. Складывается парадоксальная ситуация, упоминание о лицах, в силу семейного закона не относящихся к категории «член семьи», вводится в наименование главы СК РФ и от этого, а также от возможного возникновения между ними правоотношений алиментирования, они уже могут быть включены в категорию «член семьи». Возложение алиментных обязательств, да еще на основании судебного акта – как правило, безрадостная процедура для участников соответствующего правоотношения, которые не относились к категории «члены семьи». По нашему мнению, возникновение между указанными лицами алиментных обязательств никак не способствует и не может являться основанием возникновения у них статуса «член семьи». Полагаем, что и в статусе «иных лиц» или «других родственников» они также могут быть субъектами правоотношения алиментирования. Соглашаемся с автором тезиса, что «Действующая система правового регулирования обуславливает необходимость достаточно сложного алгоритма правоприменения при разрешении споров, связанных с необходимостью применения дефиниций «семья» или «член семьи»» [4, с. 70]. Считаем, что правильным будет из наименования гл. 15 СК РФ убрать упоминание об этих лицах как о «других членах семьи». С точки зрения правоприменения алиментные обязательства других членом семьи являются наименее применяемыми на практике. «...по данным Судебного Департамента по Саратовской области за 2010–2013 гг. дела о взыскании алиментов на других членов семьи в Октябрьском районе г. Саратова не рассматривались. Подобные исковые заявления вообще подаются крайне редко» [11, с. 74]. Даже получение подобной информации из открытых источников более позднего периода весьма проблематично, а ответы на адресные запросы соответствуют приведенному выше.

Таким образом, полагаем, что с юридической точки зрения потенциально алиментнообязанные лица так называемой «второй очереди» нуждаются в категорировании, уточнении самого их обобщенного перечня, а также устранении в отношении данной категории лиц терминологических противоречий в действующем семейном законодательстве.

Список литературы

1. Аладьев И. и др. Сборник статей о праве Германии // Германно-Российская ассоциация юристов. Выпуск № 1 (август 2015 г.).
2. Габдрахманов В.Ф. Особенности учета группы инвалидности для признания лица нетрудоспособным в области семейных правоотношений // Семейное и жилищное право. 2009. № 4 С. 28–30.

3. Гуляева Н.А. Проблемы правового регулирования алиментных отношений между членами семьи, не являющимися супругами, родителями и детьми // Семейное и жилищное право, 2011, № 3.

4. Зрелов А.П. Современные проблемы межотраслевого применения понятия "член семьи" // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 6. С. 70–74.

5. Ильина О.Ю. О новых направлениях формирования судебной практики по делам о взыскании алиментов в свете разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации / О. Ю. Ильина // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». – 2018. – № 1. – С. 182–188.

6. Комиссарова Е. Г. Проблема фактического воспитания ребенка: методологический взгляд // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 6. – С. 18–32. – DOI: 10.17803/1729-5920.2020.163.6.018-032.

7. Короткевич М.М. К вопросу об алиментных обязательствах близких родственников // Семейное право и концепция развития семейного законодательства. Сборник статей по итогам 3-ей международной конференции. ИНФРА-М. 2017. С. 403–408.

8. Савельева Н.М. Некоторые актуальные вопросы семейно-правового регулирования (проблемы понятийного аппарата) Правовое регулирование семейных отношений: настоящее и будущее: Сборник трудов конференции. Москва, 27 ноября 2016 г. С. 17–22.

9. Смирнова И.И. История регулирования алиментных обязательств второй очереди в отечественном семейном законодательстве // Тенденции развития науки и образования. 2017. № 24-1. С. 42–47.

10. Спицына Т.В. Алиментные обязательства других членов семьи по законодательству Российской Федерации и Украины // Современное право. 2012. № 11 С. 138–140.

11. Спицына Т.В. Этапы развития законодательного регулирования алиментных обязательств других членов семьи // Правовая культура. 2016. № 3 (26) С. 74–80.

12. Татаринцева Е.А. Субъектный состав правоотношений по фактическому воспитанию ребенка в свете требований международных стандартов // Семейное и жилищное право. 2017. № 3 С. 18–21.

13. Шершень Т.В. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве // Семейное и жилищное право. 2010. № 6 С. 14–17.

Об авторе:

СЕРЕБРЯКОВА Алла Аркадьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Псковского государственного университета» (180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2, SPIN-код: 1123-7018, e-mail: a.serebryakova@inbox.ru).

OTHER RELATIVES AS SUBJECTS LEGAL RELATIONSHIP ALIMENTATION

A.A. Serebryakova

Pskov State University

The article deals with certain issues of the legal status of the subjects of the legal relationship of alimony, belonging to the category of "other relatives". The author makes suggestions for improving the current legislation.

Keywords: *legal relationship of alimony, alimony, other relatives, family members.*

About the author:

SEREBRYAKOVA Alla – candidate of legal sciences, associate professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Pskov State University (180000, Pskov, Lenin Square, 2, SPIN-code: 1123-7018, e-mail: a. serebryakova@inbox.ru).

ТРАДИЦИОННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ РОМАНИСТИКЕ

Л.Н. Скаковская

Тверской государственной университет, г. Тверь

Автор исследует особенности демонстрации традиционных семейных ценностей в современной русской романистике, образа семьи и семейных устоев в контексте трансформации общественного мнения о данном институте.

Ключевые слова: современная русская романистика; семейные ценности; семья; семейные устои; позитивный имидж семьи.

Сегодняшнее российское общество по сравнению с тем, каким оно было в период перестройки, в постперестроечное время и в 2000–2010-е гг., значительно изменилось. Социальным модификациям естественным образом сопутствует и обновление модели семьи. Мнения об институте семьи освободились от стереотипизации и нивелировки, свойственным в некоторой степени советской эпохе; однако отношение к традиционным семейным ценностям трансформировалось. Достаточно большую роль в этой связи играет искусство, в частности литература, хотя и не так прочно интегрированная теперь в социальную систему, как, к примеру СМИ, но всё-таки оказывающая серьёзное влияние на сознание масс в целом. Очевиден и тот факт, что литература определённым образом воздействует на формирование социальных позиций относительно различных общественных явлений и процессов, в том числе феномена семьи.

Аспекты влияния современной литературы на представления о семье весьма неоднозначны и противоречивы. Во-первых, в массовых изданиях частотны сентиментально-привлекательные, хотя и нередко реалистичные изображения института брака и семейной жизни, воспевающие все основные человеческие добродетели, такие как любовь, преданность, прощение и самопожертвование. Характерно и то, что авторы популярной литературы, имея в виду все неудачи и разочарования, неизбежно сопровождающие супружескую и семейную жизнь – разногласия, споры, неправильный выбор и т.п., всё же пытаются разграничить ложь и истину, проложить барьер между настоящей любовью и имитацией и подчеркнуть абсолютную доминанту семьи как важнейшей ячейки общества.

С другой стороны, в отдельных текстах в последнее время нередко воспроизводится профанированный тип семьи и семейной жизни. Супружеская неверность, побочные половые контакты, общественный дефицит нравственного и духовного понимания брачного договора фиксируются бессознательно. В такой атмосфере с положительной точки зрения рассматриваются разводы, прерывание беременности, сексуальные

девиации. Подобные принципы культивируют реалии, противоположные браку и семье, причиняя тем самым вред общему благу.

Тем не менее одновременно современная литература владеет колоссальными положительными возможностями апологетики здоровых гуманистических и семейных устоев. Она вносит особый вклад в обновление общества.

Всё сказанное актуально для современной отечественной романистики. Первостепенной нашей задачей в данной статье является разбор отдельных опубликованных в «нулевых» и «десятих» гг. книг о семье с целью в известной степени подробного раскрытия образа современной семьи, фиксации объективности и комплексности интерпретации ее проблем.

Главная героиня романа Д. Рубиной «На солнечной стороне улицы» (2006 г.) Вера вообще могла бы не появиться на свет. Однако нелюбовь матери не озлобила её, она стала художником, замечаящим поэзию в обыденности. Из-за непростых взаимоотношений с матерью, отсутствия соответствующего воспитания, личных проблем Вера не ожесточается, но странным образом сохраняет внутри себя доброту и сердечность. Книга оставляет у читателя светлое солнечное чувство, связанное с ситуативностью точки зрения и ощущением свободы от обстоятельств.

С момента первого издания романа «Ёлтышевы» Р. Сенчина (2008 г.) его название стало типизирующим, служащим своеобразным определением характерной отечественной семьи, волею судеб, брошенной в современную российскую деревню и погибающей там. Так в нескольких словах можно передать сюжет романа, и сейчас обсуждаемого в читательской и научной среде. «Катастрофизм семейных отношений» (Шпак Е.А., Голикова Л.П. [1]), показанный в данном романе, становится следствием прагматизма, утилитарного взгляда на жизнь, порой доминирующего в семье и предлагаемого сегодняшней реальностью. Лишение жизни семьи духовной составляющей, будь то добровольное и/или под воздействием внешних факторов, влечёт деградацию как самого института семьи, так и жизни в целом, а затем и полное прекращение существования, как духовного, так и физического. Роман Сенчин предупреждает: пока мы будем игнорировать духовную составляющую, не признавать приоритета культурных, духовных и нравственных ценностей, обязательств брачно-семейных взаимоотношений, сбережения семейных основ в условиях их усиливающейся девальвации, – все, даже самые решительные экономические протекции (бесспорно, существенные) останутся малоперспективными.

Роман «Женщины Лазаря» М. Степновой (2011 г.) представляет собой историю семьи, семейную сагу от начала прошлого века до начала века нынешнего. Это произведение о любви и ненависти. Лазарь Линдт, гениальный ученый – магистральный персонаж фантазмагорических личных преданий о трех ярких женщинах – Марусе, Галине и Лидочке. История нескольких поколений, переживших XX в., передана автором

стилистически точно и рельефно, так что перед читателем предстают образы поистине эпического размаха.

В романе «Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной (2015 г.) семейная тема затронута косвенно, но только на первый взгляд. Повествование начинается зимой 1930 г. в глухой татарской деревне. Крестьянка Зулейха теряет собственную семью, которая её не любит, и вместе с сотнями других переселенцев отправляется в вагоне-теплушке по закоснелому каторжному «крутому маршруту» в Сибирь. Дремучие крестьяне и ленинградские интеллигенты, деклассированный элемент и уголовники, мусульмане и христиане, язычники и атеисты, русские, татары, немцы, чуваша — все встретятся на берегах Ангары, ежедневно отстаивая у тайги и безжалостного государства свое право на жизнь. Понятие семьи, на наш взгляд, приобретает здесь аллегорическое значение, расширяясь до масштабов огромной многонациональной страны, ставшей в описываемую эпоху суровой и часто жестокосердной «матерью» для всех населяющих её народов и «сословий».

Таким образом, современная русская романистика подчёркнуто декларирует традиционную модель семьи и популяризирует духовные и нравственные, семейные ценности как стержневой аспект устойчивого развития семьи и благополучия каждого ее члена. Формирование позитивного имиджа семьи, развитие и пропаганда семейных ценностей и традиций, укрепление традиционных ценностных ориентиров в семье, повышение роли семьи в становлении успешной личности, формирование общественного мнения о высокой значимости семьи и семейного воспитания – вот подтемы современной прозы о семье.

Авторы семейной тематики в большой степени ориентируются на развитие у читателя понимания необходимости стабильности и традиционности семейных связей. Современную романистику рассмотренной тематики в основной своей массе смело можно назвать семейно-ориентированной, сфокусированной на сохранении института семьи, занимающей активную позицию в укреплении семейных ценностей.

Список литературы

1. Шпак Е.А., Голикова Л.П. Тема семейных катастроф в современной прозе // Наука и творчество молодых исследователей: итоги и перспективы. – Краснодар: КубГУ, 2017. С. 162–165.

Об авторе:

СКАКОВСКАЯ Людмила Николаевна – доктор филологических наук, профессор, и.о. ректора ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», зав. кафедрой международных отношений, руководитель Центра русского языка и культуры (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), e-mail: Skakovskaya.LN@tversu.ru.

TRADITIONAL FAMILY VALUES IN MODERN RUSSIAN ROMANISM

L.N. Skakovskaya

Tver State University

The author examines the features of the demonstration of traditional family values in modern Russian novels, the image of the family and foundations in the context of the transformation of public opinion about this institution.

Key words: *contemporary Russian novels; family values; family; family foundations; positive family image.*

About author:

SKAKOVSKAYA Lyudmila Nikolaevna – doctor of philology, professor, acting rector of FGBOU VO «Tver State University» Department of International Relations, Head of the Center for Russian Language and Culture (170100, Tver, st. Zhelyabova, 33), e-mail: Skakovskaya.LN@tversu.ru.

БРАК, СЕМЬЯ И МЕХАНИЗМ ИЗМЕНЕНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРАВОВОГО СТАТУСА ПОДДАННЫМИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОМ АСПЕКТЕ)

С.Н. Смирнов

Тверской государственной университет, г. Тверь

Рассматриваются вопросы характеристики института брака и семьи в контексте их роли в процессе вертикальной социальной мобильности подданных Российской империи в первой половине XIX в., включая некоторые законодательные меры в данной сфере и соответствующую правоприменительную практику.

Ключевые слова: брак, семья, Российская империя, законодательство, правовой статус человека, вертикальная социальная мобильность, организационно-правовой механизм.

Рассмотрение брака и семьи в контексте изменения социально-правового положения индивида не относится в историко-правовой науке к числу наиболее изученных вопросов. Между тем данная проблематика весьма важна для понимания социальных систем различных стран, включая социальную систему России первой половины девятнадцатого столетия. Указанные вопросы исследуются прежде всего в рамках социологии и, в гораздо меньшей степени, в рамках других наук. В настоящее время названную проблематику разрабатывают отечественные исследователи Г.В. Атаманчук, Г.Э. Говорухин, О.В. Дядиченко, Т.И. Заславская, А.И. Кравченко, Н.С. Розов, Т.В. Сохраняева, О.И. Шкаратан, С.И. Черных, М.Ф. Черныш и др., а также зарубежные исследователи Д. Норт, Дж. Урри, М. Шеллер и др.

Между тем проблема характеристики механизма вертикальной социальной мобильности настолько важна для оценки сущности модели социальной стратификации Российской империи, как, впрочем, и любой другой страны, а роль правовых факторов в этом механизме настолько велика, что эту проблему необходимо разрабатывать также и с правовых позиций.

Имеющиеся работы правового формата посвящены характеристике обычаев, канонических норм и законодательства Российской империи о браке и семье, брака и семьи как правовых феноменов и т.п. Вопросы развития правового регулирования брачно-семейных отношений в историческом аспекте рассматривают в своих трудах М.Ф. Владимирский-Буданов, Е.П. Гаранова, П.С. Ефименко, А.Ю. Колинко, Э.М. Левшин, Ю.Н. Мокшина, К.А. Неволин, Н.С. Нижник, К.П. Победоносцев, П.Л. Полянский, Л.А. Тищенко, М.К. Цатурова, М.В. Шабанова, Г.Ф. Шершеневич и другие авторы.

Весьма перспективным представляется разработка проблематики в рамках междисциплинарных исследований, в т.ч. исследований с использованием потенциала истории права, истории и социологии. Образцы такого

рода исследований представлены в трудах А.Н. Медушевского, Б.Н. Мирнова, В.А. Томсинова и других современных отечественных ученых.

Хронологически рамки настоящей работы охватывают первую половину девятнадцатого столетия – время расцвета сословного строя в России. В это время продолжало действовать брачно-семейное законодательство предшествующего времени, откорректированное и дополненное в первой половине XIX в. несколькими нормативно-правовыми актами, а начале 1830-х гг. упорядоченное в рамках Свода законов Российской империи. Указанные законодательные акты и составляют основу источниковой базы настоящей работы.

Уточним свою позицию по поводу применения в настоящей работе терминологии. В научной литературе широко используются выработанные в социологии термины, обозначающие способы и инструменты для изменения индивидами своего социально-правового положения. Так, П.А. Сорокин называет эти инструменты каналами вертикальной циркуляции или каналами социальной циркуляции, обозначает эти каналы в качестве социальных институтов и относит к важнейшим из них армию, церковь, школу, политические, экономические и профессиональные организации [11, с. 308]. В современной социологической теории для обозначения названных каналов применяются и иные термины, такие, как «каналы социальной мобильности» и т.п. Их перечень является не просто открытым, но и в значительной степени дискуссионным. В него включаются, например, не только искусство, брак, семья, но и средства массовой коммуникации, спорт и некоторые другие институты [6, с. 33–36]. В экономической науке также применяется термины, связанные с восходящей или вертикальной мобильностью.

В фокусе нашего исследования находится вертикальная социальная мобильность. Именно данный тип мобильности сопровождается изменением индивидуального правового статуса. В связи с этим, не отказываясь от использования термина «канал вертикальной социальной мобильности», мы полагаем целесообразным наряду с этим использовать термин «организационно-правовой механизм изменения индивидуального правового статуса». Таким образом, используя в исследовании понятийный аппарат социологии, экономики (как, впрочем, и других «неюридических» наук), мы должны видеть правовую сторону процессов, поскольку нас интересует, естественно, правовой аспект мобильности.

С позиций правовой науки канал вертикальной социальной мобильности представляет собой организационно-правовой механизм, с помощью которого индивид меняет свое место в социальной системе страны. В связи с тем, что брак и семья рассматриваются многими авторами как самостоятельные каналы социальной мобильности, мы также в рамках настоящего историко-правового исследования будем рассматривать их в качестве самостоятельных социальных институтов и самостоятельных компонентов механизма вертикальной социальной мобильности. Уточним одну позицию этического плана: в работе брачно-семейная проблематика рассматривается не

в аспекте «браков по расчету», в которых цель повышения правового статуса изначально была главной, а в аспекте правовых последствий создания семейного союза, которые заключались в изменении социально-правового положения одной из сторон независимо от наличия или отсутствия таких намерений, изменения в силу положений закона.

Поскольку заключение брака или состояние в качестве члена семьи влечет за собой в определенных случаях изменение правового статуса данного лица, то брак и семья, как правовые институты, обладают свойствами порождать изменения социально-правового положения. Следовательно, есть резон рассматривать брак и семью как социальные институты в качестве компонентов механизма изменения индивидуального правового статуса подданными Российской империи.

Естественно, что законодатель трактовал и брак, и семью (брачный союз и семейственные обязанности по терминологии Свода законов Российской империи) не только в юридическом, но и в религиозно-этическом аспектах [3].

Кроме этого, мы должны учитывать то обстоятельство, что брачно-семейные отношения с правовых позиций регулировались не только законодательством, но и обычным правом, причем под воздействием канонического права.

В литературе в связи с этим называются три регулятора данных отношений: общество (крестьянская среда), Православная церковь, государство [9, с. 25], отмечается роль обычного права [5] и др. Дела, связанные с преступлениями против «семейных прав» и «гражданские споры, вытекающие из брачно-семейного права» рассматривались церковными судами [4, с. 24].

В рассматриваемый период основными компонентами механизма вертикальной социальной мобильности являлись государственная служба, включавшая военную службу (армию) и государственную гражданскую службу, образование, предпринимательство, искусство и литература. При этом универсальный характер носила лишь военная служба. Только этот канал социальной мобильности был доступен любому подданному независимо от его сословной принадлежности.

Семейно-брачные отношения являются той сферой, в которой правоспособность представителей различных сословий и внутрисословных социальных групп была в рассматриваемый период наиболее полной по сравнению с другими сферами общественной жизни. Полагаем, что одним из факторов, обусловивших данное положение вещей, было влияние религиозно-моральных норм [10, с. 34]. Таким образом, правовыми последствиями заключения брака потенциально мог воспользоваться любой российский подданный.

С учетом реалий сословного строя брак и семья не могли не использоваться государственной властью в качестве способов поддержания устойчивости данной социальной структуры. П.Л. Полянский приводит пример такого рода: «Брачно-семейные отношения православного духовенства и низ-

ших разрядов служилого населения русское правительство вплоть до середины XIX века рассматривало исключительно под углом зрения их наследственных сословных обязанностей; главная идея законодательных норм в отношении этих категорий населения – обеспечение воспроизводства и сохранения профессиональных навыков сословных групп...» [9, с. 19].

Мы можем предложить следующую логическую конструкцию применительно к позиции государственной власти в этом вопросе: государство не рассматривало брак в силу его особой религиозно-нравственной сущности как самостоятельный способ повышения правового статуса. Однако с учетом правовых последствий заключения брака, которые включали в себя и изменение в ряде случаев правового статуса лиц, законодатель не мог уклониться от регулирования этой стороны брака как социального института. Если можно так выразить позицию законодателя, то данное обстоятельство было свойством брака, а не его целью. Другими словами, брак в первой половине XIX в. являлся компонентом механизма изменения индивидуального правового статуса, но механизмом особого рода.

Законодатель оговаривал вопросы сохранения или изменения сословного и иного корпоративного (внутрисословного) статуса подданного при вступлении его в брак. В законе прямо указывались случаи «сообщения» вступившему в брак человеку определенного правового статуса. Законодатель учитывает интересы лиц, имеющих определенные правомочия в отношении вступающих в брак в силу своего сословного статуса. В качестве примера мы приведем известную норму о запрете помещичьим крестьянам и дворовым людям вступать в брак «без дозволения их владельца» [3, ст. 14]. Аналогично вдовы и девушки удельного ведомства могли вступать в брак только при получении «от мира» увольнительной [3, ст. 18].

Отметим, что в тексте закона речь идет о мужчине в большинстве случаев только в плане сохранения его «добрачного» правового статуса, а о женщине – и о сохранении, и об изменении ее правового статуса (в зависимости от ситуации, указанной в законе). В отношении прямого влияния факта заключения брака на изменение правового статуса мужчины мы можем сослаться на ст. 17. Книги первой Свода законов гражданских, которая устанавливает требование о зачислении подданного в состав казачьего сословия в случае вступления его в брак с вдовой или дочерью нижних чинов кавказского линейного казачьего войска [3]. Применительно к женщинам действует общая норма, согласно которой муж сообщает своей жене, если она принадлежала до брака к «состоянию низшему», все права и преимущества своего состояния [3, ст. 100].

Мы должны учитывать также обстоятельства, которые являлись следствием состояния в браке и которые влияли на реализацию человеком своих правовых возможностей. Так, законодатель и церковь отрицательно относились к практике раздельного проживания супругов. При этом в отношении определения места жительства крепостного человека решающую роль играл его владелец. Применительно к семьям, в которых один из супругов был

крепостным, а второй – свободным, возникала коллизия: не только сами крепостные, но и их супруги, сохранившие добрачный сословный статус, были ограничены в возможности выбора места жительства.

Обычное право крестьян в большей степени по сравнению с законодательством придает браку форму сделки. Известный исследователь правовых обычаев крестьянства Севера Европейской части России в девятнадцатом столетии П.С. Ефименко прямо указывает, что по народным понятиям о браке последний представляет собой «простую хозяйственную сделку» [5, с. 39]. Правда, поскольку автор приводит примеры заключения брака только (или почти исключительно) между представителями одного сословия – сельских обывателей – возможности использования крестьянами брака в целях вертикальной социальной мобильности были весьма ограниченными.

История первой половины XIX в. знает примеры коренного изменения индивидуального правового статуса российских подданных в результате вступления ими в брак. Наиболее яркие примеры связаны с браком представителей дворянского сословия и представителей непривилегированных сословий. Некоторые дочери крепостных людей стали в результате брака титулованными дворянками, как, например, П.И. Ковалева (в браке – графиня Шереметева), Е.С. Семенова (в браке – княгиня Гагарина).

Отдельные сюжеты представляют практика заключения брака с нарушением законодательных предписаний и практика возбуждения и рассмотрения дел по признанию браков недействительными. Как правило, инициаторов исков интересовали правовые последствия брака, как имущественные, так и статусные. Немалое число таких дел касалось представителей высших слоев дворянского сословия [8, с. 19 и след.].

Законодатель, пытаясь упорядочить сложившуюся в правоприменительной практике ситуацию, ограничил срок возбуждения наследниками таких дел, установив, что такие дела могут рассматриваться «духовными мстами» лишь при жизни «незаконно брачавшихся» [1].

Аналогичное заключение мы можем сделать и в отношении взглядов законодателя на семью как возможный способ изменения социально-правового положения человека.

Полагаем, что семья так же, как и брак должна быть признана особым в силу религиозно-нравственной сущности каналом изменения индивидуального правового статуса подданными Российской империи в первой половине XIX в. Данный тезис, разумеется, не отменяет тех юридических возможностей повышения правового статуса, которые в определенных случаях предоставляет положение члена семьи (супруга или ребенка). Так, согласно ст. 566 Свода законов о состоянии людей в государстве Свода законов Российской империи жена крепостного человека получает свободу в случае выхода мужа из крепостного состояния. Жена и дети крепостного, освобожденного из плена, получают вместе с главой семьи право «избрать род жизни», не возвращаясь в крепостное состояние (ст. 705) [2].

Таким образом, российский законодатель в первой половине XIX в., исходя из понимания брака и семьи, как институтов, обладавших в первую очередь религиозно-нравственной сущностью, тем не менее регулировал правовую сторону этих институтов. В числе обстоятельств, закрепленных в законодательстве, находятся возможности изменения индивидуального правового статуса подданного при вступлении его в брак с лицом, принадлежавшим к другому сословию или к другому субсословию. Тем самым, независимо от намерений законодателя, брак и семья выполняли (в определенных случаях) функции организационно-правового механизма, обеспечивающего вертикальную социальную мобильность. В первой половине девятнадцатого столетия мы видим отнюдь не единичные примеры функционирования данного механизма.

Список литературы

1. Высочайше утвержденный доклад Синода «О порядке производства дел о женах, вышедших, в отсутствии мужей, замуж за других, и о мужьях, являющихся в подобных проступках» от 5 января 1812 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1830. Т XXXII. № 24 944.

2. Свод законов о состоянии людей в государстве // Свод законов Российской империи. Т. 9. Законы о состояниях. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

3. Свод законов гражданских. Книга первая. О правах и обязанностях семейственных // Свод законов Российской империи. Т. 10. Законы гражданские. СПб.: Тип. 2-го отд-ния С.Е.И.В. канцелярии, 1857.

4. Гаранова Е.П. Церковное право в правовой системе российского общества (общетеоретический и исторический аспекты): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2004. 28 с.

5. Ефименко П.С. Приданое по обычному праву крестьян Архангельской губернии. СПб.: Тип. Майкова, 1872. 114 с.

6. Косинов С.С., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Система социальной мобильности российского общества: оценка эффективности в условиях современной реальности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 4. С. 33–36.

7. Мокшина Ю.Н. Брачно-семейные отношения в обычном праве мордвы конца XIX – начала XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2003. 301 с.

8. Полянский П.Л. Брак генерал-майора Бекарюкова и изменения российского семейного законодательства в середине XIX в. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. 2015. № 4. С. 19–41.

9. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: история формирования отрасли семейного права: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2016. 49 с.

10. Смирнов С.Н. Некоторые аспекты законодательного регулирования

правоспособности представителей различных категорий населения России в XVII - XIX вв. // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 1 (61). С. 30–36.

11. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов: пер. с англ. М.: Политиздат, 1992. 543 с.

Об авторе:

СМИРНОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», директор Института непрерывного образования ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, e-mail: smirnov-sn@yandex.ru.

MARRIAGE, FAMILY AND THE MECHANISM OF CHANGING OF THE RUSSIAN EMPIRE NATIONALS' INDIVIDUAL LEGAL STATUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY (RAISING THE QUESTION IN THE HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

S.N. Smirnov

Tver State University

The paper examines the characteristics of the institution of marriage and family within the context of their role in the process of vertical social mobility of the Russian Empire nationals in the first half of the 19th century, including some legislative measures in this area and the relevant law-enforcement practice.

Keywords: *marriage, family, Russian Empire, legislation, human legal status, vertical social mobility, legal and institutional mechanism.*

About author:

SMIRNOV Sergey – PhD, associate professor of the department of Legal Theory of Tver State University, director of the Institute of Continuous Education of Tver State University (170100, Tver, Zhelyabov str., 33), ORCID: 0000-0003-0758-7521, SPIN-код: 5101-9484, email: smirnov-sn@yandex.ru.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ АЛИМЕНТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВА РЕБЕНКА НА УРОВЕНЬ ЖИЗНИ, НЕОБХОДИМЫЙ ДЛЯ ЕГО РАЗВИТИЯ

О.И. Сочнева

Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова, г. Ярославль

Рассматриваются проблемы, связанные с отсутствием в российском семейном законодательстве норм, устанавливающих минимальный размер алиментов на содержание несовершеннолетних детей.

Ключевые слова: ребенок, обязанности родителей, содержание, алименты интересы ребенка.

Совершенно очевидно, что для несовершеннолетнего ребенка предоставляемое родителями содержание является основным, а зачастую, единственным источником средств его существования. В свою очередь закрепление в п. 1 ст. 61 СК РФ равенства прав и обязанностей родителей распространяется и на обязанность предоставления ребенку такого содержания.

Когда ребенок проживает в семье с обоими родителями, проблем с осуществлением каждым из них данной обязанности обычно не возникает. В то же время при раздельном проживании родителям не всегда удается прийти к соглашению в этом вопросе, что вызывает необходимость определять размер содержания, которое обязан предоставлять отдельно проживающий родитель, в судебном порядке.

Действующее российское семейное законодательство предусматривает, на первый взгляд, достаточно прозрачный и справедливый механизм определения размера алиментов в зависимости от обстоятельств каждой конкретной ситуации: в долях к доходу плательщика (ст. 81 СК РФ) либо в твердой денежной сумме (ст. 83 СК РФ). Такой подход по смыслу указанных норм («...с учетом материального и семейного положения сторон и других заслуживающих внимание обстоятельств» – п. 2 ст. 81, п. 2 ст. 83 СК РФ) направлен на соблюдение принципа обеспечения баланса интересов обеих сторон алиментного правоотношения, который представляет собой одну из базовых гарантий в сфере алиментирования.

Однако применительно к алиментным обязательствам родителей в отношении детей данный принцип, как справедливо отмечается в литературе, конкурирует с принципом приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних детей [2, с. 22]. Это подтверждается и правоприменительной практикой. В частности, размер алиментов, взысканных в порядке ст. 81 СК РФ, в денежном выражении фактически нередко не превышает 1,5–3 тысяч рублей в месяц на одного ребенка. Обусловлено это прежде всего тем, что официальный ежемесячный доход плательщика алиментов, как правило, не

всегда соответствует его реальному материальному положению. К сожалению, в современном законодательстве содержится масса совершенно легальных способов минимизировать свой официальный доход. Самый элементарный из них – по договоренности с работодателем закрепление в трудовом договоре заработной платы в размере минимального (или близкого к этому) размера оплаты труда. Анализ судебной практики по делам о взыскании алиментов свидетельствует о том, что это явление приобрело уже характер устойчивой тенденции. В «дополнение» к этому может быть оформлено трудоустройство на 0,5 и т.п. ставки, в режиме неполного рабочего дня, что, соответственно, пропорционально снижает размер официального ежемесячного заработка. Кроме того, при наличии неофициального дохода, желая уклониться от содержания ребенка и избежать расчета размера алиментов исходя из средней заработной платы в РФ (в порядке п. 4 ст. 113 СК РФ), плательщики алиментов регистрируются в службе занятости в качестве безработного. Вследствие этого их «доходом» для удержания алиментов, является пособие, размер которого соразмерно уменьшается с каждым месяцем от начала постановки на учет.

При рассмотрении дел о взыскании алиментов в нарушение требований ст. 60 ГПК РФ о допустимости доказательств суды принимают в качестве средств доказывания и основывают на этом свои выводы о трудоустройстве и размере заработка плательщика алиментов справки, составленные в произвольной форме с указанием места работы и размера заработной платы. Вместе с тем по смыслу норм трудового законодательства, регулирующего порядок оформления трудовых отношений, факт трудоустройства должен подтверждаться наличием трудового договора и соответствующей записью в трудовой книжке, а размер заработной платы – справкой 2-НДФЛ по форме, утвержденной ФНС для отчетности по доходам физического лица. На практике сведения из Пенсионного Фонда и налогового органа, полученные по запросу суда в связи с соответствующим ходатайством истца, обычно не подтверждают содержание подобных «справок». Однако не всегда истец обладает достаточной правовой грамотностью, чтобы инициировать такие ходатайства, а суды, к сожалению, со своей стороны самостоятельной инициативы в этом не проявляют.

В результате подобных манипуляций размер алиментов, фактически получаемых ребенком от такого родителя, может оказаться мизерным. Автору известен случай из недавней практики, когда сумма алиментов, перечисленных родителем в долях к его доходу, за очередной месяц составила 68,54 руб.¹ Схожие проблемы возникают и при взыскании алиментов в твердой денежной сумме (в соответствии со ст. 83 СК РФ): по смыслу положений п. 2 ст. 117 СК РФ размер алиментов в этом случае может быть определен

¹ Дело № 2-1596/2015 // Архив Судебного участка № 1 Фрунзенского судебного района г. Ярославля за 2015 г.

судом не только в целых прожиточных минимумах, устанавливаемых для детей в субъектах РФ, но и в виде доли прожиточного минимума. Отсутствие в законе пределов судебного усмотрения предполагает возможность исчисления размера алиментов кратно 0,8; 0,5 и даже 0,2 прожиточного минимума.

Совершенно очевидно, что при таких размерах алименты не отвечают своему назначению – обеспечению жизненно важных потребностей ребенка, а содержание последнего фактически перекладывается на родителя, с которым ребенок проживает. Кроме того, такая практика не соответствует и международным стандартам обеспечения права ребенка на получение содержания. В частности, ст. 27 Конвенции ООН о правах ребенка¹ закрепляет *право ребенка на уровень жизни, необходимый для его физического, умственного, духовного, нравственного и социального развития*. В свою очередь на родителей и лиц, их заменяющих, возлагается *обязанность обеспечить* ребенку условия жизни для такого развития в пределах своих способностей и финансовых возможностей. При этом нельзя не согласиться с А.М. Нечаевой в том, что «сердцевину такого развития составляют интересы ребенка», в содержание которых «входит, прежде всего, потребность в пище, одежде, жилище и других жизненных благах, без которых он существовать не может» [4, с. 8, 11]. Из этого следует, что предоставляемое родителями содержание, в том числе, и в порядке уплаты алиментов, должно быть достаточным для нормального развития ребенка, а, соответственно, для обеспечения как минимум его основных потребностей.

С учетом обозначенных выше тенденций правоприменительной практики по взысканию алиментов, а также требований международных стандартов прав ребенка одной из актуальных проблем на сегодняшний день является отсутствие в законе минимального размера алиментов. Это, на наш взгляд, приводит к ослаблению обеспечительной функции семейного права в отношении детей, нивелирует действие принципа приоритетного обеспечения прав и интересов несовершеннолетних (п. 3 ст. 1 СК РФ) в рамках алиментных отношений. Примечательно, что на государственном уровне необходимость разработки мер, направленных на обеспечение регулярности выплат алиментов, *достаточных* для содержания детей, нормативно обозначена в качестве одного из направлений государственной семейной политики РФ².

Следует отметить, что в ряде зарубежных стран законодательство предусматривает (с некоторыми различиями в «формуле» расчета) минимальный размер алиментов, уплачиваемых в отношении несовершеннолетних детей.

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

² Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012–2017 годы (утверждена Указом Президента РФ от 01.06.2012 № 761) // Собрание законодательства РФ, 04.06.2012, N 23, ст. 2994; Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 N 1618-п) // Собрание законодательства РФ, 01.09.2014, № 35, ст. 4811.

Так, например, на Украине минимальный размер алиментов на одного ребенка не может быть меньше 30 процентов прожиточного минимума для ребенка соответствующего возраста (ч. 1 ст. 182 СК Украины)¹. В свою очередь, согласно ст. 92 КоБС Республики Беларусь алименты на несовершеннолетних детей, взыскиваемые в судебном порядке, для трудоспособного родителя не могут составлять менее 50 процентов на одного ребенка, 75 процентов – на двух детей, 100 процентов – на трех и более детей от бюджета прожиточного минимума в среднем на душу населения². По законодательству Германии минимальный размер алиментов дифференцируется в зависимости от возраста ребенка и рассчитывается в процентах от 1/12 доли налогового вычета на ребенка: до 6 лет – 87 %, с 7 до 12 лет – 100 %, с 13 лет – 117 % [1, с. 504].

Небезынтересно, что в истории развития российского алиментного законодательства также имеется опыт использования подобного механизма: согласно ст. 162 Кодекса законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г.³ было предусмотрено, что размер выдаваемого родителями содержания определяется в зависимости от их материального положения, но сумма, затрачиваемая каждым из родителей, не может быть менее половины прожиточного минимума, установленного для ребенка в данной местности.

На современном этапе было сформулировано несколько законодательных инициатив по закреплению в законе минимального размера алиментов для несовершеннолетних детей⁴, однако ни одна из них не была реализована законодателем. Вместе с тем, поскольку ребенок в силу своего возраста не в состоянии обеспечить себя самостоятельно, то взыскание алиментов на содержание ребенка в судебном порядке должно служить цели удовлетворения его жизненно важных потребностей на уровне не ниже минимальных стандартов его жизнеобеспечения. В качестве такого стандарта вполне может рассматриваться прожиточный минимум, определенный для детей в субъекте РФ, в котором ребенок проживает [5, с. 94–113].

В отличие от законодателя более решительным в этом вопросе оказался Верховный Суд РФ, который в одном из своих последних Постановлений -

¹ Семейный кодекс Украины от 10.01.2002 № 2947-III (в редакции от 08.06.2016 г.) // <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2947-14/page4> (дата обращения 20.04.2019).

² Кодекс о браке и семье Республики Беларусь от 09 июля 1999 г. № 278-З // <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=6361> (дата обращения 20.04.2019).

³ Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве (принят ВЦИК 16.09.1918 г.) // СУ РСФСР, 1918, № 76-77, ст. 818.

⁴ См., напр.: Проект Федерального закона № 61045-6 «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации в целях усиления гарантий прав детей на получение алиментов» (текст по состоянию на 23.04.2012 г.) // Справочная правовая система «Консультант Плюс»; Проект Федерального закона № 61045-6 «О внесении изменений в статьи 81 и 83 Семейного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

№ 56 от 26 декабря 2017 г. в абз. 2 п. 27 разъяснил, что с учетом положений ст. 1-3 Федерального закона от 24.10.1997 г. № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», а также равной обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей установление судом алиментов, подлежащих взысканию с одного из родителей, в размере *менее половины* соответствующей величины *прожиточного минимума для детей* может иметь место только в исключительных случаях¹. Анализируя судебную практику с начала 2018 г., можно отметить, что суды достаточно активно используют данные разъяснения, однако их наличие вряд ли можно считать полноценным решением проблемы, поскольку, *во-первых*, по смыслу ч. 4 ст. 19 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»² разъяснения Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики в определенной мере носят для судов рекомендательный характер, а в содержании п. 2 ст. 83 СК РФ даже при наличии таких разъяснений остается поле для усмотрения суда. *Во-вторых*, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ относительно минимального размера алиментов формально-юридически распространяются только на применение ст. 83 СК РФ и не затрагивают аналогичной проблемы при взыскании алиментов в долях к доходу плательщика по ст. 81 СК РФ. *В-третьих*, нельзя не согласиться с Н.И. Матузовым в том, что судебное толкование ни в коей мере не должно изменять содержание нормы и тем более создавать новую [3, с. 345]. В этом смысле присутствующий в абз. 2 п. 27 Постановления пленума Верховного Суда РФ № 56 от 26 декабря 2017 г. комментарий к ст. 83 СК РФ выходит за пределы содержания данной нормы.

Следует, конечно, признать, что с принятием Верховным Судом РФ указанного постановления суды стали критичнее относиться к документам, предоставляемым ответчиками в качестве доказательств наличия постоянного дохода (особенно в тех случаях, когда этот доход не выше минимального размера оплаты труда), сопоставляя их с информацией о его имущественном положении, полученной из Росреестра, ГИБДД, банков, а также из Пенсионного Фонда и налоговых органов, и выносить решения о взыскании на содержание каждого ребенка не менее 0,5 прожиточного минимума при отсутствии со стороны ответчика доказательств объективной невозможности получать более высокий доход. Однако эта позитивная тенденция еще достаточно слабо выражена.

С учетом сказанного полагаем, что закрепление минимального размера алиментов, взыскиваемых с родителя на содержание несовершеннолетнего ребенка, должно быть осуществлено именно на законодательном уровне, причем, как для взыскания алиментов в твердой денежной сумме (ст. 83 СК

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 56 от 26.12.2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов»// Справочная правовая система «Консультант Плюс».

² Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»// Справочная правовая «Консультант Плюс».

РФ), так и в долях к доходу плательщика (ст. 81 СК РФ), исходя из 1/2 величины прожиточного минимума для ребенка, установленного в субъекте РФ, где он проживает. Нормативное закрепление минимального размера алиментов будет способствовать реализации социальной направленности семейно-правового регулирования, предполагающего, как справедливо отмечено Н.А. Темниковой [6, с. 268], необходимость государственного контроля за реализацией прав детей, а также требованиям Конвенции о правах ребенка, установления которой «служат критериями оценки уровня развития и степени эффективности национального законодательства, определяющего правовой статус ребенка» [7, с. 275].

Список литературы

1. Гражданское уложение Германии. 3-е изд., перераб. – М.: Волтерс Клувер, 2008. 896 с.
2. Ксенофонтова Д.С. Правовые гарантии в сфере алиментирования. Монография. М.: «Статут», 2018. 207 с.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2002. С. 345.
4. Нечаева А.М. Семейно-правовая защита интересов ребенка в России. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. 244 с.
5. Сочнева О.И. К вопросу об обеспечении интересов ребенка при взыскании алиментов в судебном порядке // Социально-юридическая тетрадь. 2016. № 6. С. 94–113.
6. Темникова Н.А. Метод семейного права и перспективы развития семейного законодательства // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Твер. гос.ун-т, 2015. С. 265–271.
7. Толстова И.А. Конвенция о правах ребенка как основа формирования гражданско-правового статуса несовершеннолетнего гражданина // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования: Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015. С. 272–275.

Об авторе:

СОЧНЕВА Ольга Игоревна – старший преподаватель кафедры социального и семейного законодательства юридического факультета ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова» (150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14), SPIN-код: 2913-8840, e-mail: sochneva.76@rambler.ru.

THE ROLE OF JUDICIAL PRACTICE IN CASES OF RECOVERY OF ALIMONY IN ENSURING THE CHILD'S RIGHT TO A STANDARD OF LIVING NECESSARY FOR HIS DEVELOPMENT

O.I. Sochneva

P.G. Demidov Yaroslavl State University

The article considers the problems associated with the absence in the Russian family legislation of norms establishing the minimum amount of alimony for the maintenance of minor children.

Keywords: *child, responsibilities of parents, maintenance, alimony, interests of the child.*

About the author:

SOCHNEVA Olga – senior lecturer, department of social and family legislation, faculty of law P.G. Demidov Yaroslavl State University (150003, Yaroslavl, Sovetskaya street, 14), SPIN-code: 2913-8840, e-mail: sochneva.76@rambler.ru.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК НРАВСТВЕННО-ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ В РЕГУЛИРОВАНИИ БРАЧНЫХ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

С.Н. Тагаева

Учреждение высшего образования «Университет управления
«ТИСБИ»,
г. Казань

В статье рассматриваются проявления принципа справедливости при решении имущественных вопросов супругов. Отмечается, что справедливость представляет собой сложившиеся нравственные представления о справедливом поведении супруга при осуществлении имущественных семейных прав и использование оценочной категории «справедливость» требует выработки четких критериев и ориентиров для правоприменителя.

Ключевые слова: справедливость, брак, супруги, имущественные отношения, семейное законодательство.

Центральное место среди имущественных отношений в семье занимают отношения супругов по поводу имущества.

Семейное законодательство предусматривает два варианта урегулирования имущественных отношений между супругами: во-первых, супругам предоставлена возможность самостоятельно урегулировать свои имущественные отношения путем заключения брачного договора, во-вторых, с момента вступления в брак между мужчиной и женщиной, при отсутствии брачного договора, возникает режим общей совместной собственности.

В связи с этим возникает вопрос о соответствии правового регулирования указанных режимов принципу справедливости.

Значение принципа справедливости актуализируется в связи с усложнением имущественных отношений между супругами.

Несмотря на кажущуюся определенность понятия «справедливость» в науке отсутствует единообразное понимание этого явления.

М.К. Сулейменов считает, что справедливость представляет собой сложившиеся в обществе и признанные законом, обычаями и судебной практикой нравственные представления о справедливом поведении при осуществлении субъективных гражданских прав [8, с. 30].

По мнению С.А. Ивановой, принцип справедливости как общий принцип права нашел воплощение в принципах разумности и добросовестности [6]. Близкой позиции придерживается Э.Ю. Анфицера, указывающая, что «неприменение или неправильное применение к конкретным гражданско-правовым отношениям хотя бы одного из основных начал гражданского законодательства ведет к несоблюдению принципа справедливости в целом в гражданском праве» [1, с. 47].

В свою очередь В.А. Белов отмечает, что принцип добросовестности является общим и включает в себя принципы справедливости и разумности [3].

Понятие «справедливость» является нравственно-правовой категорией. Известно, что общественное мнение, являясь формой массового сознания, дает оценку поведению человека, соотнося его с моральными стандартами, сложившимися в данном обществе, используя категории «несправедливо», «аморально», «недостойно» и др.

Признание поведения субъекта справедливым означает его соответствие сформировавшимся взглядам и убеждениям в обществе о «правильном» и «справедливом». Оценка общественных отношений, поступков и действий людей зависит от внутренних регуляторов оценивающего лица.

Каждое общество имеет свое понимание справедливого и несправедливого, которое также не является чем-то статичным, оно эволюционирует, как и общественное сознание. Изменение представления о справедливом отражается и на правовых отношениях.

Выделение семейного права как самостоятельной отрасли права, а также наличие специального регулятора семейных отношений – Семейного кодекса – свидетельствует о стремлении государства к справедливости.

Именно с целью обеспечения принципа справедливости в семейном законодательстве был предусмотрен законный режим имущества супругов.

Право должно быть справедливым, оно должно, как регулятор общественных отношений, выступать в качестве социального компромисса.

Следует поддержать позицию Л.Ю. Василевской, считающей, что частноправовое регулирование, как и правовое регулирование в целом, всегда должно основываться на понятии справедливости как нравственной категории [4].

С целью соответствия принципу справедливости в семейном законодательстве предусмотрен законный режим имущества супругов. Важную роль в сохранении и укреплении совместной жизни супругов играет не только зарабатывание средств на нужды семьи, но и ведение домашнего хозяйства, воспитание детей, которые требуют помимо траты времени, ещё и личного участия одного из супругов. Соответственно, супруг, занятый ведением совместного хозяйства и воспитанием детей, лишен возможности иметь самостоятельный доход, что несправедливо. Предоставление права на общее имущество супруга, который был занят созданием условий для развития другого супруга и детей, направлено на уравнивание прав обоих супругов. Безусловно, положения о законном режиме имущества супругов направлены «главным образом на защиту законных прав неработающих женщин [6, с. 119]», которые отказываются от карьеры и личного развития во благо интересов семьи и детей.

С другой стороны, предусмотренная законом возможность лицам, вступающим в брак или супругам, самостоятельно определять режим своего имущества соответствует свободе договора, воле сторон, а соответственно, и принципу справедливости. Отличного мнения придерживаются сторонники новой цивилистической парадигмы, указывающие на то, что «последовательное претворение в жизнь свободы договора в его либерально-индивидуалистской трактовке, приводит к одному результату – сильный становится еще сильнее, а слабый еще слабее... поэтому ставится вопрос о замене или дополнении принципа «свободы» договора принципом его справедливости [8, с. 29]. Смысл договорной справедливости направлен на защиту прав слабой стороны в договоре, построении взаимоотношений на основе сотрудничества.

Следует заметить, что возможность установления супругами договорного режима направлена также на обеспечение договорной справедливости.

Заключение брачного договора не означает допущение включения в него любых условий, то есть неограниченную волю при определении его условий.

В частности, не допускается ограничение правоспособности и дееспособности одного из супругов или лица, вступающего в брак. Например, условие о том, что право на получение содержания будущей жене поставлено в зависимость от того, ведет ли она домашние дела и ухаживает за детьми, ограничивает её правоспособность.

Кроме того, брачный договор не должен ограничивать право супруга на судебную защиту. Даже если один из супругов самостоятельно отказывается от предоставленного ему права на общение в суд за защитой своих прав, то это обязательство ничтожно.

Также брачный договор не может регулировать положения, касающиеся детей, его субъектами могут быть только супруги или лица, вступающие в брак, а не дети, являющиеся самостоятельными субъектами права. Для решения вопросов, связанных с содержанием детей, родители имеют право заключить соглашение об уплате алиментов, а для решения вопросов воспитания и порядка осуществления родительских прав в отношении детей – специальное соглашение. Отсюда нельзя, например, указывать в брачном договоре, что в случае расторжения брака супругов несовершеннолетний ребенок будет проживать с матерью (или с отцом) [7, с. 235].

Кроме того, семейное законодательство запрещает включение в брачный договор условий, ограничивающих право нетрудоспособного нуждающегося супруга на получение содержания, а также других условий, ставящих супруга в крайне неблагоприятное положение. Применение принципа цивилистики, что договоры должны исполняться, невозможно в полной мере, поскольку это противоречит сущности семейных отношений [5, с. 32].

Необходимо заметить, что усилению договорной справедливости будет способствовать расширение предмета брачного договора, обусловив возникновение обязательств имущественного характера у супруга от факта нарушения личных неимущественных прав другого супруга, или причинения ему физического вреда. Целесообразно допустить в брачном договоре условие о возможности изменения установленного режима имущества в случае супружеской неверности, наличии фактов насилия в семье (нанесения побоев и т.д.), при наличии пристрастия к азартным играм, спиртным напиткам и наркотическим средствам. В данном случае брачный договор может содержать условия о возмещении морального вреда и т.д.

Кроме правового регулирования, принцип справедливости в имущественных отношениях супругов может и должен проявиться при правоприменительной деятельности.

Как известно, ст. 5 Семейного кодекса РФ допускает использование принципа справедливости в правоприменительной деятельности при отсутствии норм семейного законодательства и гражданского права, а также при отсутствии договорного регулирования отношений между супругами.

В связи с этим следует согласиться с А.В. Барковым и В.А. Бабаковым в том, что справедливость, как и любая оценочная категория, нуждается в установлении определенных критериев, позволяющих более успешно осуществлять правоприменительную деятельность, обеспечивать единообразие судебной практики [2, с. 85].

Целью применения принципа справедливости в имущественных отношениях супругов является обеспечение баланса прав супругов, правовая квалификация поведения одного из супругов исходя из норм права и морали, соответствия нравственным ориентирам, соотнесения действий одного из супругов и их последствий.

Так, суду предоставлено право отступления от начала равенства долей супругов исходя из заслуживающего внимания интереса одного из супругов, в частности, если другой супруг не получал доходов по неуважительным причинам или расходовал имущество в ущерб интересам семьи.

Использование принципа справедливости может быть реализовано и при взыскании алиментов на содержание супругов и бывших супругов исходя из материального положения и других заслуживающих внимания интересов сторон.

Несправедливым признается поставление другого супруга заключением брачного договора в крайне неблагоприятное положение.

В семейном законодательстве отсутствует не только легальное понятие “поставления в крайне неблагоприятное положение”, но отсутствуют также признаки и характеристики для определения этого социального явления. В связи с этим возрастает значение судебного усмотрения для оценки крайне неблагоприятного положения.

Исходя из вышеизложенного можно сделать выводы:

- 1) справедливость представляет собой сложившиеся нравственные представления о справедливом поведении супруга при осуществлении имущественных семейных прав;
- 2) использование оценочной категории «справедливость» требует выработки четких критериев и ориентиров для правоприменителя.

Список литературы

1. Анциферова Э.Ю. Реализация нравственно-правовых принципов добросовестности, разумности и справедливости в гражданских правоотношениях различных стран // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. Т. 3. № 2 (10). С. 44–49.
2. Барков А.В., Бабаков В.А. К вопросу о применении оценочных категорий в семейном праве: реализация принципа справедливости при разделе общего имущества супругов // Вестник Саратовской государственной юридической академии. № 5 (124). 2018. С. 85–87.
3. Белов В.А. Добросовестность, разумность, справедливость как принципы гражданского права // Законодательство. 1998. №8. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.base.garant.ru.
4. Василевская Л.Ю. Не могу сказать, что наш ГК страдает от недостатка диспозитивности // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2016. №1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
5. Замрий О.Н. Дисбаланс интересов супругов (бывших супругов) в имущественных отношениях как предпосылка реформирования семейного и гражданского законодательства // Вестник ТвГУ. Серия «Право». 2019. № 4 (60). С. 28–34.
6. Иванова С.А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в гражданском праве // Законодательство и экономика. 2005. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru.
7. Пчелинцева Л.М. Семейное право России: учебник. М.: Норма: Инфра-М, 2012. 720 с.
8. Сулейменов М.К. Справедливость как понятие и как принцип // Добросовестность в гражданском праве: матер. науч.-практ.конф. в рамках цивилистических чтений, посвященной 20-летию ГК Республики Казахстан (Алматы, 22–23 мая 2014 г.). Алматы, 2014. С. 27–30.

Об авторе:

ТАГАЕВА Санавбар Назиркуловна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права УВО «Университет управления «ТИСБИ» (г. Казань), e-mail: s.tagaeva@mail.ru.

JUSTICE AS A MORAL AND LEGAL CATEGORY IN THE REGULATION OF MARRIAGE PROPERTY RELATIONS

S.N. Tagaeva

Institution of higher education "University of Management" TISBI ", Kazan

The article examines the manifestations of the principle of justice in solving property issues of spouses. It is noted that justice represents the prevailing moral ideas about the fair behavior of a spouse in the exercise of property family rights and the use of the assessment category "justice" requires the development of clear criteria and guidelines for the law enforcement officer.

Keywords: *justice, marriage, spouses, property relations, family legislation.*

About the author:

TAGAEVA, Sanavbar Nazirkulovna – doctor of law, associate professor, professor of the civil law department of the University of Management "TISBI" (Kazan), e-mail: s.tagaeva@mail.ru.

О РАЗВИТИИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ НАЧАЛ В СЕМЕЙНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Н.Н. Тарусина

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,
г. Ярославль

В статье рассматриваются общие начала семейного законодательства – в контексте взаимодействия публичных и частных ценностей, проектные законотворческие предложения об уточнении и дополнении указанных конструкций, фиксируются конкретные нормы семейного права, либо расшифровывающие их, либо коллидирующие с ними.

Ключевые слова: семейный закон, общие положения, публичные интересы, частные интересы.

Российское семейное законодательство в любых своих исторических воплощениях: от имперского до современного, от подчиненно гражданско-правового до относительно суверенного, от революционного до либерального – всегда сочетало в себе активное публичное начало и менее активное – частное, императивные средства воздействия на отношения с семейным элементом и диспозитивные, значительную ролевую «игру» государственных структур как в форме веления, так и в форме усмотрения, весьма разнообразные ролевые обыкновения субъектов семейных правоотношений – от подчинения предписаниям до свободного выбора вариантов поведения, по ситуации.

Оно также строилось на основе традиционных общественных ценностей, впрочем, понимаемых и трактуемых с некоторым различием. При этом, независимо от политического сезона (кроме разве что октябрьско-революционной поры), среди данных ценностей наиболее значимыми были обеспечение становления, развития и защита семьи, охрана жизненно важных интересов ребенка, значимость института родительства и замещающих его форм «призрения» за детьми [1]. Правда, конкретные воплощения этих идей могли существенно различаться – иной раз до такой степени, что возникали сомнения в их принадлежности к одной и той же цивилизационной нише. Ярчайшим примером подобного рода служит запрет добровольного признания и судебного отыскания внебрачного отцовства и введение «драконовской» бракоразводной процедуры в 1944 г. – в противовес соответствующим революционно-прогрессивным технологиям 1917–1918 гг.

Несмотря на статус традиционных, общие начала российского семейного законодательства в последние десятилетия вновь подверглись атакам, имеющим в своей основе идеи о равноценности классических и нетипичных форм семейного союза (брачного, родителей и детей, институ-

тов опеки и усыновления/удочерения), идеи о выборности способов формирования семейного бюджета, построения отношений собственности не только на устоявшейся платформе общесупружеского имущества, но и в рамках вариабельной договорной конструкции, а также идеи о решении проблем деторождения с помощью различных репродуктивных технологий, включая самую дискутируемую из них – суррогатное материнство¹.

В качестве деклараций общие начала закреплены в нормах ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) и частично – в нормах отдельных институтов. Принципиальный смысл подобных деклараций заключается в последующем установлении конкретизирующих положений их позитивного содержания, возможностей охраны и защиты прав и интересов, ими обусловленных, или же, по крайней мере, в явственном учете означенных позиций в правоприменительной практике.

Кроме того, совершенно очевидно, что они должны коррелировать с соответствующими конституционно-правовыми нормами. Как известно, до недавнего времени полной корреляции не наблюдалось. Так, норма п. 1 ст. 38 Конституции РФ предусматривает государственную защиту материнства и детства, а в п. 1 ст. 1 СК РФ среди объектов защиты появляется и отцовство. Гармонизация произошла лишь после принятия конституционных поправок: в норме п. «ж¹» ст. 72 (о совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов) зафиксировано указание и о защите отцовства. Следует при этом заметить, что особая защита детства и материнства относится к традиционным семейно-правовым ценностям, имеющим значительную и обширную конкретизацию, как нормативную, так и правоприменительную (образцами первой являются нормы об ограничении права мужа на расторжение брака в период беременности жены и года после рождения ребенка, об алиментах на жену/бывшую жену до трех лет ребенку и др.; образцом второй – так называемая правоприменительная презумпция преимущественного права матери на оставление с ней малолетнего ребенка при раздельном проживании родителей, которая, впрочем, соответствует позиции Декларации о правах ребенка и преамбуле Конвенции о правах ребенка). Защита же отцовства, кроме положения о равенстве прав родителей (из положения о коем всегда бывают исключения), о праве на добровольное признание отцовства и судебное его установление, ничем специальным образом не подкреплена.

Норма п. 3 ст. 1 СК РФ недвусмысленно полагает брак союзом мужчины и женщины, чему косвенное подтверждение закреплено в норме п. 1 ст. 12 СК РФ с помощью требования о их свободном волеизъявлении на супружескую общность. Разумеется, в таком значимом вопросе необходимо прямое, а не косвенное подтверждение позиции законодателя –

¹ «Пробирочные» технологии, видимо, тоже не за горами. И они породят весьма жесткие трудности не только в контексте их конкретного правового регулирования, но и в плане ценностных ориентиров семейного законодательства.

прежде всего через введение в ткань кодекса дефиниции брака, что мы неоднократно подчеркивали [2] и что в настоящее время спроектировано в ряду изменений СК РФ, в частности группой сенаторов [3]. Впрочем, полагаем, что после уточнения конституционно-правовой позиции у законодателя иного выхода и не осталось.

При этом не можем удержаться от язвительной сентенции относительно означенной конституционной поправки: и защита отцовства, и объявление гетеросексуального характера супружества отделено от положений о правах человека, что воспринимается по меньшей мере странно, а по большому счету – дико. В нормах ст. 72 Конституции все поправки выглядят искусственно внедренными в тексты, посвященные вопросам совместного федеративного и регионального ведения, где новеллы должны были быть сформулированы применительно к целям указанных норм, а в итоге заявлены, по сути, в качестве фундаментальных основ прав человека и общественных ценностей... Очень хотелось инициаторам конституционного процесса включить в ткань Конституции ряд принципиальных положений, но не хотелось затевать нормальный процесс внесения в нее назревших поправок (причем, как показала практика, соответствующие опасения вряд ли были оправданны – и по срокам, и по настрою граждан). В этом плане уместнее было бы декларировать о ценностных ориентирах российского государства в преамбуле Конституции, коя является ее неотъемлемой нормативной частью и на которую, в отличие от положений главы второй, не распространяется сложная процедура внесения поправок.

В связи с конституционным закреплением сущности брака можно также ожидать активизации проектирования правовых последствий смены пола в браке [4]. Как известно, в настоящее время они не определены, несмотря на очевидное противоречие данного умолчания законодателя СК РФ, правовой позиции Конституционного Суда РФ, а теперь еще и Конституции РФ. Конечно, баланс в этом вопросе частных и публичных начал найти непросто: признавать трансформированный брак недействительным, «автоматически» его прекращать по инициативе уполномоченных лиц и т.д.?.. Продолжать втихомолку сохранять пробельность и коллизийность?.. Или же спроектировать для подобных случаев возможность преобразования в специальный вид партнерства семейного типа, как это предлагается некоторыми авторами [5, с. 52–59]? Разумеется, после соответствующей конституционной поправки вариант узаконивания однополого брака, через последовательное восхождение к нему от конструкции партнерства до супружества, как это позиционировалось некоторыми цивилистами (М.В. Антокольской, И.А. Трофимец и др.), стал невозможен. Хотя это и не исключает продолжения критики брачного традиционализма в доктрине, а также аккуратной (в определенной мере «тихушной») разработки конструкции семейного партнерства – как для ситу-

ации смены пола в браке, так и для гомосексуальных союзов («пятая колонна» жила, живет и будет жить, несмотря на существенное ослабление предпосылок для энергичного давления на законодателя в связи с конкретизацией обозначенной конституционно-правовой основы семьи). Объективности ради следует заметить, что хотя идея универсальности права на брак по меньшей мере спорна, а по большому счету противоречит его изначальной сущности [6, с. 152–160], право на семейную жизнь относится к категории прав человека и предполагает дифференциацию, определенное разумное разнообразие. Причем важнейшими критериями разумности являются общественный интерес в биологическом и социально безопасном воспроизводстве человеческого вида и интерес «третьей жизни», ребенка, в обеспечении права на воспитание и заботу без заведомых отклонений (пусть он сам, когда достигнет совершеннолетия, возраста принятия значимых для своей жизни решений, определяется с гендерной принадлежностью и иными характеристиками индивидуального бытия).

Продолжим, однако, размышления о началах семейного законодательства в контексте взаимодействия иных публичных и частных компонентов. Принадлежность исследуемой отрасли к цивилистической семье означает, что содержание семейных правоотношений должно быть пронизано идеями равенства его субъектов. Однако очевидно, что в семейно-правовой сфере содержится весьма много отступлений от данного принципа. Первое имеет гендерный контекст: закон умаляет право мужа на расторжение брака (ст. 17 СК РФ), не предусматривает возможности возникновения алиментного обязательства (ст. 89 СК РФ) в его пользу при оставлении с ним ребенка до трех лет (видимо, на основе сложившейся в былые годы правоприменительной презумпции приоритетного права матери на заботу о малолетнем ребенке), презюмирует отцовство в браке (п. 2 ст. 47 СК РФ)¹, «одиноким мужчиной» не обладает правом на участие в программе суррогатного материнства². Второе отступление характеризует правоотношения родителей (лиц, их замещающих) и детей: институт законного родительского (и иного попечительского) представительства строится, как и в целом родительство и попечительство, на сущностной основе власти и подчинения, хотя формально и не объявленной, родители обладают приоритетным правом на воспитание детей. Отсутствие конструкции обязанности детей (с чем мы давно и упорно не согласны [7, с. 9–11], в том числе обязанности подчиняться родительской и иной попечительской воле, ослабляет этот статус лишь фиктивно. Впрочем конструкция учета мнения детей и их согласия на совершение ряда семейно-

¹ Попытки преобразовать императивное правило в диспозитивное (с допущением заявления матери ребенка об отцовстве другого мужчины, как это было в течение нескольких месяцев 25 лет назад) пока успехом не увенчались.

² Данное ограничение также оспаривается в доктрине. При этом судебная практика потихоньку развивается в сторону защиты прав генетического отца – и скорее в интересах ребенка, нежели означенного «одиночки».

правовых актов (ст. 57 СК РФ), а также право детей на административную и судебную защиту, правда, ограниченное не только возрастными рамками (ст. 56 СК РФ), но и сферой его реализации (ст. 49, 70 и 72), – несколько восполняют потери из области равноправия.

Значительно ослаблена договорная составляющая построения семейных правоотношений [8, с. 122]: брак как особый вид семейно-договорного правоотношения сопровождается ограничениями по субъектному составу, а также и иными ограничениями и запретами (ст. 12–15 СК РФ); соглашения об алиментах допускаются только между законнообязанными лицами (ст. 99 СК РФ); договор об опеке/попечительстве, приемной семье (разновидности опеки) нормирован интересами ребенка и контролем со стороны органов опеки и попечительства; брачный договор допускает только регулирование имущественных отношений между супругами (ст. 40 СК РФ) и предполагает общее соответствие своего содержания сущности семейных отношений (например, даже режим раздельности должен, на наш взгляд, сопровождаться положениями о формировании общесемейного бюджета – иначе договор превратится в партнерство)¹; соглашение о месте проживания ребенка и о порядке общения с ним родителя/родственников должно приоритетно отвечать интересам ребенка, а не разнообразным потребностям и фантазиям сторон этого соглашения; договор о суррогатном материнстве не только ограничен по субъектному составу, но и, по смыслу п. 4 ст. 51 СК РФ, коррелируется с суверенной позицией суррогатной матери о даче внедоговорного согласия на запись о родительстве «заказчиков»².

Запреты, ограничения и дополнительные требования характеризуют не только брачные, но и все прочие семейные правоотношения: родительская и попечительская власть ограничена интересами ребенка; алиментные обязательства могут не возникнуть при обнаружении фактов недостойного поведения (ст. 92 СК РФ) или невыполнения родительских обязанностей (п. 5 ст. 87 СК РФ); родительские правоотношения ограничиваются или прекращаются способом лишения прав (ст. 69, 73); установлены весьма жесткие требования к субъектам опекунских правоотношений и еще более жесткие – усыновительских (ст. 146, 127, 128 СК РФ);

¹ Полагаем, что данных ограничений недостаточно: в свете размышлений и действий законодателя об усилении влияния в семейно-правовой сфере традиционных ценностей целесообразно (а главное – справедливо) было бы усилить «несвободу» брачного договора – с целью обеспечения интересов детей и той стороны супружества, которая нуждается или будет нуждаться в защите как социально слабая. В настоящее время СК РФ, по сути, солидаризируется с ГК РФ, предлагая избыточные альтернативы индивидуального регулирования отношений собственности в браке, тем самым рассматривая их как разновидность отношений гражданского оборота.

² При установлении судом фактов злоупотребления правом приоритет может быть преодолен – см. п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 16 от 16.05.2017 г. «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об установлении происхождения детей».

правоотношения по усыновлению/удочерению прекращаются по виновным и невиновным основаниям путем судебной отмены¹ и т.д.

Весьма своеобразного прочтения требует идея о «недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи» (ч. 2 п. 1 ст. 1 СК РФ). С одной стороны, поскольку очевидны к реализации в качестве приоритетных интересы ребенка, а также других членов семьи, нуждающихся в специальной защите, подобное вмешательство неизбежно, на что мы и обращали внимание ранее по тексту, и что для доктрины, законодательства и правоприменения относится, собственно говоря, к аксиомам. С другой стороны, безусловным ключом к гармонизации публичного и частного начал данной декларации является расшифровка критерия произвольности вмешательства. Однако как раз этот ключ легкой расшифровке и не поддается, ибо преобладание в пространстве семейного законодательства ситуационных и других норм с относительно неопределенным содержанием создает обширную базу не только для судебного и административного усмотрения (в форме толкования, конкретизации, применения норм на основе subsidiarности и аналогии, разрешения коллизий) [10, с. 254 – 273], но и усмотрения субъектов семейных правоотношений (в принципе, в аналогичных формах). Да и объективно граница между «произвольным вмешательством» и обоснованным контролем проходит по «лезвию бритвы».

Среди новейших попыток обнаружить и зафиксировать компромисс между государственным и общественным контролем над развертыванием семейных правоотношений и самостоятельностью субъектов права при решении семейных вопросов следует отметить предложения обозначенной ранее группы сенаторов о закреплении в качестве общего начала семейного законодательства презумпции добросовестности родителей [3]. Следует заметить, что в доктрине семейного права система презумпций не устоялась: она либо представлена классическим набором (презумпции отцовства в браке, общности имущества и т.п.), либо набором, стремящимся к «бесконечности», в который включаются применительно к правоотношениям родителей и детей презумпция приоритета интересов де-

¹ Как известно, судам также рекомендовано применять к данным правоотношениям по аналогии конструкцию ограничения прав – см. ч. 2 п. 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 44 от 14.11.2017 г. «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав». Данный пример, наряду с иными различиями правового регулирования родительства и усыновительства, свидетельствует о коллизии между общей нормой о юридическом тождестве указанных форм попечения над детьми и конкретными нормами института усыновления/удочерения, на что справедливо указывается в доктрине [9, с. 13–23]. Это, разумеется, не касается вводных норм о требованиях к усыновителям/удочерителям.

тей, единства интересов родителей и детей, единства интересов обоих родителей в вопросах надлежащей заботы о ребенке [11, с. 70–72]. Поскольку в нашу задачу не входит аналитика специфики и разнообразия презумптивных или как бы презумптивных положений семейного законодательства и практики его применения, ограничимся констатацией того, что, на наш взгляд, часть перечисленных презумпций, касающихся родительства и детства, могут иметь и статус принципов либо семейного законодательства в целом, либо института¹.

Вернемся, однако, к заявленной презумпции добросовестности родителей. Как верно отмечается в доктрине, конструкция добросовестности в семейно-правовой сфере разработана недостаточно [8, с. 123–124] – она применяется при признании брака или сделки супруга с третьим лицом недействительными (ст. 30, 35 СК РФ). В остальных случаях соображения о добросовестности усматриваются косвенным образом – посредством толкования других конструкций: взаимопомощь и ответственность перед семьей всех ее членов, разрешение семейных вопросов по взаимному согласию, забота о развитии и благосостоянии семьи, о нравственном и ином развитии детей... Полагаем, что предположение о добросовестности должно быть наполнено положительным содержанием в качестве общего начала семейного законодательства (по типу законодательства гражданского, но с учетом особенностей семейных правоотношений) и уже затем – конкретизировано в семейно-правовых институтах. И только на третьем этапе логично было бы подразумевать способы его опровержения.

В сенаторском проекте изменений СК РФ предусмотрено внедрение идеи об уважении семейных и нравственных ценностей народов России. С одной стороны, такое предложение является логическим следствием конституционных поправок и современных геополитических тенденций. Однако, с другой стороны, заявленное без необходимых оговорок может настроить правоприменительную, судебную и административную практику, а также и собственно граждан на допущение и оправдание отдельных, неприемлемых по сути своей, обыкновений (случаи обрезания девочек, практикуемые в ряде регионов по религиозным соображениям, отказ родителей от текущего медицинского контроля здоровья детей, косвенное понуждение несовершеннолетних к супружеству, в том числе сопровождаемое обычаем одаривания/калыма, создание почвы для полигамных традиций и т.п.). Следовательно, редакция рассматриваемого положения должна быть соотнесена с критериями оценки значимости и приемлемо-

¹ Это же полагаем справедливым и для других институциональных пространств семейных правоотношений. Например, идея о равенстве долей в общесупружеском имуществе в доктрине нередко также квалифицируется как презумпция, мы же считаем ее принципом института совместной собственности, а возможность отступления от равенства долей при разделе общесупружеского имущества – исключением из него, а не опровержением презумпции [12].

сти тех или иных культурно-нравственно-религиозных традиций, их ответственности российскому цивилизационному контексту и началам российского правопорядка.

Как ни странно, в семейном законодательстве, характеризующимся активным прямым или косвенным присутствием в своем содержании нравственных конструктов (взаимное уважение, любовь, достойное / недостойное поведение, духовное и нравственное развитие детей и т.п.), не упоминаются соображения об основанности семейно-правовых норм на идеях справедливости. Принято считать, что указанный критерий должен быть присущ процессуальному законодательству. Это, конечно, так. Однако если справедливость не заложена в законодательстве материальном, то отсутствует и предпосылка ее проявления во всей полноте при принятии административных и судебных решений. Между тем начала справедливости не всегда сопутствуют гипотезам, диспозициям и санкциям семейного закона.

Так, например, в институте брака весьма своеобразно сформулировано условие о здоровье вступающих в брак (сначала должны наступить, мягко говоря, неблагоприятные последствия и лишь затем применяется санкция в образе недействительности), без учета ситуации с отцовством другого мужчины выстроен запрет на инициирование мужем расторжения брака, фиктивный брак не может быть признан недействительным после его расторжения.

В институте родительства и детства примат биологизма не предоставляет суду возможности отказать в иске об установлении отцовства в случаях категорического противоречия такового установления интересам ребенка [13, с. 41], судебное отыскание факта отцовства умершего лица несправедливо ограничено только обстоятельствами прижизненного признания последним связи по происхождению (и хотя суды адресуются, дабы обойти ограничение, к норме ст. 49 СК РФ, само правило ст. 50 не меняется с рождения кодекса), не является оптимальным соотношение разнообразных интересов участвующих в деле лиц [14]; не отрегулировано общение ребенка с близкими ему людьми (например, с бывшими отчимом/мачехой и др.); общее право ребенка с 14 лет на самостоятельную защиту не всегда продуманно ограничено специальными нормами, предусматривающими исчерпывающий перечень лиц, имеющих право на предъявление соответствующего иска (например, по делам об установлении отцовства).

В институте алиментных обязательств не является гендерно нейтральной норма о праве на алименты родителя с ребенком до трех лет (на это мы уже обратили внимание в связи с анализом проявления принципа равенства); давно обнаружена потребность в расширении оснований алиментирования бывших супругов; весьма неопределенным образом сформулированы правила об учете всех обязанных лиц общей очереди: они заявляются как диспозитивные («суд вправе учесть...» – п. 4 ст. 7 и ч. 2 п.

3 ст. 98 СК РФ), в то время как справедливый смысл алиментных обязанностей предполагает императивное требование; законодатель то вводит, то исключает положения о минимуме алиментной суммы и алиментном фонде.

В институте супружеской собственности не обеспечена справедливая защита второго супруга при распоряжении первым общесупружеским имуществом: отношения гражданского оборота, по сути, оберегаются в приоритетном порядке (возможность компенсации выявляется судебной практикой, а должна закладываться в охранительной норме); избыточная свобода брачного договора, как мы неоднократно отмечали, не обеспечивает необходимую защиту интересов детей и супругов; справедливые имущественные интересы фактических супругов законодателем полностью игнорируются (а, например, СК Украины 2004 г. принимает их во внимание); домашний труд женщины (мужчины) не квалифицируется (в отличие от белорусского семейного закона) как общественно полезный и подлежащий учету. И т.д., и т.п. Конечно, данные соображения характеризуют и другие начала семейного законодательства. Однако это не дезавуирует контексты справедливости, ибо необходимое для кодифицированного закона свойство системности предполагает и взаимопроникновение, «диффузию» сущностей таких начал.

Сказанное (и сколько еще не сказанного в статье, но сказанного в доктрине семейного права) явным образом свидетельствует о назревшей потребности системно поработать над «здоровьем» действующего СК РФ, не ограничиваясь отдельными проектными «вбросами». Известный вопрос П.В. Крашенинникова «Нужен ли России новый Семейный кодекс?» [15] является риторическим: дело не в формальном обозначении статуса, а в реальной оптимизации семейного закона [16, 17], столь значимого для каждого российского гражданина и общества в целом. Нам нужен не новый, а самосовершенствующийся Семейный кодекс, на каждом этапе своего развития отражающий вызовы и потребности российской общественной практики.

Список литературы

1. Tarusina N.N. European Experience and National Traditions in Russian Family Law // Russian Law Journal. 2015. Т. 3. № 2. С.97–108.
2. Законопроект № 89008-7 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/989008-7>.
3. Тарусина Н.Н. Семейное право: в оркестровке суверенности и судебного усмотрения. М.: Проспект, 2014. 288 с.
4. Интервью с Е.Б. Мизулиной // Российская газета. 02.09.2020. № 195. С. 1, 5.
5. Малейна М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М.: МЗ Пресс. 2000. 242 с.

6. Щелкин А.Г. Легализация однополых браков: к вопросу о социально-цивилизационных последствиях // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 152–160.

7. Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Права детей. М.: Проспект, 2018. 176 с.

8. Рабец А.М. Основные начала гражданского и семейного законодательства: общее и различное // Применение положений части первой ГК РФ при регулировании семейных отношений. Проблема соотношения гражданского и семейного законодательства. – Монография / Отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2020. С. 116–126. – 240 с.

9. Ильина О.Ю. Система координат в семейных правоотношениях: интерес как предпосылка смещения параметров // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2018. № 3. С. 13–23.

10. Тарусина Н.Н. Доказывание по гражданским делам из личных семейных правоотношений: трудности жанра // Вестник гражданского процесса. 2019. Т. 9. № 1. С. 254–273.

11. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М.: Городец, 2007. 192 с.

12. Тарусина Н. Н. О фикциях и презумпциях в семейно-правовой сфере // Вопросы факта и права в юридической деятельности. Сборник научных статей (посвящается 110-летию со дня рождения проф. Якова Овсеевича Мотовилокера). Сер. «Ярославская юридическая школа XXI века». Ярославль, 2020. С. 106–118.

13. Тарусина Н. Н. Отцовство: технологии юридической фиксации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2020. № 1. С. 37–47.

14. Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Материальные основания и процессуальные условия обеспечения интересов ребенка при рассмотрении судами дел об установлении его происхождения // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2017. № 1. С. 62–72.

15. Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–6.

16. Ильина О.Ю. Совершенствование Семейного кодекса Российской Федерации как повод для совершенствования российского семейного законодательства // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2014. № 2. С. 76–80.

17. Тарусина Н.Н. Семейное законодательство – парадоксов друг // Социально-юридическая тетрадь. 2019. № 9. С. 96–109.

Об авторе:

ТАРУСИНА Надежда Николаевна - кандидат юридических наук, профессор, зав. кафедрой социального и семейного законодательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (150003, ул. Советская, 14) SPIN-код: 5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru.

ON THE DEVELOPMENT AND INTERACTION OF PUBLIC AND PRIVATE BEGINNINGS IN THE FAMILY LEGAL SPHERE

N.N. Tarusina

Yaroslavl State University

The article deals with the general principles of family law - in the context of the interaction of public and private values, draft law-making proposals to clarify and supplement these structures, fix specific norms of family law either deciphering them or conflicting with them.

Key words: *family law, general provisions, public interests, private interests.*

About the author:

TARUSINA Nadezhda Nikolaevna – candidate of legal sciences, professor, head of department of social and family legislation, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov (150003, Sovetskaya st., 14) SPIN code:5565-5523, e-mail: nant@uniyar.ac.ru.

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ СЕМЕЙНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Р.Е. Телегин

Юго-Западный государственный университет, г. Курск

Рассматриваются особенности правового статуса участников семейных правоотношений в России. Автор аргументирует позицию о том, что за семьей невозможно признать статус субъекта права, наделив, соответственно, ее право- и дееспособностью. В семейных отношениях статус семьи определяется через статус ее членов.

Ключевые слова: семья, правоотношения, правовой статус, члены семьи.

Семья, как один из основополагающих институтов права, играет важную роль в системе ценностей общества и чутко реагирует на любые происходящие реформы в стране. Развитие цифровых, репродуктивных и иных технологий, затрагивающих семью как правовой институт, вносит коррективы в общее понимание феномена семьи и требует глубокого анализа. В связи с этим весьма актуальным представляется рассмотрение правового статуса участников семейных отношений в связи с необходимостью определения понятия семейной правосубъектности, являющегося краеугольным в семейных правоотношениях.

Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) не оперирует понятиями «правовой статус» и «правовое положение», в отличие, например, от Гражданского кодекса Российской Федерации. В то же время ни в теории права, ни в доктрине отраслевых наук нет единого мнения о соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение». С.С. Алексеев относит к элементам правового статуса правосубъектность, основные права и обязанности субъектов, а к элементам правового положения – конкретные права и обязанности лица, связанные с наличием определенных юридических фактов [1, с. 179]. Р.О. Халфина называет три основные группы элементов правового статуса: социальные блага, обеспечиваемые государством, права и обязанности в реальных правоотношениях; правосубъектность, и полагает целесообразным выделить термин «правовой статус» для общей характеристики положения гражданина или организации в обществе [13, с. 123]. В.Н. Протасов считает неправомерным отождествление правового положения и правового статуса, относя первое к родовому понятию, а второе – к видовому, указывая, что правовой статус и обусловленная им совокупность конкретных правовых связей определяет правовое положение лица [11, с. 180].

В.В. Бараненков пишет, что «правовое положение лица обуславливается его правовым статусом, который можно определить как определенный фиксированный уровень (ступень) развития правового положения, достижение

которого влечет его скачкообразное существенное изменение. Иными словами, развитие правового положения приводит к такому его уровню, когда лицо приобретает качественно новый статус» [2].

А.Ю. Касаткина, рассматривая наследственно-правовой статус ребенка, пишет о различии наследственно-правового статуса и наследственно-правового положения, указывая, что последнее характеризуется «наличием элементов правового статуса и множества юридических связей, в которые вступает ребенок, его законные представители и органы опеки и попечительства при осуществлении его наследственных прав, и, следовательно, наличием субъективных прав и (или) обязанностей» [6].

Следует отметить, что основные доктринальные определения правового статуса, как юридической категории, были даны ведущими учеными в области теории права еще в советское время, а исследования в данной области продолжаются до настоящего времени [5;10]. Многообразие и плюрализм научных представлений о правовой природе категории «правовой статус» активно используется в исследованиях, что позволяет признать универсальность данной категории для характеристики отдельного субъекта семейных правоотношений. Р.О. Халфина подчеркивала, что правовой статус – это объективная реальность [12, с. 123–126]. Ученый при определении понятия «правосубъектность» включала в него нормы, которые образуют правовой статус, позволяющий участвовать в правоотношениях. Полагаем, что имеющиеся в настоящее время подходы к пониманию правосубъектности не дают оснований признать за семьей статус субъекта права, наделив, соответственно, ее право- и дееспособностью.

Брачное (супружеское) правоотношение возникает из союза мужчины и женщины, несмотря на некоторые мировые тенденции, другие формы брака в России не признаются. Супружеское правоотношение является самым сложным в семейном праве, оно возникает по воле двух субъектов, при этом на их волеизъявление оказывают влияние такие факторы, как социальная среда, мораль, религиозность и многие другие, а впоследствии на базе супружеских отношений возникает множество новых правоотношений, связанных с возникновением новых родственных связей и не только родственных [3, с. 66].

Мужчина и женщина, реализуя право на брак, приобретают определенные специфические права и обязанности, которые и составляют объем правоотношений между супругами, а также между другими участниками семейных правоотношений. Состав семьи постоянно меняется, субъектами семейных правоотношений являются лица, находящиеся в родстве, свойстве, на иждивении, возможен юридический состав, при этом необходимо учитывать, что родство может быть биологическим и юридическим.

К субъектам семейных правоотношений относятся члены семьи, а в случаях, предусмотренных законодательством, и другие лица. Участники семейных правоотношений выполняют строго определенную роль, которая

зависит от пола, возраста, пребывания в состоянии нуждаемости, нетрудоспособности, степени родства или свойства.

Нормы семейного права апеллируют всегда к ролевым функциям, которые продиктованы неотъемлемыми личностными качествами членов семьи: супруг, родитель, ребенок, бабушка, дедушка, внук, мачеха и т.д., поэтому субъектный состав четко определен законодательством и не может быть произвольно изменен участниками семейных правоотношений.

В науке условно выделяют узкий и широкий круг членов семьи [4, с. 43]. В соответствии с данной градацией к узкому кругу относятся супруги, родители и дети, а более широкий круг образуют другие родственники и члены семьи, свойственники и другие лица, при этом данный круг считается открытым. Согласно ст. 67 СК РФ ребенок имеет право общаться с братьями, сестрами, дедушками, бабушками и другими родственниками, то есть семейное законодательство не ограничивает круг участников семейных правоотношений, при этом если данная ситуация будет разрешаться судом при разводе родителей, суд будет устанавливать круг общения ребенка исходя из конкретной ситуации. У ребенка могут быть доверительные отношения с родственниками, которые не являются близкими, например, двоюродными братьями, тетями, дядями, и суд должен учитывать данный факт [9, с. 36].

Некоторые эксперты предлагали делить участников семейных правоотношений на две группы [8, с. 111]: лица, которые непосредственно участвуют в семейных правоотношениях (родители, супруги, дети, сестры, братья, отчимы, мачехи, падчерицы, пасынки, опекуны, попечители и другие лица); вторую группу составляют органы государственной власти и должностные лица, которые принимают участие в регулировании семейных правоотношений (органы ЗАГС, опеки и попечительства, учреждения системы здравоохранения, суд, прокурор). С таким подходом трудно согласиться, так как взаимоотношения субъектов семейных правоотношений с юридическими лицами, такими как органы ЗАГС, суд, прокуратура, носят административный характер, а не семейно-правовой.

Участники семейных правоотношений наделены определенными правами и обязанностями, поэтому обладают правосубъектностью, при этом некоторые исследователи отмечают, что наличие дееспособности не всегда обязательно для участия в семейных правоотношениях [12, с. 134].

Семейное законодательство не содержит определения семейной правосубъектности, которая включает в себя правоспособность и дееспособность, поэтому для полного понимания данной дефиниции необходимо обратиться к гражданскому законодательству. В соответствии с п. 1 ст. 17 ГК РФ правоспособность определяется как возможность иметь права и нести обязанности. Дееспособность – это способность своими действиями приобретать, осуществлять гражданские права и создавать (исполнять) гражданские обязанности (п. 1 ст. 21 ГК РФ).

Общее понятие семейной правоспособности, опираясь на данные определения, можно сформулировать как возможность лица иметь семейные

права и исполнять семейные обязанности. Но семейной правоспособностью в этом смысле, как представляется, обладают не все участники семейных правоотношений, а лишь те из них, кто является непосредственным участником правоотношения. Возникновение и прекращение семейной правоспособности, в отличие от гражданской правоспособности, связано с фактом возникновения и прекращения семейного правоотношения, а не исключительно с рождением или смертью, хотя и не исключает их. Эти обстоятельства могут зависеть от воли, сознания и действий субъектов семейных правоотношений. Лица, которые в силу своих профессиональных обязанностей принимают участие в регулировании семейных правоотношений, защите семейных прав, семейной правоспособностью не обладают.

Вопрос о семейной дееспособности вызывает дискуссии среди цивилистов. Некоторые исследователи полагают, что в сфере семейных правоотношений дееспособность не имеет значения [14, с. 237]. С данным мнением трудно согласиться, так как малолетние дети не обладают дееспособностью в силу возраста, а вот для того чтобы вступить в брак и приобрести статус супругов, граждане должны быть совершеннолетними или эмансипированными (ст. 27 ГК РФ) и обладать дееспособностью в полной мере.

Необходимо рассмотреть и случаи частичной семейной дееспособности. Анализируя нормы семейного законодательства, можно выделить следующие случаи, когда частичная дееспособность возникает до достижения возраста 18 лет, например, в соответствии с п. 1 ст. 132 СК РФ ребенок, достигнув возраста 10 лет, может дать согласие на усыновление, а также при разводе выбрать одного из родителей, с которым он будет жить, а согласно п. 3 ст. 62 СК РФ несовершеннолетние родители в возрасте 14 лет имеют право установить отцовство в судебном порядке.

Гражданское законодательство содержит правовые положения, согласно которым гражданин может быть ограничен в правоспособности и дееспособности, данные положения имеют взаимосвязь и с семейной правосубъектностью, так если гражданин признается судом недееспособным, так как имеет психическое расстройство и не может руководить своими действиями, то соответственно такой гражданин не сможет обладать и семейной правосубъектностью (ст. 29 ГК РФ). Семейная дееспособность может быть ограничена в судебном порядке, если лицо злоупотребляет спиртными или наркотическими средствами и таким образом ставит свою семью в тяжелое материальное положение.

Лица не полностью дееспособные действуют с согласия своих представителей, так при усыновлении детей несовершеннолетних родителей требуется получить согласие не только родителей, но и их законных представителей. Такую семейную дееспособность нередко называют «нулевой», так как субъект семейных правоотношений может исполнять свои обязанности только с согласия законного представителя. Так как семейное законодательство не содержит правовых положений о правовом статусе недееспособного субъекта семейных правоотношений, в таких случаях по аналогии следует применять

ст. 29 ГК РФ. К полностью недееспособным участникам семейных правоотношений следует относить и детей в возрасте от нуля и старше, частичная дееспособность у детей возникает с 10 лет, если ориентироваться на положения семейного законодательства интересы (ст. 57, п. 1 ст. 129 СК РФ).

Представляется, что правовой статус участников семейных правоотношений динамичен и подвержен объективным факторам, зависящим от воли, сознания и действий субъектов. В этом смысле мы говорим о специальном правовом статусе участников семейных отношений, поскольку, как участник семейного отношения, физическое лицо приобретает дополнительные права, преимущества, обязанности. Специальный семейный статус участника семейных правоотношений выступает средством усиления гарантий семейных прав, их эффективной защиты, обуславливает наличие обязанностей, связанных с личностью.

Список литературы

1. Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975.
2. Бараненков В.В. Соотношение понятий «правовое положение», «правовой статус» и «правосубъектность» юридического лица // Юридический мир. 2006. № 2. / СПС «КонсультантПлюс»: поиск по автору.
3. Беспалов Ю. Ф. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк, О.А. Егорова. М.: Проспект, КОДЕКС, 2017.
4. Данилов Е. П. Юридическая консультация. Семья. Ответы на самые распространенные вопросы. Изд-е 2-е / Е.П. Данилов. М.: КноРус, 2019.
5. Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Закона России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. / СПС «КонсультантПлюс»: поиск по автору.
6. Касаткина А.Ю. К вопросу о наследственно-правовом статусе ребенка в РФ / в кн.: Частное право: проблемы теории и практики / А.Ю. Беспалов, Ю.Ф. Беспалов, Д.В. Гордеюк и др.; отв. ред. Ю.Ф. Беспалов. М.: Проспект, 2016. 144 с. / СПС «КонсультантПлюс»: поиск по названию.
7. Касаткина А.Ю. Правовой статус российской семьи: некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник тверского государственного университета. Серия Право. 2020. № 2 (62).
8. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (под общ.ред. док.юр.наук Крашенинникова П.В., канд.юр.наук Седугина П.И.) Изд. 2-е, перераб., доп. / Гетман Е.С. (канд.юр.наук) и др. Москва: СИНТЕГ, 2018.
9. Котельникова, М. С. Расторжение брака, раздел имущества, алименты. Советы практикующего юриста / М.С. Котельникова. М.: Эксмо, 2019.
10. Орлова К.А. Правовой статус: соотношение со смежными понятиями // Мировой судья. 2013. № 4. / СПС «КонсультантПлюс»: поиск по автору.

11. Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории государства и права. Вопросы и ответы. М.: Новый Юрист, 1999.
12. Семейный кодекс Российской Федерации с постановочными материалами. М.: Спарк, 2016.
13. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974.
14. Чашин А.Н. Семейные споры / А.Н. Чашин. М.: Дело и сервис (ДиС), 2019.

Об авторе:

ТЕЛЕГИН Руслан Евгеньевич – аспирант кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственного университета» (305000, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94), e-mail: gpkursk@yandex.ru.

LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS OF FAMILY RELATIONS IN RUSSIA

R.E. Telegin

Southwest State University

This article deals with the peculiarities of the legal status of participants of family relations in Russia. The author argues that it is impossible to recognize a family as a subject of law and provide it with legal capacity. In family relations the status of a family is determined by the status of its members.

Keywords: *family, legal relations, legal status, family members.*

About the author:

TELEGIN Ruslan Evgenievich – postgraduate student of the Civil law Department of the Southwest State University (305000, Kursk, ul. 50 let Oktyabrya, d. 94) e-mail: gpkursk@yandex.ru.

ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ДОГОВОРА О ПРИЕМНОЙ СЕМЬЕ

И.А. Толстова

Тверской государственной технической университет, г. Тверь

В статье рассматриваются и анализируются проблемы, связанные с определением правовой сущности договора о приемной семье, а также практические вопросы, возникающие при его заключении и определении его содержания.

Ключевые слова: несовершеннолетние дети, возмездная опека, приемная семья, договор о приемной семье.

Приёмная семья – это возмездная разновидность опеки и, помимо вынесения постановления об установлении опеки, требует заключения с будущими приёмными родителями специального договора «О создании приемной семьи» и частично регулируемому общими положениями гражданского законодательства о договорах.

Порядок заключения договоров регламентируется Правилами заключения договора об осуществлении опеки или попечительства в отношении несовершеннолетнего подопечного, утвержденными постановлением Правительства РФ от 18 мая 2009 г. № 423 [1].

Договор заключается по месту жительства подопечного и опекуна в течение 10 дней со дня принятия органом опеки и попечительства по месту жительства ребенка решения о назначении опекуна (п. 3 Правил).

В случае, если кандидаты в приёмные родители проживают в одном районе и там же подбирают ребенка для создания приемной семьи, то договор заключается в следующем порядке:

1. Орган опеки по месту проживания кандидата в приёмные родители готовит заключение о возможности гражданина быть приёмным родителем.

2. Орган опеки подбирает кандидатам со своей территории ребенка (детей) и издает акт (постановление) о передачи ребенка под опеку (попечительство) гражданину исполняющего обязанности опекуна возмездно.

3. Этот же орган опеки и попечительства заключает с гражданами двухсторонний договор не позднее чем через 10 дней с момента издания акта о передачи ребенка под опеку. С момента заключения договора возникает приемная семья [2, с. 66].

Стоит учесть, что в связи с вступлением в силу с 1 сентября 2008 г. Федерального закона от 24.04.2008 № 49-ФЗ «Об опеке и попечительстве в Российской Федерации» произошли существенные изменения, – теперь ст. 9 этого Федерального закона прямо обязывает органы опеки и попечительства при перемене места жительства опекаемого передать дело по месту фактического проживания ребенка.

Таким образом, если граждане проживают в одном регионе, а берут ребенка в другом регионе или, в ситуации, как в г. Москве, когда каждое муниципальное образование имеет полномочия органов опеки, которые не распространяются за пределы муниципалитета, то даже при заключении договора о приёмной семье, через три дня с момента передачи ребенка орган опеки обязан передать дело и полномочия органу опеки по месту проживания ребенка у приёмного родителя.

В случае перемены места жительства ребенка (переезда к приёмным родителям) орган опеки и попечительства, утрачивает полномочия по опеке и передает их органу опеки по месту проживания опекуна [3, с. 28].

Орган опеки по месту жительства приёмных родителей будет обязан принять дело ребенка и уже по своему усмотрению может заключить договор о создании приемной семьи или не заключить такой договор.

При этом неважно, указал ли орган опеки и попечительства по месту нахождения ребенка в своем акте, передается он в приёмную семью или просто на опеку, т.к. приёмная семья является разновидностью опеки, возникает с момента заключения договора, и решение о заключении договора принимает орган опеки и попечительства по месту проживания приёмного родителя [4, с. 96].

Итак, если кандидаты в приёмные родители проживают в одном районе и там проходили все подготовительные процедуры, а ребёнка принимают из другого, то договор заключается в следующем порядке:

1. Орган опеки по месту проживания кандидата в приёмные родители готовит заключение о возможности гражданина быть приёмным родителем.

2. Граждане обращаются в иные, по своему выбору органы опеки и попечительства или к региональным операторам банка данных для подбора ребенка.

3. Органом опеки по месту нахождения ребёнка передает ребёнка кандидату в приёмные родители на основании постановления о передачи ребёнка под опеку гражданину, исполняющему обязанности опекуна на возмездной основе.

4. Орган опеки по месту проживания опекуна заключает с гражданами двухсторонний договор не позднее чем через 10 дней с момента издания акта о передаче ребёнка под опеку. С момента заключения договора возникает приёмная семья [5, с. 86].

Договор может заключаться как в отношении одного несовершеннолетнего подопечного, так и в отношении нескольких подопечных (абз.1 п. 2 Правил).

При передаче нескольких детей в одну приёмную семью (сразу или последовательно) следует заключать с приёмными родителями один договор, а на каждого приёмного ребенка, передаваемого в семью делать дополнительное соглашение, устанавливающее срок пребывания, особые требования и ограничения.

В таком случае, при изменении ситуации в семье в отношении какого-либо конкретного ребенка, не придется изменять или перезаключать весь договор. При создании договора в таком виде очень удобно вносить в него изменения, например менять и дополнять план по защите прав ребенка, переданного в приёмную семью [6, с. 27–28].

Не допускается заключение договора через представителя (абз. 2 п. 2 Правил).

Сторонами в таком договоре будут являться органы опеки и попечительства и приёмные родители, лица, которые изъявили желание принять ребёнка в свою семью.

Данный договор имеет специальный субъектный состав. Содержание договора подтверждает его семейно-правовую природу. Семейный кодекс РФ впервые прямо определил отраслевую природу возникающих из договора о приёмной семье отношений – к возникающим отношениям подлежат применению, в первую очередь, нормы СК РФ, и только в части, не урегулированной СК РФ или подзаконными актами семейного права, – правила гражданского законодательства [7].

Действие договора о создании приёмной семьи прекращается в связи:

- со смертью приёмных родителей (родителя) или приёмного ребенка;
- в том случае, если приёмные родители (родитель) не надлежаще исполняют возложенные на них государством обязанности по воспитанию и обучению приёмного ребенка;
- по желанию приёмных родителей (родителя) [8].

В случае смерти приёмных родителей (родителя) приёмный ребенок возвращается на государственное обеспечение. В случае смерти приёмного ребенка родители (родитель) обязаны в 3-дневный срок сообщить об этом в органы опеки и попечительства.

Под «ненадлежащим исполнением» обязанностей приёмных родителей (родителя) понимается: жестокое обращение; отказ в оказании медицинской помощи и т.д.

Расторжение договора по желанию приёмных родителей происходит в случае: тяжелой болезни одного из родителей; тяжелого материального положения; конфликта между приёмными родителями (родителем) и приёмным ребёнком.

В случае возникновения конфликтной ситуации между приёмными родителями (родителем) и приёмным ребёнком, орган опеки должны предложить программу кризисного сопровождения, которая направлена на устранение неприятной ситуации. Если все принятые меры не дают должного эффекта, то договор о создании приёмной семьи расторгается.

Аннулирование договора о приёмной семье – редкий юридический процесс. Однако такая практика всё-таки существует. Такие ситуации рассмотрены в ст. 153.2 СК РФ [9, 10].

Договор о содержании ребёнка в приёмной семье может быть аннулирован в следующих случаях:

- при окончании срока действия;
- если приёмная семья больше не имеет возможности или желания воспитывать ребёнка (заболевания, невозможность материального обеспечения);
- органы опеки изменили решение и не дают своего согласия на попечительство. Данное решение может быть связано с тем, что в семье нет благоприятных условий для воспитания ребёнка;
- если одна из сторон, заключивших соглашение, нарушила его условия [11].

Итак, приемная семья – это вид возмездной опеки. Приёмные родители получают оплату за воспитание детей. Договор заключается между приёмными родителями и органом опеки. Один договор может заключаться в отношении нескольких подопечных. Договор может быть расторгнут как по желанию опекуна, так и по требованию органа опеки.

Таким образом, договор о приёмной семье – это семейно-правовой договор (соглашение), имеющее лично-доверительный характер, в котором прописаны все законодательные нюансы взаимоотношений между приемной семьёй, ребенком, помещаемым туда, и государством. Все спорные моменты, которые не прописаны в документе, решаются в индивидуальном порядке органами опеки и попечительства, в рамках действующего законодательства Российской Федерации и в интересах приемного ребенка (детей).

Список литературы

1. Кваша Е.А. Анализ научной дискуссии о правовой природе и понятии договора о приемной семье // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2012. – № 32. – С. 337–344.
2. Житенева С. Развитие новых форм устройства детей на воспитание в семью // Беспризорник. – 2019. – № 2. – С. 65–67.
3. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Архипов М.И., Баранова Т.Л., Малышева О.С. и др. Социально-экономическая политика и современное государство. – Тверь: Твер. гос. университет, 2018. – 278 с.
4. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Бобинкин С.А. и др. Современное государство и общество: социально-экономические и правовые аспекты: монография / под ред. Н.В. Филиновой, Е.А. Фирсовой. – Тверь.: РИУ ТвГУ, Филиал РГСУ в г. Клину. Тверь, 2019. – 241 с.
5. Байер Е. Приемная семья для детей-сирот - приоритетная задача государственной поддержки детства // Народное образование. – 2019. – № 1. – С. 85–89.
6. Акатова Н.С., Артемьев А.А., Викторов В.Ю. и др. Многообразие аспектов социальной политики. – Клин: Филиал РГСУ в г. Клину, Тверь: Тверской гос. университет, 2017. – 184 с.
7. Матвеев П.А. Правовая охрана воспитательной функции семьи в России. понятийно-категориальный аппарат // Закон и право. 2009. – № 8. – С. 67–70.

8. Решение Ленинского районного суда г. Томска № 2-1294/2019 2-1294/2019~М-1423/2019 М-1423/2019 от 27 июня 2019 г. по делу № 2-1294/2019 – [Электронный ресурс] – Режим доступа. - <https://sudact.ru> (дата обращения 09.10.2020).

9. Решение Починковского районного суда № 2А-249/2019 2А-249/2019~М-193/2019 М-193/2019 от 28 мая 2019 г. по делу № 2А-249/2019 - [Электронный ресурс] – Режим доступа. – <https://sudact.ru> (дата обращения 09.10.2020).

10. Матвеев П.А. Правовая природа юридической ответственности в семейном праве // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 6-3 (12). – С. 121–125.

11. Фетисова О.В. Перспективы развития приемной семьи в России // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 12. – С. 173–179.

Об авторе:

ТОЛСТОВА Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет» (170100, г. Тверь, наб. Афанасия Никитина, д. 22), SPIN-код: 7456-2068, e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru.

LEGAL REGULATION OF THE AGREEMENT ON A FOSTER HOME

I.A. Tolstova

Tver state technical University

The article discusses and analyzes the problems associated with determining the legal nature of the foster family agreement, as well as practical issues that arise when concluding it and determining its content.

Keywords: *minor children, paid guardianship, foster family, foster family agreement.*

About the author:

TOLSTOVA Irina Alexandrovna – candidate of juridical sciences, associate professor of the Tver state technical University (170100, Tver, embankment Afnasia Nikitina, 22), SPIN code: 7456-2068, e-mail: i.tolstova2012@yandex.ru.

ВАРИАТИВНОСТЬ МОДЕЛЕЙ БРАКА И СЕМЬИ: ТРАДИЦИОНАЛИЗМ И МОДЕРНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

И.А. Трофимец

Посольство России в Испании, г. Мадрид

Государственная политика является обязательным элементом и основой регулирования общественных отношений. Концепция государственной семейной политики направлена на поднятие престижа социального институт брака и решение демографической проблемы. Государство пытается сохранить традиционные формы семьи, допуская их новые модели с учетом процессов, происходящих в современном обществе.

Ключевые слова: государственная политика, брачные отношения, традиционализм, модернизм.

Вопросы государственной политики занимали умы Платона, Н. Макиавелли, Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Д. Локка, М. Вебера, К. Маркса, А. Бентли, В.И. Ленина, Д. Истона, Г. Моска, К. Уолтца, Д. Батлера, С.Ф. Черняховского, Г.Х. Шахназарова, Е.М. Примакова и др. [27, с. 107]. Термин «политика» греческого происхождения и переводится на русский язык как государственная деятельность. Эта социальная категория впервые была применена Аристотелем в трактате «Политика» (IV в. до н.э.). Государственная политика – это государственно-правовой курс в регулировании общественных отношений. Государственная политика в сфере брачных (семейных) отношений направлена на поступательное развитие и перспективное прогнозирование социальных процессов с целью объединить частные интересы с публичными.

При попытке дать характеристику современной государственной политике в сфере брака по критерию преемственности следует отметить дихотомию ее направлений – традиционализм и модернизм. Традиционализм обеспечивает приверженность устоям брачных отношений, а модернизм – прогресс в развитии института брака и вариативность его моделей (зарегистрированный брак, фактическое сожительство, однополые партнерства и т.п.). Если говорить о политике российского государства, то ее отличает направленность на сохранение семейных ценностей в традиционном представлении без учета вызовов XXI в. в матримониальной сфере, в частности, игнорирование мировой тенденции признания сексуальной идентичности личности и права создавать семью, легитимности различных концепций брака, в том числе фактического сожительства, т.н. «гражданского брака». Цель российской государственной политики в сфере брака – это поддержание престижа данного социального института в традиционном виде, поскольку именно на семью, основанную на союзе мужчины и женщины, государством и обществом возложена демографическая функция.

Итак, с уверенностью можно утверждать, что брак – это демографический инструмент государства. Но сложившаяся ситуация в matrimониальной сфере входит в противоречие с целью государственной политики в этой области. С начала XX в. отмечается тенденция постепенного отказа от традиционной модели семьи, основанной на официальном браке мужчины и женщины. Несмотря на утверждение специалистов в области психологии и педагогики о необходимости рождения и воспитания ребенка в полной семье с участием обоих родителей, рождение ребенка вне брака не порицается современным обществом, государством и правом и не является редким исключением. Еще в первые годы становления советской власти главным направлением политики молодого государства в брачно-семейной сфере стало построение новой модели семьи, основанной на абсолютном принципе свободы заключения брака и его расторжения, а также юридическом признании фактических (квазибрачных) отношений. Так, в 1926 г. была упрощена процедура установления отцовства, для признания мужчины отцом ребенка, рожденного вне брака, достаточно было заявления матери, отцовство можно было обжаловать в судебном порядке в течение одного года [16]. В послевоенное время статус одинокой матери был расширен за счет дополнительных прав и льгот [17]. В 1970 г. с принятием Постановления Совета Министров СССР «Об утверждении положения о порядке назначения и выплаты пособия беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям» положение одинокой матери еще более улучшается [18]. Бесспорно, любая власть заинтересована в сбережении нации, повышении уровня рождаемости и недопущении снижения народонаселения, по этой причине для решения демографической проблемы используются все возможные средства, в том числе практически поощряется внебрачное рождение. Считаем, что это модернистское направление государственной семейной политики не способствует поднятию престижа социального института брака, размывает традиционные семейные ценности и влечет утрату моральных установок.

Благодаря поправкам, внесенным в Конституцию РФ в 2020 г., концепция семейной политики стала более определенной. В частности, государство последовательно придерживается политики игнорирования вариативности брака и признания единственной возможной его модели – мужчина и женщина, состоящие в зарегистрированном в установленном порядке брачном союзе. Однако в реальности идеальной модели семьи, основанной на браке мужчины и женщины, противостоят другие формы семейных союзов. Подтверждение находим в актах, закрепляющих направления государственной семейной политики. Так, правом на получение материнского (семейного) капитала наделен и одинокий родитель [7]. Меры материальной помощи имеют адресный характер исходя из оценки остроты и значимости проблем каждой конкретной семьи, в том числе и неполной. Экономические меры государственной поддержки, которые являются наиболее действенными для социально незащищенных семей, предоставляются на основании Федерального

закона от 19.05.1995 г. (ред. от 08.06.2020 г.) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» [8]. Хотелось бы заметить, что меры государственной поддержки направлены в основном на многодетные семьи и на семьи с одиноким родителем, но, к сожалению, институт брака не укрепляют и его престиж в «глазах» общества не поднимают. Для государственной демографической политики индифферентно, рожден ребенок в браке или нет, воспитывается в полной семье или одиноким родителем.

Итак, положен конец дискуссиям о возможности вступать в брак однополым лицам на территории России. Закреплена официальная концепция традиционного брака в ст. 72 Конституции РФ «В совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации находятся: ...защита семьи, материнства, отцовства и детства; *защита института брака как союза мужчины и женщины* (выделено автором – И.Т.); создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях...». Заслуживают одобрения поправки в ст. 67¹ Конституции РФ «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая *приоритет семейного воспитания* (выделено автором – И.Т.), берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения». За приоритет семейного воспитания ратуют разные специалисты: медики, психологи, педагоги и др. Причем преимущественной формой семейного воспитания традиционно считается полная семья с обоими родителями, но дискриминационной политики в отношении иных моделей семей с детьми, в частности семьи с одиноким родителем, не проводится.

Государственная политика определяет основы деятельности органов власти в соответствии с положениями Конституции РФ, международных актов и национального законодательства. Базой для государственной политики в сфере брачных отношений являются положения Конституции РФ, на которых строятся внутренние нормативные правовые акты:

– Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. (ред. от 06.02.2020 г.) – далее СК РФ [6];

– Указ Президента РФ от 14.05.1996 г. (ред. от 05.10.2002 г.) «Об основных направлениях государственной семейной политики» [9];

– Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» [10];

– Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 г. «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [11];

– Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 г. «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» [12];

– Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 г. (ред. от 30.11.2017 г.) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» [13];

– Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 г. «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи» [14] и др.

В СК РФ и других нормативных правовых актах отмечается важность семейной формы организации жизнедеятельности людей для обеспечения прогресса и устойчивости общественного развития. Исходя из постулата «Семья – это ячейка общества» на государственном уровне поставлена задача поддержания традиций, направленных на укрепление семейной идентичности и сплоченности, сохранение и поддержание взаимосвязи и преемственности поколений в семье, а также определяется необходимость проведения пропаганды «традиционных ценностей семьи и брака, морали и нравственности» [27].

В ст. 1 СК РФ закреплены главные принципы, соответствующие современной государственной семейной политике. Согласно этим положениям государство придерживается позиции невмешательства во внутрисемейные дела, уважает самостоятельность и автономность семьи в принятии собственных решений, обеспечивает правом выбора форм государственной помощи, гарантирует равенство семей и всех их членов независимо от социального статуса, рода занятий, национальности, места жительства и религиозных взглядов, а также равноправие между мужчинами и женщинами в достижении правильного разделения семейных обязанностей. И кроме того, семьи призываются к взаимовыгодному сотрудничеству с государственными органами, органами местного самоуправления, общественными и коммерческими организациями.

Государство пытается решить проблему укрепления социальных институтов семьи и брака за счет сохранения традиционного представления: брак – это зарегистрированный, в принципе пожизненный, основанный на любви, уважении, взаимопомощи союз мужчины и женщины с целью создания семьи, совместного ведения хозяйства, рождения и воспитания детей. Существует мнение, что «состояние семьи – это показатель здоровья общества». Пока еще можно утверждать, что брак окончательно не потерял своего престижа, однако фиаско его очевидно. По данным Федеральной службы государственной статистики, распадается 2/3 зарегистрированных браков. Так, в 2019 г. было зарегистрировано 950 167 браков, а разводов – 620 730 [15]. Такая ситуация не может не свидетельствовать о кризисе этого социального института: брак перестал быть экономической опорой для многих людей, размывается система нравственных принципов, растет число добрачных и внебрачных связей, уменьшается брачная эмиграция женщин репродуктивного возраста и др. Семья перестала быть безопасным местом для человека в связи с распространением домашнего насилия, ростом числа преступлений на бытовом уровне. В обществе сформировалась стойкая терпимость к внебрачным отношениям, что

влечет утрату семейных обычаев. Сохраняется напряженность в триаде основных семейных связей «супруги-родители-дети» и взаимоотношений между поколениями. Отсутствует культ (в хорошем смысле этого слова) семьи, культура брака и брачных отношений, в том числе добрачного, внебрачного и демографического поведения. В целом серьезную обеспокоенность вызывает подрыв традиционных семейных установок [27].

Угрозу браку представляет игнорирование гражданами требования государства о необходимости регистрации брака, что превращает брак из пожизненного союза во временное сожительство без обязательств и страха ответственности, отказ от рождения детей или их воспитания, что в последнем случае ведет к сравнительно новому современному явлению – социальному сиротству и беспризорничеству. Для государства важна статистика именно зарегистрированных браков для формирования государственных программ социальной поддержки семей. При игнорировании требований государства об обязательной регистрации брака, оно снимает с себя обязательства по выплате социальных пособий (пенсий) в случае потери кормильца, но главное в такой политике государства – это облегчение реализации охраны прав зарегистрированных супругов (презумпция отцовства, совместная общность имущества, алиментные обязательства, наследственные права и т.д.).

Государственная политика РФ по проблеме легитимации фактических сожительства индифферентная: правового запрета нет, но нет и юридического признания (за исключением возможности установления отцовства в отношении внебрачных детей). Пожалуй, следует согласиться с высказыванием, что государственный акт бракосочетания направлен, прежде всего, на охрану частных интересов, и только во вторую очередь – публичных [23, с. 30–31]. А также верно утверждение о том, что поскольку сожители игнорируют требования государства, то и государство правомерно игнорирует их проблемы. По этому вопросу представляет интерес иностранный опыт правового регулирования квазибраков – фактических сожительства. За рубежом правовая охрана предоставляется в случае обязательного заключения соглашения о партнерстве между лицами, не желающими вступать в законный брак [29].

В заключение хотелось отметить, что государственная политика в сфере брака должна быть направлена на сохранение и процветание семейных ценностей. Государство заинтересовано в сохранении традиционной значимости семьи и брака. Задача государства состоит в том, чтобы не допустить ослабления брака, которое может привести к истощению человеческого и социального капитала. Сильное общество основано на сильных семьях, которые в свою очередь базируются на стабильных браках. В семье формируется уважительное отношение к себе и окружающим, происходит первая социальная адаптация. Ведь именно семья обеспечивает устойчивость сообщества, являясь школой добродетелей для будущих поколений. Цель государственной политики в этой области социальных отношений – улучшение качества жизни, а также компромисс между частными и публичными интересами.

Назрела необходимость концептуального осмысления государственно-правовых феноменов с корреляцией социального института брака с учетом традиционалистских позиций и модернистских процессов в обществе.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 04.07.2020. (Дата обращения 05.08.2020).

2. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Международное публичное право: сборник документов. М., 1996.

3. Конвенция о правах ребенка 1989 г. // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 07.11.1990. № 45. Ст. 955.

4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 18.05.1998. № 20. Ст. 2143.

5. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17. Ст. 291.

6. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 (ред. от 29.12.2017) // СЗ РФ. 01.01.1996. № 1. Ст. 16.

7. Федеральный закон от 29.12.2006 (ред. от 13.07.2020) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 13.07.2020. (Дата обращения 05.08.2020).

8. Федеральный закон от 19.05.1995 (ред. от 08.06.2020) «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> - 08.06.2020). (Дата обращения 05.08.2020).

9. Указ Президента РФ от 14.05.1996 «Об основных направлениях государственной семейной политики» // Российская газета. 21.05.1996. № 94.

10. Указ Президента РФ от 07.05.2012 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» // Российская газета. 09.05.2012. № 102.

11. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 «Об утверждении Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 24.11.2008. № 47. Ст. 5489.

12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.08.2014 «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. 29.08.2014. № 196.

13. Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 (ред. от 30.11.2017) «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» // СЗ РФ. 03.07.2017. № 27. Ст. 4062.

14. Письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 «О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи»//<http://ppt.ru/docs/pismo/minobrnauki/page-7> (Дата обращения 15.08.2020).
15. Официальный сайт ФСГС: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения 15.08.2020).
16. Кодекс законов о браке, семье и опеке 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.
17. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня», учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства»» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.
18. Постановление Совета Министров СССР «Об утверждении положения о порядке назначения и выплаты пособия беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям // СПП СССР. 1970. № 15. Ст. 123.
19. Галкина Н.Н. Государственное управление в области реализации семейной политики: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
20. Гражданское и торговое право зарубежных государств / отв. ред. Е. А. Васильев, А.С. Комаров. Т. II. М., 2006.
21. Дармодехин С.В. Государственная семейная политика в современной России: автореф. дисс. ... д-ра соц. наук. М., 1997.
22. Жилиева С.К., Жилиева А.А. Реформирование семейного законодательства как неотъемлемая часть государственной семейной политики по укреплению института семьи и брака // Семейное и жилищное право. 2017. № 5.
23. Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4.
24. Карпова А.В. Государственная семейно-демографическая политика в условиях российской модернизации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2016.
25. Королева Е.Н. Формирование государственной стратегии семейной политики: экономический аспект: автореф. дисс. ... канд. эконом. наук. СПб., 1996.
26. Плотников А.Д. Государственная семейная политика в Российской Федерации: тенденции формирования и реализация в 90-х гг. XX в.: дисс. ... д-ра истор. наук. М., 2001.
27. Трофимец И.А. Парадигма государственной политики в сфере брака: взгляд юриста // Государство и право. 2019. № 9.
28. Трофимец И.А. Международные стандарты в сфере брачных прав личности // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 2 (58).
29. Трофимец И.А. Особенности правового регулирования брачных отношений в Королевстве Испания. М.: Юрлитинформ, 2019.

Об авторе:

ТРОФИМЕЦ Ирина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, Посольство Российской Федерации в Королевстве Испания (Королевство Испания, 28002, г. Мадрид, ул. Веласкеса, 155), SPIN-код: 2552-0632, адрес эл. почты: kosareva-khv@mail.ru.

VARIABILITY OF MARRIAGE AND FAMILY MODELS: TRADITIONALISM AND MODERNISM IN THE STATE POLICY

I.A. Trofimets

Embassy of Russia in Spain, Madrid

State policy is an obligatory element and the basis for the regulation of public relations. The concept of state family policy is aimed at raising the prestige of the social institution of marriage and solving the demographic problem. The state is trying to preserve the traditional forms of the family, allowing their new models, with respect to the processes taking place in modern society.

Key words: *state policy, marriage relations, traditionalism, modernism.*

About the author:

TROFIMETS Irina Alexandrovna – candidate of jurisprudence, associate professor, Embassy of the Russian Federation in the Kingdom of Spain (Kingdom of Spain, 28002, Madrid, Velazquez St., 155), SPIN-code: 2552-0632, e-mail: kosareva-khv@mail.ru.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВ РЕБЕНКА

М.В. Ульянова

Российский государственный университет правосудия,
г. Москва

Автором обозначен вопрос об изменении подходов в представлениях о семейных правах и обязанностях членов семьи. Сделан вывод о необходимости трансформации представлений о семье, развитии представлений об осуществлении семейных прав и исполнении обязанностей на основании научных правовых концепций.

Ключевые слова: осуществление семейных прав и интересов ребенка, субъекты семейных правоотношений, концепции субъективного права.

Право является одним из важнейших и действенных регуляторов общественных отношений. Трансформация современной семьи происходит как под воздействием социально-культурных представлений, так и под влиянием правовых теорий и построенных на их основе моделей поведения, закрепленных в нормах права. Представления о правах ребенка, о семье и ее роли в обществе претерпели значительные изменения в конце XIX – начале XX в., что было обусловлено политико-экономическими событиями в обществе, и продолжали меняться в течение всего прошлого века. Известные концепции права, выработанные учеными к началу XX в. постепенно реализовывались в развивающемся правовом регулировании. Известны так называемые «волевые концепции субъективного права (представители которой были Савиньи, Виндштейн, Еллинек), трактовавшие его как «предоставленное правопорядком господство воли», «сферу господства, в пределах которой воля индивида является законом для других индивидов» [1, с. 144]; «признанную государством волевою мощью человека» [2, с. 6]; концепции основанные на понятии «интереса» (Р. Йеринг, Регельсбергер, Н.М. Коркунов, Г.Ф. Шершеневич), определявшие субъективное право как «юридически защищаемый интерес» [3, с. 8]; «власть, направленную на удовлетворение интереса», или «совокупность полномочий, рассчитанных на обеспечение какого-либо интереса» [4, с. 34], как «возможность осуществления интереса, обусловленную юридической обязанностью» [5, с. 180], «власть осуществлять интерес и возможность навязывать свою волю другим» [6, с. 607]. Ряд теорий основан на определении субъективного права, как своеобразного явления психической жизни, особое внутреннее переживание лица, порождаемое комплексом «императивно-атрибутивных эмоций» (Л. Петражицкий, Тард) [7, с. 3, 25, 87], теории прирожденных (естественных) прав личности, не зависящих от государства и законов (Гроций, Спиноза, Гоббс, Руссо, Кант); теории, которые отрицают категорию субъективного права, подменяя его понятием «социального положения» или социаль-

ной функции», выполняемой каждым в обществе в целях «всеобщей гармонии и солидарности» (А. Конт, Дюнкет, Л. Дюги, Шварц, Бурдо) [8, с. 19–22], и ряд других концепций, школ и направлений.

Некоторые из приведенных концепций имеют как выявленные недостатки, так и заслуживающие внимание положения, методологическое обоснование, которое положено в основу современного представления об осуществлении прав и правоотношений, позволило развить категориальный аппарат науки [9]. В чистом виде ни одна из этих теорий не существует, но черты некоторых теорий актуальны и в настоящее время.

В отношении несовершеннолетних изменение мировоззрения привело к тому, что ребенок был признан субъектом правоотношений.

Преобладающие работы по семейному праву не исследуют семейное право с позиций теории субъективных прав. В частности, в советский период преобладающими были исследования в рамках семейного права [10, 11], основанные на правосубъектности, и современная защита прав ребенка, построенная в соответствии с волевой концепцией субъективного права.

Вместе с тем развитие общества продолжается, и происходит трансформация института семьи. Ребенок в ней представляется самостоятельным субъектом, осуществление прав и интересов которого гарантируются государством. Следует согласиться с О.Ю. Ильиной, что имеется иерархия интересов членов семьи, отличная от семейных правоотношений [12, с. 11], появляются новые общественные отношения, требующие решения с позиции прав [13, с. 108–116]. Вопрос осуществления субъективных семейных прав ребенка требует своего глубокого изучения. Правоприменитель дает нам к тому благодатную почву для исследований, на основании имеющегося правового регулирования, как международного, так и внутреннего. Так, в Конвенции ООН о правах ребенка¹, которая имплементирована в Российскую правовую систему, в ст. 1 СК РФ закреплено, что правам и интересам несовершеннолетнего обеспечивается приоритетная защита. Согласно ст. 2 СК РФ субъектами семейных отношений являются родители и дети (усыновленные и усыновители). Правовое регулирование «относится к ребенку как к лицу, и потому закрепляет за ним право выражать свое мнение в отношении любого вопроса, затрагивающего его интересы» [14, с. 21], что соответствует ст. 57 СК РФ. В научной литературе предпринимались попытки обратить внимание на ряд проблемных моментов, связанных с возможностью осуществления прав и интересов ребенка. Так, один автор указывает, что имеет место ошибочность при указании сторон в делах о восстановлении родительских прав [15, с. 22, 3]. Реальное осуществление родительского

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // «Сборник международных договоров СССР», выпуск XLVI, 1993.

права на общение и обязанности по воспитанию возможно только при желании самого ребенка, когда он может это желание выразить в силу возрастных и ментальных способностей.

Судебная практика свидетельствует об изменении подхода при рассмотрении споров из семейных отношений с участием ребенка. Истцом является один родитель, а ответчиком другой, в то время как суд отдает приоритет интересам ребенка, судебное решение выносится в интересах ребенка.

Такая позиция прослеживается как в делах о воспитании ребенка, так и об установлении происхождения ребенка. Примером тому являются ряд дел, рассмотренных Верховным Судом РФ, где изложена единая позиция – предметом рассмотрения являются права и интересы ребенка, а не конкретных заявителей по делу. В деле по иску об определении порядка общения с иными родственниками (например, порядок общения внука с бабушкой)¹, также требуют учета мнения ребенка, исполнение поставлено в зависимость от желания ребенка.

Согласно Конвенции о правах ребенка и ст. 1 СК РФ при рассмотрении дел о воспитании детей обеспечивается приоритетная защита прав и интересов несовершеннолетних членов семьи.

Согласно позиции высшего судебного органа мнение ребенка, как субъекта отношений, следует учитывать и в делах об установлении происхождения ребенка, так как возникают, изменяются, прекращаются семейные права ребенка, не только права родителей, в результате иска одного родителя к другому. Подобные обстоятельства имели место в деле, рассмотренном ЕСПЧ по иску Назарова против России².

Так, в п. 9 разъяснений Постановления пленума Верховного Суда РФ³ содержится указание на необходимость учета мнения ребенка и по такой категории дел, как установление происхождения ребенка. Более того, в п. 21 постановления указано, что «с учетом того, что по делам об оспаривании отцовства субъектом отношений является в том числе и несовершеннолетний ребенок, решение суда об удовлетворении иска не может быть основано исключительно на признании иска матерью или опекуном (попечителем) ребенка, поскольку это может повлечь за собой нарушение прав несовершеннолетнего». В п. 29 закреплено, что удовлетворение иска об оспаривании отцовства, даже если будет установлено, что родитель не является биологическим, это право суда, но не обязанность.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.10.2019 № 47-КГ19-4.

² Постановление ЕСПЧ от 16.07.2015 «Дело «Назаренко (Nazarenko) против Российской Федерации» (жалоба № 39438/13) // «Бюллетень Европейского Суда по правам человека». 2016. № 2.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 (ред. от 26.12.2017) «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // «Российская газета», № 110, 24.05.2017.

В другом деле суд по иску родителя – мамы детей – о смене фамилии, имени и отчества детей указал на право ребенка, на учет его мнения, на защиту прав и интересов ребенка¹, что явно не следовало из исковых требований, предъявленных в суд истцом.

Таким образом, логично сделать вывод, что концепция, основанная на понятии «интереса», подробно исследованная в рамках гражданского права, в семейном праве пока не получила должного внимания и требует своей детальной проработки, чему способствует материал правоприменения по семейным спорам. В свою очередь трансформация семьи так же может быть осмыслена на основании сложившихся правовых теорий и подходов, что, безусловно, отразится на возможности осуществления прав и интересов членов семьи, в том числе детей.

Список литературы

1. Windscheid В. Lehrbuch des Pandektenrecht. Т. 1. 1906.
2. G.Jellinek. System der subjektiven öffentlichen Rechte. 1919.
3. Иеринг Р. Борьба за право. М., 1991. 65 с.
4. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве. М., 1897. 296 с.
5. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2004. 430 с.
6. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3. М., 1912. 698 с.
7. Петражицкий Л. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. Изд. 3. СПб., 1908. 246 с.
8. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона. М.: Гос. изд-во, 1919. 110 с.
9. Вавилин Е.В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав. – Саратов, 2012. 364 с.
10. Рясенцев В.А. Семейное право. М.: Юрид. лит., 1971. 296 с.
11. Веберс Я.Р. Правосубъектность граждан в советском гражданском и семейном праве. Рига, 1976. 231 с.
12. Ильина О.Ю. Частные и публичные интересы в семейном праве Российской Федерации. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 2006. 43 с.
13. Ильина О.Ю. Статус участников программы экстракорпорального оплодотворения в контексте возникновения родительских прав и обязанностей // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. № 2 (62) 2020. С. 108–116.
14. Душкина Е.А. Проблемы защиты семейных прав по семейному законодательству РФ. Автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 28 с.
15. Прокошкина Н.И. Обеспечение защиты семейных прав и законных интересов в гражданском судопроизводстве. Автореф. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010. 28 с.

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.12.2019 № 18-КГ19-125 // Консультант +

Об авторе:

УЛЬЯНОВА Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69), e-mail: maryulianova14@gmail.com.

SEPARATE ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF LEGAL REPRESENTATIONS ON THE EXERCISE OF THE CHILD'S RIGHTS

M.V. Ulianova

Russian State University of Justice

The author has identified the issue of changing approaches to the ideas about family rights and responsibilities of family members. The conclusion is made about the need to transform the ideas about the family, the development of ideas about the exercise of family rights and the performance of duties on the basis of scientific legal concepts.

***Key words:** implementation of family rights and interests of the child, subjects of family legal relations, the concept of subjective law.*

About the author:

ULIANOVA Marina Vyacheslavovna – candidate of legal sciences, association professor, Civil Law Department (Russian State University of Justice), e-mail: maryulianova14@gmail.com.

НОРМАТИВНОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИЗНАКОВ ТРАДИЦИОННОЙ СЕМЬИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И ГОСУДАРСТВ ЕВРОПЫ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.А. Якушев

Владимирский областной суд, г. Владимир

Рассматриваются способы нормативного закрепления признаков традиционной семьи в отечественном и зарубежном законодательстве.

Ключевые слова: традиционная семья, семейное законодательство, традиционные ценности, брак, семейно-правовое регулирование.

В настоящее время традиционная семья становится менее популярной формой отношений мужчины и женщины. Место традиционной семьи стремительно занимают другие формы семейных отношений, в том числе внебрачные сожительства, однополые партнерства. Как отмечает О.Ю. Ильина, брак не представляет больше для мужчины и женщины ни социальную, ни правовую значимость [6], «традиционные признаки семьи утратили свое значение, а организация семейной жизни переживает декаданс», фактически современную семью можно рассматривать как договор о совместной деятельности [7].

В самом общем виде традиционной семьей можно считать семью, выполняющую социальные функции семьи: демографическую, воспитательную, экономическую, хозяйственно-бытовую, социально-культурную, социально-статусную, первичного социального контроля, духовную, эмоциональную, досуговую. Это функциональное определение традиционной семьи.

Если формулировать дефиницию понятия традиционной семьи посредством перечисления ее признаков, то можно привести следующее определение: традиционная семья – это добровольный союз мужчины и женщины, состоящих в зарегистрированном браке, проживающих совместно и ведущих общее хозяйство, вместе решающих основные вопросы жизни семьи, строящие отношения на основании высоких духовно-нравственных начал и чувств, связанные имущественными и личными неимущественными правами, общими интересами, направленностью воли на сохранение семьи, взаимной ответственностью. К членам традиционной семьи относятся также дети и иные родственники при наличии указанной совокупности признаков семьи.

К юридическим средствам поддержки и охраны традиционной семьи относятся, в частности, нормативное закрепление в конституциях и в базовых кодифицированных источниках семейного и гражданского права ценности семьи для общества и государства, а также признаков традиционной семьи.

Ценность семьи для общества и государства, ее цивилизационная роль нормативно закрепляется в конституциях России и европейских государств следующими способами.

Во-первых, на конституционном уровне (как правило, в преамбулах, нормах-целях, нормах-декларациях) закрепляется, что семья – это: «самая важная основа существования» (преамбула Конституции Венгрии); «базовый элемент общества» (ч. 2 ст. 13 Конституции Андорры); «фундамент сохранения и развития нации» (ст. 21 Конституции Греции); «естественная первичная и основная ячейка общества, а также «моральный институт, обладающий неотъемлемыми и неотчуждаемыми правами, предшествующий и превосходящий все позитивные права» (ч. 1 ст. 41 Конституции Ирландии), «необходимая основа социального порядка» и «неотъемлемая часть благосостояния нации и государства» (ч. 2 ст. 41 Конституции Ирландии); «основа общества и государства» (ст. 38 Конституции Литвы); «естественная и основная ячейка общества» (ст. 48 Конституции Республики Молдова); «основа сохранения и приумножения народа» и «основа общества» (ст. 27 Конституции Эстонии).

Во-вторых, в конституциях закрепляются гарантии государственной (и общественной) поддержки и защиты (охраны) семьи.

Так, в конституциях закрепляется, что: семья «защищается и поддерживается государством», «находится под защитой государства», «пользуется особой защитой государства», «находится под охраной государства», «находится под охраной закона» (ч. 1 ст. 38 Конституции Российской Федерации, ст. 53 Конституции Албании, ч. 2 ст. 13 Конституции Андорры, ст. 32 Конституции Республики Беларусь, ст. I Конституции Венгрии, ст. 21 Конституции Греции, ст. 41 и 46 Конституции Ирландии, ст. 39 Конституции Испании, ст. 110 Конституции Латвии, ст. 38 Конституции Литвы, ст. 48 Конституции Республики Молдова, ст. 18 Конституции Польши, ст. 12 Конституции Сан-Марино, ст. 40 Конституции Северной Македонии, ст. 41 Конституции Словакии, ст. 53 Конституции Словении, ст. 51 Конституции Украины, ч. 1 ст. 6 Конституции (Основного закона) Федеративной Республики Германия, ст. 61 Конституции Хорватии, ст. 72 Конституции Черногории, ч. 1 ст. 32 Хартии основных прав и свобод от 16.12.1992, являющейся составной частью Конституции Чешской Республики, ст. 41 Конституции Швейцарии; ст. 27 Конституции Эстонии); государство «гарантирует естественные права семьи» (часть 3 статьи 11 Конституции Люксембурга); государство «гарантирует право на семью и (или) на создание семьи» (статья 14 Конституции Швейцарии; ст. 53 Конституции Албании, ст. 36 Конституции Португалии, ст. 29 Конституции Италии); государство «учитывает благо семьи» (ч. 1 ст. 71 Конституции Польши).

При этом определение понятия «семья» в конституциях европейских государств закрепляется сравнительно редко, но в отдельных конституциях встречается.

Так, согласно ст. 29 Конституции Италии, семья – «это естественный союз, основанный на браке». В силу ст. 48 Конституции Молдовы «семья является естественной и основной ячейкой общества, основанной на браке, заключенном по взаимному согласию мужчины и женщины, на их равноправии и на праве и обязанности родителей растить, воспитывать и обучать детей».

В базовых кодифицированных источниках семейного и гражданского

права европейских государств также встречаются дефиниции понятия «семья», включающие все либо отдельные признаки традиционной семьи.

Например, согласно ст. 59 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье «семья – это объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной общностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака, близкого родства, усыновления»; другие родственники супругов, нетрудоспособные иждивенцы, а в исключительных случаях и иные лица могут быть признаны в судебном порядке членами семьи, если они проживают совместно и ведут общее хозяйство.

В силу § 655 Гражданского кодекса Чешской Республики брак – это постоянный союз мужчины и женщины, возникший способом, который предусматривает закон, главной целью которого является создание семьи, надлежащее воспитание детей, взаимная поддержка и помощь.

В соответствии со ст. 2 Семейного кодекса Черногории «семья представляет собой сообщество, в котором проживают родители, дети и другие родственники, которые в смысле семейного законодательства имеют взаимные права и обязанности».

Под семьей понимается «жизненная общность родителей и детей, а также других родственников, проживающих вместе и ведущих домашнее хозяйство» (ст. 2 Закона Северной Македонии «О семье»).

Семью составляют лица, которые совместно проживают, связаны общим бытом, имеют взаимные права и обязанности; супруги считаются семьей и тогда, когда жена и муж в связи с обучением, работой, лечением, необходимостью ухода за родителями, детьми и по другим уважительным причинам не проживают совместно; ребенок принадлежит к семье своих родителей и тогда, когда совместно с ними не проживает; права члена семьи имеет одинокий человек (п. 2 и 3 ст. 3 Семейного кодекса Украины).

Представляется, в семейном законодательстве Российской Федерации необходимо закрепить понятие семьи и членов семьи. Такое предложение высказывается в юридической литературе [8].

На основе анализа европейского законодательства нами выявлено нормативное закрепление следующих признаков традиционной семьи.

1. Состояние мужчины и женщины в зарегистрированном браке.

Состояние в зарегистрированном браке, понимаемом как союз мужчины и женщины, является базовым признаком традиционной семьи для супругов.

На конституционном уровне понятие брака как добровольного союза мужчины и женщины закреплено в п. «ж¹» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, а также в Конституциях Республики Беларусь (ст. 32), Болгарии (ч. 1 ст. 46), Венгрии (ст. L), Испании (ст. 32), Латвии (ст. 110), Литвы (ст. 38), Молдовы (ст. 48), Польши (ст. 18), Сербии (ст. 62), Словакии (ст. 41), Украины (ст. 51), Черногории (ст. 71).

Закрепление понятие брака как союза мужчины и женщины в конституциях, безусловно, сдерживает экспансию нетрадиционных форм семьи [9].

Вместе с тем наличие конституционно-правовых гарантий защиты брака

как союза мужчины и женщины ограничивает лишь легализацию однополых браков, но не исключает признание права однополых пар на заключение однополых «зарегистрированных партнерств». Например, в ст. I Конституции Венгрии закреплено, что государство защищает институт брака как жизненного сообщества мужчины и женщины, но с 1 июля 2009 г. в Венгрии принят специальный закон, разрешающий однополые гражданские союзы (*bejegyzett élettársi kapcsolat*), в которых партнеры имеют те же права, что и разнополые пары, кроме возможности усыновления, применения процедур искусственного оплодотворения [3].

Поэтому сторонники традиционных семейных ценностей в нашей стране не должны останавливаться в осуществлении деятельности по их поддержке и защите и после принятия поправок в Конституцию Российской Федерации, одна из которых закрепила понятие брака как союза мужчины и женщины (п. «ж1» ч. 1 ст. 72). Необходимо последовательно отстаивать недопустимость легализации не только однополых браков, но и иных форм семейных отношений, законодательно признанных во многих европейских государствах и существующих наряду с браком: однополых союзов и разнополых гражданских партнерств.

Отметим, что Европейский суд по правам человека признал право государств на свободу усмотрения в вопросе юридического признания однополых браков [1], поскольку ст. 12 Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г. закрепляет право на вступление в брак только мужчин и женщин, достигших брачного возраста, т.е. защищает разнополый брачный союз, обусловленный основанными на природе человека его естественными правами. Однако, по мнению Европейского суда по правам человека, если государство предоставляет возможность заключения гражданских союзов (партнерств) разнополым парам, то такая возможность должна быть предоставлена и лицам одного пола, иной подход рассматривается дискриминационным как противоречащий ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2].

На уровне кодифицированных источников семейного и гражданского права, а также на уровне отдельных нормативных правовых актов определение понятия «брак» как добровольного союза мужчины и женщины (а также закрепление условий брака: добровольность и разный пол брачующихся) содержится в законодательстве ряда государств Европы: в ст. 12 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, в ст. 5 Семейного кодекса Болгарии, в § 4:5 Гражданского кодекса Венгрии, ст. 3.7, 3.12 Гражданского кодекса Литвы, в п. 3 ст. 2 и п. 1 ст. 11 Семейного кодекса Молдовы, в п. 1 ст. 259 Гражданского кодекса Румынии, в ст. 1 Закона Сан-Марино «О реформе семейного права», в ст. 6 Закона Северной Македонии «О семье», в п. 1 ст. 3 Семейного кодекса Сербии, в ст. 1 Закона Словакии «О семье», в ст. 3 Семейного кодекса Словении, в ст. 21 Семейного кодекса Украины, в ст. 5, 24 Семейного закона Хорватии, в ст. 15 Семейного кодекса Черногории, в § 655 Гражданского кодекса Чехии, в ст. 1 Закона Эстонии «О семье» и др.

В то же время в отдельных государствах Европы право лиц одного пола на вступление в брак закреплено не только в специальных законах о данных формах взаимоотношений, а в базовых источниках семейного права (например, в Законе Норвегии «О браке» (§ 1), в Законе Дании «О заключении и расторжении брака» (§ 1) и даже на конституционном уровне (п. 4 ст. 41 Конституции Ирландии).

2. Совместное проживание и ведение общего хозяйства.

Полноценное осуществление семьей своих функций возможно при совместном проживании супругов и ведении ими общего хозяйства.

Данный признак семьи закреплен в семейном и гражданском законодательстве государств Европы: Всеобщем Гражданском кодексе Австрии (п. 1 § 90), в Семейном кодексе Албании (ст. 55), в Законе Андорры «О браке» (ст. 9), в Кодексе Республики Беларусь о браке и семье (ст. 22, 59), в Гражданском кодексе Бельгии (ст. 213), в Семейном кодексе Болгарии (ст. 15), в Семейном законе Боснии и Герцеговины (п. 2 ст. 30), в Гражданском кодексе Венгрии (§ 4:26), в Гражданском уложении Германии (п. 1 § 1353), в Гражданском кодексе Испании (ст. 68), в Гражданском кодексе Италии (ст. 143), в Гражданском законе Латвии (ст. 84), в Гражданском кодексе Люксембурга (ст. 215), в Семейном кодексе Молдовы (п. 3 ст. 16), в Семейном и опекуном кодексе Польши (ст. 23), в Гражданском кодексе Португалии (ст. 1673), в Гражданском кодексе Румынии (п. 2 ст. 309), в Законе Сан-Марино «О реформе семейного права» (ст. 29), в Законе Северной Македонии «О семье» (ст. 32), в Семейном кодексе Сербии (ст. 25), в Законе Словакии «О семье» (§ 18), в Семейном кодексе Словении (ст. 59), в Семейном кодексе Украины (п. 2 ст. 3), в Гражданском кодексе Франции (ст. 215), в Семейном законе Хорватии (п. 3 ст. 32), в Гражданском кодексе Чешской Республики (ч. 2 § 687), в Гражданском кодексе Швейцарии (ст. 162), в Законе Эстонии «О семье» (ст. 21).

Непроживание супругов совместно в течение определенного срока рассматривается в законодательстве некоторых государств как доказательство прекращения семейных отношений. Так, согласно ст. 238 Гражданского кодекса Франции такой срок составляет 2 года.

При этом временное непроживание супругов вместе (в связи с лечением, работой, службой, учебой, необходимостью ухода за родственниками и др.) не рассматривается как совместное проживание. Супруги могут, проживая раздельно в течение определенного времени, продолжать совместно решать стратегические вопросы жизни семьи, в том числе дистанционно [5].

3. Построение семейных отношений на основании высоких духовно-нравственных начал и чувств.

Нормативные правовые акты европейских государств возлагают на супругов обязанности любить друг друга, хранить верность, уважать друг друга, заботиться друг о друге, проявлять взаимопонимание, помогать друг другу, проявлять взаимное доверие, оказывать моральную поддержку, создавать здоровую семейную среду и др. И.А. Трофимец и А.А. Косарев в

этой связи обоснованно отмечают, что для семьи крайне необходимо взаимное уважение супругов [11].

Так, супруги должны: *любить друг друга* (п. 1 ст. 1 СК РФ, ст. 1 Семейного кодекса Албании, ст. 1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, п. 2 ст. 1 Семейного кодекса Украины); *хранить верность друг другу* (п. 1 § 90 Всеобщего Гражданского уложения Австрии, ст. 50 Семейного кодекса Албании, ст. 9 Закона Андорры «О браке», ст. 213 Гражданского кодекса Бельгии, п. 2 ст. 30 Семейного закона Боснии и Герцеговины, п. 1 § 4:24 Гражданского кодекса Венгрии, ст. 2 Закона Исландии «О браке», ст. 68 Гражданского кодекса Испании, ст. 143 Гражданского кодекса Италии, ст. 84 Гражданского закона Латвии, ст. 212 Гражданского кодекса Люксембурга, п. 2 ст. 2 Гражданского кодекса Мальты, п. 3 ст. 2 и п. 2 ст. 18 Семейного кодекса Молдовы, ст. 23 Семейного и опекунского кодекса Польши, ст. 1672 Гражданского кодекса Португалии, п. 1 ст. 309 Гражданского кодекса Румынии, ст. 28 Закона Сан-Марино «О реформе семейного права», ст. 212 Гражданского кодекса Франции, п. 2 ст. 32 Семейного закона Хорватии, ст. 159 Гражданского кодекса Швейцарии, ст. 2 Кодекса Швеции «О браке», ст. 81 Гражданского кодекса Нидерландов, § 18 Закона Словакии «О семье», ст. 40 Семейного кодекса Черногории, ч. 2 § 687 Гражданского кодекса Чехии), *уважать друг друга* (п. 1 ст. 1 и п. 3 ст. 31 СК РФ, ст. 1 Семейного кодекса Республики Албания, ст. 9 Закона Андорры «О браке», ст. 1, 20.1 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье, ст. 14 Семейного кодекса Болгарии, ст. 67 Гражданского кодекса Испании, ст. 3.27 Гражданского кодекса Литвы, п. 4 ст. 16 Семейного кодекса Молдовы и др.).

4. Наличие взаимных прав и обязанностей, взаимной ответственности.

Согласно пункту 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» [4] семейные отношения характеризуются, в частности, взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства.

Взаимные права и обязанности, а также ответственность супругов (на основе равенства) закрепляются во всех источниках семейного права европейских государств.

Важным признаком (внутренним) семьи является и *направленность воли членов семьи на ее сохранение*. Данный признак законодательно не закреплен. Именно данный признак позволяет при временном непроживании супругов вместе, конфликтных отношениях между ними, принятом эмоциональном решении о разводе, в итоге помириться и сохранить семью. Рассматриваемый признак является субъективным фактором существования семьи.

В литературе выделяют и другие признаки традиционной семьи. Например, Е.А. Татаринцева к признакам традиционной семьи относит *партнерские отношения* между семьей и государством [10].

Таким образом, нормативное закрепление в конституциях и в базовых кодифицированных источниках семейного и гражданского права ценности семьи для общества и государства, а также признаков традиционной семьи является значимым юридическим средством поддержки и охраны традиционной семьи.

В семейном законодательстве Российской Федерации необходимо закрепить понятие семьи и членов семьи, а также в целях определения направлений дальнейшего правового регулирования нормативно установить, что семейное законодательство не распространяется на отношения мужчины и женщины, проживающих без государственной регистрации брака, и на лиц одного пола, проживающих совместно, в том числе если брак (зарегистрированное партнерство, иная форма семейных отношений) между ними зарегистрирован в иностранном государстве.

Список литературы

1. Постановление Европейского суда по правам человека от 04.11.2008 по делу № 4479/06 «Куртен против Великобритании» [Courten v. the United Kingdom] // URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-89792>.

2. Постановление Европейского суда по правам человека от 07.11.2013 по делу «Валлианатос и другие (Vallianatos and Others) против Греции» (жалоба № 29381/09 и 32684/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2014. № 3.

3. Закон Венгрии от 20.04.2009 «О зарегистрированных партнерствах, внесении изменений в некоторые законы, необходимые для облегчения проверки родственных и партнерских отношений» [A bejegyzett élettársi kapcsolatról, az ezzel összefüggő, valamint az élettársi viszony igazolásának megkönnyítéséhez szükséges egyes törvények módosításáról] // URL: http://njt.hu/cgi_bin/njt_doc.cgi?docid=124380.242640#foot1 (дата обращения: 30.09.2020).

4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 9.

5. Беспалов Ю.Ф. Право справедливости и российская семья: социально-правовой аспект // Семейное и жилищное право. 2019. № 2. С. 4–9.

6. Ильина О.Ю. Брак как форма государственного признания отношений между мужчиной и женщиной // Семейное и жилищное право. 2006. № 4. С. 8.

7. Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14–17.

8. Касаткина А.Ю. Правовой статус российской семьи: некоторые теоретические и практические аспекты // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 30–36.

9. Лафитский В.И. Конституционные ценности семьи в борьбе цивилизаций за выживание: монография. М.: Проспект, 2020. 224 с.

10. Татаринцева Е.А. Проблемы правовой охраны семьи в модели партнерских отношений по семейному воспитанию // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 24–27.

11. Трофимец И.А., Косарев А.А. Дефиниция «брак»: взгляды отечественных и зарубежных цивилистов // Вестник Хабаровской государственной академии экономики и права. 2012. № 1. С. 51–58.

Об авторе:

ЯКУШЕВ Павел Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент, председатель судебного состава Владимирского областного суда (600015, г. Владимир, ул. Разина, 22-б), SPIN-код: 8540-0244, e-mail: yakushev.pa@yandex.ru

NORMATIVE DETERMINATION OF TRADITIONAL FAMILY CHARACTERISTICS IN THE LEGISLATION OF RUSSIA AND EUROPEAN COUNTRIES CURRENTLY

P.A. Yakushev

Vladimir Regional Court

Methods of normative consolidation of traditional family characteristics in national and foreign legislation are considered.

Keywords: *traditional family, family law, traditional values, marriage, family law regulation.*

About the author:

YAKUSHEV Pavel – candidate of legal sciences, associate professor, chairman of the judicial composition of the Vladimir Regional Court (600015, Vladimir, Razina street, 22b), SPIN-code: 8540-0244, e-mail: yakushev.pa@yandex.ru

Научное издание

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ
ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА
СОВРЕМЕННОЙ СЕМЬИ В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

*Сборник статей по материалам международной
научно-практической конференции, посвящённой
25-летию принятия Семейного кодекса Российской Федерации*

29 октября 2020 г.

Печатается в авторской редакции

Подписано в печать 03.12.2020. Формат 60x84 ¹/₁₆.

Усл. печ. л. 17,44. Тираж 300. Заказ № 312.

Редакционно-издательское управление

Тверского государственного университета.

Адрес: 170100, г. Тверь, Студенческий пер. 12, корпус Б.

Тел. РИУ (4822) 35-60-63.